Родная Ладога

№ 3(37)' 2016

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России — 70924

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); ***Агафонов Николай, протоиерей*** (Самара); ***Громов А. В.*** (Самара); ***Денисов Н. В.*** (Тюмень); ***Казин А. Л.*** (Санкт-Петербург); ***Коняев Н. М.*** (Санкт-Петербург); ***Корольков А. А.*** (Санкт-Петербург); ***Корытин С. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Орлов Б. А.*** (Санкт-Петербург); ***Сдобняков В. В.*** (Нижний Новгород); ***Семёнов В. Е.*** (Санкт-Петербург); ***Смолькин И. А.*** (Псков); ***Швечиков А. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Ясенев В. А.*** (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАЙЕК Петр (Чехия) — писатель и публицист, первый заместитель главы администрации президента Чешской Республики Вацлава Клауса (2003–2013).

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

РЕШЕТНИКОВ Леонид Петрович (Москва) — директор Российского института стратегический исследований, генерал-лейтенант.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — кандидат социологических наук, доцент, декан факультета Международной журналистики.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Виктор Потанин. Мои пророки. *Из дневника писателя* 5

Русский ПАЛОМНИК

Владимир Крупин. Могила Авеля 17

Пути ПОЗНАНИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов). Эсхатологическое учение в творениях Святых Отцов и его значение в современном мире 21
Сергей Перевезенцев. Смысл истории: православный взгляд 46
Игорь Андрушкевич. Мировоззренческие конфликты 86
Наталия Голубева-Монаткина. Заметки о французских переводах русской философии 170
Николай Самойлов. Китаеведение — наука точная. *К выходу в свет собрания трудов академика В. С. Мясникова «Кастальский ключ китаеведа»* 235

ЛЕСТВИЦА

Блаженный инок. Жизнеописание блаженного инока Владимира, Важеозерского чудотворца 41

ПАМЯТОСЛОВ

Виктор Лихоносов. Душа хранит 63

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Елена Семёнова. «Родиться Русским — слишком мало, им надо быть, им надо стать!» *По страницам великой русской литературы* 66
Виталий Даренский. Время, рождающее слово 180
Валентина Ефимовская. «Не совсем пропащий»... Или коэффициент правдоподобия. *Темы и смыслы прозы Игоря Изборцева /Смолькина/. К 55-летию со дня рождения* 217
Светлана Замлелова. Каким быть искусству слова 246
Александр Медведев. Следы света на изнанке взгляда. *О книге Бориса Краснова «Легкий бред существования»* 262

ПРОЗА

Михаил Зарубин. Летят журавли 73
Николай Иванов. Комбатанты 126
Павел Кренев. Огневой рубеж пулеметчика Батагова. *Повесть* 186
Олег Селедцов. Родом из детства 280
Елена Тулушева. Звуки музыки. *Из цикла «Подъезд»* 299

Поэзия

Борис Бурмистров 77
Владимир Костров 81
Иеромонах Роман 203
Николай Бурляев 208
Иван Стремяков 212
Анатолий Аврутин 265
Владимир Скиф 271
Сергей Смирнов 275

На рубеже цивилизаций

Александр Вавилов. Великое переселение народов в Европу: где выход? 91
Евгений Шмагин. Киргизия–2005: тюльпаны или чертополох? 135

Точка зрения

Ростислав Ищенко. Они никогда не будут русскими 103
Михаил Леонтьев. Наследие и наследники Обамы 155
Николай Стариков. Доктрина шока или Почем Запад купил Украину.
О «великих итогах» премьерства Арсения Яценюка 166

История и современность

Евгений Титков. Религиозная ситуация на оккупированной Украине 111

Национальная безопасность

Валентин Катасонов. Рынки и капиталы 159

Великая провинция

Никита Шевцов. Елена Наумова. Астапово — последние дни 253
Анатолий Грешневиков. Играй, гармонь! 291

Дебют

Анна Егорова. Елена Лапко. Исправленное — красным 310

Виктор ПОТАНИН

МОИ ПРОРОКИ

Из дневника писателя

Виктор Федорович Потанин — родился в 1937 г. в с. Утятском Курганской обл.; окончил Курганский педагогический институт, лит. институт им. М. Горького; работал в областной газете лит. консультантом Курганской писательской организации, редактором книжного издательства; избирался депутатом Курганского областного Совета, секретарем СП России, членом правления СП РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат многих литературных премий; автор более тридцати книг. Член Высшего творческого совета СП России. **Живет в Кургане.**

— Почему я жива до сих пор? Почему Бог не прибрал? И зачем я живу так долго, зачем? Как бы хорошо закрыть глаза навсегда, чтобы не видеть этих бесконечных унижений, чтобы не слышать этого слова «совок», чтоб… Но не продолжаю — иначе остановится сердце. Ведь все эти плевки прямо в наше поколение, прямо в меня…

Из давнего разговора с матерью

Дорогой читатель! Позволь так обратиться к тебе, мой незнакомый друг. И не сердись, прошу, на мое старомодное, провинциальное обращение. Я и сам чувствую, что от него несет нафталином, но как выразиться иначе — не знаю и не приучен. Ведь мне уже перевалило за семьдесят — и этим все сказано. Я ведь, как и многие из вас, дитя своего времени, к тому же еще дитя сельских учителей. С таким прошлым я пришел в литературу. И потому многие мои повести и рассказы посвящены этим людям — моим любимым учителям, моим наставникам и пророкам. В каждой книге моей, на каждой странице — этот учительский смысл… Впрочем, не буду об этом. Зачем везде и всюду искать какие-то подтексты и смыслы. Ведь лучшие наши минуты все-таки те, когда в душе — полное бездумье и тишина.

И потому вспомни сейчас, как ты возвращался однажды домой тихими осенними полями. Как ты шел тогда и ни о чем не думал, наслаждаясь полным покоем и тишиной. А потом стало темнеть прямо у тебя на глазах. Осенью быстро темнеет. И вот уже почти не видно дороги, и сразу же сжались нервы, пришло беспокойство. Но вдруг впереди, за березовым колочком, мелькнул костерок. Маленький костерок, чуть заметный. И беспокойства как ни бывало. И вот ты уже вглядываешь-

ся без устали, оторваться не можешь от этого огонька. А в груди поднимается уже что-то бесконечно родное, щемящее, — и ты чуть не плачешь и почти уже счастлив, но отчего? И какой тут смысл?..

А то вспомни, как тихо, таинственно горит свеча на иконостасе, зажженная твоей рукой в память о всех погибших, умерших и убиенных, а за церковным окошком метет метель над родным селом, и снег летит ослепительно белый, дрожащий, как будто во сне. Но нет, нет, это не во сне, это в жизни, — и так же дрожит, колеблется от дыхания твоя свеча. И в этом дрожании, в этом таинственном и непрочном — наверное, тоже какой-то смысл? Но какой?..

О Господи, как, порой, хочется ответить на эти вопросы.

И, чтобы сосредоточиться, я закрываю глаза.

И сразу же слышу ее голос, до боли знакомый, родной голосок. Вы уже догадались, вы поняли? Да, это мама. И я продолжаю с ней очень важный для себя разговор. Точнее, говорит она, а я только перебиваю вопросами, а потом снова она:

— Ну зачем я живу так долго, зачем?..

— Но почему ты так терзаешься?

— Я не терзаюсь, я просто чувствую, вижу, что мы — старичье — кому-то надоели, мешаем. И потому нам говорят, что мы — старые козлы, моралисты, и всем нам место на свалке. Да, да, это правда. Ведь все эти господа либералы давно заменили душу на рынок.

— Зачем ты так жестоко о них? Я же с тобой серьезно.

— А если серьезно, сын, то все уже было. И я отлично помню, как начинался НЭП... Помню, и как его схоронили. Как потом начались аресты. А потом мы совсем забыли про совесть — и грянула катастрофа.

— Что ты имеешь в виду?

— Тридцать седьмой год. И виноват, я думаю, не только Сталин. Ведь каков народ — таковы и пророки...

— Но народ надо воспитывать.

— Конечно, сын, надо! И мы, учителя, это делали. И в войну сорок первого года, и после... Писатель Василь Быков сказал как-то, что ту войну выиграли не солдаты и полководцы, а сельские учителя. А сейчас в России снова тревожно. И помочь могли бы учителя, но их не туда толкают наши доморощенные либералы. Я их давно зову — гайдаристы...

— Куда же они толкают?

— Это грустная история, сын. Ты же сам видишь и слышишь, как самые большие чиновники почти хором вещают, что современный учитель обязан научить любить деньги, акции, бизнес. Ведь об этом почти все фильмы и книги. А слово «доллар» — какое-то священное слово...

— Но это же крайности, разве не так?

— А на крайности и равняется середина. Так и рождается захудаленькая философия, где на одном полюсе — господин, а на другом полюсе — нищий. Все это попахивает обыкновенной колонией, такого еще не бывало в России...

— Что же делать?

— Нужна мораль, нужно сильное государство. А можно переставить местами — вначале — сильное государство. Людское согласие в таком случае возникает как бы само собой, стихийно, как из волн древнегреческая

богиня… Но, чтобы это случилось, нужны учителя и наставники. Очень умные, честные, бескорыстные.

Она замолкает и грустно покачивает головой.

Помолчим и мы с тобой, дорогой читатель. Ведь поколение, к которому принадлежит моя мать, предано нынче повальному осуждению. И в каких только грехах его не обвиняют: и не за те идеалы боролись, не в той партии состояли, не в тех университетах учились.

Но давайте скажем честно, признаемся, — в этих обвинениях проглядывает или чистая демагогия, или самое откровенное желание бросить тень сразу на несколько поколений людей, выросших при Советской власти. Хотя и не во власти здесь дело. В конце концов, после октябрьских дней семнадцатого года прошло уже почти сто лет. И разве отвечают дети за отцов, а внуки за дедов? И разве расстрелы тридцатых годов или брежневский застой были чем-то дорогим и желанным для этих людей?.. Ведь думать так — значит сойти с ума или впасть в цинизм…

А теперь вспомним о главном: сила нашего народа всегда была в том, что он ставил перед собой великие духовные цели. И добивался их, хотя и большой ценой. Но эту цену ведь платил не кто-то со стороны — какой-нибудь щедрый дядюшка из Техаса. Нет! Эту цену платили снова наши отцы и деды — наше старшее поколение. Да, цена была велика, было велико напряжение. А сейчас мы упрекаем этих людей за то, что они не думали о таких понятиях, как комфорт, достаток, деньги, богатство. Эти слова в их душе начисто вытесняли другие — любовь к ближнему и самопожертвование, великая стойкость характера и терпение. В России были закрыты храмы, но народ все равно жил по-христиански, достойно. И эти честь и достоинство и были тем объединяющим стержнем, который нынче опять в дефиците…

Впрочем, еще недавно, в молодости, мне казалось, что в обществе все движется по какому-то кругу, то есть ничего до конца не исчезает и не теряется. А если сказать совсем просто, то наступает какой-то новый момент и все вновь повторяется, только в новых условиях… Повторяются люди, события и даже целые поколения…

Так я думал когда-то, но сейчас я в это не верю. Наверное, виновата моя рано поседевшая голова, мои внутренние мучения. И потому все прежде розовое и голубое превратилось в другие краски… А может быть, в этом виновато и знание, что никогда-никогда в наших земных катаклизмах уже не появится вновь ни древняя Эллада, ни Спарта… Не повторится и то поколение, к которому принадлежат моя мать и отец, — рядовые сельские учителя, и десятки, тысячи на них похожих. И потому мне сегодня так горько, что от таких людей часто мы отворачиваемся, обвиняя их во всех смертных грехах и в несуществующих преступлениях.

Но только ли государство здесь виновато? Но тогда кто же?..

И, чтобы разобраться во всех этих вопросах, я поворачиваю сейчас свою лодку как бы против течения. Я хочу поклониться в пояс этим людям и сказать, что без них Россия наша будет неполной, без них невозможно понять наш сегодняшний день и день будущий. А если сказать совсем точно, то люди эти — наш золотой запас, от которого мы почему-то пытаемся отказаться, побыстрее избавиться. Или смешнее того, что хотим их запрятать подальше или обозвать как-нибудь посмешней, пообидней. Вот так,

например, — это, мол, отпетые консерваторы, это династия шариковых… Ну как после этих слов иметь дело с такими — еще, мол, запачкаешься, а то и снизишь свой рейтинг.

Иногда мне в голову заходит одна странная мысль — а возможно ли было такое, к примеру, в Америке или в благословенной Европе, чтобы десятки миллионов людей, к тому же самых старых по возрасту, были бы запечатаны в некую духовную резервацию? Кому была бы польза от этого, какой смысл подобных ограничений? А самое главное — как назвать такое общество, которое для родителей своих придумывает разного рода непотребные прозвища, отрекаясь тем самым от них или почти отрекаясь. Конечно, странно это, необъяснимо. И нет в этом ни логики, ни морали. Ведь любому студенту ясно, что общество — это же единый живой организм с разветвленной кровеносной системой. А мы, люди, всего лишь нервные клетки. Оттого и непосвященным трудно сказать, где в этом организме главная клеточка, а где — второстепенная. Наверное, никто с этим не будет спорить. А потому я не завидую тем людям, которые берут на себя роль счетчика Гейгера, и этот счетчик должен уловить, в каком человеке бьется демократическая жилка, в каком — наоборот, присутствует социалистическое начало…

…И все же подобное разделение у нас существует. А раз оно началось, то одних надо поддерживать и возвеличивать, а других же — унижать. Горько, конечно, что среди последних оказались многие из моей дальней и ближней родни, и потому я имею, наверное, право на свое мнение.

Впрочем, я не философ и не прорицатель, мое оружие — слово, литературное слово. А настоящая литература всегда начиналась с любви к человеку, с доверия. И потому в моем монологе много будет объяснений в любви и прямых признаний.

И мое первое признание в том, что «отпетые консерваторы» — самые лучшие из нас. Потому что они — ветераны. Но все-таки, с чем их сравнить, с кем рядом поставить? Поэт бы сказал, что такие люди — как родниковый колодец. Чем больше черпаешь из него, тем глубже он, тем больше у него силы. А может, он сравнил бы их с древним могучим дубом. Все прошло над ним: и бури, и грозы, а он стоит и стоит себе, как символ вечной жизни, вечной весны. Помните: точно перед таким дубом замер однажды Андрей Болконский. Он вглядывался в его могучую крону и мечтал, и надеялся…

А впрочем, хватит глаголов. И вообще мне кажется, что такие люди даже выше всяких сравнений. Ну на кого, к примеру, походила моя мать Потанина Анна Тимофеевна — сельская учительница из моего родного села Утятского? Она проработала в одной школе свыше сорока лет. И все эти годы от нее шел неугасимый свет жизни, и свет этот разливал вокруг чистоту и благородство. Но тогда как объяснить мне те ее слова, то ее состояние:

— Почему я не умерла раньше? Почему Бог не прибрал? Как хорошо было бы умереть, чтоб не видеть этих постоянных унижений…

Вы слышите, — унижений?! И я согласен с ней. Я ее понимал. Ведь сельский учитель и поныне — как бы существо третьего сорта. Факты? Их море. Представьте, к примеру, приемную главы любой районной администрации. Там всегда много людей. И вот сидят рядом на стульях предприниматель, фермер, врач местной больницы и учитель из какой-нибудь отделенной деревни. И кто первым войдет в «высокую» дверь? Конечно,

предприниматель, а за ним — фермер, а потом, может быть, врач. Ну а учитель? На него, как правило, времени у начальства не будет. Хорошо, если еще глава района обладает общей культурой. Тогда он соизволит извиниться перед учителем. Но такое — редкость. Чаще же и руки не подаст…

— А вспомните, как к учителю относились в прошлом веке. Каким быть учителю в деревне — думал весь сход. На хорошего учителя все село собирало деньги. Больше того, сход доплачивал ему. Ну а теперь? Давайте вспомним нищенские учительские зарплаты. И потому в голове у меня опять мамин голос:

— Почему я не умерла раньше? И не защищай, сын, этих гайдаристов. Они без сердца…

Какие горькие слова. И такие же глаза — уставшие и потухшие, без желаний. А ведь я знал ее другой. Энергичной и веселой, нужной каждому человеку из нашей деревни. Но особенно нам, ее ученикам… И вот сейчас вижу ее руки. Она пишет на доске мелом: «Родина-Мать всегда с нами», «Жизнь — книга с чистыми листами», «Моя учительница как мама», «Хлеб — это звучит гордо», «Самый дорогой человек на селе»… Это — темы творческих сочинений. Наша учительница обращалась прямо к детскому сердцу. Чуть ли не на каждой неделе мы писали на уроках сочинения — короткие исповеди, мальчишечьи клятвы. Мать учила нас по своей особой системе — она никогда не давала заданий на дом, а все, буквально все успевала закрепить на уроке. Она хотела сохранить наше детство, чтобы мы больше бывали в лесу, на природе, больше читали книг и больше бы размышляли. Говорят, что так или почти так работал великий Константин Дмитриевич Ушинский. Но мы об этом не знали. Зато мы знали другое: нашу учительницу часто ругали строгие люди из районного отдела образования и даже пытались отстранить от занятий. И я их сильно не осуждаю. Ведь педагогика — наука давняя, строгая, она любит точность. Так думают многие, и все же — не все. И среди последних была моя мать. И потому в душе моей гордость…

И вот теперь я хочу отвлечься. Я хочу сделать еще одно признание, потому опять волнуюсь. Я хочу признаться в том, что лучше педагога, чем моя мать, я так пока и не встретил. А ведь я учился в трех школах и двух институтах. И один из них — педагогический, где преподают всегда самые опытные, корифеи… И я знаю, почему так случилось. Даже самые хорошие мастера работают всегда спокойно, логично, сказать точнее, — ритмично. Пришел к девяти утра, а ушел в шесть — и так ежедневно. А сейчас еще примешиваются вопросы — а правильно ли мне заплатили? Может быть, мне из обычной школы перебраться в гимназию, где зарплата чуть-чуть побольше? Но, если честно, то я за подобное никого не осуждаю. Избави Бог, впадать в какое-то менторство, я не имею на это право. Единственное, что меня беспокоит, а иногда просто удручает, что из денег мы стали делать некий культ, даже религию, и под обаяние этой религии стали попадать даже уважаемые педагоги. Недавно один опытный педагог с большим стажем признался мне, что он уже второй год не ведет в школе литературный кружок, потому что за это не платят. Перестал он давать и творческие задания на дом, потому что за дополнительную проверку нет доплаты… У меня много и других подобных фактов, но я не продолжаю. Хочу только заметить, что этот процесс разрастается и скоро он захлестнет нас, как

половодье. Помните библейское: «И объяли меня воды до души моей…» И если это случится, то наше общество медленно, но верно начнет превращаться в общество мелких торгашей и спекулянтов со своими неповторимыми убеждениями и со своей моралью, в которой не останется места для энтузиазма и самопожертвования, для любви и милосердия. Но к счастью, не все еще приветствуют такие взгляды. Для многих людей труд все еще остался — вечным праздником, наслаждением. И пусть таким уже часто не двадцать лет и даже не тридцать, а уже шестьдесят и даже побольше…

И вот я снова вижу наш класс, вижу наших мальчишек. Они сидят в лесу, на поляне. Да-да, по весне мы часто занимались в лесу, уроки были среди природы. Но вы чувствуете, я снова немного нервничаю, потому что боюсь, что мне не поверят. А ведь так и было: цвела сосна в канун Троицы, пахло близкими пашнями, а на поляне — наш седьмой класс. И учительница рассказывала нам о Гоголе и Некрасове, читала стихи и отрывки, а потом мы сами читали стихи и фантазировали о деревьях, о птицах, об облаках и звездах — и все это было вместе, рядом — и стихи, и солнце, и деревья, и небо, и грачи над соснами. И наше смятенное сердце — рядом с ее большим сердцем. И как же мы любили тогда нашу учительницу! И как же нам хотелось, чтобы эти уроки в лесу никогда не кончались… Никогда-никогда! И она это знала и понимала, потому в следующий теплый весенний день у нас все повторялось — и наши стихи, и беседы… Но педагогично ли это? Опять говорили, что нет, а мама не спала ночами, все думала, как угодить РОНО и не потерять нашу любовь. Но эти две вещи не совмещались, и мама страдала. Страдала она молча, как все сильные люди…

Но откуда у них силы, откуда? Ведь длинна была жизнь и вся в заботах и в работе. И почему этот путь не согнул таких людей, не отчаял, к тому ж они часто были самые первые, первопроходцы. И в педагогике, и на хлебном поле, и в медицине… Вот и снова эти вопросы не дают мне покоя.

…Ну откуда, к примеру, силы у моего земляка Терентия Мальцева, которому было девятый десяток лет, а он все еще не мог расстаться с любимым делом. Признаюсь, за свою долгую жизнь мне не раз приходилось слышать его нравственные беседы. Я бывал на его встречах с молодыми хлеборобами, с выпускниками средних школ, со студентами. Он всегда говорил о доброте, о самоуважении, о любви к земле… И никогда не говорил о деньгах, о заработках, о сиюминутной выгоде. И это было совершенно естественным, закономерным для всего облика Терентия Семеновича Мальцева. Как закономерны, к примеру, цвета в рублевской «Троице» — васильки среди спелой ржи. Как закономерны и естественны простор и протяжность в русских народных песнях. Как естественна белизна у чаек, реющих часами над морскими просторами…

А теперь прервемся, мой дорогой читатель. Надеюсь, я не утомил тебя таким старинным чопорным обращением. А если не утомил, то давай снова вернемся на ту поляну в лесу, где собрался наш седьмой класс… Давай и зададимся вопросом — а зачем это нужно было учительнице? Может быть, ей за это больше платили? Может, пообещали какую-нибудь медаль или орден, а может быть, посулили что-то ее семье?.. Нет, конечно, ничего не пообещали и не наградили. Даже наоборот — жестоко приструнили эту учительницу строгие люди из РОНО. Приструнили и сказали, что так работать непедагогично, что нужно вести уроки по правилам. И вообще, мол,

педагогика — наука древняя, точная, со своими канонами. Но моя мать им возражала: «Нет, дорогие инспекторы, вы абсолютно не правы! У педагогического дела — тысячи вариантов, тысячи бликов и озарений. Да, тысячи! А может, и больше. Их, наверное, столько же, сколько вокруг человеческих судеб, характеров…» И мать отстояла свое мнение и доказала. Она тогда не сломилась, а выстояла и победила. Даже получила звание — заслуженная учительница России. Жаль одного, что признание пришло на закате дня. Но нет, нет, я снова неточен. Для таких людей нет заката и нет угасания. Для них солнце никогда не заходит, для них жизнь — всегда утро, всегда начало их бесконечных дел и надежд. А раз утро, значит, забудем глаголы прошедшего времени. Давайте вернем себя в настоящее. Давайте даже заглянем вперед…

А я вспомню сейчас, что среди учеников моей матери есть и городские люди — инженеры, врачи, строители. И когда мать приезжала в Курган и направлялась по центральной улице, ее все время останавливали прохожие. Она вглядывалась в их лица и вдруг узнавала: «Так это же наши, утятские!» И говорили они с ней вначале об одном — о работе. Говорили с радостью и часто преувеличивали свои успехи, достоинства. Что это — поза, рисовка? А может, мальчишество? Нет! Это гордость трудового человека перед своей любимой учительницей, один вид которой сразу воскресил и детство, и родную сельскую улицу, и весеннее половодье, и клин диких гусей над озером, и ту поляну в лесу, где проходили наши уроки. Но в этой гордости было и другое: «Смотрите, я вырос! Смотрите, теперь меня уважают!»

Человек вырос, получил уважение… А началось все с той далекой полянки, где этот человек записал в тетрадку сочинение о родной улице, о родном отце — фронтовике, о чудесной сельской природе. Да, он вырос и получил уважение, но истоки этого уважения все-таки там, в нашей деревенской, простенькой с виду школе, там, где звучало слово любимой учительницы. И это слово никогда не старело. Никогда!..

Но почему все-таки так изменилась мать? Почему в глазах у нее постоянная боль и недоумение, — что же вы, мол, с нами сделали, с ветеранами? Почему постоянно высмеиваете, издеваетесь?.. Неужели только потому, что мы работали в те годы, когда командовал обществом «Моральный кодекс строителя коммунизма»? Или потому, что наша юность совпала с эпохой Сталина, а наше детство — с трагическим тридцать седьмым годом?..

Да, много вопросов в этих глазах, а еще больше печали и боли. Но говорят, что время отвечает на любые вопросы и лечит любую боль. Все это правда, но все равно такая правда не утешает, потому что эти люди — наши ветераны — подошли сегодня к своей последней возрастной черте. Они напоминают, наверное, тот весенний лед, который мгновенно тает, исчезает прямо у нас на глазах. И мы оглянуться не успеем, как он совсем исчезнет. Вот тогда, видимо, мы и вспомним про них добрым словом, а заодно и покаемся в своем тяжком грехе — мало, мол, ценили их и мало уважали. В конце концов, это родители наши…

Да, родители наши! И вот на этом слове я остановлюсь, успокою дыхание. А заодно и спрошу себя — а может, и сам я впадаю в грех — я их защищаю, а они меня не просили. К тому же защищаю их неуклюже, потому что не могу сдержать нервов. Ох, эти нервы, нервы! Но ведь эмоции нынче не в моде. Мы же с вами решили, что входим в рынок и туда же тянем за

собой культуру и народное образование… И тянем так сильно, что уже изнурили себя, а заодно и душу свою. К тому же, согласитесь, это занятие не из легких. Конечно же, не из легких, если нравственность нынче пытаются разменять на коммерцию. Хорошо еще, что у нашей нравственности крепкие корни и такая же крепкая память. А память всегда толкает нас к прошлому, заставляя оглянуться на пережитое…

Да, оглянуться, задуматься. Сознаюсь, такое часто происходит со мной в последнее время. И помогает в этом бессонница. Лежишь с открытыми глазами и перебираешь, как четки, прожитые годы. И поднимается в памяти далекое, сокровенное. А недавно вспомнился и первый юбилей моей учительницы истории Ивановой Варвары Степановны. В тот день ей исполнилось пятьдесят. В ее доме собралось много народа. Приехал и я из Кургана, студент-первокурсник пединститута. Помню, разговор за столом начался о возрасте. Кто-то стал утешать хозяйку бойким, уверенным голоском:

— Пятьдесят лет — это ерунда. Только-только все начинается…

— Ну почему же? — возразила хозяйка. И сразу же заговорила о другом — о самом заветном и наболевшем. Вот прожил человек долгую жизнь и оставил после себя добро: и детей воспитал, и сад посадил, и дороги провел, и сыновьям построил по дому… А ведь был в деревне только плотником и только одно умел — хорошо топориком тюкать… Но вот подросли его дети и по другой ударились линии — стали механизаторами и агрономами, попали на стройку. А у этих детей — снова дети. И вот теперь примечайте: этим внукам-то уже труднее будет представить работу деда. Как он топориком своим тюкал…

— Что же делать?

— Вот угадай-ка, студент! — Она смотрит на меня хитровато, глаза улыбаются. И я тоже улыбаюсь, потому что знаю отгадку…

Задумала моя учительница Варвара Степановна создать сельский музей. На одном из собраний так и заявила народу: музей, мол, не роскошь, а большая необходимость. Нужно, чтобы внуки наши знали, как мы жили, боролись, как воевали, какие песни пели, как выращивали хлеб, как воспитывали детей. И как в войну победили, как одолели разруху…

И взялась за работу. В сельских домах нашлись и старинные книги, и разная утварь. Разыскали даже героев Порт-Артура и портреты первых земских учителей. С особой любовью оформили стенд ветеранов Великой Отечественной, отразили и современный день. Нашлись и добрые помощники: кто-то принес видавшую виды солдатскую фляжку, другой разыскал пробитую пулями гимнастерку, а давний мой друг Илья Лукич Галактионов принес в музей даже свой дневник жизни, озаглавленный «Моя жизнь с рождения и по сие время». Так вот, однажды мне пришлось дописывать этот дневник вместе с Ильей…

Однажды… Какое это легкое и мимолетное слово, точно пух с тополей, точно крылья весенней птицы. Только тень по небу — и вот уже нет ничего. Так и время летит — всего лишь вдох-выдох, всего лишь… И вот уже уехала от нас Варвара Степановна Иванова. Она еще успела увидеть, как музей перевели в новое светлое помещение — теперь бы развернуть новые стенды, увеличить экскурсии, но за это отвечали уже новые люди, другие хозяева. А старой хозяйке музея по семейным причинам пришлось переехать в Курган. …Этот переезд и стал роковым для музея. Варвара Степановна оказа-

лась неповторимой. Из музея ушла душа, остановилось дыхание. И вот уже метнулись письма во все концы с просьбой о помощи. Пришлось и автору этих строк участвовать в спасении музея. Помню, как обращались мы во многие районные, областные инстанции. Просили мы и молодых учителей возглавить совет музея, обновить его экспонаты, возобновить экскурсии. Но они отклонили эту просьбу. Отклонили по той причине, что очень заняты в школе и во внеклассной работе, да и домашнее хозяйство, мол, разве забросишь?.. И при этом смотрели на меня с каким-то непонятным упреком и говорили: хорошо было вашей матери с Варварой Степановной пахать с утра и до вечера. Ведь их ничего не отвлекало. Они же не знали другого, кроме своих учительских обязанностей. У них и коровы-то даже не было, и ни гусенка, ни поросенка… В общем, фанатики они были, ну, если хотите, герои. И последнее слово произносилось с каким-то особенным придыханием, за которым было нетрудно услышать иронию, осуждение…

А ведь они и на самом деле — герои. Но если бы я назвал их так публично, то они бы жестоко обиделись, потому что ни о каком героизме никогда не думали. Да что тут! Просто эти люди не могли жить иначе. Просто такая жизнь для них была как бы запрограммирована с рождения. Так же, как течение у рек, синева у неба, зеленый цвет у растений… Да и разве замечает человек, как он дышит. Разве понимает птица, какая сила поднимает ее на крыльях.

И все-таки у тех героев, о которых я говорю, были свои предшественник, свои истоки. И среди них — знаменитые люди России: земские врачи, учителя, народники. Но если уже быть совсем точным, то я убежден, их корни запрятаны еще дальше, поглубже. Помните, у Пушкина: «Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье, не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремленье…» Это о декабристах, но разве только о них? Помните, у Чернышевского: «Таких людей мало, но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине: от них ее сила и аромат». Эти слова, конечно же, о Рахметове, но и не только… Эти слова из века минувшего перешагнули в век нынешний. Они стали как бы эталоном, эпиграфом к судьбам большим и значительным. К судьбам трудным и даже трагичным…

Но, может быть, я тоскую об исключительном, идеальном? Но почему же тогда это идеальное мы видели в самые тяжелые военные годы? И было оно — и в моем родном Утятском, и в моей родной школе, и в моих школьных тетрадках… Все эти вопросы для очень долгих ответов.

Я же продолжаю о музее. Мы остановились на том, что этот культурный очаг остался без хозяев, точнее — без хозяйки. И музей стал погибать. Но он погибал медленно, не торопясь, и напоминал крепкого, сильного человека, которого подтачивает болезнь. У этой болезни был и диагноз — равнодушие и коммерциализация культуры. Но равнодушие — это понятно даже ребенку, а вот второе — понятие из новых. И оно заключается в том, что музею, чтобы жить, развиваться, нужно было самому зарабатывать деньги. Это значит вести коммерческую деятельность, развертывать какую-то куплю-продажу. Но это смешно и нелепо, ведь речь идет о сельском народном музее. Конечно, все это смешно и непродуктивно, но если больного не лечат, то он умирает. Так и случилось — наш музей вскоре умер, а его экспонаты стали разбирать по домам. И я тоже взял школьные тетрадки и записи. Помните, мы писали творческие сочинения о любви к Родине, па-

триотизме, о лучших людях села. Эти тетрадки тоже в свое время угодили в музей. А еще я взял на память дневник жизни Ильи Лукича Галактионова «Моя жизнь с рождения и по сие время». Конечно же, автора этого дневника уже нет на свете, но я в это не верю, потому что сильные, одаренные люди никогда не умирают. Они навсегда в нашей памяти, потому что они — наши учителя и наставники, наши пророки…

Но я прерываюсь и снова обращаюсь к тебе, мой дорогой читатель! А пока, на всякий случай, даю совет — не ищи в моих словах каких-нибудь наставлений, морали. Я и сам не люблю этих задумчивых и умненьких моралистов. Жизнь всегда сама подскажет, все расставит по полочкам, только не торопи время. Наоборот, почаще закрывай глаза и уходи в свое прошлое и постарайся понять его, не судить. И пусть в твоем понимании будет больше правды, больше жизни и света… Вот такого же, как сейчас за окном…

Да, есть такие дни, такие минуты — сразу после теплой снежной метели — когда природа точно сияет. Еще вчера кружил мокрый снег, хмурилось небо и птицы печально кричали, а сегодня уже — настоящий праздник и на земле, и на небе. И даже бор наш утятский стоит, точно умытый: каждая сосенка плывет перед глазами отдельно. И крыши домов тоже выглядят по-молодому и точно бы протерты тряпкой. И дорога тоже блестит и сияет от наледи. А солнце, какое солнце! Разве его выразишь, разве опишешь! И все вокруг радуется, приветствует солнце, этот синий небесный свет — эту надежду. Потому и громко гогочут гуси, мычат телята. И на нас, грешных, в такие минуты тоже находит какое-то оцепенение, задумчивость, а часто и беспричинная радость. Да, да, радость, волнение, и нам уже начинает казаться, что мы в мире не одиноки, что есть, есть еще где-то под небом такая же жизнь, такие же люди. И что в самом нашем рождении есть еще другой, непостижимый и тайный смысл, и этот смысл никому неподвластен. Но все равно от этого — успокоение и надежда на новые дни…

Вот на этих бы добрых словах мне бы и закончить свое послание к тебе, дорогой читатель. Но это еще не конец, я всего-навсего пересек экватор. И сейчас душа моя снова и снова зовет назад. И мне ничего с ней не поделать — не приказать, не унять. Видно, моя лестница в будущий день упирается в прошлое. И, чтобы угодить себе, я открываю дневник старого Ильи Лукича Галактионова. Я его часто открываю и перечитываю, хочу набраться сил, кислорода на новые трудные дни. А ведь я хорошо помню, как впервые увидел эту заветную тетрадь…

В тот день я отправился к нему пораньше, чтобы подольше посидеть и попить чайку. И меня легко понять, ведь Илья — самый мудрый из наших стариков, самый добрый, сердечный. Домик его стоял в конце улицы. Я постучался — никто не ответил. Тогда я без приглашения прошел прямо в горницу, и сразу же глаза уперлись в большую кровать, а на ней — сам хозяин. Под головой куча подушек. Он с трудом повернулся на мои шаги, лоб сморщился, точно бы вспоминал…

— А-а-а, это ты… Ну, беседуй…

— Заболели, значит, Илья Лукич?

— Хуже, батюшка мой. Вроде бы вовсе кончаюсь. И уже врачи отказались…

— Не может быть!

— Ну как же! Если не лечат…

— А вы были в больнице?

— Зачем, батюшка мой, это мне ни к чему. Я уж пожил свое, покружал, теперь пора на покой. — Он замолчал, потом поднял руку, как бы призывая к вниманию. — Вон на полочке книжка лежит. Достань-ко.

Я подал ему толстую тетрадь, прошитую у закромок суровой ниткой.

— Открывай тетрадь-то.

Я открыл и сразу вздрогнул от удивления. На первом листе стояло: «Моя жизнь с рождения и по сие время». А потом я стал вчитываться в эти пожелтевшие от времени страницы. Автор настойчиво, порой — день за днем, описывал все большие и малые события своей жизни. Из дней слагались месяцы, из месяцев — годы. Все эти события перемежались с описаниями друзей и врагов Ильи Лукича. Он делился своими надеждами и даже мечтами…

— Помоги мне, Федорович, видишь — кончаюсь. А тетрадь надо бы дописать. Пустых мест больно много.

— Сейчас что ли записывать?

— Почему? Зайдешь завтра. А сегодня я сильно устал.

Наутро я снова был у него. Он лежал почти неподвижно. Кожа на лице потемнела, точно ее обдало дымом, а из глаз ушел блеск. И я тотчас понял, я догадался — это глаза умирающего. Но, увидев меня, он приподнялся на локтях и немного приободрился:

— Давай начнем сразу… Открой чистый лист и запиши оглавление: «Моя жизнь с 1923 по 1926 год».

Я записал оглавление, и он стал диктовать. Сил у него не хватало: Илья умирал у меня на глазах, и все последние силы вкладывал в слова, которые я заносил в тетрадь…

На другой день я снова пришел к нему. И странное дело: голос его уже звучал громче и уверенней, и чуть стало проясняться лицо. Илья рассказывал мне о своей мужицкой молодости, о любимой жене — первой деревенской красавице, о первом ребенке… И глаза его уже блестели и ожили, но все равно часа через два он устал. И я попрощался…

А на третий день я снова был у него. Он рассказывал мне о своем бригадирстве в годы войны. Горькие и тяжелые были годы, я их сам испытал.

— Вот умру, а тетрадь мою школьникам отнеси. Или лучше — учителям. Я ведь тоже когда-то хотел учить ребятишек. Но не хватило моих институтов…

— Вы и так учитель, Илья Лукич. Ваше слово для всех — закон.

— Ну-ну, не перехвали… — Он улыбнулся. Лицо стало доброе, хорошее, и до смерти ему теперь, видно, было уже далеко. Эта тетрадка вернула жизнь.

А на четвертый день мы записали, как на нашу утятскую землю пришел День Победы. Илья Лукич уже прохаживался по комнате и пил чай маленькими осторожными глотками. А в нашу тетрадь ложились все новые и новые строки. Он рассказывал мне, как после войны руководил колхозом, как появились первые твердые трудодни, как заново построили ферму, как пришли в деревню новые трактора, как впервые после тяжелой военной годины повеселели мои земляки… Повеселел, окреп духом и сам Илья. А ведь еще несколько дней назад погибал.

Потом прошли еще сутки, и он позвал меня за ограду. Я помню, как мы шли по улице, какой теплый и благодатный был день. Илья смотрел на солнце, щурился и без конца повторял: «Жить! Надо жить! Любыми силами, любыми путями, но надо жить!..»

А теперь я прервусь, дорогой читатель, и не буду больше приводить цитат из той сокровенной тетради. К тому же самого Ильи Лукича уже нет на свете. Нет в живых и многих моих земляков из славного племени ветеранов, но самое горькое для меня, что нет уже на земле моей мамы — сельской учительницы из села Утятского — Потаниной Анны Тимофеевны.

И вот на этом, видимо, я и закончу свой монолог. Впрочем, кому я его адресую, точно не знаю. Как не знаю и того, как вы его оцените, продолжите ли со мной разговор. Но хотя бы в сердце своем, хотя бы в сердце…

И вот сейчас какой-нибудь строгий мой оппонент нахмурит сурово брови и спросит — ну, а какой же здесь смысл? Какие выводы вы делаете, товарищ писатель, какие итоги?.. Ну что на это ответить. Да и надо ли отвечать. Зачем везде и всюду искать какие-то подтексты и смысл. Я уже говорил об этом вначале, теперь повторюсь. Просто я хотел этим людям сделать последний поклон, признаться в любви. Только признаться — и все… Но если кто-то из вас решится на то же самое — я буду бесконечно взволнован. Я буду даже счастлив, честное слово…

А теперь давай вспомним, мой терпеливый читатель, как в самом начале мы заговорили о свече в храме, зажженной твоей рукой. Она ведь, свеча эта, все еще горит там, горит и не потухает, призывая к себе всех заблудших, озябших в наше холодное, ненастное время. И к этой свече идут и идут люди. Ты чувствуешь, видишь, что их с каждым годом все больше и больше, и скоро никому уже не сдержать этот могучий людской поток.

Да, вы правильно поняли меня — эти люди на пути к храму. И мы с вами давайте тоже присоединимся к ним, давайте покрепче прижмемся друг к другу плечами. Ведь на этом пути нужны будут все — и старые, и молодые, и правые, и виноватые, и те, кому перевалило за семьдесят, и те, которые еще только-только оторвались от колыбели. И вот ради этих, последних, мы и должны укрепить свое сердце, свою мораль, свое государство, еще теснее сплотиться друг с другом, как уже не раз с нами бывало во время тяжелых российских ненастий. В конце концов, все злые ветры не вечны, и все ручьи неминуемо сольются в реки, а те выйдут к большой воде, к океану… И ради этого стоит жить.

Владимир КРУПИН

МОГИЛА АВЕЛЯ

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 г. в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был главным редактором журнала «Москва». С 1994 г. преподает в Московской Духовной академии. Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Проснулся рано — петухи разбудили. Вторые или первые? Долго лежал без сна, пока не рассвело и пока не обозначилась на стене икона «Сошествие во ад». Воскресший Христос протягивает руку Адаму, выводя его из ада. А вот эти века, тысячелетия со времени первородного греха знал ли Адам, что смерти не будет, что Иисус спасет его? Он ожидал Страшного суда? Знал о нем? И какое время в загробном мире было для него? Было это время забвением или переживанием? В слове «переживание» два смысла: раскаяние и жизнь, которая проживается, пере-живается в ожидании прощения.

Страшно подумать — пять с половиной миллионов наших земных лет ждал Адам Христа. Воды потопа заливали землю и высыхали, Чермное море расступалось перед Моисеем, Вавилон созидался и рушился, Содом и Гоморра горели и проваливались, Пальмира зеленела и цвела среди пустынь, Карфаген стоял, Македонский щурился от сухого пыльного ветра Малой Азии, пророки говорили и умолкли, а Адам все упокоен бысть, лишенный небес, в земле. Соблазненный, поддавшийся искушению, низвергнутый с небес, добывавший в поте лица хлеб свой, Адам видел вражду сыновей и пережил первое убийство на земле, убийство Каином брата Авеля.

Помню, как я вздрогнул, как пересеклись времена в той летящей точке вечности, когда наша машина летала в сирийское селение Маалюля, к месту подвига первомученицы Феклы, и переводчик, махнув рукой вперед и вправо, сказал:

— Вон могила Авеля.

— К-какого Авеля?

— Библию читают в России? Авель и Каин — сыновья Адама и Евы. Каин из зависти убил Авеля, вон его могила.

А машина наша, набитая электроникой, летела и летела.

Голова была бессильна понять мое состояние. Только сердце могло вместить это соединение времен, когда нет ни смерти, ни времени. Вот могила Авеля, а только что мы были в разбомбленной израильтянами Эль-Кунейтре. А также смотрели одно из чудес света — Пальмиру, стоявшую когда-то на перекрестке всех дорог. Стрелки ящериц бежали по растресканным колоннам, по античному мрамору, да настойчивые арабы предлагали проехать сто метров на верблюде.

Как изъяснить, что именно нам преподнесены как на блюдечке все времена. Вчера вечером ходил по Дамаску, пришел к дому врача Анании, который исцелил слепого гонителя христиан Савла. Потом его спустили из окна в корзине, ибо уже вышел приказ правителю Дамаска арестовать Савла — узнали, что он ревностный защитник Христа. И вот я трогаю камни, помнящие апостола Павла, и говорю вслух апостольские слова: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите. Духа не угашайте. Все испытывайте, хорошего держитесь. Удерживайтесь от всякого рода зла».

Как же все рядом! Переводчик мой дремлет, кажется даже, что дремлет и водитель Хусейн, а машина летит сквозь пылающий прозрачным пламенем воздух пустыни. Пожалуй, не буду рассказывать им, как я вчера искал мечеть Омейядов, в ней, сказали, глава святого Иоанна Крестителя. Я сбежал от переводчика, сказав, что мне надо полчаса, и стал спрашивать встречных, где мечеть. Видимо, у меня был такой напряженный, нетерпеливый вид, что какой-то араб бегом привел меня в общественный туалет. «Но, но! — закричал я. — Церковь, кирха, мечеть, минарет, муэдзин, мулла, Аллах!» Но он опять не так понял. Опять же бегом притащил меня в общественные, дымящиеся ароматным паром бани, где по периметру сидели закутанные в простыни, распаренные арабы. «Господи! — закричал я, вздымая руки к небесам. — Помоги!» И араб наконец понял. Бегом прибежали мы к мечети. Около нее мне пришлось заплатить ему за усердие. На мостовой перед входом были сотни пар обуви. Разулся и я, сильно мучаясь мыслью, что при выходе не найду свои туфли, и вошел внутрь.

Потихоньку пробрался к часовенке посреди мечети, вспоминая прочитанное о строительстве ее: мечеть Омейядов стоила двенадцать миллионов динаров, а динар — это монета, в которой больше четырех грамм золота. Самый высокий минарет мечети Омейядов — минарет Иисуса Христа. Мусульмане верят, что именно сюда опустится Иисус перед Страшным судом. В мечети враз молятся более семи тысяч человек. Я поклонился мощам святого первомученика, первоапостола, первопророка Нового времени, последнего пророка Ветхого Завета, славного Предтечи второго пришествия Христова Иоанна Крестителя. Таково его полное наименование. Вышел и в самом деле долго искал свою обувь. Переводчик, увлеченный разговором по телефону, даже и не заметил моего отсутствия.

Теперь несемся в Маалюлю, место христианки первомученицы Феклы.

— Сирийское государство простиралось от Индии на востоке до Испании на западе, — заговорил переводчик, выключив мобильник. — На север до Армении. Египет, Судан, Мадагаскар, Сенегал, Сомали — все входило в нашу империю. Христианство в Грузии получено от сирийского священника.

— А у вас когда появилось христианство?

— Когда мы были провинцией Рима, затем провинцией Византии. Далее арабский халифат, далее распад халифата, сельджуки, крестоносцы…

Переводчик стрелял очередями.

— Да, — осмелился и я сказать доброе слово о Сирии. — Антиохия, Алеппо — эти слова мы знаем давно. Павел Алеппский, ваш писатель, был в России при царе Алексее Михайловиче и оставил записки. Мы их знаем и все время переиздаем. Он попал к нам в Великий пост, был на церковных службах и постоянно в записках восклицает: «У русских железные ноги! Все русские войдут в рай!»

Переводчик проснулся точно у мечети. Муэдзин кричал на всю округу через усилители:

— Ар рахман, Ар рахим, Аль хаил, Аль дисабар, Аль кахар, Аль вахед, Аль ахар… — и так далее, то есть перечислялись девяносто девять превосходных степеней качества Аллаха. Например: единственный во всех единствах. Аль азиз, Аль кадер, Аль мумид…

Торговцы выходили из лавочек, постилали под ноги коврик и делали поклоны в сторону Мекки. Переводчик мой вздохнул, сложил руки домиком и просто поклонился разок.

— Сейчас вверх, — указал переводчик, — к церкви, там вечнозеленый куст, источник, потом дальше и обратно по расщелине, которая сделана Богом и которая спасла Феклу от преследования солдат и родителей. — Переводчик вздохнул.

Я истолковал этот вздох как переживание трудностей пути и попросил:

— А можно я проделаю этот путь один?

— А вы не заблудитесь? — оживился переводчик. — Да тут негде и заблудиться. Прямо вверх, направо вниз. Через час встречаемся.

В церкви не было никого. То есть так нельзя говорить о доме Божием. Господь был в церкви, и я Ему молился о родных и близких, о себе грешном, о милом Отечестве. Потом пил из источника и взял на память один маленький листочек от вечнозеленого куста.

Как далеко было видно. Тут, где-то рядом, деревни, где говорят на арамейском языке, языке, которым пользовался и Господь. Вот туда — Голанские высоты, туда — источник Иордана, там Палестина, Израиль, одно море, Турция, другое море и — Россия. В этих камнях только Божией милостью может быть источник, куст, остальное выжжено, выгорело. Слышно было в тишине, как где-то потрескивают раскаленные камни. Если бы не ветер, иногда налетающий, я б задохнулся.

Как же тут все рядом. Каин убил Авеля, я скоро увижу его могилу, а вскоре уже стучали топоры строителей Ноева ковчега, а там появился соляной столб, в который превратилась жена Лотова, обрушились стены Иерихона, кровь лилась в пыль и покрывала дороги человечества красным цветом, а падший денница все хихикал и все подбавлял соблазны и злобы в сердца людей. Пришел Спаситель, взошел за нас на крест. И в Него, наше единственное спасение, поверила бежавшая сюда первомученица Фекла. Совсем молодая, принявшая в сердце Христа, она верила и знала, что Спаситель не оставит ее. Ее загнали в эту впадину, деться ей было некуда. Даже, наверное, гоготали преследователи: мол, сейчас, сейчас заарканим. Но, по молитве святой, расступились горы, и она скрылась в расщелине, пробежала по дну длинного нерукотворного ущелья и скрылась.

Вот и я, грешный, иду по этому ущелью. Никто за мной не гонится, ничто мне не угрожает. Но, может быть, главное, зачем мы едем и идем в святые места, — чтобы задать себе вопрос: а ты смог бы так же пострадать за Хри-

ста? Ведь вера в Спасителя проверяется только одним — готовностью отдать за Него жизнь. «Вы еще не до крови сражались», — говорит апостол Павел.

Внизу я стал расспрашивать переводчика о том, далеко ли гора Ермон, о которой в Псалтыри говорится: «Фавор и Ермон о имени Твоем возрадуются». По преданию, Преображение Господне могло произойти и на Ермоне. Но переводчик не знал. А может, это было далеко.

Еще про Сирию я знал, что тут были земли библейской Кесарии Филипповой и что, по преданию, у озера Фиал Спаситель впервые сказал ученикам о Его грядущей земной кончине.

Переводчик снова дремал, но перед подъездом к могиле Авеля очнулся и включил текст:

— Недалеко Сиднайя, женский монастырь, икона Святого Луки. Здесь пересечение путей с востока на запад, с севера на юг. Торговля шелком, жемчугом, стеклом, водой, оружием, слоновой костью, коврами, невольниками. Здесь, в золотых цепях, вели объявившую себя императрицей Востока Зайнобил. При Аврелиане было восстание, перебили гарнизон римлян. Мы не терпим иностранного владычества. Да, забыл сказать, что Маалюля по-арамейски означает «вход». Здесь также вы не встретите споров меж шиитами и суннитами, ибо мы считаем, что любой араб — потомок Моххамеда. Антиохийское государство, султан Салах-ад-Дин, герой арабской нации, первым начал борьбу с крестоносцами и в 1192 году освободил курдов, армян, черкесов. Салах-ад-Дин — герой разговоров в европейских салонах.

Я слушал вполуха. Все равно всего не запомнишь. Мне главное — христианские святыни.

Хусейн зашевелился и показал вперед. Площадка для стоянки была забита туристическими автобусами. Мы приткнулись сбоку. Но у могилы было так шумно, накурено, так яростно что-то говорила девушка в зеленых брюках, тыча в пространство сигаретой, что я повернул обратно. Мне почему-то показалось, что я еще сюда приеду. Уже отдельно, уже по несуществующему пока православному маршруту. А сейчас чего я буду держать переводчика, которому все безумно скучно. Еще попрошу побывать в Алеппо да спрошу, где можно поклониться святому Иоанну Дамаскину.

Спросил.

— А! — воскликнул переводчик, — Иоханне Дамашкия? Это в Дамаске.

Он оживился, так как мы поехали домой.

Вечером я еще раз побывал у дома Анании и около мечети Омейядов, у ее минаретов, пытался представить Дамаск времен Христа, но было трудно. Еще и оттого я был печален, что переводчик не смог указать на место, связанное со святым Иоанном Дамаскином. Утешал я себя тем, что главное место подвигов святого было в монастыре Саввы Освященного в Иудейской пустыне, в котором я уже побывал.

И все-таки впечатление от Сирии осталось светлым и благодарным. Пусть маленькие остатки христианства, но все же сохранились. И я их видел, поклонился им. Слава Богу. Пронеслось же то мгновение, когда показалось, что нет времени, что все рядом, что вот только что вчера брат убил брата, еще не высохла земля на могиле, и что сегодня утром на рассвете бежит ко Христу святая Фекла, ученица апостола Павла. А сам апостол идет в Рим, зная, что идет на смерть. Но так же знал о своей смерти и Учитель апостола. Иначе поступить они не могли.

Пути познания

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов)

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ В ТВОРЕНИЯХ СВЯТЫХ ОТЦОВ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

* Печатается в сокращении.

I

В последние десятилетия XX века и на заре XXI века интерес к эсхатологии сохранился во всем христианском мире. Конечно, в этот период был замечен и подъем эсхатологических отклонений. Поэтому обращение к опыту Святых Отцов для нас актуально, чтобы держаться «золотой середины», но это не так просто.

Эсхатология как учение о последних вещах (греч. εσχατον — «последнее»), о конечной судьбе мира и человека было изначально неотъемлемой частью евангельской проповеди, а живое религиозное осознание и переживание эсхатологических реалий — необходимой частью подлинного христианского мироощущения, христианской молитвы и Евхаристии. Эсхатология не может быть представлена как «случайный придаток» в общей системе христианского мировоззрения, но,

---

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.
В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

начиная с самого Господа нашего Иисуса Христа, всегда была существенным элементом Евангелия Царства.

Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов, призывая первых христиан не любить мир и то, что в мире, говорит: *«И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек. Дети! последнее время* (εσχάτη ὥρα). *И как вы слышали, что придет антихрист, <…> то мы и познаем из того, что последнее время»* (1 Ин. 2:17–18).

«Последнее время», «последние дни» — эти словосочетания неоднократно встречаются в Новом Завете, причем с несколько разным значением. Апостолы Петр и Павел употребляют их в своих Посланиях, подразумевая или же особенное «евангельское» время, время исполнения Божиих обетований, время Боговоплощения (Евр. 1:2, 1 Пет. 1:20), или же время непосредственно перед кончиной видимого мира, пред Вторым Пришествием Христовым (1 Тим. 4:1, 2 Тим. 3:1, 2 Пет. 3:3). Описывая чудо Пятидесятницы, св. апостол Лука передает пророчество пророка Иоиля, отнесенное апостолом Петром к сошествию Святого Духа на апостолов и начинающееся словами: *«И будет в* ***последние дни*** *<…> излию от Духа Моего на всякую плоть»* (Деян. 2:17).

Таким образом, два упомянутых значения термина «последние дни» хоть и различны по употреблению, но перекрываются в смысловом значении в силу единства наступившей эпохи Нового Завета, которая ознаменовалась победой Господа Иисуса Христа над диаволом: *«Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон»* (Ин. 12:31).

«Последний день» — день явления Господа Бога для спасения человека — настал с Первым Пришествием Христа Спасителя, с воплощением Бога Слова. Этот «День» таинственно продолжается в жизни Церкви сквозь ткань времени исторического, в котором существует видимый мир, и найдет свою кульминацию во Втором Пришествии Господнем.

Эсхатологические вопросы неизбежно возникают в человеке и настоятельно требуют своего решения. Решить эти вопросы для человека — значит осмыслить весь мировой процесс, понять и уяснить цель жизни всего мира, определить и свое собственное значение, и назначение в ходе мировой жизни. И если отвергнуть эти вопросы — значит огрубеть в духовном отношении, отказаться от своей духовной природы, снизойти почти на степень животного, не способного дать отчет в смысле и цели своего существования. Через религию человек всеми силами пробует выстроить мост над пропастью между посюсторонним и потусторонним, между видимым и невидимым, между чувственным и сверхчувственным, чтобы стало возможным органичное единство этого мира с иным. Через религию человек пытается найти свое равновесие во Вселенной, чтобы не переоценить потустороннее в ущерб посюстороннему и, наоборот, посюстороннее в ущерб потустороннему. Это не нечто неестественное, а, напротив, составляющее саму сущность природы человека.

II

Всего естественнее и уместнее решены эсхатологические вопросы в христианской религии. С уверенностью можно сказать, что только в Христианстве и возможна в собственном смысле эсхатология, что только хри-

стианская религия есть действительно «религия упования». Не ведающий домостроительства Искупления язычник мог только гадать о том или ином конце мира, не имея для своих гаданий прочной основы. Христианин такую основу находит в Божественной идее Спасения, которая постепенно осуществляется в мире. Непоколебимым доказательством этой идеи является исторически засвидетельствованный факт явления во плоти ради нас и нашего спасения Иисуса Христа — Сына Божия. На этом факте зиждется или покоится вся христианская вера. Основываясь на факте прошедшего, она переводит взоры христиан к будущему, к тому времени, когда завершится осуществление Божественного плана спасения, когда искупительное дело Христа будет окончательно усвоено человечеством[1].

Мы, христиане, каждый день жизни должны воспринимать в связи с тем «последним днем», в который Господь будет судить весь мир. Апостолы, а затем и Отцы акцентируют внимание на нравственном состоянии верующих, когда *«земля и все дела на ней сгорят. Если так все это разрушится, то какими должно быть в святой жизни и благочестии вам, ожидающим и желающим пришествия дня Божия. <…> Итак, возлюбленные, ожидая сего, потщитесь явиться пред ним неосквернеными и непорочными в мире; и долготерпение Господа нашего почитайте спасением»* (2 Пет. 3:10–15).

Христиане проводят свою короткую жизнь на земле, как бы находясь перед Страшным Судом Христовым, измеряют себя и каждый свой помысл, чувство, слово и дело мерилом Суда Христова, мерилом Страшного Суда. Вся история мира от начала до конца, от альфы до омеги — дар веры Христовой, и в этой вере содержится истинное знание смысла существования. Христианин, чувствуя свою душу бессмертной, еще на земле начинает жить этой жизнью будущего века через Святое Причастие. Одушевлявшая первенствующую Церковь любовь ко Христу, вызывая у христиан пламенное желание *«разрешиться* [от тела] *и быть со Христом»* (Филип. 1:23), вместе с тем делала это будущее, это «последнее» предметом внимательных христианских размышлений. Если желания христиан были устремлены в будущее, то и их мысль обращалась к тому же, то есть к исследованию и решению эсхатологических вопросов. Надо заметить, что это — факт чрезвычайной важности. Поэтому эсхатологические вопросы, описанные в синоптических Евангелиях, в апостольских Посланиях и писаниях Святых Отцов, являются вопросами не пустого любопытства, но, наоборот, они имеют важное значение как в области решения иных вопросов, так и в оценке всей христианской религии. Например, христианское учение о крестном пути, о страдающем и гонимом на земле добре получит свой смысл и станет приемлемым для людей в том случае, если христианская эсхатология откроет победу этому добру, если не в этом, то в будущем веке. В противном случае борьба со злом и страдание за добро становятся бесцельными и бессмысленными[2]. Само искупительное дело Иисуса Христа получит свое всестороннее значение только при свете Христова учения о конце всего. Поэтому еще раз

---

[1] *Скорик И.* Евангельская эсхатология, освещаемая с христианской этической точки зрения. Курс. соч. ЛДА, 1969 (машинопись). С. IV.

[2] Там же.

отметим, что эсхатологические вопросы не только естественны, но и крайне необходимы в христианской религии.

Отличительную особенность эсхатологического времени составляет крайнее развитие нравственных нестроений и диктатура антихриста, а существенным содержанием «последнего дня» является Второе Пришествие Иисуса Христа, Воскресение мертвых и всеобщий Суд.

III

Время Второго Пришествия Христа мужам апостольским и ранним апологетам представлялось делом недалекого будущего[1]. Эсхатологическое учение мужей апостольских отличается краткостью и простотой. Это скорее перечень эсхатологических истин, чем их раскрытие, развитие и обоснование[2]. Не развивая подробного учения об эсхатологии, епископ Смирнский Поликарп совсем в духе апостолов предупреждает кратко и строго: «Кто не признает свидетельства крестного, тот от диавола; и кто слова Господни будет толковать по собственным похотям и говорить, что нет ни воскресения, ни суда, тот первенец сатаны»[3]. Второму Пришествию Христа, по учению мужей апостольских, будут предшествовать известные события. «Дидахи (Учение двенадцати апостолов)» — важнейший памятник послеапостольского периода и древнейший источник канонического права, но и ему присуща эсхатологическая направленность. Вся последняя 16-я глава проникнута ожиданием явления Господа во славе: «Бодрствуйте о жизни вашей <…> Ибо вы не знаете часа, когда Господь наш придет <…> В последние дни, — по словам автора «Дидахи», — умножатся лжепророки и губители, и овцы обратятся в волков, и любовь обратится в ненависть. Ибо по умножению беззакония возненавидят друг друга и будут преследовать и предавать, и тогда явится мировой обманщик словно сын Божий и сотворит знамения и чудеса, и земля предастся в руки его, и будет он творить беззакония, каких никогда не было от века». Однако, несмотря на исповедание особой трудности последних времен, христиане знали, что «пребывшие в вере своей спасутся от этого проклятия» (Дидахи, XVI), которое настигнет землю в эти дни[4].

Второе Пришествие Христа мужи апостольские представляли себе, в противоположность Первому, славным. По словам автора Послания, известного под именем апостола Варнавы, иудеи увидят Христа одетым в длинную красную одежду и будут говорить: «не Тот ли это, Которого мы некогда уничижили, пронзили, подвергли осмеянию и распяли? Поистине это Тот, Который тогда назвал Себя Сыном Божьим»[5]. Мужи апостольские ясно указывают на будущий Суд, как на несомненный факт мировой исто-

---

[1] *Макарий (Оксиюк), митр.* Эсхатология свт. Григория Нисского. М., 1999. С. 11.

[2] Там же. С. 19.

[3] *Поликарп Смирнский, свт.* Послание к Филиппийцам. Гл. 7 / Писания мужей апостольских. Рига, 1994. С. 324.

[4] Учение двенадцати апостолов / Писания мужей апостольских. Рига, 1994. С. 36–37.

[5] Цит. по: *Макарий (Оксиюк), митр.* Эсхатология свт. Григория Нисского. М., 1999. С. 13.

рии, и придают этому факту большое **педагогическое и этическое значение**. По словам свт. Климента, епископа Римского, Господь праведен в Своем Суде, и мы должны оставить нечистые стремления к худым делам, чтобы Его милосердие сохранило нас от будущего Суда. Вера в то, что пришествие Господне будет во славе, во всеобщность воскресения из мертвых, общая для всех церковных писателей этого периода, представляет нам **раннехристианское мировоззрение исполненным глубокой надежды и оптимизма**.

Некоторые из апостольских мужей и апологетов, придерживаясь хилиастических воззрений, полагали, что Христос, придя во Второй раз, воскресит умерших святых и вместе с ними в течение 1000 лет будет царствовать на земле, например, так считал свт. Папий, епископ Иерапольский.

Христианские апологеты II века старались более подробно раскрыть все стороны эсхатологических христианских представлений. Считая будущее воскресение мертвых всеобщим и защищая это учение от различных возражений со стороны гностиков и язычников, апологеты II века так же как и мужи апостольские придавали этому пункту христианской догматики большое **этическое значение**[1]. Очевидно, что факт воскресения, с последующими наградой или наказанием, соответственно соделанному человеком во время земной жизни, является одним из основных мотивов в христианской добродетельной жизни. Рассуждая о будущем суде над людьми, церковные писатели II века не дают точного определения времени его наступления, связывая, однако, его непосредственно с концом видимого мира и Вторым Пришествием Христовым. Время Второго Пришествия, однако, признавалось за сокровенную тайну, известную только лишь Небесному Отцу (Мф. 24:36, Мк. 13:32).

Разрушение или, скорее, преображение, обновление видимого мира произойдет через стихию огня[2], в согласии со словами пророков и апостолов: *«А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков»* (2 Пет. 3:7)… Первый христианский философ и апологет св. Иустин Мученик († 168) в своей 1-й апологии пишет: «когда утверждаем, что мир сгорит, то говорим согласно с мнением стоиков; и когда учим, что души злодеев, и по смерти имея чувствование, будут наказаны, а души добрых людей, свободные от наказаний, будут жить в блаженстве, то мы говорим то же, что и философы»[3]. На Втором Пришествии Христа св. Иустин Философ останавливается довольно часто и говорит о нем, как о чем-то ожидаемом. Говоря о месте Второго Пришествия, св. Иустин вполне ясно утверждает, что верующие ожидают будущее явление Христа во Иерусалиме.

Отрывочные и разрозненные пророчества о явлении в «последние времена» особого врага, «змия», «дракона», «зверя», содержащиеся в Ветхом Завете (главным образом в книге пророка Даниила) и новозаветных писаниях, уже во II веке были сведены воедино и оформлены как учение об антихристе. Это учение возникло и развивалось как основная часть эсхато-

---

[1] *Макарий (Оксиюк), митр.* Эсхатология свт. Григория Нисского. М., 1999. С. 47.

[2] *Иустин Философ, св.* 1-я апология, 20; Феофил, св. К Автолику. Кн. 2, 38; и др., 1892.

[3] *Иустин Философ, св.* 1-я апология I, 20 / Ранние Отцы Церкви: мужи апостольские и апологеты. 1892. С. 291.

логии. Иустин Философ в своем «Разговоре с Трифоном Иудеем» пишет о пришествии «человека беззакония» следующее: «А между тем времена приближаются к концу, и уже стоит при дверях тот, кто на Всевышнего будет произносить богохульные и дерзкие слова, и кто, по словам Даниила, будет держаться *"время, времена и полувремя"*»[1].

Христианский философ и апологет Аристид, уже во II веке дал определение христианам, которые находятся на грани встречи истории и постистории: «Христиане ведут свою родословную от Господа Иисуса Христа, <…> ища правду, они нашли ее, <…> знают Бога, Создателя и Творца всяческих, через Которого вся и от Которого вся, в Сыне Единородном и Духе Святом, <…> чая воскресения мертвых и жизни будущего века»[2]. Нас не должно удивлять то, что фраза Никео-Константинопольского Символа Веры «чаю воскресения мертвых и жизни будущего века» известна, причем дословно, уже со II века. Церковь с начала своего существования жила как эсхатологическая общность, в которой начинается, обновляется и переживается жизнь исполнения времен (τῶν ἐσχάτων). Однако за главный вклад апологетов II века в христианскую антропологию нужно признать раскрытие учения о всеобщем воскресении мертвых и, особенно, о тождестве воскресших тел с настоящими — даже по органам, за исключением их функций. Считая будущее воскресение мертвых всеобщим, христианские апологеты II века придают ему большое этическое значение. Уча о кончине настоящего мира через огонь, апологеты II века, однако, не допускают его полного уничтожения. По мнению св. Иустина Философа, нынешний мир, прекратив свое существование, примет лишь новую лучшую форму.

Основоположник христианского систематического богословия, священномученик Ириней, епископ Лионский († 202), живший практически в ту же эпоху, в своей оживленной полемике с многочисленными гностическими сектами также излагает эсхатологические воззрения Древней Церкви. Наиболее подробно он это делает в сочинении «Обличение и опровержение лжеименного знания», более известном под кратким названием «Против ересей». По воззрению свт. Иринея Лионского, Иисус Христос пробудет на небе до времени исполнения всего, что Бог возвестил через пророков (ср. Деян. 3:21: *«Иисуса Христа, Которого небо должно было принять до времен совершения всего, что говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века»*). После этого Он снова придет на землю для совершения заключительных событий в истории человечества и мира вообще.

В нескольких главах епископ Лионский обозначил общие контуры учения об антихристе, а также преподал его основные источники: книгу пророка Даниила, 2-е послание к Фессалоникийцам ап. Павла и Откровение Иоанна Богослова. Святитель также систематизировал Священное Предание и устные пророчества, жившие в Церкви. Кончине настоящего мира и Второму Пришествию Христа, по учению свт. Иринея, будут предшествовать их явные признаки — это великая мировая скорбь и явление антихриста. Скорбь в мире, по воззрению свт. Иринея, является необходимой для спасаемых. Через нее они очищаются от грехов и, таким образом, становятся годными для пира с Царем в Его земном Царстве славы. Потому-то в

---

[1] *Иустин Философ, св.* Разговор с Трифоном Иудеем, 32 / Там же. С. 182.

[2] *Аристид.* Апология, 15, 1–3.

конце настоящего мира и будет скорбь так велика, что подобной ей никогда не было в мире и не будет: «Посему, когда Церковь в конце будет внезапно взята отсюда, то *"будет"*, сказано, *"скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет"* (Мф. 24:21). Ибо это последняя борьба праведных, в которой они, победивши, увенчаются бессмертием»[1].

Прежде всего все Отцы и учители, касавшиеся в своем учении антихриста, единогласно признавали его определенным лицом, и именно человеком. Большинство из них придерживалось того мнения, что антихрист произойдет из колена Данова. Описанию антихриста и его деятельности свт. Ириней уделяет довольно много внимания, описывая его как того, кто, получив всю силу диавола, превознесет себя, пытаясь выдать самого себя за Бога. «Он устранит идолов, чтобы внушить, что он сам Бог, но себя превознесет, как одного идола и в себе самом сосредоточит разнообразное возбуждение, относящееся к прочим идолам»[2]. «И посему в грядущем звере будет восстановление (*recapitulatio* — букв. «возглавление») всякого нечестия и всякого коварства, чтобы вся богоотступническая сила, собравшись и заключившись в нем, ввержена была в печь огненную»[3].

Антихрист сядет в Иерусалимском храме Божием и будет выдавать себя за Бога, он придет во имя Христа — Мессии и там его примут. Десять апокалипсических царей (Апок. 17:12–13) дадут ему силу и власть для преследования Церкви Христовой. Имя зверя-антихриста зашифровано числом-начертанием (χάραγμα) шестьсот шестьдесят шесть (Ап. 13:16,18) и пока сокрыто по двум причинам: практической и этической. С практической стороны «немалая опасность угрожает тем, которые ложно присваивают себе знание имени антихриста. Ибо если они полагают такое-то имя, а он придет с другим, они легко будут обмануты, или, думая, будто еще нет того, кого надлежит остерегаться»[4]. С этической стороны Божественный тайнозритель не открыл нам настоящего имени антихриста, «потому что оно недостойно быть возвещенным от Духа Святого. Ибо если бы оно было возвещено Им, то, может быть, он [антихрист] пребывал бы долгое время, а теперь, так как он *"был, и нет его, и выйдет из бездны, и пойдет в погибель"* (Апок. 17:8), как будто бы не существовал, то и имя его не возвещено, ибо имя несуществующего не возвещается»[5].

У святителя отразилось распространенное мнение о том, что мир просуществует именно 6 тысяч лет, в соответствии с шестью днями творения мира, после чего наступит седьмой день покоя — земного царства славы Христа. Однако перед этим три с половиной года на земле будет царить антихрист, утвердив свой престол в Иерусалимском храме. «Когда же антихрист опустошит все в этом мире», тогда придет Господь с неба на облаках во славе Отца и пошлет антихриста с его споспешниками в огненное озеро, «а праведным даст времена Царства, то есть успокоение, освященный седьмой день» [6]. Указание на земное царство, в котором будут пребывать

---

[1] *Ириней Лионский, свт.* Против ересей. СПб., 1900. Кн. 5. Гл. XXIX, 1. С. 508.

[2] Там же. Гл. XXV, 1.

[3] Там же. Гл. XXIX, 2.

[4] Там же. Гл. XXX, 1.

[5] Там же. Гл. XXX, 4.

[6] Там же.

праведники, свт. Ириней находит в Святом Писании, которое он, в данном случае, понимает в буквальном смысле. Это, по мнению свт. Иринея, подтвердил Господь, когда назвал блаженными кротких потому, что они *«наследуют землю»* (Мф. 5:5). Святитель говорит, что тогда не будут иметь места ни мучение, ни скорбь, ни печаль, а одна только непрерывная радость о Господе. Тогда земной Иерусалим будет воссоздан по образу небесного Иерусалима. Это Царство рассматривалось святителем не в свете грубых материальных хилиастических мечтаний в духе иудеев или иудео-христиан, а как одна из стадий постепенного восхождения праведных людей к Богу. Обладая нетлением и упражняясь в созерцании Господа, праведники через это приобретут навык к восприятию славы Бога-Отца[1].

С особой силой святитель восставал на гностические возражения учению о воскресении человеческого тела. Признавая полную возможность и даже необходимость действительного воскресения умерших, свт. Ириней приводил свидетельства как Ветхого, так и Нового Заветов, **особо подчеркивая значения таинства Евхаристии**, которое делает христиан носителями даров нетления и бессмертия[2].

Судьба всего мира, по учению святителя, находится в прямой зависимости от **нравственного** состояния людей. Это видно из того, что во время земного царства Христа мир будет иметь другой вид, совершенно отличный от настоящего. Земное царство Христово будет иметь временный характер. Когда уничтожится посредством огня наружная форма настоящего мира, то наступят новое небо и новая земля. Свт. Ириней так же, как и древние апологеты, полагал, что мир видимый погибнет в огне, но не исчезнет окончательно, а изменит свой образ существования. Новое небо и новая земля будут местом обитания «нового человека, всегда о новом беседующего с Богом»[3].

Трактат священномученика Ипполита, епископа Римского (†236) «О Христе и антихристе» является самым важным сочинением на эсхатологическую тему во всей патристической литературе. Автор называет свое сочинение «повестью страшной и исполненной ужаса». Подобно свт. Иринею, святитель Римский также полагал конец мира связанным с истечением шести тысяч лет от его сотворения. Однако его нельзя все-таки твердо назвать сторонником хилиазма, так как он не один раз называет Царство Божие вечным.

Второе Пришествие Господне будет, по учению святителя, во славе, когда Спаситель «придет с силами и тьмой ангелов как сущий во плоти Бог и человек, как Сын Бога и человека, как небесный Судия мира <…> и воздаст каждому по делам его»[4]. И хотя, по счислению свт. Ипполита, до пришествия Христа должно было пройти 500 лет от воплощения Сына Божия, тем не менее он отмечает, что точная дата была сокрыта от нас, чтобы мы не впали в беспечность и не лишились вечной жизни.

Однако, учит святитель, скрыв от учеников и от Своих последователей вообще день Своего Второго Пришествия, Господь в то же время указал те

---

[1] *Ириней Лионский, свт.* Против ересей. СПб., 1900. Кн. 5. Гл. XXXV, 1.

[2] Там же. Кн. 4. Гл. XVIII, 5.

[3] Там же. Кн. 5. Гл. XXXVI, 1.

[4] *Ипполит Римский, еп.* Творения. Вып. 1–2. Казань, 1898–1899. Толкование на пророка Даниила. Гл. IV, 10.

признаки, по которым всякий легко может узнать его. Такими признаками, согласно Писанию (Мф. 24:8–14; Мк. 13:7–10), будет проповедь Евангелия во всем мире, явление пророков Еноха и Илии и, наконец, приход антихриста, который умертвит пророков за то, что они не пожелают воздать ему славу. Время, в продолжение которого будет царствовать антихрист, святитель Римский, ссылаясь на Дан. 7:25, исчисляет в три с половиной года или 1260 дней. Антихрист постарается во всем уподобиться Сыну Божию. «Лев — Христос, лев и антихрист; царь — Христос, царь, — хотя земной, — и антихрист. Явился Спаситель, как Агнец; подобным же образом и тот покажется, как агнец, хотя внутри будет оставаться волком. Обрезанным пришел Спаситель в мир, подобным же образом явится и тот. Послал Господь апостолов ко всем народам, подобным же образом пошлет и он своих лжепророков. Собрал Спаситель Своих рассеянных овец, подобным же образом соберет и тот рассеянный иудейский народ. Дал Господь печать верующим в Него, подобным же образом даст и тот. В образе человека явился Господь, в образе человека придет и он. Воскресил и показал Спаситель Свою святую плоть, как храм; восстановит также и он каменный храм в Иерусалиме»[1]. О имени его невозможно сказать что-либо определенное, оно откроется при явлении самого антихриста.

Первое нападение антихриста будет на Тир и Сидон и окрестные страны, затем антихрист овладеет Египтом, Ливией и Эфиопией[2]. «Он призовет к себе весь народ [Иудейский] из всех стран, в которых он рассеян; он присвоит их себе как своих собственных детей; возвестит им, что он восстановит страну и восстановит их царство и храм — и все это с той целью, чтобы поклонились ему как богу[3]. Он присоединит к себе народ, всегда пребывавший неверным Богу, и по его просьбам начнет преследовать святых как врагов и их противников»[4].

Со Вторым Пришествием Христа на землю находится в тесной хронологической связи воскресение мертвых. О будущем воскресении нашего чувственного тела, по словам свт. Ипполита, учил еще Гераклит, считавший Бога причиной этого воскресения, но наиболее ясное и определенное учение о воскресении мертвых содержится в Святом Писании (Дан. 12:2; Ис. 26:19; Ин. 5:25; Еф. 5: 14; 1 Фес. 4:13–7; Апок. 20:6).

Христианское учение о воскресении мертвых свт. Ипполит довольно подробно излагает в отдельном трактате (Liber adversus Graecos), где он говорит, что души умерших грешников остаются в аду до времени, когда Бог, воскресивши всех людей, снова соединит их с прежними телами. Души умерших праведников, по учению святителя, восприимут тела не такими, какими они были раньше, но чистыми и нетленными, а грешные души — тела, которые окажутся несвободными от страданий и болезней и чуждыми прославления.

Целью Второго Пришествия Сына Божия на землю является мировой Суд. Ввиду этого свт. Ипполит называет Христа Судьей всех (κριτής

---

[1] *Ипполит Римский, еп.* Творения. Вып. 1–2. Казань, 1898–1899. О Христе и антихристе. Гл. VI.

[2] Там же. Гл. LII; Его же. Толкование на пророка Даниила. Гл. IV, 49.

[3] *Ипполит Римский, еп.* О Христе и антихристе. Гл. LIV.

[4] Там же. Гл. LVI.

πάντων): небесных, земных и преисподних, небесным Судьей мира, пришедшим с небес Судьей Судей и Царем Царей, Судьей живых и мертвых.

В своем комментарии на книгу пророка Даниила святитель замечает, что небесный Судья после воскресения достойным дарует вечное царство (τὸ αἰῶνον βασιλέον), а нечестивых будет жечь вечный неугасимый огонь (ἄσβεστον καί ἀκοίμητον πῦρ ἐξαφθη). Ожидаемый всеобщий суд будет служить гранью между настоящим миром с нынешней историей человечества и будущим миром с ожидаемой судьбой всей твари. На вопрос о том, что же именно будет после воскресения, свт. Ипполит спешит заметить, «что это увидят только достойные». Но в трактате «Против греков» (Liber adversus Graecos) он достаточно подробно изображает состояние грешников и праведников в другом мире. **Переход из нынешнего мира в другой, по мнению свт. Ипполита, будет иметь не только религиозно-этическую, но и космически-физическую перемену.** Эта последняя, по воззрению святителя Римского, совершится через сожжение.

Приведенные свт. Ипполитом многочисленные цитаты из Св. Писания и их истолкование составили теоретическую базу христианского учения об антихристе. Все дальнейшие церковные авторы так или иначе следовали сложившейся схеме, включавшей в себя следующие основные положения:

1) антихрист будет евреем и родится от блудницы;

2) родится в колене Дановом (Иер. 8:16);

3) у него будет помощник — лжепророк (Апок. 13:11);

4) его главные союзники: Едом, Моав, Амон (Дан. 11:41);

5) он воцарится в Римской империи (Апок. 17:11);

6) победит трех царей: египетского, ливийского и эфиопского (Дан. 11:43);

7) евреи признают его своим Мессией (Ин. 5:43);

8) он восстановит Иерусалимский храм и сядет в нем (2 Фес. 2:4);

9) водрузит свое изображение («образ», «идол») для всеобщего поклонения (Апок. 13:14);

10) подвергнет людей клеймению, то есть будет накладывать специальную печать — начертание на чело или на правую руку с числом имени его 666 (Апок. 13:16,18);

11) будет в особенности преследовать христиан (Дан. 7:25; Апок. 13:7);

12) умертвит явившихся пророков Еноха и Илию (Апок. 11:3–10);

13) время его правления составит три с половиной года (Дан. 7:25; Апок. 13:5);

14) его Господь Иисус убьет духом уст Своих при Втором Пришествии (2 Фес. 2:8; Апок. 19:19–21).

Таким образом, мы видим, что все церковные писатели — исключая апостольских мужей, эсхатология которых, как уже было отмечено выше, проста и безыскусственна, — касаются тех или иных эсхатологических вопросов, главным образом с апологетическими или этическими целями. Поэтому, естественно, они уделяют достаточно внимания только тем вопросам (например, о всеобщем воскресении мертвых), которые в их время подвергались сомнению или отрицанию со стороны язычников или еретиков. При таком положении вещей, разумеется, у них не могло быть мысли о целой, в полной мере обстоятельной системе эсхатологических воззрений. Александрийская богословская школа, сообщив христианской эсхатологии новое,

сравнительно с прежним, направление, дала полную научно обработанную эсхатологическую систему. Появление последней в известной степени было подготовлено воззрениями по эсхатологическим вопросам Климента Александрийского.

Александрийский пресвитер в своих сочинениях уделяет большое внимание вопросу о загробной участи каждой конкретной души. По учению Климента, огненные адские мучения, которые являются наказанием для умерших грешников, вместе с этим служат для них средством очищения от грехов и путем к достижению блаженства. Иными словами, по его мнению, некогда может наступить всеобщий апокатастасис. При таком взгляде на значение для душ умерших грешников огненных мучений Климент Александрийский должен был считать Второе Пришествие Христа и связанные с этим другие мировые события малозначимыми и почти излишними. Но, придерживаясь в данном случае основ христианского предания, он этого не делает, хотя каждому из последних мировых событий уделяет очень мало внимания.

Касаясь вопроса о Втором Пришествии Сына Божия, Климент называет его «днем Христа»[1], который он представляет себе чрезвычайно приятным. Господь, по воззрению пресвитера, придет во второй раз в Своей славе и с воинством. Он учит о несомненности будущего всеобщего воскресения мертвых и последующем всеобщем Суде, на котором нашим Судьей будет Сам Христос.

Когда же Климент Александрийский в своих сочинениях касается вопроса о конечной судьбе мира вообще, то ограничивается достаточно краткими замечаниями. По его мнению, этот мир некогда прекратит свое существование через стихию огня, и тогда настанет мир иной[2].

Ориген в своих творениях много места уделяет участи души по смерти человека в теории апокатастасиса. Придерживаясь учения о постепенном очищении и усвоении небесного блаженства душами умерших, Ориген мало уделил внимания теме Второго Пришествия. Однако он не отрицает необходимость последнего. Опровергая хилиазм, Ориген не дает точного определения времени Второго Пришествия Христа на землю. Он ограничивается в данном отношении только изображением знамений, которые будут предшествовать этому мировому акту. По его убеждению, перед Вторым Пришествием Сына Божия на землю прекратят свое существование все религии, кроме христианской[3]. Тогда обратятся к истинной вере все народы, включая иудеев, хотя Иерусалим и их царство не будут восстановлены. Несмотря, однако, на такое широкое распространение христианства, по мнению катехета Александрийского, перед Вторым Пришествием в мир Христа будет много грешников[4].

Эсхатологические воззрения Оригена имели немало приверженцев, преимущественно среди александрийцев. Однако среди последних было немало и его противников. Самым известным и сильным противником эсхатологи-

---

[1] *Климент Александрийский.* Педагог. Ранние Отцы Церкви: мужи апостольские и апологеты. Антология. Брюссель, 1988. Кн. 1. С. 40.

[2] Там же. С. 29.

[3] *Макарий (Оксиюк), митр.* Эсхатология свт. Григория Нисского. М., 1999. С. 157.

[4] Там же.

ческих воззрений Оригена в эту эпоху ранней христианской письменности был свт. Мефодий, епископ Олимпийский (†311). Этот святитель старался опровергнуть Оригена во всех тех пунктах его эсхатологической системы, в которых последний уклонился от церковного предания. Святитель Мефодий оспаривал мнение Оригена о том, что для человеческой души воскреснет не то же самое тело, которое принадлежало ей во время земной жизни, а лишь некоторый чисто духовный его вид, характеризующий бывшее тело известного человека. При решении вопроса о времени наступления блаженного состояния умерших праведников свт. Мефодий полагал, что для тех, кто проводит свою жизнь в истинном девстве, оно наступит сразу после смерти. Говоря же о всей совокупности праведников, он, исходя из хилиастических взглядов, допускал, что блаженство для них наступит только после всеобщего воскресения мертвых.

О заключительных событиях мировой истории свт. Мефодий в дошедших до нас творениях говорит сравнительно немного. В сохранившихся творениях свт. Мефодия нет специального трактата о будущем всеобщем Суде. Святитель лишь как бы мимоходом замечает, что восстановление наших тел совершится в тот день, когда мы будем судимы[1].

IV

Переходя теперь к рассмотрению эсхатологических вопросов в творениях свт. Василия Великого (†379), нужно отметить, что этот святой отец хотя и довольно часто упоминает о будущей жизни, тем не менее на эсхатологических проблемах останавливается лишь мимоходом[2]. Однако встречающиеся в творениях свт. Василия мысли на этот счет в силу своей оригинальности будут для нас небезынтересны.

По учению свт. Василия, судьба каждого человека в отдельности сольется с судьбой всего человеческого рода, когда существование настоящего мира прекратится и наступит будущий век. Будущий век, называемый свт. Василием «восьмым днем», который настолько будет отличаться от настоящей жизни, насколько первый день миробытия отличается от последующих, начнется «во время ожидаемого явления Господа с небес» или «в день Его откровения»[3].

Святитель Василий в своих творениях не раз упоминает о будущем воскресении мертвых. Несомненно, что Каппадокийский святитель признавал различие между воскресшими телами и настоящими. Но в чем оно будет состоять, об этом приходится судить лишь на основании его утверждения, что «во время воскресения мы воспримем плоть, ни смерти не подлежащую, ни греху не подверженную»[4], потому что тогда мы облечемся «в тело нетленное и бессмертное»[5].

---

[1] *Мефодий Олимпийский, свт.* Пир десяти дев. Речь IX. Гл. III / Отцы и учители Церкви III века. Антология. М., 1996. Т. 2. С. 449.

[2] *Макарий (Оксиюк), митр.* Эсхатология свт. Григория Нисского. М., 1999. С. 223.

[3] *Василий Великий, свт.* О Святом Духе / Василий Великий, свт. Творения. Ч. V. С. 122.

[4] *Василий Великий, свт.* Письма / Василий Великий, свт. Творения. Ч. VII. С. 208.

[5] Там же. Ч. VI. С. 38.

О будущем суде свт. Василий говорит сравнительно часто. Этот суд, по его словам, будет общим для всей твари, страшным, на нем «доброе, худое, явное, тайное, дела, слова, помышления — все вдруг ясно откроется во всеуслышание всем, людям и ангелам»[1]. Участь праведников и грешников после Страшного Суда, само собой понятно, будет до противоположности различной. Свт. Василий не придерживается точки зрения Оригена о том, что мучениям грешников когда-либо придет конец. Говоря об адских мучениях после всеобщего Суда, святитель утверждал, что последние будут вечными, так же как и блаженства. Мучения в аду, однако, будут распределены между грешниками не одинаково, а по мере злодеяний[2].

В своих творениях свт. Василий Великий мало говорит о конечной судьбе мира вообще. Однако можно утверждать, что он предполагал в будущем космическую перемену. Настанет время, рассуждал св. отец, когда все будет иссушено огнем[3], когда настоящий мир прекратит свое существование, так как «начавшееся во времени по всей необходимости и окончится во времени», изменив свое бытие[4].

Ясно понимая, что в День Господень приходит «скончание и изменение всего мира»[5], святитель Василий Великий намеренно обращает внимание к дням настоящим, напоминая, что «хотя бы и далек был день скончания всего мира, однако ж близок собственный день исхода для каждого из нас, то есть скончание одного человека; и сей то день имея пред очами, должно соблюдать сказанное у Исаии: *“рыдайте, близ бо день Господень”* (Ис. 13:6)»[6].

Подобно свт. Василию Великому и свт. Григорий Богослов († 389) специально не занимался эсхатологией. И у него мы не найдем особых эсхатологических трактатов или рассуждений. Когда пройдет время, определенное Богом для земной жизни людей, тогда, по учению свт. Григория, снова придет на землю Христос. Святитель в своих творениях не говорит специально о том, когда и как будущему пришествию Христа будет предшествовать антихрист, хотя вообще он упоминает о последнем[7].

О последнем мировом событии — всеобщем воскресении мертвых — святитель упоминает в своих творениях неоднократно[8]. Он учил, что «последний день, по Божьему мановению, соберет всех вместе от концов земли, хотя бы кто был обращен в пепел и лишился членов в болезни»[9]. Свт. Григорий не говорит подробно об обстоятельствах, которые будут предшествовать всеобщему воскресению мертвых, хотя и упоминает об «архангельском гласе» и «последней трубе»[10]. «Христос, — говорит он, — снова придет во

---

[1] *Василий Великий, свт.* Письма / Василий Великий, свт. Творения. Ч. VII. С. 112.

[2] Там же. Ч. V. С. 291–292.

[3] *Василий Великий, свт.* Шестоднев / Василий Великий, свт. Творения. Ч. I. С. 48.

[4] Там же. С. 9.

[5] *Василий Великий, свт.* Творения. Ч. II. С. 305.

[6] Там же. С. 301.

[7] Там же. С. 247.

[8] *Макарий (Оксиюк), митр.* Эсхатология свт. Григория Нисского. М., 1999. С. 248.

[9] *Григорий Богослов, свт.* Творения. Ч. V. М., 1889. С. 287.

[10] Там же. Ч. I. М., 1889. С. 214.

славе Отца и с телом». Кто не признает, что Христос с воспринятым Им человечеством и теперь пребывает и с ним придет, тот, по словам Богослова, «да не узрит славы Его пришествия»[1].

Сравнительно немного говорит свт. Григорий Богослов и о будущем Суде, хотя дает о нем довольно полное представление. Неоднократно упоминая о нем в своих творениях, он трактует этот Суд как всеобщий[2], единственный, окончательный. Свт. Григорий Богослов специально почти не останавливал своего внимания на конечной судьбе мира вообще. Несомненно, однако, что он предполагал «разрушение существующего» и «некоторое изменение в лучшее»[3]. Он утверждал, что «вещество сгорит»[4] и произойдет «преобразование неба, претворение земли, освобождение стихий и обновление целого мира»[5].

Таким образом, к золотому веку святоотеческой письменности в раскрытии эсхатологических истин ясно наметились три течения: хилиастическое, спиритуалистическое и церковное. Приверженцы хилиазма, как, например, авторы Дидахи и Послания, известного с именем апостола Варнавы, Папий Иерапольский, св. Иустин Мученик, свт. Ириней Лионский и др., оставляя почти без внимания состояние душ непосредственно по смерти и до воскресения (только относительно мучеников хилиасты вполне определенно утверждали, что они непосредственно после своей смерти удостаиваются блаженной участи), признавали два воскресения мертвых, причем полагали, что после первого из них, в котором примут участие лишь праведники, откроется на земле тысячелетнее царство, а после второго, *всеобщего* воскресения, — Страшный Суд, на котором навсегда определится участь людей. Представители же спиритуалистической эсхатологии, как, например, Климент Александрийский и Ориген, учили, что умершие грешники через адские мучения постепенно очищаются от своих грехов и мало-помалу достигают первоначальной чистоты и блаженства. Согласно с таким взглядом на адские мучения, они допускали апокатастасис (восстановление, возвращение) всего существующего в первичное состояние и, таким образом, отвергали вечность адских мучений, причем смотрели на воскресшие тела, как на какую-то светоносную эфирную массу, не имеющую ни веса, ни органов, ни особого внешнего вида, а лишь тожественный с прежними телами тип (εἶδος)[6].

Церковная эсхатология, конечно, не допускала ни двух воскресений и тысячелетнего земного царства хилиастов, ни исправительного характера адских мучений и всеобщего апокатастасиса представителей спиритуалистической эсхатологии, но, напротив, утверждала вечность адских мучений для грешников. Церковная эсхатология в большей или меньшей степени нашла свое отражение в сочинениях практически всех церковных писателей христианской древности. В наибольшей полноте с точки зрения учения о конеч-

---

[1] *Григорий Богослов, свт.* Творения. Ч. V. М., 1889. С. 286–287.

[2] Там же. Ч. III. С. 225.

[3] Там же. Ч. V. С. 287.

[4] Там же. Ч. IV. С. 196.

[5] Там же. Ч. I.

[6] *Макарий (Оксиюк), митр.* Эсхатология свт. Григория Нисского. М., 1999. С. 248.

ной судьбе человеческого рода и мира вообще последняя была представлена в трудах святителя Иоанна Златоуста (†407).

Прежде всего свт. Златоуст уделяет немало внимания Второму Пришествию Христа, особенно его признакам. Согласно с учением св. апостола Павла, свт. Иоанн Златоуст полагал, что пред Вторым Пришествием Христа явится на землю известный человек, называемый антихристом, который будет проповедовать ложное учение, совершать беззаконные действия и чудеса, выдавать себя за Бога и требовать божеского поклонения. Действия антихриста, по представлению свт. Златоуста, будут насильственными. Он с особой ревностью станет распространять свое влияние на людей, поднимет сильное гонение на христиан, но будет принят, прежде всего, евреями, как царь и завоеватель, а затем — слабыми христианами и неверующими; истинные же христиане в это время получат подкрепление свыше. Если «Христос, — говорит свт. Иоанн, — <…> приходил <…> по любви к людям и чтобы открыть истинное значение всего», то, напротив, «антихрист придет на человеческую погибель, чтобы наносить людям обиды. <…> Все приведет в смятение и замешательство, как посредством своих повелений, так и посредством страха. Он будет страшен во всех отношениях — и своей властью, и жестокостью, и беззаконными повелениями»[1]; он «насильно будет похищать все ему не принадлежащее»[2]. Но святитель вместе с апостолом Павлом призывает верующих не бояться, так как антихрист «будет иметь силу только над погибающими»[3].

Кроме явления антихриста, свт. Иоанн Златоуст указывает еще и на другие признаки Второго Пришествия Христа — особые страшные явления в физическом мире, разные бедствия и смуты. Свт. Иоанн Златоуст вместе с тем сознавал, что время данного мирового события в точности известно одному только Богу, а от нас сокрыто ради нашей пользы. По рассуждению св. отца, не следует полагаться на признаки Пришествия Христова, потому что Святое Писание не говорит, что явление антихриста «будет знамением пришествия Христова, но утверждает, что Христос не будет давать предзнаменования о Себе, а придет внезапно и неожиданно»[4]. Святитель объясняет, что нет пользы нам знать точно, когда придет этот день, потому что для каждого прежде всего кончиной века является конец его жизни и даже он от нас сокрыт. Иначе «всякий, зная последний свой день, совершал бы бесчисленные преступления и уже в тот день приступал бы к купели, когда бы стал отходить [из этого мира]»[5].

Находясь же в неведении о Дне Пришествия Христова, человек всегда должен помнить о смертном часе — своем личном апокалипсисе. «Никто из живущих на земле не получит разрешения в грехах, по переходе в будущую жизнь, не может избежать истязаний за них. Но как здесь преступники приводятся из темниц на суд в оковах, так, по удалении из этой жизни, все души приведутся на Страшный Суд, обремененные различными узами грехов»[6].

---

[1] *Иоанн Златоуст, свт.* Творения. Т. XI. Кн. 2. СПб., 1900. С. 600.
[2] Там же. Т. VIII. Кн. 1. С. 272.
[3] Там же. Т. XI. Кн. 2. С. 600.
[4] Там же. Т. XI. Кн. 2. С. 548.
[5] Там же. Т. XI. Кн. 2. С. 546.
[6] Там же. Т. VII. Кн. 1. С. 147.

Второе Пришествие Христа на землю, по учению свт. Златоуста, будет внезапным. Предварительно явится на небе знамение Креста для изобличения неуверовавших. А вслед за ним придет и сам Господь на облаках, в сопровождении всех ангелов и святых. «Прежде всего, — говорит св. отец, — явится знамение Сына Человеческого, на котором Его распяли иудеи, блестящее, как молния, которое понесут святые ангелы»[1]. «Он [Спаситель] придет на облаке, подобно тому, как и вознесся»[2].

Одновременно со Вторым Пришествием Христа на землю произойдет всеобщее воскресение мертвых. Хотя догмат всеобщего воскресения прочно базируется на свидетельствах Святого Писания, тем не менее свт. Иоанн Златоуст, ввиду возражений против него еретиков и язычников, старался уяснить данную истину как можно подробнее и обстоятельнее. Свт. Иоанн Златоуст в то же самое время утверждал, что наши воскресшие тела будут отличаться от настоящих. По его учению, они будут подобны воскресшему телу Христа Спасителя, так как окажутся нетленными, бессмертными, славными, духовными, не имеющими нужды в пище и питье.

Целью Второго Пришествия Христа будет Страшный Суд над людьми, как воскресшими из мертвых, так и оставшимися в это время в живых. «И соберут, — пишет свт. Иоанн Златоуст, — ангелы людей от четырех пределов Вселенной, в долине плача. Потрясется эта долина, и откроются средства Суда: огненная река, исполненная неусыпаемого червя, жестокие и немилосердные ангелы и вкруг ставшие дела каждого». На этот Суд, по учению свт. Златоуста, явятся все когда-либо жившие люди, причем большой и малый тогда окажутся равными и «каждый из нас даст ответ Богу за самого себя»[3]. Результатом мирового Суда будет разлучение грешников и праведников. Первые за свои добрые дела удостоятся награды, и для них начнется «другая жизнь, в которой уже нет ни смерти, ни болезни, ни старости, ни бедности, ни клевет, ни козней, <…> ни браков, ни болезней рождения, но все это исчезнет, как разметаемый прах, и настанет другое, лучшее состояние жизни[4], а последние услышат страшный приговор Судии: *«Идите от Мене проклятии»*, — не от Отца, так как не Он проклял их, но собственные их дела, — *«во огнь вечный, уготованный»* не вам, а *«диаволу и ангелам его»* (Мф. 25:41)»[5]. Правда, святитель отмечал, что помимо страшных мучений, одно только лишение небесных благ и благоволения Божия «есть мучение более жестокое, чем геена»[6]. Тем не менее вселенский учитель настаивал на реальности и вечности адских наказаний[7].

После строгого осуждения оригенизма на V Вселенском соборе в 553 г. богословской мысли была дана определенная норма для раскрытия эсхатологических христианских истин, церковная эсхатология получила более определенный облик и в последующих веках в христианской письменности теория апокатастасиса не имела приверженцев[8].

---

[1] *Иоанн Златоуст, свт.* Творения. Т. X. Кн. 2. СПб., 1900. С. 944.

[2] Там же. Т. VII. Кн. 2. С. 767.

[3] Там же. Т. X. Кн. 1. СПб., 1900. С. 212.

[4] Там же. Т. V. Кн. 1. С. 290.

[5] Там же. Т. VII. Кн. 2. С. 795.

[6] Там же. Кн. 1. СПб., 1900. С. 271.

[7] Там же. Кн. 1. С. 13–14.

[8] *Макарий (Оксиюк), митр.* Эсхатология свт. Григория Нисского. М., 1999. С. 649.

Однако среди простого народа всегда были популярны различные апокалипсисы и пророчества сомнительного происхождения, часто апокрифические и лжеименные произведения[1], удовлетворявшие то самое жгучее любопытство, присущее человеческой природе, о котором упоминал свт. Иоанн Златоуст. В связи с этим хочется отметить тот факт, что Святые Отцы и учители Церкви обращались в своих писаниях к вопросам эсхатологии почти исключительно в целях защиты Православного вероучения и нравственного назидания верующих. Церковные дидаскалы старались предохранить христиан от нездорового и чрезмерного интереса к вопросам, покрытым тайной Божиего Промысла, привить им трезвые, благоговейные мысли и чувства.

V

Теперь, переходя от учения Мужей апостольских, ранних отцов Церкви и золотого периода святоотеческой письменности к современному положению дел, следует привести мысль крупного догматиста В. Н. Лосского: «Надо сказать, что нынешняя “мода на эсхатологию” не имеет ничего общего с чаянием неминуемого пришествия Христова, того нового смысла времен, которое возбудило в апостолах и их учениках благовестие иудеям и язычникам переворота, совершенного Христом, Победителем греха и смерти во всем космическом строе». Эсхатологизм наших дней также не похож на богословие, обращенное к последним срокам, на то богословие отцов Церкви, которое, как завоевание свое, собирало все проросшие в мысли человечества ростки истины, чтобы все проросло «в меру полного возраста Христова» (Еф. 4:13)…

Проблемы эсхатологии в последнее десятилетие XX в. и в начале XXI в. приобрели особенно острую окраску в связи с нагнетанием в обществе страхов апокалиптического характера. Этот факт был отмечен Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II в его приветственном слове участникам богословской конференции РПЦ под общим заглавием «Эсхатологическое учение Церкви», состоявшейся в ноябре 2005 года в Москве. В своем слове Его Святейшество, в частности, сказал: «нынешний период мирового развития характеризуется процессами глобальных, то есть всемирных, изменений», с которыми связано впадение некоторых в «апокалиптическую истерию»[2]. Нездоровый ажиотаж среди многих православных воцерковленных людей по поводу ввода государственными структурами новых способов регистрации и учета разных видов жизнедеятельности граждан создает определенный негативный ореол в представлениях светских административных структур о Православии как таковом. Духовная жизнь самих верующих, подпавших под влияние таких апокалипсических страхов, начинает принимать нездоровые, искаженные, подчас даже уродливые формы. Говоря об эсхатологии в учении Церкви и ее Отцов, мы не можем обойти молчанием эти болезненные явления в современной церковной жизни.

С другой стороны, нам понятна та обеспокоенность, которую вызывает в сознании простых верующих всё нарастающая апостасия современного об-

---

[1] Учение об антихристе в древности и Средневековье. СПб., 2000. С. 31.

[2] *Алексий II, Святейший Патриарх Московский и всея Руси.* Приветствие участникам Богословской конференции Русской Православной Церкви «Эсхатологическое учение Церкви», Москва, 14–17 ноября. С. 9–11.

щества, отказ от основ христианского мировоззрения и нравственных основ культуры. Объединение Европы, всемирная глобализация, увеличение роли информационных сетей в человеческой деятельности являются яркими отличительными чертами современной жизни. И, как христиане, мы в связи с этими процессами, безусловно, будем поставлены перед новыми вызовами, вызовами современного гуманистического сообщества. Мы не должны забывать о природе того объединения, которое происходит сейчас в Европе. Его природа политико-экономическая, в ней нет религиозной, духовной основы, которая является единственно возможным фундаментом для объединения христиан. Новая конституция Европейского Союза даже не упоминает о христианской вере и о наследии христианской традиции наций, которые входят в него. И это не просто нейтральная, а, на самом деле, антихристианская позиция, о которой мы, как христиане, должны всегда помнить.

Постисторическое общество, о котором писал в свое время Владимир Соловьев, характеризуется тем, что «человечество захлестывает волна идеологического синкретизма, различных форм спиритизма, утонченной мистики («теоретический материализм» переживает глубокий упадок), вплоть до откровенного сатанизма. В этой атмосфере идеологической всеядности, когда традиционные нравственные и религиозные нормы и ценности перестают для подавляющего большинства иметь сколько-нибудь существенное значение, и происходит [по Вл. Соловьеву] внешне вполне благопристойное и вписывающееся в общую ситуацию явление антихриста. Последний как бы принимает правила игры, существующие в постисторическом мире[1].

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» вопросам глобализации во многом посвящен XVI раздел. Там говорится, что, с одной стороны, новые явления в международных отношениях способствуют развитию торгового, производственного, военного, политического и иного сотрудничества, необходимость которого диктуется естественным усилением международных связей. Однако при том, что имеются положительные примеры такого сотрудничества, нельзя недооценивать опасности расхождения между волей народов и решениями международных организаций и транснациональных корпораций, которые могут становиться средствами доминирования одних стран над другими, менять традиционные способы организации общества и осуществления власти, что нередко чревато тотальной унификацией и коммерциализацией всех сторон жизни и создает прямую угрозу традициям и религиозным устоям народов.

Известный современный петербургский православный философ А. Л. Казин приходит к следующему выводу: «Таким образом, очертания грядущего “нового мирового порядка” видны уже сегодня. В нем не будет традиционной религиозной, национальной, культурной или экономической структуры. Это будет “бархатная” диктатура интернационального банковского капитала, манипулирующего в своих интересах как управленцами (менеджерами), так и производителями (работниками). Их общей задачей будет прежде всего производство концептуально-информационной власти — этой единственной власти “открытого общества”. Духовно окормлять

[1] *Сербиненко В. В.* Философская эсхатология Вл. Соловьева / Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В. С. Соловьева. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 14–15 февраля 2003 г. Серия «Symposium». Вып. 32. СПб., 2003. С. 162.

такую власть будет оккультная “интеррелигия” антихристианской направленности… В целом “новый мировой порядок” означает конец человека как творения Божия, как Homo Sapiens (человека мыслящего) и Homo Moralis (человека нравственного)[1]».

Как было отмечено председателем ОВЦС Московской Патриархии митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом (ныне Патриарх всея Руси Кирилл), «нравственно нейтральные естественные процессы необходимо ясно отличать от стремления удержать или захватить власть, навязать людям ту или иную волю, приумножать благосостояние богатых за счет бедных. Подобные явления, нарастающие в мире, Церковь может и должна пророчески обличить. Вот лишь некоторые из таких явлений:

- навязывание секуляризма как единственного политического стандарта;
- настойчивые попытки вытеснить религию из общественной сферы;
- информационная, культурная и религиозная унификация, разрушающая самобытность народов и личностей;
- кризис народовластия, отдаление простых граждан не только от участия в принятии политических решений, но и от их понимания (яркий пример — попытка продвинуть более чем 250-страничный проект Европейской конституции);
- концентрация власти в руках никем не избранных и никому не подотчетных экономических, медиатических, юридических и бюрократических элит;
- опасность тотального контроля над частной жизнью человека, его мировоззрением и взглядами;
- повышение роли финансового сектора экономики, который становится самодовлеющим;
- расширение разрыва между богатыми и бедными странами, происходящее из-за эрозии реальной свободы рынка товаров и труда»[2].

На фоне всего изложенного мы становимся свидетелями усилий лиц, не укорененных в традиции Православия, «не по разуму» ревностных неофитов, а также и скрыто действующих антиправославных сил, в разжигании панических настроений среди церковной паствы. В качестве повода к раздуванию нестроений, розни и открытого неповиновения церковной иерархии используются те самые упомянутые выше злободневные факты апостасии, представленные, однако, в специально обработанной агитационно-шокирующей форме. Есть множество примеров использования этими силами более или менее завуалированной лжи и клеветы, прямых и косвенных подлогов в представляемом ими материале. Результатом такой политики является ненамеренное или же умышленное изображение Православия как религии фанатизма и зашоренности, как религии отмирающего, уходящего в небытие прошлого.

В церковной жизни мы тоже становимся свидетелями множества случаев открытого неповиновения, подрыва авторитета иерархии, начальству-

---

[1] *Казин А. Л.* Глобализация и христианская духовность // Православие: ответ на вызовы XXI века. (Материалы научно-практической конференции). СПб., 2003. С. 42–43.

[2] *Кирилл, митрополит Калининградский и Смоленский.* Слово участникам круглого стола на Богословской конференции Русской Православной Церкви «Эсхатологическое учение Церкви», Москва, 14–17 ноября 2005 г.

ющих и духовников. Все эти события являются следствием нездорового типа духовности, искажения главных ориентиров, а зачастую простого невежества в области вероучения и богословия. Наша эпоха становится, или точнее, уже стала источником нового испытания для здоровых сил Церкви, ее служителей и верных чад. Это испытание перед лицом целого комплекса «эсхатологических», если можно так выразиться, искушений, которые не новы и известны нам из церковной истории, но открываются в современном мире с невиданным размахом и силой.

«Видеть обреченность этого мира и зло, которое в нем действует, — это не то же самое, что предаваться "апокалиптическим настроениям". <…> К сожалению, есть такие христиане, для которых более важным, чем духовное бодрствование, является поиск знамений конца истории, <…> их духовное зрение обращено не столько ко Христу, царствующему в Своей Церкви, сколько к грядущему антихристу»[1]. Такая искаженная, односторонняя эсхатология искажает духовное устроение подпавших под ее влияние.

В наше время, когда люди особенно склонны к различного рода психопатическим состояниям, животрепещущие для всякого христианина проблемы эсхатологии становятся сугубо огнеопасной сферой, используются в политических спекуляциях. При некоторой «склонности многих людей в Православии к тому, чтобы легко сделать раскол»[2], от пастырей и архипастырей требуется особое внимание и осторожность, терпение и деликатность, даже чтобы наряду с охранением паствы от прелестных состояний и заблуждений, спасти по возможности души всех, кто еще способен услышать глас православного пастыря.

В связи со всем вышесказанным на всех нас, православных мирянах, а особенно — пастырях и архипастырях Церкви Христовой, в нашу эпоху лежит особенная ответственность проповеди и разъяснения истинного, православного подхода к вопросам и проблемам эсхатологии. «Второе Пришествие Христово принадлежит к цепи событий мировой истории и одновременно завершает их. Христианство без ожидания Второго Пришествия — лестница, обрывающаяся в пустоту. Сквозь завесу образности Писания, апокалипсиса, ясно видно одно: к нам грядет Христос. И центром, ядром последних событий будет Сам Христос»[3]. *«Ей, гряди, Господи Иисусе!»* — восклицает со дерзновением святой апостол Иоанн (Откр. 22:20), возлюбленный ученик Христов, подавая нам всем пример истинного упования и надежды, которые никогда не должны покидать христианина. Слова этого предпоследнего стиха всей Библии и Нового Завета да будут всегда в наших сердцах.

---

[1] *Филарет, митрополит Минский и Слуцкий.* Вступительное слово на Богословской конференции Русской Православной Церкви «Эсхатологическое учение Церкви», Москва, 14–17 ноября 2005 г.

[2] *Афанасий (Евтич), еп.* Хлеб богословия. М., 2004. С. 102.

[3] *Флоровский Г., прот.* О последних вещах и последних событиях // Догмат и история. М., 1998. С. 455.

БЛАЖЕННЫЙ ИНОК*

Жизнеописание блаженного инока Владимира, Важеозерского чудотворца

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

Составлено по воспоминаниям современников и их потомков.

Составитель А. Е. Селезнев

*Продолжение. Начало в №№ 1, 2 за 2016 г.

* * *

Подворье монастыря, откуда писал он, находилось в Санкт-Петербурге на Московской улице[1]. Далеко не всякий монастырь (их в то время в стране было более тысячи двухсот!) имел свое подворье в столице. Одного этого факта достаточно, чтобы оценить роль обители в духовной жизни России.

Монастырь основали около 1530-го года ученики преподобного Александра Свирского — Геннадий и Никифор Важеозерские, впоследствии прославленные Церковью в лике преподобных отцев. Сначала, еще при жизни преподобного Никифора, в монастыре был лишь деревянный храм да десяток братских келий. Постепенно по царским жалованным грамотам прирастал монастырь землями, рыбными угодьями, но в начале XVII века поляки и шведы его разграбили; игумен монастыря Дорофей с семью братьями тогда приняли мученическую смерть. Десятки лет, как после тяжелой болезни, поднимался монастырь снова, но долго оставался приписным. Лишь после того, как обитель отошла к Александро-Свирскому монастырю, началось его активное возрождение. Поселился здесь (в 1830 году) опытный духовник и рачительный хозяин о. Исайя с учениками. Наладив иноческую жизнь, он приложил немало усилий для того, чтобы монастырь стал действительно «цветком благоуханным северной Фиваиды». Только и монастыри имеют на земле свой срок, рождаются почти в таких же, как и люди, муках, по-разному живут, знают расцвет, упадок, пору болезней и умирают по-разному. Важеозерский, послужив более трехсот

[1] Ныне ул. Крупской, д. 3.

лет, был почти полностью уничтожен пожаром в 1885 году. Бедствие разбросало братию по другим монастырям, и жизнь в обители прекратилась, на этот раз, казалось, навсегда.

Но если Господь воскресил смердящий четырехдневный труп, может ли быть для Него препятствием разрушение каменных или деревянных стен? Как сказано у Псалмопевца: *послеши духа Твоего, и созиждутся* (Пс. 103, 30). Чрез два года после пожара начались восстановительные работы. Руководил ими иеромонах Геннадий, постоянный спутник всех поездок по Северу отца Иоанна Кронштадтского. Сам отец Иоанн, при всей своей загруженности, заботы о монастыре выделял как дела особо важные. Из своих средств жертвовал до тысячи рублей в год, находил благодетелей, направлял их усилия на возрождение в недавнем прошлом одного из известнейших монастырей. Авторитет «всероссийского батюшки» действовал просто магически, и уже в 1892 году отец Иоанн освятил новую деревянную Преображенскую церковь. Тогда же были построены дошедшие до нас храмы, игуменский и гостиничный корпуса, церкви увенчали пятью главами. Во Всехсвятской, теплой, богослужения совершались зимой, а после праздника Всех Святых служба переносилась в Преображенскую.

Вот как пишет об обители безымянный паломник, побывавший там примерно в те же годы: «На далеком севере, в пустынном Олонецком крае, на берегу небольшого озера Важи, среди векового, почти непроходимого леса, увлажненного местами болотным мхом, расположена небольшая иноческая обитель — Важеозерская, или Задне-Никифоровская. Более уединенного места для обители, для подвигов молитвенных трудно, кажется, и найти. На много верст вокруг нет никаких селений. Всюду пустынная тишина, все полно покоя, изредка нарушаемого голосами птиц, криком зверя да тихим звоном небольших колоколов монастырского храма. И паломников редко встретишь в обители, особенно зимою, когда вьюгами заметаются дороги, и самый след их изглаживается под сугробами снега…».

В этот монастырь и благословил отец Иоанн свое чадо Владимира Алексеева. Здесь, вдали от мира, проходил он монашеский искус, приобретал все то, что потом будет раздавать людям. «Первее иди в келью, и келья всему научит тя», — вспоминал он слова духоносных старцев, с которыми доводилось ему беседовать еще в пору паломнических скитаний. В монастыре познавал он науку добровольного послушания: не только внешнего, стоящего за словом «благословите», но и внутреннего, состоящего в исполнении поручения ради Христа, ради Его любви.

Заблуждаются те, кто при слове «монастырь» рисуют себе идиллическую картину спокойной беспопечительной жизни, всеобщей братской любви и мира в красивом месте, где-нибудь на берегу озера или в лесу. Монастырские стены в свое время служили надежным щитом государства от врага внешнего, а для общего врага спасения серьезным препятствием никогда не были. С начала монашества на земле враг особенно жестоко боролся с монахами именно в монастырях, кельях, киновиях. Древние патерики, монастырские летописи полны искусительных историй борьбы с ним, имевших вид конфликта между насельниками, сложных отношений с игуменом. В этом смысле Важеозерский монастырь не был исключением.

* * *

Первые три года монашеской жизни инок Владимир провел на подворье в Петербурге. Без скидки на возраст проходил он здесь все послушания, определенные для новоначальных. Какой ценой ему это давалось, навсегда останется тайной, только известно, что при исполнении их инок Владимир «качества явил хорошие». Так писали в ежегодных отчетах, подаваемых в Духовную консисторию с подворья и из монастыря. Но несмотря на все свои «хорошие качества», он продолжал нести подвиг юродства. В общежительном монастыре не всем по силам было такое соседство, тем не менее, никто никогда на него не жаловался, не стремился от него избавиться, хотя, может быть, братия или игумен и тяготились участившимися приездами паломников к блаженному. Но даже если такое и было, то вовсе не из недостатка братолюбия, а скорее в силу разности характеров, разницы между «серьезным» монахом и юродивым.

Монах захлопывает дверь своей кельи перед миром, стремится быть только с Богом, чтобы потом впустить в себя мир, связанный уздою молитвы, а юродивый внешне принадлежит миру, зовет мир собою туда же, куда стремится сокровенный отшельник. Странные поступки юродивого — это форма борьбы с собственными страстями: гордостью, тщеславием. Но, подавляя их ценой насмешки окружающих, даже гнева, блаженный и обидчикам дает возможность увидеть свои страсти. Не менее важно и другое: за юродством скрывается особое пророческое служение Богу. Через юродивых Сам Господь сообщает Свою волю миру или конкретному вопрошающему, но хранит их от мирской славы, прикрывая личиной мнимого безумия.

Монастырь — место особых искушений. Здесь человек всегда в состоянии нравственного выбора, всегда испытуем. Паломнику, собирающемуся на богомолье в монастырь, еще дома мешают обстоятельства, и чем ближе он к стенам обители, тем больше искушений. А в самом монастыре случается быть свидетелем и даже участником событий, вызванных демоническими силами или действием человеческих страстей. Вот как описывает одну из своих поездок в пустынь к иноку Владимиру Мария Андреевна Николаева.

В июле 1916 г. мы поехали в Никифоровскую пустынь на богомолье навестить инока Владимира и получить от него благословение и наставление. По приезде всю нашу компанию, т. е. 12 человек, пригласил о. игумен к себе в келью пить чай. На наше обращение к иноку Владимиру благословить нас пойти к игумену блаженный инок Владимир как-то странно ответил: «Если хотите Россию пропить, то идите и пейте». Ничего из этого мы не поняли, но все же не осмелились ослушаться и не пошли. Игумен прислал за нами своего келейника, а инок Владимир набрал со стола объедки кусков и все, что было, подал посланному келейнику со словами: «Передай его преподобию, что гости не придут». Игумен возмутился, вызвал старшую из нас, Марию Антоновну: «Зачем вы приехали сюда: Богу молиться или к этому дураку, слушать его басни?».

Кто заглянет в сердце блаженного, кто поймет подлинную причину его необычного поведения? Юродство — крест, принятый им добровольно, как вдохновение, как голос свыше, которому он не мог не подчиниться, вынуждало его к непонятным для многих поступкам. «Мое юродство есть тайна великая», — сказал он как-то одному из паломников. Лишь простая искрен-

няя вера гостей инока помогла им, не вникая в суть отношений с игуменом, поступить правильно: «Ничего из этого мы не поняли, но все же не осмелились ослушаться (не настоятеля монастыря, а простого инока. — *Сост.*) и не пошли».

Ездили к нему, к «этому дураку», за советом, за молитвами из Петербурга и пригородов, потому что видели в нем человека, уже теперь «жительствующего на небеси». А путь в обитель неблизкий. Сначала по железной дороге до Лодейного Поля, оттуда до Олонца, потом на лошадях более полста верст. Не один день добирались. Но слава о молитвенной помощи инока уже тогда «шествовала перед ним», и нуждающиеся в его молитвах преодолевали трудности путешествия. Безусловно, только вера в помощь Божию заставляла людей ехать так далеко, а не желание «слушать басни».

В 1904 году мой семнадцатилетний сын, мальчик Боря, — пишет Мария Андреевна, — *был тяжело болен сыпным тифом. Врачебная помощь была бессильна, и моя знакомая написала письмо иноку Владимиру. Вскоре, когда по всем расчетам письмо должно было к нему прийти, в тот самый день Боря пошел на поправку.*

По вере Марии Андреевны сын выздоровел.

Это был ее первый опыт обращения к блаженному иноку. Тогда же вскоре после выздоровления сына она сама отправилась в Никифорову пустынь к иноку Владимиру с желанием благодарить его и просить впредь молиться о всей семье.

За неимением средств, — пишет она, — *пришлось заложить вещи. По моем приезде к иноку Владимиру он, не зная меня лично, говорил мне: «Мужа покинули, детей поостaвляли, вещи позакладывали, ко мне приехали». Удивилась я, откуда он все это знает? Спустя примерно год я вторично приехала к нему спросить об арендованной земле, но он, провидев мою мысль, не дал мне возможности задать этот вопрос, а на другой день сам спросил меня, о чем я хотела вечером говорить. Вместо вопроса о земле я вдруг вспомнила, что муж мой не говел семь лет, хотя раньше я не предавала этому особого значения. Внезапно меня осенила мысль, что заботиться необходимо не о земле, а о духовном благополучии. Тут же я со слезами попросила инока Владимира помолиться о муже, на что он ответил, что муж мой скоро отговеет. А потом, уже без моего вопроса, добавил, что я выстрою дом в шесть окон.*

Дом этот стоит до сих пор. Здесь бережно хранят воспоминания Марии Андреевны и ее потомков о блаженном иноке Владимире, собирают впечатления других людей, непосредственно знавших инока, и тех, кто только слышал о нем, кто, обратившись к нему за молитвенной помощью, получил от Бога просимое.

Лучше многих знала о духовных дарах блаженного инока Мария Антоновна, его многолетняя помощница и спутница в различных паломничествах, адресат единственного письма, дошедшего до нас. Знала о его прозорливости, дерзновенной молитве, знала о даре утешения, писала ему и бывала у него в отдаленной пустыни. Возможно, именно она писала иноку по просьбе Марии Андреевны Николаевой о ее больном сыне Борисе, но можно предположить и то, что познакомились они уже в монастыре. Так или иначе, но из дальнейших воспоминаний Николаевой следует, что женщины были знакомы и вместе свидетельствовали о прозорливости инока.

В конце января 1917 года мороз доходил до 30°, но несмотря на это мы с Марией Антоновной опять поехали в Никифоровскую пустынь. На перроне Николаевского вокзала в Петрограде к нам подошел мужчина и, узнав, что мы едем в пустынь, просил передать в руки иноку Владимиру перевязанную корзину. Что было в ней, он не сказал, а мы и не спрашивали.

Лишь на третий день под вечер добрались до монастыря и сразу пошли к келье инока за благословением. Блаженный инок встретил нас с радостью, вынес образ Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» и благословил нас иконой. Марию Антоновну он тотчас отправил к игумену, а меня — в гостиницу ставить самовар. Там я спросила у гостиничного, есть ли у них чай и сахар, на что тот мне ответил, что без чая и сахара прожить можно, а вот без вина нельзя, не на чем служить Литургию, и вся братия скорбит об этом.

Вскоре от игумена пришла в гостиницу Мария Антоновна и рассказала мне с подошедшим иноком Владимиром, что о. игумен принял ее очень ласково. На что инок сказал: «Как же он мог не принять, когда Сама Матерь Божия вас благословила».

Когда был готов самовар, инок Владимир взял ту корзину, что сунул нам мужчина на вокзале, и, не вскрывая, велел отнести ее о. игумену. Тот при нас открыл ее и вынул оттуда две большие бутыли церковного вина, чай, сахар и прочее. Радости, восторгу и удивлению игумена не было предела.

Можно понять «восторг и удивление» игумена. Братия заскорбела, что кончилось вино и не на чем служить Литургию. Уж, наверное, не раз молили Бога о помощи, и — вот она, помощь свыше. А к тому, что проводником Своей милости Господь вновь избрал блаженного инока, игумен и братия за годы жизни с ним, скорее всего, привыкли: вместе молитвы, вместе послушания. Вплоть до закрытия монастыря инок лишь однажды надолго оставлял братию, в 1915 году получил отпуск на три месяца, ездил в Иркутскую епархию. А так более десяти лет из монастыря не отлучался.

Сергей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

СМЫСЛ ИСТОРИИ: ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЗГЛЯД

Сергей Вячеславович Перевезенцев, доктор исторических наук, декан историко-филологического факультета Российского православного университета, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, сопредседатель Правления Союза писателей России, автор многочисленных книг и публикаций по истории России и Русской Православной Церкви. **Живет в Москве.**

Вообще, понятие «история» имеет троякое значение. Во-первых, история — это процесс жизни человечества, народов, отдельных личностей. Во-вторых, история — это наука, которая изучает этот процесс. И, наконец, в-третьих, история — это учебная дисциплина, основывающаяся на научно-историческом знании.

Разница между наукой историей и историей, как учебной дисциплиной, очень велика. В процессе обучения истории основное внимание уделяется накоплению знаний, при этом знаний в той или иной степени общепризнанных, устоявшихся. В исторической науке дело обстоит совсем иным образом: историческая наука — это поле многообразных научных дискуссий, причем наличие единого мнения историков — большая редкость. Даже многие исторические даты, особенно в древней русской истории, нужно еще доказывать. А большинство исторических событий и их оценка — это предмет споров, иногда очень ожесточенных.

История, как наука, не занимается изучением и поиском только фактов. *Настоящая задача истории — поиск закономерностей развития человеческого общества*. А в основе исторического познания лежит понятие «проблема», иначе говоря, историку нужно уметь видеть противоречивость исторического бытия. И здесь важно понимать, что мир вообще крайне противоречив, а уж мир истории, наполненный противоборством людских мнений, интересов, устремлений, — тем более. И с одним знанием фактов, событий, дат в истории не разберешься, скорее, наоборот, окончательно запутаешься.

Но даже знание исторических проблем ситуацию не спасает, ибо проблем много, а их разрешений еще

больше! И это обстоятельство обязательно нужно понимать: *история, как наука, — это не абсолютно-истинное знание о прошлом, а совокупность научных проблем, совокупность исторических взглядов, концепций, гипотез, теорий*.

И вот, чем больше погружаешься в изучение истории, тем больше укрепляешься в том мнении, что история, как наука, базируется не только (и не столько!) на знании (которое, конечно же, необходимо и составляет основу исторической науки), сколько на понимании исторического процесса. А это значит, что *историк должен стремиться к осознанию смысла как всего исторического процесса, так и отдельных исторических событий*.

Но понимание смысла истории зависит не только от знаний или научно-теоретических представлений самого ученого или любого человека, стремящегося к познанию истории, сколько от его религиозно-философского мировоззрения, а еще точнее — от его веры. Поэтому наука история теснейшим образом связана и с философией, и с религией.

Если человек верит в то, что Бога нет, является последовательным материалистом, то и история представляется ему исключительно в виде деятельности людей. И если такой человек хочет увидеть смысл истории, то он осознает лишь некую плоскую объективно-материалистическую необходимость. Тогда в исторической науке начинает главенствовать экономика, социология и политика, как важнейшие факторы исторического развития. А движение истории предстает этаким прямолинейным процессом, развивающимся от низшего к высшему — от низших форм экономики и общественного устройства к высшим. И все. Одно время таковым высшим социально-экономическим строем у нас почитался коммунизм, теперь вот — некое постиндустриальное общество. Но перемена названия сути не меняет. Целью исторического развития в обоих случаях объявляется общество, в котором человек будет обладать максимумом материальных благ и жить на Земле с максимальным социальным и бытовым комфортом.

В том случае, когда историк ни во что не верит, объявляет себя агностиком (то бишь на самом-то деле верит, но только в самого себя), то он отказывается и от признания каких-либо длительно действующих исторических закономерностей. Но тогда и сама история теряет всякий смысл, ибо оборачивается хаосом поступков и процессов, друг с другом никак не связанных. В лучшем случае такой историк может более или менее связано пересказать исторические факты, а вот найти и проследить связи между этими фактами — вряд ли, да и не считает это необходимым делать.

Оба указанных подхода к изучению истории были очень популярны в XIX—XX вв., да и сегодня остаются главенствующими в исторической науке. Но у обоих этих подходов есть общая негативная черта — они или полностью отрицают, или же низводят до второстепенных духовные факторы исторического развития.

Однако человек — это существо не только экономическое или социальное, а еще и духовное. Ведь человек не просто копошится в хаосе исторических событий, а живет ради какой-то цели и во имя какого-то смысла. И вот здесь и возникает эта непреложная связка — духовность и смысл. Человек всегда живет во имя чего-то, всегда добивается какой-то цели и в этом видит смысл своей жизни. И всякий народ тоже живет ради какой-то цели и во имя какого-то смысла.

Эти целевые и смысловые установки человеческого бытия не появляются ниоткуда, из небытия. Более того, ни сам человек, ни даже целый народ не могут придумать себе смысл своего бытия, а если и придумывают, то потом бывают за это жестоко наказаны, ибо ложным пониманием смысла своего бытия люди уничтожают самих себя.

Откуда же берется смысл бытия человека и человечества? Ответ может быть только один — смысл бытия даруется Свыше, ибо он вложен в человека и человечество. В свою очередь, понятие «смысл истории» подразумевает то, что и у истории есть некая цель, к которой стремится человечество в ходе своего развития. А это значит и то, что смысл истории также дарован Свыше, вложен в человека, в народ, во всю человеческую историю Господом. Поэтому мы вправе утверждать, что помимо иных, «человеческих» факторов исторического развития (экономического, социального, политического и др.) существует еще один фактор — духовный.

Эту глобальную суть смысла бытия и объясняет людям религия, потому что чистая рационалистическая наука этого объяснить просто не может — это не ее задача. Более того, драма, и даже трагедия чистой рационалистической науки и заключается в том, что такая наука, оторвавшись от религии, стремится сама сформулировать для людей смысл их бытия и… оказывается бессильной это сделать. И тогда оказывается, что чисто рационалистическая наука предлагает людям… ложные цели и ложный смысл бытия. Но ведь это означает и другое — сама наука, без религии, оказывается ложной. Зато настоящая наука начинается тогда, когда она осознает свою неразрывную связь с религией.

Вот такой, казалось бы, парадокс. Казалось бы, наука не имеет ничего общего с верой, которая, прежде всего, утверждает истинность Божественного, Сверхъестественного и Чудесного. Ведь наука — это рациональное изучение действительности, т. е. познание с помощью человеческого разума так называемых «естественных законов». На самом деле, главное противоречие между наукой и верой лежит в иной плоскости — это противостояние двух форм религиозного сознания. Ведь наука — это тоже вера, т. е. форма религиозного сознания. Только это вера в человека, в его разум, в его способности. Иначе говоря, наука — это часть всеобщей религии человекобожия, созданной еще в эпоху Возрождения.

Вообще, всякое знание, как результат научной деятельности, имеет в своей основе веру в истинность этого знания, веру в истинность рациональных доказательств. Именно поэтому, кстати, в науке существует столько различных, противоречащих друг другу теорий и концепций, а сама наука (т. е. рациональное знание) есть совокупность концепций — приверженность к той или иной концепции определяется верой в ее истинность. А так как каждый ученый верит в свою истину, то и самих истин оказывается множество. *Наука, как совокупность множества концепций, есть совокупность множества относительных истин, при отрицании абсолютной истины или же, максимум, при скептическом отношении к существованию абсолютной истины*. Однако если наука отрицает или скептически относится к существованию абсолютной истины, то о какой истинности самой науки может идти речь?

Для человека, исповедующего традиционную религию, в частности, для православного человека, понятно: если Господь попустил возникновение нау-

ки, значит, Он вложил в это какой-то смысл. И если наука в свое время отвернулась от религии, как носительницы абсолютной истины, но продолжает оставаться сегодня вполне реальной и актуальной силой, то наша задача состоит в том, чтобы вернуть науку в лоно истинной, традиционной религии, туда, откуда она, собственно говоря, и вышла. Иначе говоря, необходимо повернуть науку лицом к абсолютной истине и вернуть абсолютную истину в науку. Поэтому можно более образно сказать, что сейчас стоит задача воцерковления науки, как и, кстати, воцерковления образования.

Признание первенства религиозной абсолютной истины не означает огульного отрицания науки, как совокупности истин относительных. Следовательно, необходимо соединение науки и традиционной веры. Можно ли это сделать? Можно ли соединить принцип критического восприятия всего (а это главный научный принцип, недаром у К. Маркса и Ф. Энгельса одна из работ называлась «Святое семейство, или критика критической критики») с религиозным догматом, т. е. признанием того, что есть некие вещи, не подлежащие критики вообще? На самом деле, можно. И основа, база такого соединения — диалектика, диалектическое восприятие действительности. Именно диалектика позволяет нам понять, что традиционная вера и наука — это две противоположности, находящиеся в диалектическом единстве. Более того, именно на уровне диалектики наука и совпадает с верой.

Человеческий разум уже давно понял теснейшую связь науки с верой, что нашло свое выражение в многочисленных научно-идеалистических философских теориях — в учениях Платона, Аристотеля, Плотина, Канта, Гегеля, Фихте… Кажется, ничего больше не надо придумывать, и так уже все в науке есть. Но в данном случае возникает одно большое заблуждение. Каждый из названных и неназванных здесь философов был плоть от плоти своего народа, своей истории, своей культуры, своей религии. Поэтому их философские системы представляют собой интеллектуальную аккумуляцию жизненного, религиозного, бытового, социального и другого опыта своих народов, своих культур, своих традиций. Следовательно, вполне пригодные для понимания и осмысления исторического развития одного или группы народов, эти философские системы оказываются бессильными, когда их накладывают на совершенно иной исторический, религиозный, бытовой, социальный опыт. И если все названные выше философские системы так или иначе применимы, в данном случае, к западноевропейскому историческому опыту, то относительно России… В России это понимали давно, недаром появилась пословица — «со своим уставом в чужой монастырь не ходят».

Главная методологическая проблема познания истории России вот уже на протяжении трех веков, с того самого момента, как в XVIII в. возникла российская историческая наука, и заключается в том, что отечественную историю изучали с позиций иного исторического опыта. Уже первый русский историк В. Н. Татищев предложил в основу исторической методологии положить принципы теории «естественного права», разработанной в западноевропейских ученых кабинетах в XVII–XVIII вв. И затем какие только философские системы не использовались при познании нашего прошлого: гегельянство, кантианство, неокантианство, марксизм, позитивизм… Только славянофилы, в XIX столетии, а затем мыслители из плеяды «русских консерваторов» (Данилевский, Леонтьев, Тихомиров и др.) попытались раз-

работать самостоятельные принципы исторического познания, основанные на православной истине. Но, к сожалению, их разработки так и остались невостребованными в отечественной исторической науке.

Однако именно русские мыслители этого круга первыми в полный голос заявили, что русская история многие века основывалась на Православии, а само Православие формулировало важнейшие смысловые и целевые установки бытия русского народа. А это означает, что когда мы начинаем изучать русскую историю, то без православного понимания, без православного отношения к самой жизни мы никогда в полной мере не поймем и жизнь наших предков, никогда не осознаем во имя чего они жили, трудились, умирали…

* * *

Итак, если мы говорим о познании и изучении истории, то следует согласиться с очевидным: история человечества вообще, и история России в частности, развивается под воздействием многих факторов — природно-географического, духовного, политического, социального, этнополитического… При этом в отечественной истории духовный фактор всегда играл первенствующую роль. А так как ведущей религией в России было Православие, то нужно, в первую очередь, вспомнить важнейшие религиозно-философские и духовно-политические идеи, которое принесло человечеству христианство и, исходя уже из этих идей, сформулировать тот самый православный взгляд.

Несомненно, важнейшая идея христианства — это *идея единого Бога*. Показать людям существование могущественного и единственного Бога, а также доказать им необходимость веры в Него — это и одна из главных задач христианства. Поэтому вся Библия проникнута духом *монотеизма*. Первая и главная из десяти заповедей, дарованных Господом Моисею, так и звучит: «Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим» (*Втор. 5:7*). И далее: «Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой» (*Втор. 5:9*). Об этом же говорит и Иисус, отвечая на вопрос книжника о том, какая заповедь первая из всех: «Господь Бог наш есть Господь единый» (*Мк. 12:29*). В этом заключается основное отличие христианства от языческих религиозных верований. Если языческие религии были политеистическими, т. е. они признавали существование многих богов, то христианство — это строго монотеистическое мировоззрение. И именно монотеизм христианство почерпнуло в иудаизме.

Но христианство кардинально отличается и от иудаизма, и от любой иной монотеистической религии тем, что христиане верят в *Бога, единого в Трех Лицах: Бога-Отца, Бога-Сына и Бога Духа Святаго*, т. е. воспринимают Господа, как *Святую Троицу*. В соответствии с многовековой вероучительной традицией образ Святой Троицы присутствует в Ветхом Завете в 18-й главе книги Бытие, где рассказывается о явлении праотцу Аврааму и его жене Сарре трех мужей-ангелов: «И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер, во время зноя дневного. Он возвел очи свои, и взглянул, и вот, три мужа стоят против него…» (*Быт. 18:1–2*). Господь, принявший образ трех ангелов и явившийся Аврааму, носит еще одно именование — «*Троица Ветхозаветная*».

Для христианства характерен *теоцентризм* — Господь является центром всего в мире: веры, мышления, познания и т. д. Иисус, продолжая свой ответ книжнику, говорит: «И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею» (*Мк. 12:30*).

Восприятие Бога как единственной и всемогущей мировой силы оказало влияние и на космологическую концепцию христианства. В основе этой концепции лежит *идея творения*. Если в античных религиях и древнегреческой философии, в мифологии других народов говорилось о том, что мироздание возникло из чего-то, и первоначалами космоса виделись некие божественные, но в то же время и природные объекты, то в христианстве Господь Бог творит мироздание из ничего. Начало мира — это сам Бог, который своим словом, своим желанием творит, создает весь мир: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (*Ин. 1:1–3*). Более того, Господь не просто сотворил мир, но присутствует в каждом его движении, ибо все, что происходит в мире, есть Промысел Божий.

С философской точки зрения христианская идея творения снимает вопрос, который был одним из основных, например, в древнегреческой философии: что такое бытие? Господь и есть несотворенное, вечное бытие. Все остальное — это сотворенное одним Его Словом бытие, и являющееся бытием потому, что Бог этого пожелал.

Непосредственно связанной с идеей творения оказывается и *идея откровения* — любое знание, доступное людям, есть Божественное Откровение; все, что люди знают о мире, о себе и о Боге — все это открыто им Самим Богом, ибо всякое знание тоже является результатом Божественного творения. Поэтому в христианском понимании вера в Бога, в его абсолютное всесилие и всезнание не просто выше всякого собственно человеческого знания, а является единственным истинным знанием. Апостол Павел так формулирует эту мысль в Первом послании Коринфянам: «Мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (*1-е Кор. 3:19*). Впоследствии Христианская Церковь сформулировала основные, с ее точки зрения, знания о мире, человеке и о Боге в виде догматов — своеобразных установлений, истинность которых принимается без доказательства. Эти догматы не могут быть опровергнуты, ибо являются Словом и Волей Божией.

Бог, создав первых людей, Адама и Еву, наложил на них единственный запрет — не прикасаться к плодам дерева, которое дает знания. Люди же, подстрекаемые змеем, вкусили этих плодов и тем самым попытались сами стать богами. Змей говорил им: «В день, который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (*Быт. 3:5*). Вкусив плоды с дерева познания, Адам и Ева совершили первое грехопадение. Грех в христианском понимании — это нарушение установленных Богом законов и запретов. И первый же самостоятельный поступок людей оказался греховным. Отсюда вытекает еще одна важнейшая христианская идея — *идея грехопадения*.

С христианской точки зрения, человечество изначально греховно. Бог создал людей для вечного счастья, но они сразу же нарушили Божественную волю. За это, по воле Господа, греховность Адама и Евы была распро-

странена на все их потомство. И вся дальнейшая история человечества, по Библии, — это борьба немногих праведников, познавших Божественную истину, за распространение Слова Божиего в сердцах и душах остальных людей, погрязших в своей греховности, борьба за спасение человечества.

Спасение необходимо потому, что, по христианским убеждениям, история человечества конечна. *Учение о конце мира* — это тоже одна из главных идей христианства. Земной мир, земная жизнь людей — это их временное пребывание. По убеждению христиан, со временем грехи переполнят человеческую жизнь и явится антихрист, посланник сатаны. Антихрист воцарится на земле, но его торжество будет недолгим. Сын Божий во второй раз придет к людям (Второе Пришествие), и вместе с ним на землю сойдет небесное воинство во главе с Михаилом Архангелом. По призыву Господа под знамена небесного воинства встанут все оставшиеся верные Христу и вступят в Последнюю битву с антихристом и всеми силами Зла. А после победы в этой битве Господь призовет людей на последний, Страшный суд, на котором всем будет вынесен окончательный приговор. Истинно верующих Господь призовет в свои божественные чертоги и дарует им вечную жизнь, а нераскаявшихся грешников обречет на вечные мучения. Яркая картина этой последней битвы, Апокалипсиса, представлена в «Откровении Иоанна Богослова».

Но кто достоин спасения? И как человек может спастись? Многовековая история, изложенная в Ветхом Завете, показала, что люди, в силу своей изначальной греховности, постоянно отворачиваются от Бога. И здесь в Библии возникает фигура Сына Божиего, Спасителя, посланного Самим Господом к людям, чтобы дать им последний и окончательный Завет. «Ибо Он спасет людей Своих от грехов их», — говорится в Евангелии от Матфея (*Мф. 1:21*). Иисус Христос Своей земной жизнью, мученической смертью и посмертным воскрешением показывает всем пример истинной жизни и истинного спасения — человек может спастись только тогда, когда он на протяжении всей своей земной жизни искренне и беззаветно соблюдает все Божественные заповеди.

В этом смысле очень важна христианская *идея о богочеловеческой природе* Иисуса Христа. Иисус — Сын Божий, Мессия, способный творить чудеса, рассказами о которых наполнены все Евангелия, единственный на Земле, кто абсолютно точно знает Божественную истину. Однако если бы Иисус был только Богом, Его Слово было бы далеко от сознания людей — что может Бог, то недоступно человеку. Сам Иисус говорит: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (*Мк. 12:17*).

Но Иисус не только Бог, он еще обладает и человеческим телом — Он Богочеловек. Иисус претерпевает страшные телесные страдания во имя Божие. Более того, Он знает о том, что будет подвергнут мучительной казни, что тело его будет истекать кровью. Он знает и предрекает свою телесную смерть. Но Иисус не страшится ее, ибо знает и другое — телесные муки ничто по сравнению с вечной жизнью, которую дарует Ему Господь за стойкость духа, за то, что в земной, телесной жизни Он ни на секунду не засомневался в истинности Своей веры.

Человеческие, телесные страдания Христа во славу Бога, столь ярко описанные в Новом Завете, свидетельствовали обычным людям, что Сам Господь снизошел до их человеческой природы и показал им пример настоя-

щей жизни. Именно поэтому личность Иисуса Христа оказалась столь близка огромному количеству людей разных племен и народов, уверовавших в то, что за все их земные мучения будет дано Божественное воздаяние, воскресение после смерти телесной и жизнь вечная, если они будут блюсти Божии заповеди.

Эти заповеди, которые Господь даровал еще Моисею и изложенные в Ветхом Завете, Иисус заново приносит людям. В заповедях Иисуса и заключено, собственно, окончательное и последнее Слово Божие человеку. По сути дела, в них излагаются основные правила человеческого общежития, соблюдение которых позволит всему человечеству избежать войн, убийств, насилия вообще, а каждому отдельному человеку — прожить земную жизнь праведно.

Разница же заповедей в их ветхозаветном и новозаветном толкованиях в том, что в Ветхом Завете Божественные заповеди носят форму закона, который Бог требует соблюдать только от евреев, а в Новом Завете Иисус несет не закон, но Радостную Весть, Благодать и обращается уже ко всем уверовавшим в Бога, как бы показывая, что Господь примет под свое покровительство каждого, кто проникся верой в Него.

Когда Иисуса спросили о главных Божественных заповедях, первой он назвал *любовь к Богу*, а второй — *любовь к ближним своим*: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». И продолжил: «Иной большей сих заповеди нет» (*Мк. 12:31*). По сути дела, в христианстве произошла одна из самых глобальных переоценок ценностей в истории человечества. Языческие идеалы, с их культом реальной, плотской жизни, культом человеческого тела, оказались полностью перечеркнуты христианством. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное… Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю… Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное…» — говорит Иисус (*Мф. 5:3–11*).

Смирение, полное и добровольное подчинение самого себя Божественному Провидению — вот что становится основной христианской добродетелью. Идеал христианина — жизнь во Христе и во имя Христа. Без помощи Господа человек не может ничего. Недаром Иисус говорил: «Пребудьте во Мне, и Я в вас… Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам… Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей» (*Ин. 15:4–9*).

Основой такой жизни в христианстве становится любовь. Но эта любовь опять же не имеет никакого отношения к любви в ее языческом понимании, как Эроса, плотского чувства. Христианская любовь — высшая духовная ипостась человека. Именно на любви — любви к Богу и другим людям — покоится все здание христианской морали. Иисус в Новом Завете дарует людям новую заповедь: «Да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (*Ин. 13:34*). «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (*Ин. 15:13*).

Но «больше той любви» нет среди людей. Источником же человеческой любви может быть только Бог. Поэтому центром, средоточием любви вообще является Сам Бог, ибо только воистину возлюбивший Бога способен на любовь к другим людям: «Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви» (*Ин. 15:10*).

Не менее значимы оказались христианские идеи, связанные с политическим устройством общества. В течение многих веков и мыслители, и правители, и простые люди искали ответы на вопрос об идеальном политическом строе именно в Библии.

Как рассказывается в Библии, древние иудеи долгое время жили под непосредственной властью Господа, а божественные указания им передавали судьи. Но в какой-то момент люди оказались недовольны судьями, ибо судьи стали пользоваться собственным исключительным положением. И тогда древние иудеи потребовали у судьи Самуила, чтобы тот испросил у Бога царя. Самуил долго молился. В ответ на молитву Господь ответил Самуилу: «Ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними; … представь им и объяви им права царя, который будет царствовать над ними» (*1 Цар. 8:7–9*). Бог устанавливает и права царя: царь владеет всем в своем царстве и свободно распоряжается имуществом своих подданных; обладает полной властью; предводительствует воинству; является единственным судьей; жители царства — рабы царя (*1 Цар. 8:10–17*). Устанавливает Господь и царские обязанности: царь — защитник народа; ответчик за народ перед Богом; помазанник Божий (*1 Цар. 9:15*); хранитель истинной веры (*3 Цар. 11:38*).

Если царь исполняет волю Бога, то его царство укрепляется. В том случае, если царь отступает от Божественных повелений, царя и народ ждет Божий гнев. При поставлении царя Бог говорит народу через пророка Самуила: «И восстенаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда» (*1 Цар. 10:18*). Божественное помазание не означает сакрализации самой личности царя — неугодного царя Бог может заменить и другим. Однако в Ветхом Завете присутствует и сюжет покаяния неблагочестивого царя, а с ним и всего царства (яркий пример — царь Манассия, который «делал неугодное в очах Господних», был наказан нашествием врагов и пленением, раскаялся и был возвращен на свое царство, а народ тем самым был спасен от врагов).

Существует и обратная зависимость: если народ будет верен Богу и будет служить Ему от всего сердца, то Бог не оставит народ; но если народ будет творить зло, то погибнет и царь, и народ. «Если будете бояться Господа и служить Ему, … то рука Господа не будет против вас; а если не будете слушать гласа Господа и станете противиться повелениям Господа, то рука Господа будет против вас» (*1 Цар. 12:14–15*).

Таким образом, идеальным общественным устройством, по Библии, может считаться *Боговластие* или *теократия*. Отказ людей от Боговластия означает, что люди впали в грех и отказались от непосредственной власти Бога. Древние иудеи сами признают этот грех, говоря Самуилу: «Ибо ко всем грехам нашим мы прибавили еще грех, когда просили себе царя» (*1 кн. Цар. 12:19*). Так возникает монархия — политический строй, дарованный людям Господом по их собственной просьбе. При этом царем может быть только тот человек, на которого укажет Господь, главным источником власти царя является Божия воля, сама власть монарха должна рассматриваться подданными как богоданная, а подданные — это рабы царя. Таким образом, следует учитывать, что монархия — это вовсе не идеальная форма власти, но лучшая из возможных.

Новозаветное понимание власти также заключает в себе признание ее богоустановленного характера. «Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (*Рим. 13:1*). При этом Господь — это «владыка царей земных» (*Откр. 1:4*), а носители власти на земле являются «Божиими служителями», призванными поощрять добродетельных и наказывать преступников («начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых» (*Рим. 13:3*).

От правителя требуется быть «верным и благоразумным домоправителем», заботящимся о вверенных ему Богом людях. Чем большей властью обладает правитель, тем большая ответственность на него возлагается: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут» (*Лк. 12:48*). Подданные, в свою очередь, обязаны подчиняться правителям («Всякая душа да будет покорна высшим властям»), платить установленные подати («отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк…»), воздавать необходимые почести («…кому страх, страх, кому честь, честь»), оказывать послушание («Противящийся власти, противится Божию установлению» (*Рим. 13:2*).

Послушание начальствующим (а значит, и властям) становится не просто указанием, за невыполнение которого может последовать наказание, а нравственной заповедью, призывом к добросовестному и честному исполнению своего общественного долга. «И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?» (*Лк. 16:12*); «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души» (*Еф. 6:5–6*); «И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (*Рим. 13:5*). Тем не менее принцип повиновения властям теряет свое значение тогда, когда общественные нормы, учреждаемые властью, вступают в противоречие с евангельским учением. В этом случае долгом христианина становится противление властям, осуществляемое в мирных формах.

Как видно, новозаветное понимание власти отличается от ветхозаветного тем, что, главным образом, делает акцент на духовно-нравственной основе любых властных отношений, предлагает общие нравственные нормы общественных отношений, тогда как в Ветхом Завете большее внимание уделено вопросам легитимности власти и детальной регламентации различных сторон политической жизни.

Религиозно-философские и духовно-политические идеи, изложенные в Библии, поставили перед человечеством совершенно иные, новые цели, по сравнению с теми целями, которые были разработаны в религиозно-мифологических и философских учениях античности, в языческой мифологии других народов. Христианство не только перевернуло представления человека о Боге, о мире, об обществе, но и развернуло совершенно новую концепцию самого человека, его способностей и жизненно важных идеалов. Христианство изменило отношение людей к самому времени, ибо с тех пор, как христианство стало господствующей религией у всех европейских народов, само летоисчисление стало вестись или от момента библейского сотворения мира (в России такое летоисчисление, как известно, существовало до начала XVIII в.), или же от Рождества Христова. И недаром христианские народы называют период времени, начавшийся с Рождества Христова, новой эрой.

* * *

Опираясь на христианское вероучение, но при этом используя элементы рационального, научного подхода, вполне можно предложить некоторые принципы православного понимания истории.

Первый принцип: история есть воплощение Божественного Промысла. Следовательно, история имеет смысл и цель своего развития, а также законы развития, определяемые Божественным Промыслом.

Второй принцип: закономерности исторического развития проявляются в ходе исторической деятельности людей, ибо люди сотворены свободными. Историческая деятельность людей зависит от их сознания и воли. Но всякое сознание основано на вере, есть религиозное сознание, имеющее разные формы выражения. Следовательно, религиозное сознание является действенным катализатором исторического развития, оказывает реальное и непосредственное влияние на развитие конкретных исторических событий.

Третий принцип: историю необходимо понимать как реализацию в действительности Божественного Промысла, в виде сложного, диалектического процесса взаимодействия сознания и бытия и общественного сознания и общественного бытия. При этом необходимо видеть ведущую роль именно сознания и, прежде всего, религиозного сознания в истории. Иначе говоря, деятельность человека определяется его сознанием. Поэтому необходимо осуществлять поиск смыслового содержания исторической деятельности людей, т. е. отвечать не только на вопросы «как?» и «почему?», но и на главный вопрос — «зачем?». Исходя из ответов на этот вопрос — «зачем?» — мы и можем осмысливать закономерности развития, как частные, так и общие.

Конечно же, перечисленные выше положения — это именно принципы, т. е. некие общие методологические подходы. И настоящее раскрытие этих принципов возможно только в ходе конкретных исторических исследований, конкретного осмысления исторических событий. Но тем не менее, как представляется, осознание этих принципов необходимо.

Как необходимо осознание и еще одного принципа. Он совсем не четвертый, как, вроде бы, получается по счету. Наверное, этот принцип следует назвать базисным:

— Православие обеспечивает человеку вообще, и ученому, в частности, мощнейшую нравственную основу, без которой наука превращается из орудия познания в орудие уничтожения.

Здесь мы и подходим к решению проблемы: что важнее — догмат или критическое восприятие действительности, которое иногда называют прогрессом науки, который, вроде бы, не остановить. Так вот, Православие, постулирующее нравственные и вероисповедные догматы, помогает ученому понять: есть пределы знания, за которые он не имеет право заступать. Именно и только традиционная вера того или иного народа, а в нашем российском случае именно Православие способно направить развитие науки в нужное человечеству русло и поставить преграды там, где эти преграды необходимы. А такие преграды — догматы — необходимы нам, людям, иначе мы можем уничтожить и собственное прошлое (как это не раз бывало, когда мы постоянно пересматриваем собственную историю), и собственное настоящее (клонирование, искусственный разум — конкретные тому примеры), но и будущее.

* * *

Однако рождается вопрос — как эти теоретические принципы воплотить в жизнь в тексте реального учебника истории России? При этом, во-первых, в тексте не одного, а, минимум, шести учебников (с 6 по 10 классы), и, во-вторых, в учебниках для общеобразовательной школы, где учатся дети разных вероисповеданий — православные, неправославные, придерживающиеся нехристианских и даже антихристианских убеждений. Казалось бы, это невозможно. Давайте разбираться. Для начала опять же немного истории и теории…

Что есть наше знание истории? Наверное, сегодня все уже понимают, что «абсолютно правильного», «единственно верного» знания истории не существует, а есть различные интерпретации истории, которые разнятся не только по своему уровню приближения к исторической истине, но и по своим задачам, целям, по уровню общественного влияния и т. д.

К примеру, одни интерпретации истории могут служить укреплению и становлению народа, формированию его единого исторического сознания, выработке и утверждению идейных, духовных, социально-политических основ народного бытия. Такой была *первая известная нам письменная интерпретация отечественной истории*, выполненная в конце X — начале XII вв. русскими книжниками-летописцами, а также русскими религиозными мыслителями (митрополит Киевский Иларион, Иаков мних, Климент Смолятич и др.). Тогда, с одной стороны, впервые были определены специфические черты Русской земли, а с другой стороны, отечественная история была впервые «вписана» во всемирную и, прежде всего, христианскую историю, было определено место Русской земли в христианском мире. Так родилось *единое историческое сознания русского народа*, до того представлявшего собой совокупность различных славянских и неславянских племен. Чуть позже эта интерпретация русской истории помогла нашим предкам выстоять в трагическую годину ордынского владычества и сохранить сначала призрачную, а в дальнейшем все более реалистичную надежду на возрождение русского единства, в том числе и единства государственного.

С конца XV столетия, когда Русская держава обрела независимость и, одновременно, после падения в 1453 г. Византийской империи, осталась единственным в мире независимым православным государством, в России возникает новая, *вторая интерпретация отечественной истории*. В начале XVI в. в России происходит какой-то неимоверный по силе и последствиям духовный и интеллектуальный взрыв — духовные и светские мыслители начали напряженнейшую работу по поиску нового места Русского государства и русского народа в мировой истории. Результатом этого поиска стало появление ряда важнейших для русской истории духовно-политических комплексов и образов: «Третий Рим», «Новый Израиль», «Новый Иерусалим». Эти духовно-политические и исторические концепты стали идейной основой всей будущей Российской империи и обоснованием имперского прорыва России в мировое пространство.

А вот интерпретации истории, возникшие в XVIII столетии и, особенно, в XIX в., были уже иными, ибо преследовали иные цели: теперь Россию необходимо было «вписать» в новое, капиталистическое мироустройство, основанное не на традиционных религиозных, а на рациональных началах.

Поэтому существовавшие религиозные духовно-политические концепты отечественной истории все меньше удовлетворяли новым идеологическим и философским веяниям. В результате в понимании истории постепенно утверждается так называемый *«научный подход»*, т. е. *рациональный, критический взгляд на прошлое*. Наиболее ярко этот подход проявился уже в XX в., когда большевикам потребовалось разработать собственное понимание истории, создать собственную, *«марксистскую» интерпретацию*. Именно тогда окончательно были сформулированы главные цели обучения истории с точки зрения научного подхода: 1) знания, т. е. совокупность исторических фактов и причинно-следственных связей; 2) развитие у учащихся научного, т. е. критического мышления; 3) воспитание у учащихся любви к своей социалистической Родине, патриотизма (т. е. верность политическому режиму). Надо сказать, что этот подход продолжает сохранять господствующее положение в нынешнем XXI в., только исчезло понятие «социалистическая»…

Каковы результаты понимания и, главное, подобного преподавания истории? В XIX–XX вв., чем больше развивалась в России система образования, чем больше становилось в стране образованных людей, чем большую силу набирал научный, светский подход к истории и, соответственно, только критическое отношение к прошлому, тем сильнее у образованных людей возникало желание… отказаться от собственной истории. Наиболее ярко это проявилось в шести попытках политических переворотов: 1825 год («декабристы»), 60–80-е гг. XIX в. («народники»), 1905–1907 гг. (первая русская революция), февраль 1917 г., октябрь 1917 г. и, наконец, рубеж 80–90-х гг. XX века. Все эти события вызывались разными причинами и осуществлялись разными людьми, но имели одну общую черту: все они проходили под лозунгом «Отречемся от старого мира!». Впрочем, во второй половине XX в. было еще пуще, ибо стремление «отречься» от собственного прошлого достигло полного абсурда, и теперь уже каждый новый правитель считал необходимым отказаться от своего предшественника: Хрущев — от Сталина, Брежнев — от Хрущева, Андропов и Горбачев — от Брежнева, Ельцин — от Горбачева. Таким образом, выявилась серьезная проблема: **господство сугубо рационального, научного подхода к истории ведет к разрушению единства исторического сознания нашего народа, более того, порождает у подрастающего поколения… неприятие, а то и ненависть к истории собственного Отечества**.

Думается, что нынешнее поколение отечественных историков стоит перед необходимостью разработки и создания новой интерпретации русской истории, такой интерпретации, которая смогла бы стать идейной основой возрождения нашего народа, помогла бы нашему народу осознать свое место в новом мировом пространстве и вновь двинуться вперед. **Для этого нам стоит перевернуть нынешнюю систему преподавания истории с головы на ноги, т. е. вернуть ее в естественное состояние.**

Во-первых, преподавание истории необходимо строить на нравственной основе, более того, именно нравственные уроки должны стать важнейшими целями исторического образования. Поэтому главное, что может и должен донести до детей учебный предмет «История», — это **любовь к своему Отечеству и к деяниям своих предков**. В таком случае знания и критическое мышление — не цель, но лишь средства обучения исто-

рии. Ведь какими бы ни были исторические деяния, какой бы ни была наша история — это **наша** история, **наше** прошлое, плохое, хорошее, все равно **наше**. Вспоминаются слова Александра Сергеевича Пушкина: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал». Вот эту идею мы должны донести до наших детей на уроках истории в первую очередь. Образно говоря: **сначала — любить, потом — знать**. А любовь, стоит напомнить, — это важнейшая христианская идея… **Поэтому возрождение сегодня в сердцах молодых людей любви к Отечеству — это первый шаг к возрождению в их сердцах любви к Богу…**

Во-вторых, необходимо признать, что единое историческое сознание нашего народа, наряду с духовной, культурной и языковой общностью, является важнейшей частью общенационального сознания. Во все времена опора на историческую память позволяла нашим предкам отрешиться от разногласий и сплотиться. Поэтому, наконец, пора уже понять и признать, что история, как учебный предмет, — это, прежде всего, поле освоения молодым поколением духовного и исторического опыта народа, приобщение к единому историческому сознанию народа. С помощью истории старшее поколение передает молодым опыт предков и свой собственный опыт. Для чего? Для того чтобы впоследствии сегодняшнее молодое поколение передало этот опыт последующим поколениям. Таким образом обеспечивается связь времен и поколений, как важнейшее условие жизни, условие существования нашего народа на своей земле. И в этом смысле необходимо признать, что **история, наряду с языком и литературой, как явления стратегического порядка, представляют собой средства, с помощью которых народ обеспечивает свое существование во времени, собственное самовоспроизводство**.

В-третьих, главной целью исторического образования должна стать как раз передача подрастающему поколению духовного и исторического опыта народа, опыта жизни народа на своей земле, в данных природно-климатических условиях, при смене условий политических, экономических, социальных, идеологических, при этом опыта как положительного, так и отрицательного. Духовный и исторический опыт жизни народа на своей земле отшлифовывался веками и принял форму определенных ценностей, проверенных временем и выстраданных нашими предками и современниками. Можно выделить основные группы ценностей, которые были пронесены нашим народом на протяжении всей его многовековой истории и которые были ведущими мотивами преодоления практически всех кризисов, когда-либо наш народ постигавших: 1) духовно-нравственные ценности и, прежде всего, Православная вера, которая, собственно говоря, и обеспечила основную ценностную ориентацию всего нашего общества и всей нашей истории; 2) социально-политические ценности (принципы организации общества); 3) трудовые ценности; 4) культурные ценности; 5) семейные ценности и некоторые другие.

В свое время Всемирный Русский Народный Собор, проделав огромную интеллектуальную работу, еще более конкретизировал «ценностный список»:

Вера. Вера в Бога, забота о сохранении религиозных традиций народов, воплощение этих традиций в делах. Верность убеждениям и нравственно обоснованным жизненным принципам, в том числе у нерелигиозных людей.

Справедливость, понимаемая как политическое и социальное равноправие, справедливое распределение плодов труда, достойное вознаграждение и справедливое наказание, должное место каждого человека в обществе, а нации — в системе международных отношений.

Мир (гражданский, межнациональный, межрелигиозный) — мирное разрешение конфликтов и противоречий в обществе, братство народов, взаимное уважение культурных, национальных, религиозных особенностей, неконфронтационное ведение политических и исторических дискуссий.

Свобода. Личная свобода, ограниченная личной нравственной ответственностью. Ее раскрытие в служении ближним и Отечеству. Самостоятельность, независимость, самобытность народа.

Единство разных национальностей, социальных слоев, политических и мировоззренческих групп в работе на благо страны и всех живущих в ней людей. Взаимообщение разнообразных культур. Гармоничное сочетание духовных устремлений и материальных интересов личности и общества.

Нравственность — личная и общественная. Верность неизменным нравственным нормам как залог благополучия человека и общества. Приоритетная поддержка обществом и государством добросовестного поведения как в личной жизни, так и в жизни общества и государства. Жизнеспособные государство и общество — не могут быть нравственно нейтральными.

Достоинство. Признание уникальной ценности каждого человека. Нравственное умение отличать достойное от недостойного.

Честность как критерий личной и общественной морали. Совестливость, следование нравственному началу в душе как образ жизни.

Патриотизм. Любовь к Отечеству и народу, к родной земле, к ее культуре, уважение к ее истории, к свершениям прежних поколений. Общенациональное самосознание. Готовность трудиться ради Родины.

Солидарность — способность разделить с другим бремя его забот, его трудности, его болезни, его скорби. Общенациональная солидарность как сила, связывающая народ, обеспечивающая единство нации, ее целостность, ее жизнеспособность.

Милосердие — деятельное сострадание к ближним, помощь людям, нуждающимся в духовной, социальной и иной поддержке.

Семья как союз мужчины и женщины, в которой воспитываются дети. Любовь и верность. Забота о младших и старших. Поддержка семьи через социальную политику, образование и культуру.

Культура и национальные традиции. Уважение к наследию предков, открытость и уважение к культуре и взглядам других. Забота о культуре общения, чистоте русского языка и других языков Русского мира.

Благо человека. Духовное и материальное благополучие человека как основной приоритет социального развития. Соблюдение прав и свобод человека.

Трудолюбие — деятельное стремление к благу общества и ближнего. Неприятие коррупции, коммерциализации человеческих отношений, паразитического и эгоистического образа жизни.

Самоограничение и жертвенность — отказ от потребительского отношения к ближним и к окружающему миру. Способность жертвовать личным ради блага Отечества и народа.

* * *

Наконец, исходя из уже накопленного и даже реализованного опыта, можно предложить ряд конкретных основополагающих установок, которыми необходимо руководствоваться при непосредственной подготовке текстов учебников по истории России для общеобразовательной школы.

Цели исторического образования:

— воспитание у школьников чувства любви к своей Родине, уважения к историческому пути России;

— освоение учащимися комплекса систематизированных знаний об истории Отечества, роли России, как активного участника всемирной истории;

— развитие у учащихся исторического мышления, под которым понимается овладение конкретно-историческим подходом к событиям и явлениям прошлого, а также умение аргументированно выражать собственное отношение к дискуссионным проблемам истории;

— овладение учащимися умениями и навыками поиска и систематизации исторической информации, работы с различными типами исторических источников.

Методологические принципы исторического образования:

— изучения гражданской, церковной и духовной истории России, как единого неразрывного процесса, каковым он и был в исторической действительности;

— история России развивалась под воздействием нескольких факторов: природно-географического, духовного, политического, социального, этнополитического; при этом признается, что духовный фактор является одним из ведущих в отечественной истории;

— значение духовного фактора в русской истории раскрывается через: а) историю идеи святости (сущность и история идеи Святой Руси; рассказы о жизни и подвигах православных святых X—XX вв.); б) повествование о роли Русской Православной Церкви и других традиционных религий в истории России; в) демонстрацию ведущей роли православного мировоззрения для большинства политических деятелей России; г) концепцию «духовного противостояния» между традиционным религиозным и светским миропониманием в XVIII—XXI вв.;

— важным содержательным направлением курса является раскрытие роли выдающихся деятелей отечественной истории, особенно тех исторических деятелей, чье имя было связано с духовным подвижничеством;

— образность и эмоциональность изложения конкретно-исторического материала являются важными условиями изучения истории, особенно для учащихся 6—8 классов;

— необходимость внимательной работы учащихся с текстом учебника, возможность проводить уроки в виде комментированного чтения, составления конспекта параграфа и др.;

— необходимость работы учащихся с историческим документом, как важнейшим источником исторических знаний, формирование у учащихся навыков критического анализа исторических источников;

— анализ различных точек зрения представителей исторической науки на те или иные исторические события и процессы, как важнейшее условие развития самостоятельного мышления учащихся, умения формулировать

собственный взгляд на исторический процесс, на оценку различных исторических событий.

Именно на основе данных принципов и установок был подготовлен учебно-методический комплект (УМК) по истории России для учащихся 6–11 классов общеобразовательных школ (авторы С. В. Перевезенцев, Т. В. Перевезенцева), изданный в 2009–2013 гг. издательством «Русское слово» в рамках благотворительного образовательного проекта «Гордиться славою наших предков». Опыт работы на основе данного УМК свидетельствует об удивительной вещи: если дети любят свое Отечество, любят его историю, они хотят знать ее как можно лучше и стремятся к знаниям. Неслучайно названные учебники оказались очень информативными и содержали гораздо более значительный фактический материал, рассказывали о гораздо большем числе исторических деятелей, чем учебники по истории России иных авторов. Но главное, весь материал в учебниках объединен единым комплексом идей — теми самыми ценностями и единым методологическим подходом. Поэтому возникла логичность, целостность и единство содержания как всякого параграфа, всякого учебника, так и всей линейки учебников по истории России с 6 по 11 классы.

* * *

Так что же такое история с православной точки зрения? **История — это наука, раскрывающая смысл исторического развития, а значит, наука о том, как с помощью знания и понимания прошлого устроить жизнь настоящую и будущую во имя жизни вечной.**

Виктор ЛИХОНОСОВ

ДУША ХРАНИТ

Виктор Иванович Лихоносов — родился в 1936 г. на ст. Топки Кемеровской обл. Окончил Краснодарский государственный педагогический институт. Работал учителем. Автор многих книг прозы. Лауреат премии СП СССР и Государственной премии РФ. Член Высшего творческого совета при правлении СП России. Почетный гражданин города Краснодара. Гл. редактор журнала «Родная Кубань». **Живет в Краснодаре**.

Как печально, что о поэте, которого любишь, не можешь написать поподробней, потому что видел его всего два раза, да и то не подолгу.

Я несколько раз тосковал по его сборничку, который он мне подарил в Вологде, принимался искать его в своих шкафах и уже согласился, что его кто-то присвоил. Но все-таки порою надеялся его найти.

В канун его восьмидесятилетия, 2 января, решил просмотреть на полках особо уставленные в дальние ряды стопки узеньких маленьких томиков. Долго не трогал, уж и позабыл, какие там сокровища…

Пушкин (1948 года, Автобиография, критика, история, на чистой странице автопортрет Б. Скобельцына, он мне и подарил это издание во Пскове 23 июня 1971 года).

К. Р. «Времена года».

В. Белов «Рассказы о всякой живности» («Насте… от меня», 1978 год).

Анри Труайя «Пока стоит земля» (на французском, с дарственной надписью. 1975 год, Париж).

А. Н. Апухтин, 1959 год, Орел.

Ю. Казаков «Во сне ты горько плакал», 1987.

Ги де Мопассан «Милый друг» (на французском, Париж, 1905, купил в Москве на улице Качалова).

Нидзе «Непрошеная повесть», XIII век пер. с японского.

И… и… Коленька! Чудо вологодское. Это ты?! Наконец-то. Слава Богу.

Как будто живого застал.

НИКОЛАЙ РУБЦОВ — «ДУША ХРАНИТ». Северо-Западное книжное издательство, 1969 год. «Виктору Лихоносову, без лишних слов, на добрую память о встрече в Вологде. С любовью. Н. Рубцов. 3 апреля 70 г.»!

И развернулась 33-я страница…

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий…
Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!..

О-о-о, тотчас вспомнилось мне: это Рубцов пел у Астафьева поздно вечером, после ужина за старательно богатым столом, Коля появился к концу, и мы расположились кучкой в маленькой комнате, вологодцы приготовили астафьевским гостям музыкальное угощение, выманили Колю с улицы, у кого-то на один вечер отняли гармонь, сперва читали стихи Романов, Коротаев, повеселился с гармонью Белов, и наконец уговорили Рубцова «спеть про журавлей».

И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали…

Николай Рубцов.
Художник Филипп Москвитин

Это был вечер сиротливого русского счастья. И приехали мы в Вологду к Астафьеву (он позвал) и Белову как к родне. В Москве отсидели в Кремле и в Колонном зале на писательском съезде, проводили с поста Председателя российского Союза писателей Л. Соболева и избрали С. Михалкова, поприкалывали друг дружке к пиджакам значок «Русь» (не всем конечно), и Астафьев на прощание пригласил новосибирца Н. Н. Яновского с женой, В. Потанина и меня проведать его в Вологде, куда только что переселился с Марьей Семеновной из Перми. 1970-й год, конец марта, недавно громко обругали в газетах мою повесть «Люблю тебя светло», и меня провинциалы и вологодские писатели, в частности, окружали как родного. Уже тогда замелькала в статьях, стихах, разговорах тяга к русскому откровенному согласию, к укреплению родных исторических чувств, возвысились надежды на роль журнала «Наш современник». Русские поклонные мотивы в словесности, в кино и театре звучали редко, как-то глухо и сиротливо, на все такое тут же некими наблюдателями накидывался ярлык патриархальщины. В Вологде мы ничего прямо не обсуждали, но душою объединялись в сокровенном ощущении забытой деревни, разрушенных храмов, отлученных от печати русских исповедников К. Леонтьева, В. Розанова, М. Меньшикова, А. Суворина, даже этнографа С. Максимова и других очень-очень русских писателей.

В лад этому настрою добавлялись все новые стихи Николая Рубцова.

Сам он худенький, невысокого росточка, в каком-то негреющем пальтишке водил нас на нелюдный базар, хвалил теплые шаньги, и мы покупали их, привел в свое бедненькое жилище в казенном доме, я пожелал ему в надписи на книге «На долгую память» долгой жизни, и он спросил, вздрогнув: «А ты что, думаешь, что я скоро умру?!»

Я досадую, что нету письменных следов той моей поездки в Вологду, что я не помню разговоров, своего самочувствия, не помню, как попрощались в последний час, негодую даже на то, что не хватило мне простительного тщеславия, чтобы написать ему в надежде на ответ, который бы теперь берег и перечитывал.

В Тотьме глядел я недавно с холма на поворот Сухоны, на прибрежную окрестность и жалел, что не пристал в 1966-м, кажется, году к компании вологодских писателей, собравшихся под крылом Александра Яшина вместе с москвичами и поплывших на пароходике по Сухоне в вологодскую даль. Побывали они в Великом Устюге и в Тотьме. «Пролегла дороженька до Устюга через город Тотьму и леса». За моей спиной сидел нынче бронзовый Николай Рубцов, и каждый считал нужным стать подле и сфотографироваться. А молоденького Колю Рубцова, два года учившегося в техникуме, мало кто знал тогда и уж никто не предполагал, гуляя парами меж берез на этой высоте, какому парнишке поставят тут когда-то приятный памятник.

Северная сиротливость звучала в тот далекий незабываемый вечер в пении Коли Рубцова под гармошку, в щемящем прощании с журавлями.

Детдомовской сиротливостью просквожено все его творчество.

Он жил и чувствовал себя забытым ребенком. Его хотелось пожалеть, быть с ним ласковым. Он и сам был ласковым. В строчках его стихов столько родного, русского. Молчаливый просторный Север с глухими лесами, высокими чудными избами дождался после войны своего гения и потерял его невзначай.

Можно горько помечтать, как стоял бы он нынче в Тотьме на высоком берегу не бронзовым, а живо окруженный местными поклонниками, и кто-то (а скорее — он сам) пел неизвестную уже вовеки песню на стихи позднего Николая Михайловича Рубцова…

Елена СЕМЁНОВА

«РОДИТЬСЯ РУССКИМ — СЛИШКОМ МАЛО, ИМ НАДО БЫТЬ, ИМ НАДО СТАТЬ!»

По страницам великой русской литературы

Елена Владимировна Семёнова — родилась в г. Улан-Удэ, окончила с отличием Бурятский государственный педагогический институт им. Д. Банзарова, доктор филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного института культуры, Заслуженный деятель науки республики Бурятия. В 2003 г. стала победителем в конкурсе по государственной поддержке молодых российских ученых-докторов наук Совета по грантам Президента РФ В. В. Путина. Автор 56 научных публикаций, в том числе хрестоматии «Русская литература XVIII века». Имеет много наград. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Выдающийся русский философ И. А. Ильин писал, что духовный путь России определило особое «национальное задание», идея Православного христианства: «Россия восприняла свое национальное задание тысячу лет тому назад от христианства: осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности»[1].

До сих пор многим непонятно, почему именно Россия стала страной самой великой литературы мира. То, что Германия стала родиной классической философии, — ясно; Англия гордится политэкономией — по праву. Но Россия, отсталая и нищая, израненная в бесконечных войнах с захватчиками… История России — это история осажденной крепости. Б. Башилов в своей работе приводит подсчеты историков, по которым с 1055 по 1462 год Россия перенесла 245 иноземных нашествий. Причем двести нападений на Россию было совершено между 1240 и 1462 годом, то есть нашествия происходили почти каждый год. С 1365 года по 1893-й, за 525 лет, Россия провела 305 лет в войне, отстаивая национальную независимость и веру[2].

Литература такой страны не могла быть занимательной литературой или даже художественным наслаждением. Русская литература с ее первых страниц стала героической летописью русского народа, его духовной биографией, «подвигом самоуглубления и самопознания в образе художественной всенародной

[1] *Ильин И. А.* О русской идее // Русская идея. М.: Айрис-Пресс, 2002. С. 407, 414.

[2] *Башилов Б.* История русского масонства. Вып. 1, 2. М.: МПКП «Русло»; ТОО «Община», 1992. С. 13.

исповеди…»[1]. Неслучайно главными жанрами древней русской литературы, литературы X–XVII веков, стали жития, рассказывающие о подвигах во имя защиты Православной веры, и летописи, повествующие о подвигах во имя защиты Отечества. Произведения древнерусской литературы чаще всего были анонимны. Их авторы воспринимали свой талант как дар, данный им Богом для того, чтобы поднять дух защитников Отечества и воспитать «русское чувство».

Воспитание «русского чувства», «русскости» как мировоззренческой ценности и национальной черты характера станет одной из знаковых традиций русской литературы. Так, например, уже в XX веке в стихотворении И. Северянина она отзовется словами: «Родиться Русским — слишком мало, // Им надо быть, им надо стать!».

Что же значит, в понимании великих русских писателей, быть русским? **Во-первых, быть русским, значит быть православным. Нельзя быть русским не будучи православным.** С момента Крещения Православие стало абсолютно исчерпывающим философские потребности русского народа мировоззрением. Базовые понятия Православия, духовность стали мировоззренческими категориями национальной литературы. Именно это позволило русской литературе подняться на необычайную высоту философского осмысления мира. А. С. Волжский, размышляя об этом феномене, писал: «Русская художественная литература — вот истинная русская философия, самобытная, блестящая, философия в красках слова, сияющая радугой мыслей, облеченная в плоть и кровь образов художественного творчества»[2].

Словари не дают полного толкования понятию «духовность», как правило, оно сводится к перечислению его так называемых «составляющих»: чести, любви, милосердия. «Философия в красках слова» дала практически исчерпывающее определение духовности, сложного религиозно-философского, мировоззренческого понятия. «Духовной жаждою» томимы любимые герои русской литературы. Они живут по совести. Потому отказывается от счастья быть с любимым Татьяна Ларина, сына родного за предательство веры и товарищества убивает Тарас Бульба, на поле сражения оказывается близорукий Пьер Безухов, после убийства находится на грани безумия Родион Раскольников. При этом совсем не обязательно, чтобы в произведениях прямо говорилось о Христе или духовности. Г. П. Федотов назвал «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина самым христианским произведением русской литературы, хотя религиозные мотивы в повести прямо не обозначены. Но герои даже перед лицом смерти отказываются нарушить присягу, служить предводителю антигосударственного выступления Пугачеву.

К сожалению, долгие годы у многих поколений в школе и в вузе формировалось определенное отношение к нашему национальному гению, центральной фигуре русской культуры — А. С. Пушкину. «Наш Пушкин» был «обязан» быть врагом «царизма», материалистом, интернационалистом, атеистом. Умалчивалось, что А. С. Пушкиным созданы шедевры православной поэзии: «Пророк», «Ангел», «Воспоминание», «Подражание итальянскому», «Из Пиндемонти», «Отцы пустынники и жены непорочны…», «Памят-

[1] *Зайцев К.* В сумерках культуры // Заветы Пушкина. Из наследия первой эмиграции. М., 1998. С. 34.

[2] *Волжский А. С. (Глинка).* Из мира литературных исканий. СПб., 1906. С. 300–301.

ник», «Мирская власть» и многие другие. Православная система ценностей определяет поступки героев трагедии «Борис Годунов», романа «Евгений Онегин», прозаических произведений.

«Духовной жаждою томим // В пустыне мрачной я влачился…». Так начинается лирическое повествование в хрестоматийном, знакомом всем стихотворении А. С. Пушкина «Пророк». Эта духовная жажда оказывается сильнее всех человеческих чувств. И Бог посылает к человеку шестикрылого Серафима: «…И он мне грудь рассек мечом, // И сердце трепетное вынул, // И угль, пылающий огнем, // Во грудь отверстую водвинул». После этого Человек, «причастный тайнам», переродился, он услышал голос Бога: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, // Исполнись волею моей, // И, обходя моря и земли, // Глаголом жги сердца людей». Человек стал пророком, праведником, святым, хранителем Русской земли.

Известна высокая оценка А. С. Пушкиным роли Православия в жизни России: «Великий духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В этой священной стихии исчез и обновился мир…»; «Греческое вероисповедование, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер»; «Религия создала искусство и литературу, — все, что было великого с самой глубокой древности, все находится в зависимости от религиозного чувства…».

Гениальный русский писатель Н. В. Гоголь, которого подарила миру чудная украинская земля, все свое творчество посвятил спасению Русской земли от дьявола. «Как черта выставить дураком» — это, по собственному признанию Гоголя, было главною мыслью всей его жизни и всего творчества. В религиозном понимании Гоголя «черт есть мистическая сущность и реальное существо, в котором сосредоточилось отрицание Бога, вечное зло»[1].

Черт, напоминающий сказочный персонаж, появляется уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». В жизнь врывается страшная сказка, смещаются границы реальности. Человек еще способен бороться с чертом, даже заставляет служить себе. И все же ему страшно в этом пространстве, он пытается спастись от нападения темных сил, наполняющих «тихую украинскую ночь» страхами и мглами. В «Петербургских повестях» черт правит бал: девушка-мечта оказывается женщиной из публичного дома, по главной улице города спокойно разгуливает нос, оживает портрет, появляется привидение с «преогромными» усами. Еще более «отвратительными» черт делает людей в «Мертвых душах». У героев «Мертвых душ» деформированы лица, деформированы души, деформированы тела. В мире, где они живут, спокойно отвечают на вопрос о продаже мертвых: «Ведь я мертвых никогда еще не продавала…».

Последнее, прощальное произведение Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» становится своеобразной художественной ареной открытой борьбы человека с чертом. В нем Гоголь обращается к современникам с призывом: «Всем миром бороться “со страхами и ужасами России”», ощутить себя Единым Православным народом, «осознать избранность своей страны перед Богом и ее ответственность за это перед миром»[2].

---

[1] *Мережковский Д. С.* Гоголь и черт // В тихом омуте. М.: Советский писатель, 1991. С. 213.

[2] *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями / сост., вступ. ст. и коммент. В. А. Воропаева. М.: Сов. Россия, 1990. С. 181–184, 270–272.

Потому главный герой повести Гоголя «Тарас Бульба», седовласый Тарас, обращаясь к своим товарищам с призывом защищать родную землю и веру отцов до последней капли крови, говорит: «…Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей… Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а… — сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их…. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело…».

Нет для Тараса Бульбы, нет для Н. В. Гоголя отдельно России и Украины, есть единая Русская земля, Русь, единая Православная вера. За нее умирает Тарас Бульба и принимает мученическую кончину христианского праведника Н. В. Гоголь.

В записных книжках другого великого русского писателя Ф. М. Достоевского читаем: «…Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет — да и не надо, потому что Православие все <…>. Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое *горнило сомнений моя осанна прошла…*»[1].

«Большое *горнило сомнений*» — это участие молодого Достоевского в кружке Петрашевского и увлечение идеями христианского социализма — построения рая на земле, который наступит тогда, когда люди удовлетворят все свои страсти. Правительство расценило деятельность кружка Петрашевского как антигосударственную, петрашевцы были преданы суду. Достоевский выслушал свой смертный приговор, но был помилован. Через много лет написал: «Я социалист, но переменил идеал с эшафота. Великая идея Христа, выше нет…»

Вопрос о Христе — во всех романах Достоевского: «Его ставят взрослые и дети, убийцы, сладострастники, блудницы, воры и пьяницы, самодовольные и смиренные…»[2]. Длинной чередой перед нами проходят странные люди, для которых главный вопрос жизни: «Есть ли Бог?». Эти люди совершают преступления, каются, вновь совершают преступления. В книгах Достоевского человек плачет, у человека больны нервы, женщины бьются в истерике, мужчины трясутся в лихорадке — людям плохо! У Достоевского нет благополучных героев. Читатель, попадающий в мир истерик, лихорадок, заломанных рук и воспаленных глаз, начинает сочувствовать, жалеть и невольно идет вслед за героем туда, где Достоевский «ставит нас лицом к лицу с Богом, ведет нас к Богу…»[3].

---

[1] *Достоевский Ф. М.* Возвращение человека. М., 1989. С. 470–481.

[2] *Шмелев И. С.* О Достоевском. К роману «Идиот» // Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994. С. 285.

[3] *Зайцев К.* В сумерках культуры // Заветы Пушкина. Из наследия первой эмиграции. М., 1998. С. 34.

Быть русским — значит ощущать кровную связь с Отечеством, быть убежденным сторонником российской государственности, чувствовать личную ответственность за выполнение «национального задания».

Еще в древнерусской литературе из уст Афанасия Никитина прозвучало: «Да сохранит Бог землю Русскую! Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей! Некоторые вельможи земли Русской несправедливы и недобры! Но да устроится Русская земля…». А. С. Пушкин в письме к П. Я. Чаадаеву, защищая Россию от критики, пишет: «Клянусь Вам моею честью, что я ни за что не согласился бы — ни переменить родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, какую нам послал Бог».

Красоту своей родины Пушкин видел в самых, казалось бы, прозаических картинах: скучной зимней дороге, родной песне ямщика, в днях поздней осени, которые «бранят обыкновенно». Сама осень у Пушкина стала не просто «унылая пора», а «очей очарованье…». Объясняя этот пушкинский феномен и гордясь им, Л. И. Шестов писал: «Там, в Европе, лучшие, самые великие люди не умели отыскать в жизни тех элементов, которые бы примирили видимую неправду действительной жизни с невидимыми, но всем бесконечно дорогими идеалами, которые каждый, даже самый ничтожный человек вечно и неизменно хранит в своей душе. Мы с гордостью можем сказать, что этот вопрос поставила и разрешила русская литература и с удовольствием, с благоговением можем теперь указать на Пушкина: он первый не ушел с дороги, увидев перед собой грозного сфинкса, пожравшего уже не одного великого борца за человечество. Сфинкс спросил его: как можно быть идеалистом, оставаясь вместе с тем и реалистом, как можно глядя на жизнь — верить в правду и добро? Пушкин ответил ему: да можно, и насмешливое и страшное чудовище ушло с дороги»[1].

В творчестве Н. В. Гоголя любовь к Руси, само понятие «русскость» наполняется тайными, по-настоящему мистическими смыслами: «Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?»[2]. На эту удивительную любовь писателя к России обратил внимание А. Белый: «Любит Гоголь Россию, страну свою; как любовник любимую, ее любит Гоголь…»[3].

Один из главных заветов Н. В. Гоголя соотечественникам — «Нужно любить Россию»: «Как же сделать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывает этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви ведет нас теперь сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви…»[4].

---

[1] *Шестов Л. И.* А. С. Пушкин // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 197.

[2] *Гоголь Н. В.* Мертвые души // Собр. соч. в 8-ми т. Т. 5. М.: Правда, 1984. С. 220–221.

[3] *Белый А.* Гоголь // Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 368.

[4] *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями / сост., вступ. ст. и коммент. В. А. Воропаева. М.: Сов. Россия, 1990. С. 128–129.

Идея русскости пронизывает гениальную лирику Ф. И. Тютчева; три сотни небольших поэтических фрагментов, без которых, как сказал Л. Н. Толстой, «нельзя жить». Ф. И Тютчевым написано гениальное стихотворение, которое является своеобразной поэтической формулой русской национальной жизни, национального самосознания, картины мира:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.

Как отметил Б. Башилов, эти строки «с предельным совершенством выразили правду русской бедности»[1]. Русский народ увидел в бедности испытание, которое надо было пережить, чтобы сохранить свое главное богатство — великий дар Православия. Потому «край родной долготерпенья» «…Царь Небесный // Исходил, благословляя».

Быть русским — значит обладать обостренным чувством славянского братства, нести ответственность за судьбу славянства как культурно-исторического типа.

Русская литература открыла миру особый тип — славянского всечеловека. «Его высший идеал, его главная тайна — всечеловеческое братство людей в богочеловеке Христе. Во всех идеях и во всей деятельности славянского всечеловека можно усмотреть одну движущую силу: евангельскую любовь-вселюбовь»[2]. Идея славянского единения — одна из любимых, знаковых идей русской литературы. В знаменитом стихотворении «Клеветникам России» А. С. Пушкин во время очередного политического конфликта обратился к Западу в лице французских политиков от имени «нас», от имени славян, может быть, не всегда понимающих друг друга, но связанных тесными семейными узами: «О чем шумите вы, народные витии? // Зачем анафемой грозите вы России? // Что возмутило вас? волнения Литвы? // Оставьте: это спор славян между собою, // Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою, // Вопрос, которого не разрешите вы».

В лирике Ф. И. Тютчева под русскими знаменами славянский мир объединяется, звучит призыв к сохранению святого славянского братства: «Привет вам задушевный, братья, // Со всех Славянщины концов, // Привет наш всем вам, без изъятья! // Для всех семейный пир готов!» («Славя-

[1] *Башилов Б.* История русского масонства. Вып. 1, 2. М.: МПКП «Русло»; ТОО «Община». 1992. С. 74.

[2] *Иустин Попович, преподобный*. Достоевский о Европе и славянстве. М.-СПб.: Сретенский монастырь, Часовня иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», 2002. С. 233.

нам»). Ф. И. Тютчев был дипломат, профессиональный политик, который считал, что сила славянских народов — в единстве. Именно этого единства, «славянского самосознанья», боится Европа: «Смущает их, и до испугу, // Что вся славянская семья // В лицо и недругу и другу // Впервые скажет: "Это я!" // При неотступном вспоминанье // О длинной цепи злых обид // Славянское самосознанье, // Как божья кара, их страшит!» Святым называет Славянское братство, «побратанье», Н. В. Гоголь: «…Что есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа, — доказательство тому уже то, что без меча пришел к нам Христос, и приготовленная земля сердец наших призывала сама собой Его слово, что есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе, и побратанье людей было у нас родней даже и кровного братства…»[1].

Ф. М. Достоевского «самым большим пророком и самым ревностным апостолом всеславянства» назвал преподобный Иустин, выдающийся богослов Сербской Православной Церкви. Славянская идея, по мнению преподобного Иустина, является одним из самых главных пророчеств писателя. Славянская идея, по Достоевскому, «в высшем смысле ее» — это прежде всего есть жертва, потребность жертвы даже собою за братьев с тем, чтобы «основать впредь великое всеславянское единение во имя Христовой истины»[2].

Наконец, быть русским — это быть «славянским всечеловеком», чувствующим ответственность за судьбу всего христианского мира, способным слышать и понимать другие миры и культуры, быть «всемирно отзывчивым».

Ф. М. Достоевский в своей знаменитой речи о Пушкине открыл удивительное качество нашего национального гения — слышать, чувствовать и понимать другие культуры, «всемирную отзывчивость». На этом основана «Русская идея», в понимании Достоевского, — идея любви к Отечеству, а через это — ко всему миру, способность русского человека отозваться на всемирную боль, понять и воспринять чужие миры и культуры. «Но если так, то вот и у нас, стало быть, у нас всех, есть твердая и определенная национальная идея; именно национальная. Следовательно, если национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение, то, значит, вся наша выгода в том, чтобы всем, прекратив все раздоры до времени, стать поскорее русскими и национальными»[3].

Быть русским трудно.

---

[1] *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями / сост., вступ. ст. и коммент. В. А. Воропаева. М.: Сов. Россия, 1990. С. 271.

[2] *Иустин Попович, преподобный*. Достоевский о Европе и славянстве. М.-СПб.: Сретенский монастырь, Часовня иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», 2002. С. 224.

[3] *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя // Русская идея. М.: Айрис-Пресс, 2002. С. 158.

ПРОЗА

Михаил ЗАРУБИН

ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н. С. Лескова и др. **Живет в Санкт-Петербурге.**

В этот раз Мишка с матерью на сбор брусники потратили времени больше обычного — целый день. На их постоянном месте у Малой речки кто-то ее уже обобрал, прошелся по ягоднику с хапучестью бульдозера. Ягоду брали, наверняка, совком. Веточки-крохотульки замяты, глянцевые листики безжалостно потоптаны, многие кустики с корнями вырваны. Пришлось идти к Россохе, но и там нетронутых полян не нашлось, одни оборыши. С обобранных участков за день с трудом набрали по ведру, но благодаря этому в турсуках[1] осталось место для рыжиков, которые год от года селились в еловом лесу возле большого болота. Наполненный ягодами и сладко пахнущими грибами Мишкин турсук был тяжел, его лямки тянули и врезались в плечо, и подросток на ходу то и дело оттягивал их руками, ослабляя давление и давая немного отдохнуть своему телу. Мать, видя это, часто делала остановки, поглаживая и слегка массируя плечи сына, приговаривала

— Свой груз, своя ноша не тянет.

— А какая тянет ноша?

— Не своя, — улыбалась мать.

— Разница-то какая?

— Значит, есть, раз так говорят. Потерпи немного, Миша, сейчас до кулиги[2] дойдем, а там по полю, и считай, что дома.

— Ага, потерпи, далеко еще, — вздыхал мальчишка, под тяжестью хорошей добычи уныло бредущий кочковатым бездорожьем осеннего леса.

Мать, чтобы подбодрить сына, иногда очерчивала рукой возле себя незримый полукруг, как будто хотела заключить в него и приблизить к

---

[1] Турсук — (вост-сиб. диалект) — берестяной кузовок, используемый для сбора грибов и ягод.

[2] Кулига — раскорчеванное место или часть поля, расчищенного для земледелия.

сыну все самые на ее взгляд красивые места. Она всегда стремилась поделиться с людьми своей радостью, вовлечь в поле своего теплого света и всех обогреть. Мишке она и сама казалась солнцем сейчас, когда осторожно пригибала к его лицу веточку осины и восторженно говорила:

— Миша, посмотри, как через лист проходят солнечные лучи, высвечивая каждую его жилку. И цвет листика меняется. Заметь, и веточка стала похожа на золотистую змейку. Ах, какая же красота в природе!

Они останавливались, снимали турсуки с плеч и любовались невиданными красками леса. Казалось, этой осенью они совсем не такие, как прошлой. Желтый нынче стал совсем золотым, красный уходил в клюквенно-брусничные оттенки, а зеленый был каменно-холодным, малахитовым.

— Миша, ты только прислушайся! Нас окружают тысячи звуков, отличные друг от друга, они сливаются и кажутся единым, вечным голосом жизни. Слышишь, как тревожны клики собирающихся в чужие земли родных наших птиц. А там, посмотри, раскачиваясь, скрипят старые деревья, словно горюют, чуя лютую зиму. Ты думаешь, деревья нам даны только для того, чтобы печки топить да из их стволов дома строить? Не только. Они еще и почву оберегают, сбрасывают листву на землю, укутывают ее теплым, разноцветным лоскутным одеялом, чтобы не промерзала в морозы. Ведь в ней должны перезимовать и корешки, и зернышки. А вот, посмотри, — какие высокомерные сосны. Только они имеют такие стройные янтарные стволы, в старину из них делали военные корабли. Так они и называются — корабельные сосны.

Женщина брала сына за руку, и они шли дальше обнадеженные, что с каждым шагом приближаются к деревне. Мать с горечью замечала, как устал сынишка. Увидев на дороге сухую сосновую ветку, подняла ее, укоротила, обломала сучья и подала Мишке.

— Вот тебе посох.

— Ну я же не дед какой-то.

— С посохом и молодые ходят, лишняя опора на трудном пути не помешает.

— Ну как? — обратилась она к сыну после первой сотни шагов.

— Здорово. Так легче, действительно. Спасибо, мамочка.

— Видишь, надо применять вековой народный опыт.

Так за разговорами и с небольшими передышками добрались они до кулиги. Поле открылось сразу, за поворотом, и мгновенно ослепило дивным видением. Мать схватила Мишку за руку и, приложив к губам палец, оттащила сына на несколько шагов назад.

Он попытался сопротивляться, но мама категорично покачала головой и глазами показала на поле. Прижав к себе Мишку, замершего за невысоким ельником, она восхищенно выдохнула:

— Журавли…

— Да, — поддакнул удивленный Мишка. — По всему полю.

Через ветки маленьких елочек было хорошо видно, что все поле, протянувшееся от леса до реки, было занято большими грациозными птицами. Занятые своими непреложными заботами, они все были в движении, кто-то важно вышагивал на длинных палочках-ножках, похожих на ходули, кто-то, наклоняясь, выискивал мышонка-лягушонка или что-то еще съестное на недавно скошенном поле.

Мишка впервые увидел такое множество журавлей.

— Зачем они здесь, мама?

— В дорогу собираются. Перед отлетом вожак привел свою стаю попастись на скошенном поле, они здесь наедаются впрок, склевывают опавшее зерно. Сил набираются.

— Подойдем ближе.

— Нельзя, Миша, журавль осторожная птица. Видишь — летает парочка. Это дежурные, они наблюдают за округой. Как только мы шагнем, вся стая поднимется и улетит.

— И как нам быть? У нас же нет другого пути кроме как через поле.

Мать замолчала и после недолгого раздумья сказала как о деле решенном.

— Придется идти в обход, через лес, Миша.

— Но это же огромный крюк!

— Да, крюк, но журавлей беспокоить не будем. Жалко их. Ты не представляешь, какая трудная и опасная дорога их ожидает. Не все долетят до южных земель, не все весной вернутся обратно. Пусть еще немного порезвятся на отчей земле, родненькие.

Мишка не стал спорить, он знал, что мать если решила сделать доброе дело, то не изменит намерения, и даже Мишкины слезы не помогут. Колени не сгибались, плечи ныли, спина болела, а путь в обход был в два раза длиннее, чем через поле. Мать, чтобы облегчить Мишкины страдания, взяла его посох, один конец положила на плечо сыну, другой — на свое, разместив турсук посередине. Друг за другом, гуськом так они и пошли по окружному пути.

На очередном привале мать, прижав Мишку к себе и вытянув ноги, стала разминать кисть правой руки, занемевшей от держания посоха на плече. Потом печально сказала:

— Знаешь, Миша, журавли самые мои любимые птицы, они похожи на людей, красивые, верные, выражающие свои чувства как будто по-человечески. Запомнился мне один случай. Давно это было, тогда, когда мы с твоим отцом еще только собирались пожениться.

— До войны?

— Конечно, до войны, после нее забот много было, некогда следить за журавлями, только в небе их и видели. Так вот, весной, когда они вернулись из теплых краев на свою поляну, мы с твоим отцом видели редчайшее зрелище — журавлиный танец.

— Они танцуют? — удивился Мишка.

— Очень красиво танцуют! Соберутся в кружок, один или два выходят на середину и начинают пируэты выделывать. Сначала слегка подпрыгивают. Потом пускаются в настоящий пляс, даже коленца выкидывают, да такие, что помрешь со смеху. И кружатся, и прыгают, и крылья распластывают, и вприсядку принимаются, точно «трепака» отплясывают на своих ходулях. А те, что по кругу стоят, не просто смотрят, а тоже в такт ногами-шпильками притопывают и крыльями прихлопывают.

— Как же это? Сама говоришь, что они близко не подпускают, а вы все это разглядели.

— Случайно, роднулька моя. Так уж Бог дал, вернее, показал перед грядущими испытаниями. Наверное, чтобы сильнее мы свою землю возлюбили. Не знали мы, что скоро многим придется идти за нее воевать, а

кому-то и голову сложить. А чем сильнее Родину любишь, тем нещаднее врага бьешь и в победе не сомневаешься. Вот Господь нас и сподобил — чудо такое показал. Может, память об этом журавлином танце помогала твоему отцу и воевать, и побеждать.

— Мама, а какая польза от журавлей?

— Журавль — птица не промысловая, его не едят. Не знаю, в нашей деревне в мою бытность никто журавлей не обижал. Если Господь дал ему жизнь, значит, нужен он нам. Да и как же без него? Не представляю ни осень, ни весну. Журавлиный клин как стрелка на циферблате года. А красота-то какая! Ничего не видела красивее журавлиной стаи, летящей над миром! Прощальная их песня, печальный клик любое сердце милосердной любовью умягчает. Ну, что поделать, если родные просторы в зимнюю пору так к ним немилосердны. Вот и улетают они из дома. А по весне счастье-то какое, когда слышится в поднебесье дружная журавлиная перекличка. Одного этого достаточно, чтобы поверить в то, что добра на земле много-много больше, чем зла.

Мишка смотрел на вдохновенное материнское лицо, на голубые ее глаза, на русые волосы. Не было ничего прекраснее маминого лица и этих проникновенных слов.

До дому добрались поздно вечером, Мишка, не ужиная, залез на печку, обнял подушку и уснул как убитый.

Утреннее солнце не то чтобы выплыло, но прямо-таки выпрыгнуло из-за сопки, казалось, торопилось свою миссию выполнить — одарить мир светом, осветить все пути. По-хозяйски загорланили петухи. Но Мишку, привычного к их ариям, разбудили не они и не солнечные лучи, а прекрасно-печальные незнакомые его маленькому сердечку поднебесные крики.

— Что это?

Мальчик подбежал к окну, но вставленная к предзимью вторая рама не давала возможности охватить взглядом все небо. На ходу надернув штаны, в ботах на босу ногу Миша выскочил во двор.

Он сразу увидел маму. Она стояла посередине двора, приложив ко лбу руку козырьком, защищавшим глаза от слепящих солнечных лучей, и смотрела на небо, слегка запрокинув голову. Мишка пристроил свой взгляд в параллель к направлению ее взора и тут же зажмурился — свет ослепил и его. Он заслонил солнце ладонью вытянутой руки и не столько увидел, сколько услышал журавлей.

— Курлы… Курлы… Курлы…

Несколько клиньев, геометрически подобными фигурами, друг за другом высоко в небе проплывали над деревней, над Красным Яром, рекой и полями. И дальше, дальше, дальше…

— До свидания, родные, — шептала Мишкина мама. — Возвращайтесь, детушки мои.

Слов не было слышно, но губы ее еще шевелились, что-то шептали. Молитву — догадался Мишка, когда увидел, как мать широким крестным знамением осеняет вослед журавлиный клин.

Распластав сильные крылья, птицы летели прямо на солнце. Казалось, во всеобщем центростремительном порыве они хотят окружить его своей мощной живой цепью и притянуть, приблизить к остывающей земле, чтобы согреть и поля, и реки, и яры. Чтобы в родном краю навсегда установилось лето, и больше не нужно было бы им ни улетать, ни возвращаться.

ПОЭЗИЯ

Борис БУРМИСТРОВ

ПОЛЕ ПАМЯТИ

Борис Васильевич Бурмистров — член СП России, автор 12 поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России, лауреат Всероссийской литературной премии им. Святого благоверного Великого князя Александра Невского, Всероссийской премии им. В. Федорова, член-корреспондент РАЕН, академик ПАНИ. Заслуженный работник культуры РФ. Председатель Союза писателей Кузбасса. **Живет в Кемерово.**

Борису Васильевичу Бурмистрову 8 августа исполняется 70 лет. Член Союза писателей СССР и России, член Правления Союза писателей России, председатель Союза писателей Кузбасса, автор 12 книг стихов Борис Васильевич относится к плеяде выдающихся русских поэтов. Его стихи совершенны в той степени, в какой может быть совершенно изложение сложнейших законов бытия поэтическим языком, раскрытие иконных русских смыслов через образы и метафоры. Стихи Бориса Бурмистрова не только интересно читать, но их хочется учить наизусть и цитировать во многих жизненных ситуациях. Мы рады, что на страницах «Родной Ладоги» стихи замечательного русского поэта публикуются с первых номеров издания и вызывают интерес читателей.

Да ниспошлет Господь Вам, дорогой Борис Васильевич, долгих лет жизни, чтобы Вы могли потрудиться на благо России и русской литературы.

Поздравляем Вас с Юбилеем!

Члены редакции, авторы и читатели журнала «Родная Ладога»

* * *

Надо выстрадать право —
Называться поэтом.
Пустобрешная слава
Не поможет при этом.

Чтобы снова и снова
Вдаль летела дорога.
Надо вымолить слово
У судьбы и у Бога.

ПОЛЕ ПАМЯТИ

Рассыпаю время, семена
Долго, долго всходят, и в пространстве
Вызревают чьи-то имена,
Возвращаясь из далеких странствий.

Рассыпаю время, небеса
Созревают звездами — цветами.
Из глубин Вселенной голоса
Говорят из будущего с нами.

Вечности связующая нить —
На лугу ромашки полевые.
Рассыпаю время, чтобы жить
И побеги распускать живые.

Летний вечер до предела тих,
Лики братьев зримо вспоминаю.
Прозреваю духом среди них.
Русским духом сердце наполняю.

Собираю время, семена
Прорастут в иные времена…

* * *

Не сжигайте в прошлое мосты,
Повечерять позже будет не с кем.
Поливала женщина цветы,
На окне раздвинув занавески.

Отмывала пыльное окно,
Чтобы солнце в комнату светило.
Как же это было все давно,
Боже мой, когда все это было?!

Сколько вод по рекам утекло,
Снегом, пылью замело дорожки,
Но осталось в памяти тепло
От цветов печальных в том окошке.

На рассвете улицы пусты,
Я иду, пытаясь вновь представить —
Поливает женщина цветы…
И сквозь время прозревает память.

* * *

Что ищет он в стране далекой,
Что кинул он в краю родном…

М. Ю. Лермонтов

По белому свету, по белому свету
За мною двойник мой крадется
по следу…
Зачем он крадется по полю пустому,
Отсюда не видно дороги
до дому.

Двойник мой из детства, мальчишка
пугливый,
Что ищет сегодня средь спящей
равнины?
Следы мои тонут в сугробах
бескрайних
Мальчишка, двойник мой —
из прожитых давних…

* * *

Первое тепло
Материнских рук.
Снегом замело
Место встреч, разлук.

Домик у реки,
Чуть дымит труба…
Мысли далеки,
По судьбе — судьба.

Прокатился век,
Словно снежный ком.
Потемневший снег
Схоронил тот дом.

Материнских рук
Первое тепло.
Место встреч, разлук
Время замело.

* * *

И кумиры, и пророки —
Все с приставкой «лже».
Бесконечные пороки —
Холодно в душе.

Никому никто не внемлет,
Сходит мир с ума.
Только чуть в душе затеплит,
Как опять зима,

Как опять в снегах дороги,
Замело пути.
Лжекумиры, лжепророки
Не дают пройти.

Но я знаю, в век жестокий,
Вместо разных «лже-»
Вновь придут в наш мир пророки
С верою в душе…

ПАНОРАМА 90-Х ГОДОВ

В доме рама оконная выбита,
Белый свет с темнотой обнялись.
Перемешана, смешана, выпита
Поколения целого жизнь.

Лишь глоточек на донышке братины,
Да «братков» нескончаемый спор.
И в душе незажившие ссадины,
Кровоточащие до сих пор.

Что за время? Промчалось и минуло,
Только отсвет багровый вдали.

Сколько мальчиков, девочек сгинуло
Без войны, на войне полегли.

Кто заставил их конными, пешими
Выходить на чужую стезю…
Порубали друг друга, потешили
Тех, кто нынче жирует вовсю.

«Покаянными» тешатся тостами,
Но за кровь их никто не простит.
Только тьма над глухими погостами,
Только во поле ветер кружит…

ИСХОД

Боюсь назвать тот страшный год,
Боюсь пророчества отныне.
Я вижу, как бредет народ
С сумой по выжженной равнине.

Покинув Родину свою,
Бредет, бредет живой стеною.

Я эти лица узнаю —
В них много схожего со мною.

Народ мой — стой, остановись.
Нельзя без Родины, как птицам.
Вся наша будущая жизнь
Лишь на земле родной продлится…

* * *

Вся надежда нынче на мессию,
А другой надежды просто нет.
Мне б вернуться в Русскую Россию
Через сто и даже триста лет.

Кто-то скажет, ничего нет проще —
Просто надо выбрать верный путь,

Чтобы очутиться в этой роще,
Русский воздух с жадностью вдохнуть.

Чтоб услышать птиц весенних трели,
Чтобы слышать, как журчит вода.
Я еще с рождения поверил —
Русский мир, как космос, навсегда.

* * *

Е. М.

Вы говорите, что стихи грустны,
Они теперь не могут быть иными.
Ну, что поделать, если даже в сны
Приходят все трагедии земные.

Такое время нынче на дворе,
Все злее зреет мировая ссора.
Горит уже не шапка на воре,
А целый мир сгорает от позора.

Все оттого, что тает доброта,
Как снег весенний, вглубь земли уходит,
И жизни безоглядной суета
Нас друг за другом строем гонит, гонит.

Чем ближе к краю, тем прозрачней даль
И тем яснее перепуток дальний.
Мои стихи печальны, но печаль
Струит по миру свет исповедальный.

* * *

Частоколом дней обнесены,
Не прорваться через этот бруствер.
Иногда бывают просто сны —
Никаких загадок и предчувствий.

Иногда приходят просто сны,
Все-то в них, как наяву, понятно,
Никакой обиды и вины —
В прошлом все, ушедшем безвозвратно.

Только свет какой-то неземной,
Только радость в этих снах земная.
Все прошло, осталось все со мной.
И любовь, как ягодка лесная…

Владимир КОСТРОВ

«МЫ ПОГИБЛИ БЫ, ЕСЛИ Б НЕ ПОГИБАЛИ»

Владимир Андреевич Костров — родился 21 сентября 1935 г. в деревне Власихе Костромской области. Окончил химфак МГУ и Высшие литературные курсы. Автор стихов, множества песен, оперы «Джордано». Издано 18 оригинальных книг и 20 книг переводов с языков народов мира. Переведен на все крупнейшие языки мира. Лауреат многих литературных премий, в том числе Государственной премии России, премии Москвы, премий им. А. Твардовского, И. Бунина. Председатель международного комитета по проведению Пушкинских праздников поэзии. **Живет в Москве**.

БАЛЛАДА ОБ АНДРЕЕВСКОМ ФЛАГЕ

К кинофильму «Белый ковчег»

За дымкой голубой
Уже не отыскать нас.
Спасительный уже
Душе не нужен круг:
Исходит из страны
Печальная эскадра,
Как стая журавлей,
Летящая на юг.

Помочь нам не смогли
Ни вера, ни отвага.
Отмерена судьбой
Прощальная верста,
Но с нами честный крест
Андреевского флага
И смуглый крымский поп,
Похожий на Христа.

Ржавеют якоря,
Ветшает парусина,
Над реями плывет
Босфорская луна.
Как подожженный храм,
Горит вдали Россия,
Эгейская волна
Слезою солона.

Мы проиграли бой —
Не воры, не бандиты,
Мы не желали зла
Для Родины своей,
И Греция глядит
Глазами Афродиты
На поредевший строй
Железных кораблей.

Как белые снега,
Твои и грудь, и плечи,
В глазах твоих жива
Родная синева.
Поставьте в память нас
Березовые свечи,
Скажите и о нас
Утешные слова.

Пускай вернутся к нам
И вера, и отвага
Любым ветрам в ответ,
Любым громам назло,
Чтоб больше не пришлось
Андреевского флага
В бизертах целовать
Подбитое крыло.

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

Песня

Словно молнии, шашки над нами вились,
Есаулы казакам кричали: «По коням!»
Поразительно связана русская жизнь
С выраженьем библейским
«Над вечным покоем».

В блеске льдов, в медитациях медленных рек,
На границах гигантских хребтов равелины.
Мы бы в наших лесах затерялись навек,
Захлебнулись простором
Великой равнины,
Если б ведали страх, обратились бы в прах,
Из которого после поднялись едва ли,
В непосильных трудах, бесконечных боях
Мы погибли бы, если б не погибали.

Наши тысячелетья в наручных часах,
Человеческий век навсегда безысходен,
Но над вечным покоем парит в небесах
Окормляющий Родину ангел Господень.

ДВЕ ПТИЦЫ

Песня

От начала начал до библейских времен
В синем небе воздушном земного эфира
Над землей до сих пор
Продолжают свой спор
Черный ворон войны
С белым голубем мира.

С чистым сердцем встречай свои новые дни,
Но увидишь, что птицы и там непременны.
Над твоей головой будут виться они —
Белый голубь любви,
Черный ворон измены.

Будешь жить, наше синее небо любя,
И ценить нашей жизни любое мгновенье,
Белый голубь мечты
Не оставит тебя,
Может быть, улетит
Черный ворон забвенья.

* * *

Смуту и безверье не приемль,
А иначе точно быть беде…
Над рекой Великой белый кремль,
Как Христос, идущий по воде.

Прикоснись душою к старине
Мимо деклараций и затей.
С каждым годом по родной стране
Меньше километров и детей.

Кто бы, что и как ни говорил,
Только «Нет!» в ответ ему скажи.
От чудской волны и до Курил
Подступают к горлу рубежи.

У других подачку не моля,
Каждому не открывай дверей.
Глубока российская земля —
Глубже океанов и морей.

Не обходят грозы стороной,
Падает и каменная кладь.
Русский Бог за белою стеной,
Псковский кремль за нашею спиной —
Некуда нам дальше отступать.

* * *

Терпенье, люди русские, терпенье:
Рассеется духовный полумрак,
Врачуются сердечные раненья…
Но это не рубцуется никак.

Никак не зарастает свежей плотью…
Летаю я на запад и восток,
А надо бы почаще ездить в Тотьму,
Чтоб положить к ногам его цветок.

Он жил вне быта, только русским словом.
Скитания, бездомье, нищета.
Он сладко пел. Но холодом медовым
Суровый век замкнул его уста.

Сумейте, люди добрые, сумейте
Запомнить реку, памятник над ней.
В кашне, в пальто, на каменной скамейке
Зовет поэт звезду родных полей.

И потому, как видно, навсегда,
Но в памяти, чего ты с ней ни делай,
Она восходит, Колина звезда:
Звезда полей во мгле заледенелой.

* * *

В гудках портовых сухогрузов,
Где чайки белые парят,
В одесском Доме профсоюзов
Русскоязычные горят.

Горят в побоях и проклятьях
И понимая наконец,
Что память о Солунских братьях
Тупых не трогает сердец.

По этажам пустого зданья
Лишь пепла черная бросда,
Где от Христова состраданья
Отмежевались навсегда.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вновь с горы Митридат моря дальнего виды,
И рубцуются раны войны и беды,
Снова в лоно России вернулась Таврида
Афродитой прекрасной из пенной воды…

Никогда уже больше ты нас не покинешь,
Больше нет у истории этой вины.
Возвратился к нам Крым, словно сказочный Китеж,
Возродилось единство великой страны!

Крым отцов и дворцов, дивных роз темно-алых,
Бороздящих моря боевых крейсеров,
Православных святых, и святых адмиралов,
И богатых хозяйских татарских дворов.

Мы ошибки учтем и невзгоды осилим,
По всему побережью зажжем маяки,
Мы возложим цветы к адмиральским могилам,
В безымянные воды опустим венки…

Рей, Андреевский флаг, в севастопольской сини!
Словно вольная чайка, расправив крыла,
На надорванной карте великой России
Градом Китежем снова Таврида взошла!

СПРАВОЧНИК СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Теперь так часто говорят
Или бездумно повторяют,
Что рукописи не горят
И времена не выбирают.

Так трудно объяснить толпе,
Что век писателя недолог…
Я старый справочник СП
Читаю, словно мартиролог.

Тогда великая страна
Нам представлялась общей чашей.
Какая страшная волна
Прошла над всей эпохой нашей!

Но в кратком часе бытия
Любой судьбе — свои вериги.
И навсегда останусь я
Как персонаж из этой книги.

* * *

Видно, кровь у меня остывает…
Полыхают бульвары Москвы.
Верно, осень моя отступает,
За собою сжигая мосты.

Но душа ничего не боится,
Принимает порядок такой,
Может, в зимней морозной больнице
Ей обещаны мир и покой.

Ей не жалко болящего тела,
Жалко сущность утратить, семью.
Ей хотелось, чтоб маменька спела
Колыбельную песню свою.

* * *

Дремучие леса, деревья и поляны,
Покосные луга у Вохмы у реки.
Примите мой привет, древляне и поляне, —
Родные вохмяки.

Я до сих пор живу сентенциею древней,
Душою устремлен в мир детства своего.
Да, можно увезти парнишку из деревни,
Но вытащить нельзя деревню из него.

Я вспоминаю вас,
И делаюсь спокоен,
И верю в чудеса.
Неужто новый век
Нас вырубит под корень,
Как мы свои леса?

Хочу я, чтоб всегда с утра над деревнями
Сверкали петухи.
Чтоб вечно были вы — поляне и древляне, —
Родные земляки.

Пути познания

Игорь АНДРУШКЕВИЧ

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ, отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская перекличка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

Первоначально…
у всех народов всех времен
их ***мировоззрение*** может
быть только ***религиозным***

Хосе Ортегаи Гассет.
Одна интерпретация мировой истории

Конфликт *(от лат. conflictus — столкновение) — столкновение разнонаправленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов субъектов взаимодействия, фиксируемых ими в жесткой форме.*

Большая психологическая
энциклопедия

После окончания Второй мировой войны во всем мире возникли надежды на возможность утверждения долгого мира на Земле, ибо считалось, что повторение войн и вытекающих из них неисчислимых военных бедствий невозможно и недопустимо. С этой целью, в основном, и была создана Организация Объединенных Наций и новая международная система, с ней связанная, в рамках каковой все страны, в нее вошедшие, тогда были классифицированы как «демократии».

Однако уже через два года было заявлено, что наступает новый вид войны, **войны холодной**. Бернард Барух, советник президента США Гарри Трумэна, в своей речи перед палатой представителей штата Южная Каролина впервые употребил официально это выражение 16 апреля 1947 г., хотя оно было уже около двух лет до этого возвещено в статье Джорджа Оруэлла *«Ты и атомная бомба»* в британском еженедельнике «Трибьюн».

В рамках этой сорокалетней глобальной холодной войны постоянно вспыхивали местные горячие войны, начиная с Корейской и кончая Афганской. Кроме этих местных ограниченных горячих войн, стали хронически иногда вспыхивать также и

местные революции, почти всегда с ярлыком какого-нибудь цвета. Особенно сильно расхваливалась в свое время «революция красных гвоздик» в Португалии.

Конец холодной войны после мальтийских соглашений в 1989 г., а затем и расчленения России по швам, намеченным красной революцией 1917 г., вызвал повторные надежды на наступление общего мира без местных войн и без цветных революций. Однако эти надежды снова оказались неоправданными. Местные войны вскоре даже участились, иногда под вывеской самых разнообразных «коалиций» ad hoc, если не удавалось получить на них санкцию ООН. Затем пошел и своего рода «понос» цветных революций, начиная с оранжевой на Украине и кончая бесцветными, хотя и «весенними» революциями в арабском мире.

Сегодня поднимается вопрос: не находится ли человечество снова перед лицом новой большой войны, хотя на этот раз не горячей и не холодной, а войны нового типа, войны «**гибридной**». Возникают попытки теоретически описать этот третий вид войны, иногда со ссылками на русского белого эмигранта, скончавшегося в Аргентине, Е. Э. Месснера. Именно в рамках такой глобальной гибридной войны, или «**мятежевойны**», согласно выражению Месснера, якобы и происходят сегодня все частные местные войны и отдельные цветные революции. Североамериканский политолог Самуэль Хантингтон предложил, почти одновременно с Месснером, классифицировать все эти местные войны и революции как частные проявления «**столкновений цивилизаций**». Хотя сам Хантингтон затем и пытался отказаться от этого своего меткого выражения, оно стало довольно популярным и широко употребляемым.

Однако очевидно, что не все современные цивилизации находятся в состоянии столкновения между собой. Кроме того, иногда столкновения происходят не между разными цивилизациями, а в рамках одной и той же цивилизации, как, например, в наши дни в случае суннитов и шиитов в рамках Ислама, а несколько веков тому назад между протестантами и римокатоликами в рамках западноевропейской цивилизации. Причем эти последние столкновения часто имели особенно жестокий характер, как, например, в случае Варфоломеевской ночи, когда за одну ночь накануне 24 августа 1572 г. было убито больше людей, чем казнено за все время царствования царя Ивана Грозного. Однако, несмотря на это, тогдашнего французского короля Карла IX на Западе считают «гуманным правителем», в то время как имя его современника, русского царя Ивана Грозного (от слова «**гроза**»), на Западе было тенденциозно переименовано в «Ивана Ужасного» (от слова «**ужас**»: Ivan el Terrible, Ivan der Schrekliche). Да и другие религиозные войны в Западной Европе не очень соблюдали «человеческие права». Стоит лишь вспомнить «крестьянские войны» против Гусса, Тридцатилетнюю войну и многие другие подобные войны в Западной Европе. Например, в Тридцатилетней войне в Германии погибло более трети всего ее населения, а в Баварии даже две трети.

Одновременно со всеми этими идеологическими попытками теоретического объяснения причин современных войн и революций весьма часто прибегают и к употреблению понятия **геополитики**. Мол, в конечном итоге подоплекой всех этих конфликтов является лишь геополитика, т. е. политические и экономические территориальные интересы и вожделения. Однако

история нам свидетельствует, что это не всегда так. Большинство войн и конфликтов в истории человечества нельзя объяснить исключительно только лишь геополитическими причинами.

Если обратиться к удобному историческому примеру Римской империи, то мы видим разные отношения Рима к разным поместным цивилизациям, территории которых градуально включались в тогдашнюю глобальную греко-римскую цивилизацию. Если оставить в стороне местные войны Рима на Апеннинском полуострове за объединение Италии, а также и войны на территориях варваров, то мы видим, в хронологическом порядке, четыре разные цивилизации, с которыми по-разному столкнулся Древний Рим: Карфаген, Греция, Египет и Персия.

Несколько войн Рима с Карфагенской империей закончились в середине II в. до Р. Х. частыми заклинаниями в Сенате цензора Римской Республики Катона Старшего: *Carthago delenda est (Карфаген должен быть разрушен)*. И он был разрушен римлянами, а его территория вспахана плугом и посыпана солью. Так были ликвидированы и места детских жертвоприношений этой торговой цивилизации. Лишь затем этот город был наново основан в согласии с римскими религиозными и правовыми традициями. Уже во времена христианства Карфаген стал столицей славной поместной Карфагенской Церкви, прославившейся своими регулярными поместными церковными Соборами, выработавшими много, до сих пор действительных, церковных правил.

Почти одновременно Римом была завоевана и территория континентальной Греции, но ничто там не было разрушено и посыпано солью, а сами греки стали учителями римлян. Позже был завоеван и Египет, но там римляне тоже ничего не разрушали, хотя и не брали египтян в учителя своей аристократии. Правда, Юлий Цезарь заказал в Египте свой новый юлианский календарь, доселе действительный и в Русской Православной Церкви, с добавлениями Первого Вселенского Собора, касающимися Пасхального цикла. Также были частично заимствованы римской имперской администрацией и некоторые египетские административные технологии, следуя общей римской практике. Основанная Александром Великим, новая столица эллинистического Египта стала культурной столицей Римской империи, с ее Библиотекой и Университетом. В Александрии был сделан перевод Ветхого Завета на греческий язык, а затем и создан новый христианский календарь по поручению Первого Вселенского Собора.

С Персией Римская империя воевала немало, но значительных завоеваний персидских территорий ей не удалось сделать, за исключением отдельных периферийных персидских владений. Несмотря на это, в IV в. некоторые персидские религиозные верования стали проникать в Римскую империю, особенно в римское военное сословие. Солнечный культ Митры, по-видимому связанный с Персией, даже завоевал себе сторонников среди высших кругов власти, что отразилось и в чеканке имперских монет.

Такое дифференцированное отношение к другим культурам можно наблюдать и в современную эпоху. Например, Англия относится совершенно иначе к разным бывшим частям ее империи. Легко заметить такое разное отношение в случаях Индии и США. Обе эти страны были колониями Англии, причем Индия гораздо дольше. Кроме того, владение Индией было предлогом для провозглашения Британской империи, с соответствующим

включением этого владения в титул королей Англии. Однако на поверку сегодня оказывается, что США гораздо ближе Англии во многих отношениях, чем Индия.

Дело заключается в том, что, несмотря на современную принадлежность практически всех стран мира к одной общей глобальной цивилизации, не у всех этих стран имеются одинаковые **мировоззрения**. Это уже давно отметил английский историк Арнольд Тойнби, указывая, что все цивилизации имеют свои «**отличительные культуры**», или просто «**души**». Тойнби считает, что «***западная цивилизация приперла к стенке*** *все другие современные цивилизации и запутала их в сетях своего собственного экономического и политического превосходства. Однако она еще не лишила эти цивилизации их собственных* ***отличительных культур****. Как бы они не были понуждаемы, они еще могут считать своими свои* ***собственные души***»[1].

Русский ученый Питирим Александрович Сорокин (1889–1968), основоположник русской и североамериканской социологий, изгнанный из России в 1922 г., считает, что все цивилизации можно свести к **трем типам** или **трем «самым большим идеологическим сверхсистемам»**: идеациональной, идеалистической и чувственной. Эти три «сверхсистемы» определяются в зависимости от их отношения к *«конечной природе настоящей действительности и* ***настоящей ценности***», ибо *«проблема конечной природы настоящей действительности и настоящей ценности является крайней и самой общей проблемой мысли»*. Сорокин обращает внимание на то, что эти **мировоззренческие сверхсистемы** могут меняться в рамках одной и той же цивилизации в течение исторических процессов. Более того, само по себе перечисление этих трех систем указывает на их переменчивость, ибо на самом деле существуют только две системы, идеациональная и чувственная, по терминологии Сорокина, в том время как третья система является лишь промежуточной между ними.

Таким образом, одна и та же цивилизация меняет в течение истории свой мировоззренческий характер, а вследствие этого и свое отношение к другим цивилизациям.

Например, Сорокин указывает, что греческая цивилизация несколько раз меняла свой мировоззренческий характер[2]. Западноевропейская цивилизация, сегодня уже североатлантическая, тоже подвергалась не раз, и дальше продолжает подвергаться сильным мутациям своего мировоззрения и своего отношения к другим мировоззрениям, в том числе и по отношению к России и к ее культуре[3].

Значит, столкновения и войны, горячие, холодные и гибридные, в конечном итоге вызываются не цивилизациями как таковыми, а их мировоззрениями, имеющими своим стержнем свою собственную шкалу ценностей согласно Сорокину. Также и разные виды революций подбрасываются в другие страны не цивилизациями, а преобладающими в них в момент кон-

---

[1] *Arnold J. Toynbee*. Испанский перевод: Estudio de la Historia. Alianza Editorial. Madrid, 1971. P. 30.

[2] Эта тема разбирается более подробно статьях *И. Н. Андрушкевича* «Закат североатлантической цивилизации?» в «Русских тетрадях» № 9 от декабря 2011 г. и «Аксиополитика ориентирует геополитику» в «Русских тетрадях» № 15 от марта 2015 г.

[3] См. статью *И. Н. Андрушкевича* «Коренные противоречия западной цивилизации» в «Русских тетрадях» № 5 от января 2009 г.

фликта их мировоззренческими системами. Значит, все эти войны и революции являются лишь **отдельными моментами глобальных мировоззренческих конфликтов**, иногда длящихся веками. Например, конфликт Запада с Православным миром продолжается уже более восьми веков, начиная с вероломной измены лжекрестоносцев IV Похода, по-варварски разграбивших в 1204 г. Константинополь. Попытки подобных походов, с подобными же целями, продолжаются с тех пор периодически вплоть до наших дней при неизменных поучениях на тему очередных идеологических поветрий.

Окончательное или, по крайней мере, категорическое преодоление подобных мировоззренческих конфликтов возможно лишь после глубоких **мировоззренческих мутаций**, в одной из находящихся в конфликте сторон. Простые переубеждения или описания преимуществ собственной стороны в таких случаях часто не только не помогают, но иногда даже могут еще больше озлоблять противостоящую сторону.

Однако при анализе подобных исторических проблем нельзя упускать из виду, что все исторические процессы ограничены во времени, т. е. все они когда-то кончаются, ибо каждый процесс имеет свой собственный временный пробег. Процессы иссякания мировоззрений тоже зависят и от их собственного содержания, и от их способности вовремя делать нужные корректуры своих собственных исторических курсов.

ВЫШЛА КНИГА

Коняев Н.

Купола над Друтью: Рассказ о Свято-Покровском монастыре в Толочине. От времен варягов до нашествия Наполеона СПб.: Полакс, 2016.

Книга Николая Коняева «Купола над Друтью» увлекательно рассказывает об истории Свято-Покровского Толочинского монастыря. Здесь происходили события, которые, хотя и не выходили за границы Толочина, приобретали государственное и даже европейское значение. Книга повествует также о событиях, которые протекали вдалеке от Толочина, но как бы наплывали на монастырь, затягивая его в движение мировой истории.

Большое место в книге уделено истории взаимоотношений православия и католичества, Речи Посполитой и России, без знания которых трудно понять некоторые аспекты современных отношений России, Белоруссии и Польши.

Александр ВАВИЛОВ

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ В ЕВРОПУ: ГДЕ ВЫХОД?

Александр Иосифович Вавилов — доктор исторических наук, профессор. Многие годы занимается изучением политики США на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Его новая работа посвящена исследованию опасной эволюции такого угрожающего феномена современной международной жизни, как терроризм. В ней убедительно доказывается, что одной из главных причин активизации экстремистских сил является современная гегемонистская и тенденциозная политика США в арабском регионе. Автор многочисленных монографий, статей и других публикаций по избранной тематике. **Живет в Москве**.

Одним из тяжелейших последствий непродуманных действий западных стратегов и политиков в регионе Ближнего Востока, а также в Африке для европейской, да и всей мировой политики стал наплыв мигрантов, достигший своего пика в 2015–2016 годах. Многие аналитики назвали его гуманитарной катастрофой современности, сравнимой по своим масштабам и страданиям обездоленных людей с великими катаклизмами человеческой истории.

Истоки этой сложной и животрепещущей проблемы следует искать в растущем и углубляющемся разрыве в уровнях жизни и развития между «золотым миллиардом» людей, живущих в развитых странах и владеющих половиной ресурсов и богатств нашей планеты, и остальным человечеством. В поисках лучшей доли и счастливого будущего для себя и своих детей многие жители Азии, Африки и Латинской Америки издавна направлялись в Европу и Северную Америку, пополняя и без того многочисленные ряды трудовых или экономических мигрантов.

В наши дни к ним прибавились многие тысячи беженцев с Ближнего Востока, Азии и Африки, ищущих спасения для себя и своих многодетных семей от смертельных опасностей и страданий, вызванных многочисленными кровопролитными и разрушительными конфликтами, к разжиганию и сохранению которых оказались напрямую причастны страны Запада.

Наряду с экономическим бременем содержания и обустройства незваных гостей на европейские страны, как свидетельствует недавний печальный опыт многих из них, навалилась грозная опасность активизации террористов, многие из которых под личиной беженцев просачиваются на континент.

Они наращивают уже накопленный взрывоопасный потенциал доморощенных молодых, слабо образованных, натурализовавшихся в прошлом инородцев, которые уже «на месте» и готовы к бою, движимые обидой и социальным протестом. Для развертывания подрывной деятельности им не требуются паспорта и визы, а также транспортные расходы. Им нужно лишь, да и то не всегда, посоветовать, куда побольнее ударить этих «зажравшихся богачей». Именно такие «одинокие волки», получившие ускоренную террористическую подготовку и инструкции по Интернету, осуществили смертоносные удары в Мадриде (2004), Лондоне (2005) и Глазго (2007). Дальше еще опаснее: в середине октября 2009 г. спецслужбы засекли в Интернете сотрудника (алжирского происхождения) Европейского центра ядерных исследований в Швейцарии, который признался в связях с «Аль-Каидой», планировавшей диверсию на одном из ядерных объектов.

Как наглядно показывает опыт западноевропейских государств, ряды экстремистов ежедневно и ежечасно пополняются за счет плохо устроившейся и потому недовольной иммигрантской молодежи. Она не находит себе желаемого и достойного места в благополучном и закрытом для чужаков западном обществе, заинтересованном в ней лишь как в рабочей силе и вынужденном (в силу низкой рождаемости среди европейского населения) привлекать пришлых лишь на непрестижную, неквалифицированную, а следовательно, и малооплачиваемую работу. В последние годы страны ЕС пытались как-то ограничить и поставить под контроль захлестывавшую Запад иммигрантскую волну, однако потребности экономики оказывались сильнее.

По данным главы МВД Италии, к апрелю 2014 г. в Северной Африке скопилось от 300 до 600 тысяч нелегальных мигрантов, поджидавших удобного случая, чтобы перебраться через Средиземное море в Европу. Как рассказывал автору в Тунисе представитель ЕС по проблемам миграции, африканскому гастарбайтеру стоит лишь улизнуть от береговой охраны самого близкого (всего около 70 км) от Африки о. Лампедуза, как после полугода нелегальной работы в Италии он получает вид на жительство, а через год привозит всю семью.

Бедственное социально-экономическое положение во многих странах африканского континента, а в последние годы, во многом в результате катаклизмов «арабской весны», и в Северной Африке и на Ближнем Востоке, преумножало число мигрантов и беженцев, готовых в поисках лучшей доли для себя и своих близких рисковать жизнью. По оценке, приведенной в докладе ООН, к концу 2014 г. рекордное число — 59,5 миллиона человек или каждый 122-й житель планеты был насильственно перемещен, оказался беженцем или мигрантом. Из-за неурегулированности внутренних и региональных конфликтов и возгорания новых за последние 4 года этот показатель беспрецедентно вырос — в 4 раза. В результате число беженцев из неспокойных зон ежедневно увеличивалось почти на 43 тысячи человек.

Такой наплыв искателей лучшей жизни вызвал в Евросоюзе настоящий, хотя и запоздалый переполох. Однако согласовать экстренные коллективные меры по противодействию контрабанде людей для европейских руководителей было непросто, в том числе из-за нараставшей потребности стран ЕС в притоке рабочей силы, так как Западная Европа стремительно старе-

ла. Тратиться и возиться с приемом и обустройством пришлых также не хотелось, а ведь среди них было немало подозрительных лиц с криминальным прошлым. Так, в Дании уровень преступности среди беженцев-мужчин на 73 % превышал средний. В местах заключения для молодежи семеро из десяти были иммигрантами, из них примерно 40 % — беженцами. В Германии преступность среди мигрантов примерно в 5 раз превышала аналогичный показатель среди местных жителей. В Швеции и Испании около трети преступлений совершали иммигранты.

Европу сотрясали массовые демонстрации и митинги с требованиями прекратить приток на континент «гостей» из неблагополучных регионов. Противники приема чужаков сталкивались со сторонниками их обустройства и обеспечения предметами первой необходимости. В результате руководители Великобритании и Франции, а затем и Испании отвергли задуманное было руководством ЕС квотирование приема мигрантов.

Глава МВД Словакии Р. Калиняк сравнил «с черпанием воды из реки» то, как Европа пыталась решить проблему нелегальной миграции. Чешский премьер Б. Соботка был еще более мрачен в своих оценках: «Европа просто не в силах справиться с растущим числом нелегальных беженцев из стран третьего мира. Если нынешняя волна мигрантов не спадет в последующие месяцы, социальные системы в европейских государствах могут потерпеть крах». А перспективы сокращения притока вынужденных переселенцев из охваченных конфликтами стран Ближнего Востока и Северной Африки выглядели весьма туманными. Сбывались угрозы покойного М. Каддафи, который грозил открыть пограничные шлюзы, затопить Европу мигрантами и «сделать ее юг черным», если она не перестанет бездумно подыгрывать США в давлении на «ливийскую джамахирию».

Так Европа, поддержав, с подачи США, антиправительственные выступления в Ливии, а затем и в Сирии, вызвав резкое увеличение потока беженцев, создала для себя самой, по оценке ООН, тяжелейшую со времен Второй мировой войны гуманитарную проблему и оказалась для ее решения совершенно не подготовленной.

«Посмотрите, — отметил Президент РФ В. В. Путин в интервью швейцарским СМИ в конце июля 2015 г., — сейчас Европа сталкивается с конкретной проблемой, с проблемой наплыва эмигрантов. А что, разве Европа принимала решения, которые в конечном итоге привели к этой ситуации? Надо быть откровенным и честным: эти решения принимались за океаном, а с проблемой сталкивается Европа»[1].

В итоге экстренных совещаний и саммитов страны ЕС договорились лишь о сотрудничестве (операции «Тритон» и «Посейдон», позднее — Frontex) в отлавливании судов контрабандистов человеческим товаром, оставив в стороне глубинную причину нарастания иммиграционной волны — бедственное социально-экономическое положение в регионах Ближнего Востока и Африки, порождавшее все новые и новые кровопролитные конфликты, с которым они ничего поделать не могли, а многие и не стреми-

[1] Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 27.07.15).

лись. Поверхностность подхода европейских руководителей к поискам решений животрепещущих проблем иммигрантов и беженцев вызвала резкое неприятие международных правозащитников. The Amnesty International, к примеру, назвала апрельский саммит 2015 г. лидеров ЕС по проблеме мигрантов «пусканием пыли в глаза».

Узнав о волюнтаристском решении ЕС хозяйничать близ берегов разрушенной теми же европейцами Ливии, международно признанное правительство этой страны заняло в отношении европейских замыслов резко отрицательную позицию. «Любые корабли, которые появятся в ливийских водах без предварительного разрешения, станут целями для наших военно-воздушных сил», — заявил агентству Рейтер командующий оперативным штабом ВВС Ливии С. аль-Джеруши. Такой вполне оправданный с точки зрения международного права подход серьезно осложнял реализацию европейских планов.

К лету 2015 г. ситуация с нелегальной миграцией через южные границы Европы все более осложнялась. По сведениям Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), только за первое полугодие 2015 г. в Европу прибыли 340 тысяч беженцев и ловцов счастья на чужбине — на 83 % больше, чем за тот же период 2014 года. К концу сентября минувшего года их число перевалило за 488 тысяч.

По данным из того же источника, только в первом квартале 2015 г. около тысячи человек погибли или пропали без вести в Средиземном море при попытке добраться до Европы. В ночь на 19 апреля 2015 г., к примеру, у ливийских берегов затонуло судно с 800 нелегальными иммигрантами и беженцами, в том числе 200 женщинами и 50 детьми на борту. Спасти удалось лишь 28 человек. Они и рассказали спасателям, что во время дрейфа к их лодке приблизилось крупное торговое судно. Нелегалы испугались и ринулись на один борт, возник крен, и набитая людьми лодка длиной всего в 20 метров перевернулась. За этой трагедией через день последовала еще одна, близ о. Родос, где, нарвавшись на рифы, пошло на дно утлое суденышко с запертыми в трюме двумя сотнями беженцев.

К началу ноября 2015 г. число незваных «гостей», прибывших в Европу, приблизилось к 800 тысячам. По прогнозам, в 2016 г. европейский континент ожидал наплыв трех миллионов человек.

Италия, ставшая одним из транзитных коридоров (500 мигрантов ежедневно), тщетно взывала о помощи, а Франция и Швейцария отошли от положений Шенгена и закрыли с ней свои границы. Венгрия стала отгораживаться от потока нелегалов из Сербии, а затем Хорватии и Словении пограничной стеной. Такие же преграды возводились в Болгарии и Греции на границах с Турцией.

Для снижения прессинга мигрантов Россия оказала Сербии помощь в развертывании лагерей для временного пребывания до тысячи беженцев (палатки, цистерны для питьевой воды и одеяла, а также печи для отопления). Москва была готова к сотрудничеству с европейскими государствами в решении резко обострившейся проблемы нелегальных мигрантов в Совбезе ООН и за его пределами. При этом российское руководство исходило из того, что наряду с решением насущных гуманитарных задач по приему

и обустройству вынужденных переселенцев было настоятельно необходимо искоренять причины, породившие это тяжелое явление в международной жизни — восстанавливать стабильность и государственное управление в регионах Ближнего Востока и Северной Африки, а также на африканском континенте, нарушенные волюнтаристской политикой США и их западных партнеров.

Не легче было и свалившейся в глубокую долговую яму Греции: на о. Лесбос — основном перевалочном пункте для беженцев (25 тысяч на 80 тысяч местного населения) начались межэтнические и межконфессиональные столкновения среди выходцев из различных стран, мигранты пошли на протестные выступления, требуя от местных властей создания человеческих условий для своего пребывания. Такие же беспорядки в августе 2015 г. случились и на о. Кос (7 тысяч мигрантов на 30 тысяч населения). Стадиона, на котором разместили прибывших, не хватило, властям пришлось устраивать их на вместительном пароме, а те требовали их скорейшей отправки на материк.

В конце августа 2015 г. полиция Македонии была вынуждена применить слезоточивый газ и светошумовые гранаты против 5 тысяч нелегальных мигрантов, пытавшихся проникнуть на ее территорию из Греции. Правительство Македонии объявило о введении чрезвычайного положения на границе с Грецией и развертывании там дополнительных воинских подразделений. Но это не помогло: полторы тысячи мигрантов прорвали кордоны и стали искать пути для своего дальнейшего следования в «богатые европейские страны», в том числе штурмуя поезда. На нейтральной территории между Македонией и Грецией были блокированы еще несколько тысяч человек, которые не оставляли попыток прорыва на территорию Македонии, чтобы отправиться транзитом на север. В конце концов, Евросоюз «расщедрился» и выделил Македонии на гуманитарные нужды аж 90 тысяч евро, которые, конечно же, не спасали положения.

В Германии к середине лета 2015 г. на рассмотрении властей находилось свыше четверти миллиона заявок на получение вида на жительство. Немцы подумывали даже о том, чтобы приплачивать мигрантам (полторы тысячи евро на семью из трех человек), чтобы те убрались восвояси. Как сообщил в конце августа 2015 г. министр внутренних дел ФРГ Т. де Мезьер, поток беженцев в Германию вырос в четыре раза. Министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер признал, что страна не справится с таким наплывом беженцев. В немецком руководстве заговорили об отказе от Шенгенских соглашений или их модификации в сторону ужесточения пограничного контроля. К сентябрю 2015 г. ФРГ фактически отошла от Шенгена, введя погранконтроль для ограничения вала переселенцев.

Миграционный наплыв еще в большей степени расколол общество Старого Света. Его захлестывали бурные демонстрации за и против приема чужеземцев. Он рассорил и страны Европы, в частности, Хорватию и Венгрию, обвинявших друг друга в несоблюдении правил миграции. Кроме того, страны «Балканского пути» были недовольны государствами Западной Европы, вызвавшими своими подрывными действиями в Ливии и других странах ближневосточного и североафриканского регионов наплыв беженцев, которых принимать в своих краях не торопились. Раскол наблюдался не только по линии Восток — Запад, но и Север — Юг. Южные члены ЕС

выказывали недовольство медлительностью более состоятельных северян в приеме на свое обеспечение не спадавшей волны мигрантов.

Проведение летом 2015 г. ряда министерских совещаний ЕС по проблемам миграции не дало результатов: их участники договорились лишь о приеме свыше 40 тысяч человек, в основном с Ближнего Востока и из Северной Африки, однако о том, где, как и главное — на какие средства их размещать, окончательного согласия достигнуто не было. США, громко потребовав от ЕС помочь беженцам и обеспечить их безопасность, скромно обещали принять лишь 2 тысячи мигрантов. Позднее эта цифра под давлением европейцев была увеличена до 10 тысяч, однако 28 штатов принимать чужестранцев наотрез отказались. Во второй половине ноября 2015 г. палата представителей Конгресса США проголосовала против приема беженцев и мигрантов.

На прошедшей в Женеве в середине июня 2015 г. сессии Совета ООН по правам человека российские представители выступили с критикой безответственного силового вмешательства Запада в дела суверенных государств, которое вызвало резкое увеличение потоков мигрантов и беженцев. По оценке российской стороны, ни одно государство было не в силах «самостоятельно дать ответ современным миграционным вызовам». По мнению РФ, задуманное уничтожение судов, перевозивших беженцев, или выведение их из строя было бы чрезмерным шагом, не способствовавшим решению проблемы и противоречившим Дублинской конвенции 1990 г., предполагавшей прием беженцев после пересечения ими границы того или иного государства. В связи с этим действия стран ЕС не должны были идти дальше ареста судов, осуществлявших перевозку нелегальных мигрантов. А усиление пограничного контроля привело бы лишь к локализации взрывоопасных по своему потенциалу проблем.

Тем временем потоки незваных «гостей» из разоренных войнами и междоусобными конфликтами регионов не ослабевали. В третьей декаде июля 2015 г., к примеру, три итальянских корабля спасли в рамках операции «Тритон» в 56 км от побережья Ливии более 400 мигрантов, а в конце августа уже в десять раз больше — 4,4 тысячи.

Тогда же в Сицилийском проливе корабли береговой охраны поставили своеобразный рекорд — спасли сразу 3000 незаконных мигрантов из Ливии. В трюме одной из переполненных посудин были обнаружены 50 тел, в основном женщин и детей, отравившихся угарным газом из-за неисправности мотора.

Человеческие трагедии и страдания продолжались и в дальнейшем. В конце ноября 2015 г., к примеру, в районе курортного турецкого г. Бодрум в Эгейском море перевернулись сразу две лодки с беженцами, погибло шестеро детей.

В самом конце июля 2015 г. более 2 тысяч мигрантов под покровом ночи в очередной раз предприняли массовую попытку силой прорваться в тоннель под Ла-Маншем со стороны французского порта Кале, надеясь нелегально пробраться на Британские острова. Эта атака вновь окончилась неудачей, в ходе ожесточенных столкновений с полицией были задержаны 200 человек, шестеро получили ранения. На другой день попытка штурма повторилась с тем же результатом и 300 арестованными.

Несмотря на человеческие жертвы, искатели лучшей жизни ежедневно и еженощно продолжали высматривать лазейки для просачивания через границу. Пришельцы, в основном из Эфиопии и Судана, а также из Афганистана, не оставляли надежд на вольготную жизнь в Туманном Альбионе и, ожидая удобного случая пробраться туда, еще в марте 2015 г. разбили близ Кале лагерь, который местные жители тут же окрестили «джунглями», где обитало около 10 тысяч скитальцев и даже была открыта школа для обучения азам английского и французского языков. В местных СМИ с тревогой заговорили об опасности превращения Кале во вторую Лампедузу. Для предотвращения дальнейшего усугубления ситуации французские власти прибегли к старому «доброму» способу — стали возводить в неспокойном районе тоннеля 600-метровую заградительную стену, надеясь хоть как-то обуздать миграционный натиск. Однако этот шаг не облегчил положение, и попытки штурмовать тоннель продолжались. Тогда в феврале 2016 г. после долгих тяжб с правозащитниками было утверждено судебное решение снести постройки в «джунглях», а их обитателей (около 5 тысяч человек) переселить в переделанные под жилье грузовые контейнеры, расставленные подальше от тоннеля. Осуществление этого решения на практике натолкнулось на ожесточенное сопротивление перемещаемых лиц.

В Великобритании наплыву незваных гостей, которых стали называть «оккупантами», также были не рады. Британский премьер Д. Кэмерон назвал их «роем надоедливых насекомых». К концу августа 2015 г. между МВД Франции и Великобритании было заключено специальное соглашение об усилении охраны силами британских полицейских доступа в «евротоннель», на что Лондон обязался выделить 10 млн евро. Кроме того, в Лондоне собрались сажать в тюрьму на полгода нелегальных мигрантов, которые, прибыв в Туманный Альбион, намеренно уничтожали свои документы.

Лишь к концу первой декады августа 2015 г. Брюссель принял программу по приему мигрантов, рассчитанную на 8 лет, и выделил на эти цели 2,4 млрд евро, 80 % из которых предназначались Греции и Италии, а также Франции. Венгрия тут же высказала свое неудовлетворение доставшимися ей «мизерными» отчислениями.

А напряжение с мигрантами продолжало нарастать: в день проведения саммита западно-балканских стран по этой проблеме, 27 августа 2015 г. на автобане из Венгрии в Австрию в грузовике было обнаружено более 70 тел задохнувшихся нелегалов. Тогда же у берегов Ливии европейские и ливийские моряки провели спасательную операцию: 200 мигрантов были выловлены, столько же утонуло.

В самом начале 2016 г. у турецкого побережья перевернулись сразу две лодки с переселенцами, державшими курс на все тот же о. Лесбос. В итоге утонуло 27 человек, в том числе трое детей. Турецкие власти огульно обвинили в этой трагедии Россию, которая де «своей поддержкой режима Б. Асада гонит граждан Сирии из своей страны». Официальный представитель МИД РФ М. В. Захарова решительно отмела такие измышления, резонно заметив, что «именно проводимая нынешним турецким руководством политика попустительства и пособничества различным радикальным и террористическим группировкам в Сирии в немалой степени способствовала

и продолжает способствовать разгулу там насилия и экстремизма на грани пещерного варварства»[1].

Запустив во второй половине июня 2015 г. Европейскую военную миссию в Средиземном море, чтобы «разрушить бизнес-модель торговцев людьми», ее инициаторам приходилось думать скорее не об уничтожении судов контрабандистов, а о спасении и дальнейшем обустройстве их пассажиров. На другой же день, к примеру, норвежское судно Siem Pilot взяло на борт 600 нелегальных мигрантов. С риском для жизни они пытались добраться до берегов Италии на двух утлых деревянных лодках. Принять и разместить их желающих не нашлось.

К сентябрю 2015 г. все более очевидной становилась безрезультатность усилий государств — членов ЕС по разрешению миграционного кризиса. Ситуация из-за отсутствия согласия внутри Евросоюза относительно практических мер по решению этой непростой и давно назревавшей проблемы была, по сути, пущена на самотек. «Мы как европейцы, — был вынужден признать во второй половине сентября 2015 г. председатель Евросовета Д. Туск, — в настоящее время не в состоянии управлять нашими общими внешними границами, в результате некоторые государства решили защитить себя закрытием своих национальных границ. Тогда как защита Европейского сообщества — это наш первый долг и обязанность, мы не справились на этом фронте».

На внеочередном заседании Совета ЕС 22 сентября 2015 г. было принято решение о создании временного механизма перераспределения в течение двух лет 120 тысяч просителей убежища с территории Греции и Италии, а на внеочередном саммите Евросоюза 23 сентября были достигнуты договоренности о мерах по укреплению контроля на внешних границах ЕС, созданию до конца ноября в Италии и Греции центров приема и регистрации беженцев («hot spots»), оказанию содействия в решении миграционных проблем соседним с Сирией государствам и дополнительном выделении на нужды беженцев через УВКБ ООН и Всемирной продовольственной программы не менее 1 млрд евро.

Перераспределение в течение двух лет 120 тысяч искателей убежища (т. е. 5 тысяч человек в месяц) на фоне нараставшего миграционного потока в ЕС, когда *ежедневно* около 5 тысяч человек прибывали на территорию Евросоюза, не могло быть окончательным решением этой острой проблемы, порожденной непродуманными действиями в районе Ближнего Востока и Северной Африки европейских партнеров США. Если в октябре 2014 г. в Европу нелегально через Средиземное море перебралось 23 тысячи человек, то в том же месяце 2015 г. их число возросло в 10 раз — до 220 тысяч. К тому времени ЕС так и не смог выработать единую позицию по этой проблеме, у него не было ни соответствовавшего ее масштабам общего иммиграционного законодательства, ни учреждений для его применения. На горизонте замаячила угроза возможной дестабилизации обстановки на Балканах, где скапливалось все больше горючего материала для социально-политического взрыва.

Во второй половине октября 2015 г. стало известно, что ЕС смог распределить в рамках разработанной в сентябре квотной системы только одну тысячу мигрантов из прибывших 710 тысяч.

---

[1] Интерфакс. 09.01.2016.

Тупиковую ситуацию с беженцами, сложившуюся ко второй половине октября 2015 г., реалистично оценил премьер-министр Болгарии Б. Борисов: «За десять дней мы собираемся в третий раз и по-прежнему не получаем ответа на основной вопрос: сколько беженцев Европа может принять и кто их хочет у себя видеть? Сегодня царит полный хаос, и страны начинают спасаться самостоятельно и перекидывать беженцев на других. Мы, те, кто находится на границе, подвержены огромному риску, если все начнут возвращать их обратно». Он напомнил, что у Болгарии и Турции не было соглашения о реадмиссии, и подтвердил готовность его страны закрыть границу, если аналогичные действия предпримут Германия, Австрия и Венгрия.

Финляндия к концу 2015 г. полностью перекрыла въезд на свою территорию из РФ на велосипедах, которыми активно пользовались путешественники поневоле, обходя установленный ранее запрет на пеший переход границы. Несколько десятков переселенцев в 30-градусный мороз были оставлены в лесу у пограничного поста.

Очередная попытка развязать «гордиев узел» миграции была предпринята в первой половине ноября 2015 г. на саммите ЕС—Африка, проведенном на Мальте. Его участники решили выделить африканским руководителям до 2 млрд евро на возвращение из Европы и обустройство беженцев и мигрантов. Однако собрать такие деньги оказалось непросто: Италия категорически отказалась вносить свою лепту, а Болгария заявила о готовности выделить всего 50 тысяч евро. Шенгенский режим под напором миграционного вала трещал по швам, каждая из его стран-участниц все больше ужесточала пограничные и транзитные ограничения.

В самом конце ноября в Брюсселе прошел саммит ЕС—Турция, на котором Анкаре было обещано выделить (по частям, по мере выполнения обязательств) 3 млрд евро на содержание более 2 млн беженцев, скопившихся на ее территории, и усиление пограничного контроля в обмен на облегчение визового режима для турецких граждан и возобновление переговоров о вступлении Турции в ЕС. Анкара потребовала почти вдвое больше — 5 млрд евро и всю сумму сразу, деньги собраны не были, и людской приток мигрантов через Турцию не спадал.

Кровавые теракты 13 ноября 2015 г. в Париже еще больше осложнили проблемы мигрантов и вынужденных переселенцев: многие европейские страны в панике закрыли границы. Ведь у некоторых ликвидированных во Франции боевиков были найдены документы сирийских беженцев, у других — французские и бельгийские паспорта. Позднее стало известно, что подозревавшийся и скрывшийся от преследования организатор бойни в Париже А. Абауд собирался провести новые нападения, а также нарушить работу транспорта и школ. В своем окружении он хвастался, насколько легко ему было вернуться во Францию после пребывания у экстремистов в Сирии: сначала он примкнул к беженцам, направлявшимся из Сирии в Грецию, затем, формально являясь бельгийским подданным, воспользовался свободой передвижения внутри шенгенской зоны.

Новый всплеск террористической активности произошел в марте 2016 г. в «столице ЕС» — Брюсселе. При этом экстремисты, как выяснилось, замышляли нападения и на атомные объекты Бельгии, что привело бы к ядерной катастрофе в самом сердце Европы. Эти трагические события наглядно

высветили изъяны европейской интеграции: у стран — членов ЕС не было последовательной линии во внешней и оборонной политике, отсутствовало эффективное сотрудничество в сфере разведки и защиты внешних границ. Страны — члены Союза лишь одна за другой закрывали перед мигрантами и беженцами свои двери, Шенген умирал.

Миграционная проблема Европы вызывала серьезную озабоченность и в Москве. Выступая в феврале 2016 г. на Мюнхенской конференции по безопасности, Председатель Правительства РФ Д. А. Медведев отметил: «Появилась реальная угроза разрушения единого экономического пространства. А вслед за ним и культурного пространства, и даже самой европейской идентичности. Мы с сожалением видим подрыв нужных для России механизмов, имею в виду угрозу развала шенгенской зоны». Объясняя причины такого беспрецедентного по масштабам явления, как вал мигрантов, российский премьер указал на «безуспешные попытки пересадить модельные, “западные” образцы демократии в совершенно неподготовленную для нее социальную среду, которые привели к разрушению целых государств, превратили огромные территории в зоны военных действий». Он также отметил, что в странах, откуда уезжают люди, деградирует человеческий капитал, а вместе с ним тают перспективы развития[1].

К концу 2015 г., по подсчетам европейских спецслужб и экспертов, в Старый Свет перебралось, преимущественно с Ближнего Востока и из Северной Африки, более 1,5 млн мигрантов, около 4 тысяч погибли в пути или пропали без вести. По данным ООН, только с сентября 2015 г. по февраль 2016 г. в Средиземном море утонули более 340 детей беженцев, направлявшихся в Европу. В 2016 г. году, по прогнозам экспертов, число мигрантов могло возрасти вдвое. А действенного ответа на все обострявшуюся проблему наплыва чужестранцев найдено так и не было.

Накануне 2016 г. массовые беспорядки, спровоцированные миграционным кризисом, вспыхнули сразу в нескольких европейских странах. В испанском городке Рокетас де Мар беженцы жгли мусорные баки и били витрины. Поводом для волнений стало убийство одного из приезжих. А на французской Корсике демонстрация в поддержку полицейского и двоих пожарных, на которых накануне напали и ранили переселенцы, переросла в погром. Несколько сотен местных жителей разгромили мечеть, выкрикивая антиисламские лозунги. А тем временем в Кале беженцы предприняли очередную попытку штурма «евротоннеля», чтобы попасть в Британию. Полиции удалось сдержать толпу и не допустить сбоя в движении поездов.

Напряженная ситуация в сфере безопасности побудила руководство Бельгии, Франции, ФРГ и ряда других европейских стран существенно сократить, а в ряде случаев и вовсе отменить, праздничные мероприятия по случаю Рождества и Нового 2016 года. В Мюнхене в новогоднюю ночь из-за угроз терактов пришлось эвакуировать вокзалы. Такие меры помогали мало: в Кельне и других немецких городах, а также в Австрии и Швейцарии, несмотря на усиленный полицейский режим, приезжие молодые люди в новогодие испражнялись прямо на улицах, активно участвовали в грабежах и сексуальных домогательствах в отношении местных жительниц,

[1] Интерфакс. 13.02.2016.

некоторые из которых подверглись насилию. К тому времени спецслужбы ФРГ предупредили, что более 400 исламистов, прибывших в Германию с Ближнего Востока в качестве беженцев, были готовы нанести удары в любой момент.

По опубликованным в Швеции под напором массовых протестов и явно заниженным данным, только за последние три месяца 2015 г. беженцами из стран Африки и Ближнего Востока было совершено свыше 5 тысяч преступлений.

В наступившем 2016 г. бесчинства молодчиков из числа мигрантов, прибывавших с Ближнего Востока, продолжались: в середине января в лагере для беженцев в Венгрии они устроили бунт после приставания к женщинам-полицейским.

В конце февраля глава полицейской службы ЕС с тревогой сообщил, что Европа столкнулась с самой высокой террористической угрозой за последние 10 лет. По его данным, на территории Евросоюза к тому времени скопилось около 5000 боевиков, прошедших подготовку в тренировочных лагерях ДАИШ. Нападений с большим числом жертв среди мирного населения можно было ожидать как от отрядов экстремистов, так и одиночек-смертников.

На волне правонарушений со стороны приезжих Австрия в середине января на время вышла из Шенгена и полностью закрыла свои границы, а Дания потребовала от эмигрантов оплаты пребывания на своей территории. Месяц спустя Вена ввела лимит на прием беженцев: в сутки в страну разрешалось въехать не более 3 тысячам человек, при этом убежище в ней могли получить лишь 80 из них. Для остальных республика, вторая по привлекательности для мигрантов после ФРГ, принявшая в минувшем году более 90 тысяч человек, могла стать лишь транзитным государством.

Во многих городах и весях европейских государств в социальных сетях раздались призывы сформировать «отряды гражданской самообороны» — народные дружины для защиты от преступных выходок чужаков. Власти эту идею не одобрили, опасаясь самосудов. Однако они шли своим ходом: только в 2015 г. в ФРГ произошло около тысячи нападений на лагеря беженцев. А в начале 2016 г. там участились поджоги приютов для мигрантов.

Рост насилия в результате наплыва беженцев и мигрантов вызвал дальнейшее обострение внутриполитической ситуации в Европе, многие руководители стран ЕС, и А. Меркель в частности, подверглись нападкам со стороны правых националистов из-за неспособности обуздать пришельцев. А тут еще выяснилось, что правоохранители получали от властей «рекомендации» не раздувать факты преступных деяний иностранцев, дабы не обострять и так непростую внутреннюю межэтническую ситуацию. По данным проведенного во Франции в марте 2016 г. соцопроса, почти 60 % жителей страны высказались против приема мигрантов, а более 70 % — за отмену Шенгенского соглашения.

Отбиваясь от наскоков правых националистов, западноевропейские руководители все чаще прибегали к излюбленному методу сваливания вины «с больной головы на здоровую», безосновательно перекладывая ответственность за миграционный бум на Россию. Отводя такие недобросовестные попытки, Д. А. Медведев призвал искать причины наплыва мигрантов не

в политике России, а в событиях, «которые привели к детонации общей ситуации в целом ряде стран, и в Сирии, и в Ливии, и в некоторых других государствах»[1].

Во второй половине марта 2016 г. между ЕС и Турцией было достигнуто соглашение о равновеликом обмене прибывших в Европу мигрантов на сирийских беженцев. Анкара, согласившаяся принять выдворяемых из Европы нелегалов, хотя и не сразу, должна была получить дополнительно 2 млрд евро. Вскоре западная пресса запестрела сообщениями правозащитных организаций о жестоком обращении турецких властей с сирийцами, спасавшимися от войны, об их насильственной депортации на родину и даже о расстреле некоторых из них. Да и сами депортируемые не горели желанием отправиться назад, из благополучной Европы в беспокойную Турцию, а затем, возможно, и в Сирию, и всячески сопротивлялись выполнению заключенного без их ведома соглашения. Таким образом, острота проблемы снята не была.

Все углублявшаяся поляризация европейского общества, нарастание исламофобии играли на руку исламистским идеологам, позиционировавшим «халифат» как единственно надежную опору мусульман, живших во враждебном окружении неверных и «новых крестоносцев». Их все большее отчуждение в европейских странах проживания, нарастание в политической и повседневной жизни на континенте правонационалистических тенденций также подпитывали потоки «туристов джихада», направлявшихся на Ближний Восток повоевать за веру.

* * *

Миграционный кризис стал серьезным испытанием на прочность для всего Евросоюза, не сумевшего мобилизовать свои ресурсы для его решения. Без подпитки гастарбайтерами западноевропейской экономике не обойтись, поэтому можно ожидать, что в обозримом будущем приток иностранной рабочей силы на континент будет продолжаться. Руководителям ЕС предстоит немало поработать, чтобы поставить его под надежный, прежде всего антитеррористический контроль, наладить в этих целях эффективное повседневное и разностороннее сотрудничество соответствующих спецслужб.

Не обойтись в этой связи и без создания международной антитеррористической коалиции, к чему неустанно призывала и призывает Россия. Западным странам стоило бы прекратить занятия «социально-политической инженерией» и отказаться от попыток навязать народам суверенных государств свои рецепты дальнейшего развития. Вся недавняя история свидетельствует об их полной контрпродуктивности, приводящей лишь к страданиям и лишениям миллионов людей, вынужденных искать приюта и хлеба насущного вдали от разрушенных родных очагов.

---

[1] Телеканал ТВЦ. 30.01.2016.

Точка зрения

Ростислав ИЩЕНКО

ОНИ НИКОГДА НЕ БУДУТ РУССКИМИ

Ростислав Владимирович Ищенко — родился в 1965 г. в Киеве. Окончил с отличием Киевский университет им. Тараса Шевченко по специальности «история». Работал в МИД Украины, в Администрации Президента Украины, в Кабинете министров Украины, в Верховной Раде Украины. С 2014 г. гражданин РФ. В настоящее время — председатель правления (президент) Центра системного анализа и прогнозирования, обозреватель МИА «Россия сегодня». Политолог, политический аналитик, публицист, автор нескольких сотен статей, комментариев и интервью в украинских, российских и зарубежных печатных и электронных СМИ. Автор нескольких книг. **Живет в Москве.**

В мае промелькнуло два сообщения: о нападении нацистских боевиков на Василия Волгу, пытающегося раскрутить на Украине вписанный в режим левый псевдооппозиционный проект, и об аналогичной атаке на группу экс-регионалов, пытавшихся в Харькове провести псевдооппозиционное мероприятие в рамках уже вписанного в режим центристского миротворчески-европейского проекта. Подвергшихся нападению почему-то называют пророссийскими политиками.

Пророссийского в этих товарищах ровно столько же, сколько и в Петре Алексеевиче Порошенко, который тоже работал у Януковича министром и поддерживает теплые отношения с послом России в Киеве. Единственное серьезное отличие между ними — у Порошенко власть в руках, а лояльные режиму «оппозиционеры» к власти хотят вернуться. Ровно так же, как мечтают вернуться во власть разного рода «спасатели» Украины, ждущие в Москве, когда народ их позовет «спасать страну».

Раньше (будучи при власти) эти люди обещали вместе с нацистской «Свободой» бороться против России. На Крещатике уже пару месяцев буйствовал майдан, уже лилась кровь, Янукович с каждым днем сдувался, а их представители еще вещали в эфирах украинских каналов, что «Россия для нас не братское государство, а просто сосед. Наше место в Европе. Мы не отменили подписание соглашения об ассоциации, а только отложили, и мы его подпишем».

Сейчас они говорят: «Мы за мир. Мы мирным путем вернем Украине Донбасс». О Крыме они молчат, но если припереть к стенке вопросом, то отвечают неопределенно: «Будем договариваться».

На самом деле эти люди опаснее нацистских боевиков, на кото-

рых опирается режим. Боевики — несистемны. Они объективно отрицают государственность, поскольку умеют и стремятся действовать только вне правового поля. Нападение боевиков на Крым, Донецк, Луганск привело к отделению этих регионов. Нападения боевиков на не нравящихся им мэров, политиков, административные органы, государственные бюджетные учреждения и т. д., их попытки назначить своих «революционных кухарок» ректорами и директорами привели к уничтожению административной вертикали, дисквалификации и разложению силовых структур и провисанию потерявших опору центральных органов государственной власти, фактически к прогрессирующему распаду Украины.

Лояльная режиму оппозиция (не важно центристская или левая), наоборот, пытается собрать разбитую мозаику и вновь сложить государство Украина. Сложить его таким же, как при Януковиче, но без Януковича. Можно с Петром Алексеевичем, а можно и с Добкиным или Бойко во главе.

А дальше они знают только один способ существования украинской экономики и украинского государства: грабить бюджет и стремиться в Европу. Поскольку же Украина давно не в состоянии сама ресурсно обеспечивать эти два «стратегических» направления своего «развития», то первое, что сделали бы нынешние «оппозиционеры», если бы им удалось вернуться к власти, бросились бы просить у России помощь, кредиты, допуск на рынки. Донбасс бы попросили вернуть. Поскольку своих сил убрать от власти выросшие в Донецке и Луганске за время войны местные элиты, опирающиеся на хорошо вооруженную и обученную армию, у них бы не нашлось — начали бы настойчиво уговаривать Москву восстановить в Донбассе их власть. И Крым бы назад попросили. Так бы и сказали: «Вы же Крым забирали у фашистов, а мы хорошие. Отдайте назад. Он наш. Вы его нам подарили. А забирать подарки, тем более у маленьких и слабых, нехорошо».

В отличие от народа Украины, даже от галичан, даже от бандеровцев, эти люди уже никогда не будут русскими. Бандеровцам о том, что они бандеровцы, рассказал телевизор. Поэтому на Украине полно «бандеровцев», родившихся и выросших на Урале, в Москве, на Дальнем Востоке. Не только русский, но и удмурт, и башкир, и татарин, и коми, и манси могут осознать себя бандеровцами. Для этого не надо не только по-украински, но даже по-русски говорить. Надо просто абстрактно «любить Украину» и ненавидеть Россию.

Повторю еще раз, для широких народных масс бандеровщина — не более чем идеологическая накачка. Но если вполне зрелых людей, бывших коммунистов, родившихся и выросших в великорусских землях, а на Украину прибывших работать в весьма зрелом возрасте, можно было убедить, что они бандеровцы, то возможен и обратный процесс. Возможности современной пропагандистской машины если и не безграничны, то весьма велики. Конечно, кто-то из заблудших русских, назвавшихся бандеровцами или просто украинцами, уже никогда из этого состояния не выйдет (некоторые жертвы тоталитарных сект неспособны вернуться в реальный мир — их психика слишком хрупка и не выдерживает перегрузок), но большинство перепрограммируется при помощи СМИ достаточно легко, быстро и ненавязчиво. Как стали коммунисты, комсомольцы и пионеры 80-х националистами 90-х, так и в новый образ войдут.

Но с политическим классом все совсем не так. Эти люди сражаются не за идеи, а за собственность. Политическую власть они рассматривают исключительно как средство захвата и удержания собственности. Именно поэтому эти «пророссийские» политики столь последовательны в своем стремлении сохранить Украину (независимо от того, работают они над этим в составе киевского парламента, легитимируя, таким образом, нацистскую диктатуру, или в эмиграции в Москве, вроде бы как с этой диктатурой сражаясь).

И одни, и другие готовы договориться с Порошенко и его системными нацистами против нацистов несистемных. И одним, и вторым нужен только доступ к власти. Те, которые в Москве, в качестве резервного варианта рассматривают возвращение в Киев в обозе российских войск, но с обязательным своим назначением «независимыми суверенами» (пусть и опирающимися на российские штыки). Но предпочтительнее всего и для киевских «оппозиционеров», и для московских «спасателей» договориться с системной, олигархической головкой украинского режима, разделить с ними власть и чтобы все было как прежде.

Кстати, выступая на российских ток-шоу, они это говорят практически открытым текстом. Только российская публика вкладывает в их слова свой смысл, не придавая значение нюансам. А ведь они, споря со своими радикальными провластными киевскими оппонентами, бросают им упрек не в том, что те проводят проевропейскую или проамериканскую политику, а исключительно в том, что они это делают неумело. «Оппозиционеры» и «спасатели» все время при помощи СМИ шлют в Киев сигналы о том, что они знают, как стабилизировать режим, что они могут и готовы договориться и с Киевом, и с Кремлем, что у них раньше получалось балансировать между Западом и Востоком и сейчас получится. Они намекают, что осознали свои ошибки (называя их ошибками Януковича). Они не претендуют на всю власть. Они согласны ее делить.

У них с киевским режимом одна мечта — печаль одна — сохранить для себя Украину, как собственное поместье, источник личного благополучия. Именно поэтому окопавшиеся в Киеве донецкие (из януковичевского призыва) не едут спасать Донбасс — свою родину от бандеровского нашествия, они по отношению к ДНР/ЛНР выступают с тех же позиций, что и развязавшие гражданскую войну власти, утверждая, что Донбасс необходимо вернуть в правовое поле Украины.

Они точно так же не признают легитимность властей республик, но не сомневаются в легитимности утвердившейся в результате вооруженного переворота и террора киевской власти. Они не акцентируют внимания на этих особенностях своей позиции, но если заставить их конкретно отвечать на конкретные вопросы, выбирая исключительно между «да» и «нет», выяснится, что они осуждают Киев не за его цели, а за неэффективность их достижения. И даже нацистские преступные методы киевской власти вызывают их осуждение скорее как неэффективные технически и наносящие непоправимый моральный ущерб, а не с точки зрения их абсолютной политической и правовой неприемлемости.

Вот они-то уже никогда не будут русскими. Для них нет места в российской политической и экономической системах. Как «капитаны бизнеса», они могут действовать только в условиях полной подчиненности законов их желаниям. Именно поэтому рост и сокращение их личных состояний, их

финансово-экономическое благополучие всегда прямо зависело от доступа к власти. Именно поэтому, чем выше был властных пост, тем богаче и успешнее был конкретный «бизнесмен», а потеря власти немедленно вела если не к полному краху бизнеса, то к огромным трудностям. Именно поэтому сразу после переворота они не возглавили восстания масс в своих регионах, а бросились договариваться с новой властью и интегрироваться в нее. Именно поэтому они до сих пор пытаются доказать Порошенко, что будут ему значительно полезнее, чем его нынешние прихлебатели.

Они проигрывают свободную конкуренцию российскому бизнесу. И они проигрывают политическую конкуренцию. Для пары-тройки тысяч украинских политиков, 25 лет сменяющих друг друга в депутатских и министерских креслах, просто нет мест в российском правительстве и Законодательном собрании.

Они (за редчайшим исключением) некомпетентны по сравнению со своими российскими коллегами даже в том, что касается вопросов управления их собственными регионами и городами. Любой префект (глава управы) любого московского или питерского района, любой мэр районного центра окажется более компетентным мэром Киева, чем Кличко. На Смоленской площади можно найти сотни четыре потенциальных министров иностранных дел Украины. Прапорщик с военной базы в Гюмри или в Таджикистане окажется лучшим министром обороны, чем все украинские генерал-полковники и генералы армии вместе взятые, а мичман с ракетного крейсера «Москва» сможет лучше командовать всеми четырьмя боевыми кораблями украинского флота, чем 13 штатных адмиралов и генералов ВМС Украины.

Они что-то из себя представляют лишь в качестве представителей украинского государства. Поэтому их украинство неистребимо. Они будут стремиться любой ценой сохранить или воссоздать это государство, даже вопреки реальной возможности и целесообразности. И сохраняемое, и воссоздаваемое ими государство всегда будет стремиться паразитировать на России. Просто потому, что они не умеют создавать и преумножать. Их специализация отнимать и делить. Чтобы их государство существовало, в тумбочку, из которой они берут, всегда кто-то должен что-то класть.

Их идеал — красть на Украине созданное или данное Россией и тратить украденное в Европе. Они не умеют и не желают жить по-другому. Поэтому их «пророссийскость» всегда была, есть и будет паразитарной, потребительской. Сами же они будут стремиться стать ничем не отличимыми от немцев, французов, швейцарцев. «Я бы и не догадался, что Вы украинец», — для них высшая похвала из уст «цивилизованного» белого господина.

Их украинство имеет прочную материальную основу и потому неистребимо. Утратив власть, влияние, доступ к безграничным ресурсам, они будут всегда ностальгировать по «славным временам» и мечтать их вернуть. Конкурентоспособные киевляне и львовяне, черниговцы и харьковчане, одесситы и запорожцы точно так же, как новгородцы, тверичи, екатеринбуржцы, столетиями служат России, будучи русскими, дают ей канцлеров и министров, фельдмаршалов и генеральных секретарей ЦК КПСС, писателей и поэтов. Им не тесно в Москве, и не было тесно в императорском Санкт-Петербурге.

Точно так же огромное количество людей, не обремененных честолюбием, так же честно работало на Украине врачами и учителями, рабочими и учеными, как работали такие же русские люди в Новосибирске и Крас-

нодаре, Воронеже и Вологде. И никто особенно не задумывался о своем хромосомном наборе. Тем более, что на просторах России «от Варшавы до Японии и от Белого моря до Черного» практически у любого в роду в ближайших поколениях представители разных этносов.

Мотивированными, неисправимыми украинцами являются не разрисованные татуировками нацисты из добровольческих батальонов, две трети из которых никакого языка кроме русского не знают. Этим ребятам, как футбольным фанатам, какой флаг в руки дашь, за тем они и пойдут пить пиво и драться с такими же фанатами, только носящими шарфики другой команды. Нацисты из добробатов — обычные штурмовики. А свои штурмовики были не только у германских нацистов, но у германских коммунистов. Пока Гитлер не пришел к власти, они дрались на улицах, а потом многие оказались в одних и тех же штандартах СА. И революционные матросы, расстреливавшие и топившие офицеров императорского флота в Кронштадте и в Севастополе, не являлись крупными теоретиками марксизма, «Капитал» не читали, с трудами Ленина, Плеханова, Мартова знакомы не были. В тонкости теоретических споров между большевиками и меньшевиками не вникали. Многие и вовсе анархистов предпочитали.

Ударная сила (штурмовики, быки, торпеды) могут служить сегодня одной власти, а завтра другой. Они всегда «за справедливость», а понятие справедливости весьма растяжимо. Истинные же непримиримые, неисправимые «борцы за идею» всегда опираются на материальный интерес. Причем материальный интерес первичен. Вначале появляется возможность грабить, и лишь через несколько лет бывшие носители красных пиджаков и золотых цепей в руку толщиной, «теоретические» дискуссии которых велись исключительно при помощи автоматического оружия, начинают нуждаться в идеологическом обосновании своей власти.

Вот тогда-то появляется вторая часть «национальной элиты», представители которой тоже уже никогда не станут русскими. Точно так же, как «оппозиционные» киевскому режиму политики разделились между Киевом и Москвой, но все мечтают о восстановлении прочной системной проевропейской, доящей Россию Украины, разделились и представители «творческого класса» — журналисты, эксперты, блоггеры. И в данном случае тоже единицы оказались русскими (собственно это те, кто и был русским, выступая и на Украине не за улучшение украинского государства, но за восстановление государства единого).

Эксперты и журналисты, поддерживающие «Оппозиционный блок», разного рода легальных левых (вроде Волги) и прочие вписывающиеся в систему политические проекты бывших регионалов, намертво связывают себя с идеей украинства. Многие из них искренне считают, что они смогут построить украинское государство «с человеческим лицом». Точно того же мнения придерживаются украинские журналисты, эксперты и блоггеры, принципиально отказавшиеся после переезда в Россию получать российское гражданство и интегрироваться в российское общество. Они тоже мечтают вернуться на Украину (кем-то освобожденную) и построить там суверенное, справедливое, экономически сильное и политически влиятельное, цивилизованное украинское государство.

Это заблуждение. Уж насколько человечным было украинское государство в момент начала его суверенной истории в декабре 1991 года. Са-

мые ярые националисты открещивались не только от Бандеры, но даже от Петлюры. Даже «украинский партизан», «крестьянский вождь» Махно рассматривался лишь как условно-положительный герой. В 2004 году бандеровщина уже процветала на уровне политической теории. Украину уже раздирала холодная гражданская война. А в 2013 году, на майдане, она начала переходить в горячую стадию, окончательно вылившись в полномасштабный внутригосударственный конфликт к весне 2014 года.

Но эти люди не просто добросовестно заблуждаются. Они идеологически обслуживают ту самую воровскую финансово-политическую надстройку, которая по сути и является единственным бенефициаром «суверенной Украины». Их интересы совпадают. Бывшие «красные пиджаки» (не блещущие интеллектом) берут «идеологов» на содержание. Их совсем не обязательно банально покупают. Это дорого, да и ни к чему. Им просто дают работу в правильных средствах массовой информации, под присмотром правильных редакторов, а некоторых и вовсе используют втемную. Ибо зачем платить, если человек и так работает (за идею).

В конце концов, «идеологи», частично из амбициозности (а какой идеолог не амбициозен?), частично из честолюбия (работа на олигарха, а тем более на олигарха-президента выделяет из общего ряда, является признанием способностей), частично из материального интереса (олигархат зачастую неплохо платит даже за совершенно завиральные и безграмотно изложенные политические идеи; нувориши-парвеню и потрошеных акул, и копченые свиные головы в качестве предметов высокого современного искусства покупают, а тут целая политическая концепция!) оказались намертво связаны с концепцией украинства.

Так же как их хозяева-финансисты, они уже не могут существовать в другом режиме. Их работа не только (а иногда и не столько) денежна, она почетна. Чувство собственной важности тешится если не встречами с сильными мира сего, которые беседуют с «идеологом» на равных, то ощущением сопричастности к глобальным процессам и даже влияния на них (а у самых неадекватных и амбициозных — управления ими). И что, после этого идти асфальт укладывать? Дома строить? В школе математику преподавать? Это как олигарху, который сегодня длиной яхт и размерами самолетов с братьями по классу меряется, вдруг переквалифицироваться в простые инженеры с зарплатой 2 тысячи долларов в месяц. От такой перспективы люди руки на себя накладывают.

Поэтому помимо представителей финансово-политической элиты, которые никогда уже не будут русскими, поскольку украинство означает для них материальное благополучие, их творческая обслуга также никогда не вернется из украинства в русскость. Для последних это еще сложнее. Первые теряют возможность наращивать состояния, но тем не менее могут спокойно поддерживать привычный уровень жизни, ни о чем не заботясь. Для вторых потеря перспектив украинства — интеллектуальная катастрофа. Жизнь прожита зря. Все было напрасно. Идеи оказались ошибочны. Их реализация невозможна. Оппоненты были правы. Состояние когнитивного диссонанса до конца жизни обеспечено. А душевный дискомфорт, вызванный потерей перспектив украинства, будет продуцировать ненависть к русскости, как к причине собственной несостоятельности.

Именно из этой среды выходили ранее и будут выходить впредь легенды о великой украинской нации, которая миллион лет назад построила блестящую цивилизацию, но пала жертвой агрессивных угро-финских москалей, которые само русское имя у украинцев украли. Люди не прощают собственной несостоятельности (особенно политической — слишком мощным наркотиком для многих является политическая успешность).

И самое неприятное заключается в том, что именно с этими (внешне русскими или «пророссийскими») деятелями нам придется не просто жить и сотрудничать, но постоянно сталкиваться с их претензиями на право быть единственными законными политическими представителями украинских территорий. Мелких нацистов и крупных военных преступников из числа представителей нынешнего режима можно убить в ходе войны или посадить в тюрьму по ее итогам. А эти не то что на поражение в правах не тянут — героями сопротивления окажутся.

При этом трагедия их и наша проблема заключается в том, что восстановление такой Украины, как они хотят (какая была до переворота). невозможно. Нацистский режим не просто исчерпал, он уничтожил материальный ресурс, на котором базировалась украинская государственность. Теперь, чтобы это государство сохранилось, кто-то должен оплатить его существование и восстановление его экономики. Россия может тратиться на российский Крым, на стремительно интегрирующиеся в Россию ДНР и ЛНР, а зачем ей тратиться на «украинскую проевропейскую» Украину?

Кроме того, нацистский режим окончательно расколол страну на две общины, которые могут жить вместе, только если одна другую будет в тюрьме содержать. Если целенаправленной пропагандой еще можно излечить большую часть народа от украинства, ежедневно, ежечасно трансформирующегося в бандеровщину, то сам факт сохранения украинского государства переведет гражданскую войну в режим перемирия перед новой попыткой геноцида.

Нацистский режим добился изменения отношения Европы к Украине. Если раньше ее там просто не ждали, то теперь активно не хотят. Более того, не в последнюю очередь усилиями нацистского режима, провоцировавшего конфликт по линии Россия — ЕС и блокировавшего транзитные пути российско-европейской торговли, экономические и политические возможности Евросоюза катастрофически подорваны. Европе сейчас приходится думать не об Украине, а о том, как самой не сорваться в катастрофический сценарий.

Наконец, Россия вынужденно перестроила свою экономику, создала массу дублирующих предприятий, построила обходные газопроводы, и она просто не заинтересована в восстановлении мощного украинского конкурента, который будет бороться с ней не то, что за одни и те же рынки — за российский внутренний рынок.

Ну и, в конце концов, Россия не может окончательно легализовать территориальные изменения без ликвидации действующего украинского государства. А создание на его месте нового (априори враждебного России, только, возможно, лучше маскирующего свою враждебность) дорого стоит, да и ни к чему (во всяком случае, не за наш счет).

Вот и получается, что сейчас, в виде киевской украинствующей оппозиции режиму, равно как и в виде находящейся в эмиграции в Москве укра-

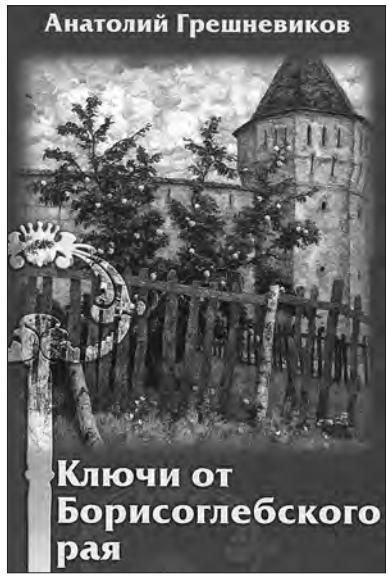
инствующей оппозиции режиму, мы имеем никак не союзников, но очень ненадежных попутчиков, которые уже готовы предать и в любой момент, сочтенный ими подходящим, предадут не задорого (как предал Кучма и как предал Янукович).

Поэтому необходимо принять как данность тот факт, что на Украине и за ее пределами есть единицы адекватных политиков и идеологов, с которыми можно работать, но они, как правило, числят себя русскими и не отделяют ни собственных интересов, ни интересов своей малой родины от интересов России, как нашего общего государства. Основная же масса никогда уже не будет русскими, и потому не будут они надежными партнерами, их интерес всегда будет заключаться в том, чтобы оторвать себе в качестве вотчины как можно больший кусок российского государства.

Если хотим достичь успеха, обращаться придется к народу через их голову и перепрограммировать народ вопреки их сопротивлению. А сопротивление будет мощным — куда мощнее, чем гипотетическое сопротивление украинской армии. На сегодня они контролируют практически все существенные украинские СМИ. Информационное пространство под их колпаком на 99 %. И со сменой власти глубинная сущность информационной политики не изменится, разве что она может стать тоньше, профессиональней и потому опаснее.

Вышла книга

Грешневиков А. Н.
Ключи от Борисоглебского рая. Подворье, 2015. — 512 с.

Писатель Анатолий Грешневиков родом из патриархальной крестьянской семьи, уходящей корнями в те деревни и села, которые на его малой родине называют Борисоглебским раем. Его новую книгу составили очерки как о деревнях, сохранивших до нашего времени свою историческую самобытность, так и о борисоглебских подвижниках, созидающих, творящих добро, ищущих, способных к творческой самореализации, а главное — нашедших свое место в жизни.

Героев книги объединяет общая искренняя любовь к истории России, ибо эта история растворена в их деревнях и в их родословных.

Книга посвящена духовному открытию малой родины, берегущей народные традиции. А написана она в мемуарном ключе, сжато и точно, на основе документов, личных архивов и дневниковых записей, сделанных в разное время в годы журналистских командировок по Ярославской земле.

Евгений ТИТКОВ

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ УКРАИНЕ

Евгений Павлович Титков — родился в с. Глыбочка Шаблыкинского района Орловской обл. Окончил историко-филологический факультет Горьковского госуниверситета. Служил офицером в Советской Армии. Окончил аспирантуру МГПИ им. В. И. Ленина. Доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор монографий об образовательной политике Екатерины Великой, о епископе Дамаскине, Патриархе Сергии (Страгородском). Опубликовал серию научно-популярных книг о Великой Отечественной войне. Лауреат премии «Александр Невский». Главный редактор альманаха «Арзамасская сторона». **Живет в г. Арзамасе Нижегородской области.**

Из всех захваченных германскими войсками территорий, на Украине была самая сложная религиозная ситуация. Там вспыхнула ожесточенная схватка Церкви автономной и национальной. Автономная Церковь Украины опиралась на решение Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. о создании Украинской автономной Церкви в составе Русской. Но автокефальная Церковь принципиально разорвала всякую связь с Московской Патриархией и приняла в свои ряды священников, возведенных в сан в 1921 г. протоиереем Василием Липковским (их называли липковцами), которых ни одна Православная Церковь не могла считать законными священнослужителями.

Большинство православных епископов, оказавшихся на оккупированной территории Украины, 18 августа 1941 г. собрались на Собор в Почаевской Лавре и провозгласили создание автономной Украинской Церкви под омофором Московской Патриархии. Главой ее был избран архиепископ Алексий (Громадский), провозглашенный митрополитом. Он в начале сентября в окружном послании обосновал решение не возобновлять свое подчинение митрополиту Варшавскому Дионисию, заявившему юрисдикционные права на Украину. На очередном Соборе 25 августа 1941 г. митрополит Алексий был избран экзархом Украины[1].

Однако митрополит Варшавский Дионисий не признал автономию Украинской Церкви. Но в связи с тем, что немецкие власти не допускали распространения его влияния на восток, Дионисий начал поддерживать и благословил возрождение автокефальной Украинской Церкви.

[1] *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. С. 424.

Он возвел в сан архиепископа епископа Луцкого Поликарпа (Сикорского) и 24 декабря 1941 г. назначил его администратором, т. е. управляющим Церковью на Украине. На соборе епископов в Пинске 7–10 февраля 1942 г. автокефальная Церковь Украины была восстановлена официально. Собор постановил принимать в общение священников-«липковцев» без нового посвящения. В мае 1942 г. архиепископу Поликарпу решением Синода в Киеве был присвоен титул митрополита Киевского, но он оставался жить в Луцке. Автокефалисты развернули активную борьбу против автономной Церкви. Обе эти Церкви посвящали новых епископов, и число их вскоре дошло до 15 у автокефалистов и 19 у автономистов.

Следует отметить, что почти все имевшиеся на Украине православные епископы проживали в ее западной части, которая была присоединена к СССР в результате освободительного похода Красной армии в сентябре 1939 года. На остальной территории республики уцелел лишь один архиерей канонического рукоположения. Им был проживавший на покое в Киеве престарелый схиархиепископ Антоний (Абашидзе). К концу 1941 г. Владыка Антоний вошел в состав автономной Церкви и был избран заместителем председателя ее Архиерейского Собора. Он резко выступал против вмешательства Варшавского митрополита во внутреннюю церковную жизнь Украины и негативно оценивал практическую деятельность автокефальной Церкви.

Немецкие оккупационные власти активно влияли на религиозную ситуацию и церковное противостояние. В первое время они умышленно допускали стихийное возрождение церковной жизни. На первых порах за проведение религиозной политики отвечало командование группы армий «Юг» во главе с генералом Рундштедтом. В штабе группы армий церковными вопросами занимался бывший директор Бреславского Восточно-Европейского института профессор Ганс Кох. Рундштедт предоставил ему в религиозных делах полную свободу. Так, прежде чем ведение церковно-политических вопросов перешло к рейхсминистерству А. Розенберга (РМО) и рейхскомиссариату «Украина» (РКУ), был короткий промежуточный период, который и заложил основы будущего развития религиозной ситуации на Украине. Военная администрация первое время просто официально признавала возникающие приходы. Были случаи, когда христиански ориентированные немецкие офицеры лично помогали устроению церковных приходов.

Один из таких офицеров — Фридрих Хейер — впоследствии стал крупнейшим германским специалистом по истории Украинской Церкви XX века. Он имел сан евангелического священника и нередко отпевал и православных, и лютеран.

Военная администрация явно поддерживала автокефалистов. В определенной мере это было связано с тем, что Ганс Кох, родившийся в немецкой колонии под Станиславом, был давно связан с украинскими националистами. В первые месяцы войны Кох активно занимался церковными и политическими делами во Львове, а после взятия Киева переехал туда и занял должность особого уполномоченного по вопросам культурной жизни. Но через 2–3 месяца его деятельность была прекращена распоряжением А. Розенберга.

Осенью 1941 г. на большей части Украины немцы вместо военной ввели гражданскую администрацию. При этом Северная Буковина, Бессарабия

и Одесская область были переданы Румынии. Галиция была присоединена к Польше (генерал-губернаторству). На оставшейся правобережной части Украинской СССР приказом Гитлера от 20 августа 1941 г. был создан рейхскомиссариат «Украина». В начале сентября его руководителем Гитлер назначил гауляйтера и обер-президента Восточной Пруссии Эриха Коха. Резиденцией гауляйтера стал город Ровно.

Рейхскомиссариат «Украина» включал 4 генерал-бецирка (округа): Подолия, Волынь, Николаев, Житомир. В 1942 г. он был расширен за счет включения еще двух округов — Киев, Таврия и Крым. Осенью 1942 г. планировалось увеличить рейхскомиссариат «Украина» до 14 генерал-бецирков, включив в него новые округа — Харьков, Чернигов, Воронеж, Ростов, Саратов, Сталинград, Сталине (Донецк) и «Немецкое Поволжье». Однако разгром немцев под Сталинградом сорвал осуществление этих замыслов. Переход через границы административных зон был жестко ограничен, а для большинства жителей совсем невозможен и смертельно опасен[1].

Вступив в должность, Кох 19 ноября 1941 г. получил первую общеполитическую инструкцию от Розенберга. В ней подчеркивалось: «Препятствовать любому влиянию русского православия и его священников, а также въезду всех представителей каких-либо церквей из других стран в рейхскомиссариат “Украина”…»

В проекте январского указа 1942 г. Розенберга Коху была сформулирована еще более явная антирусская направленность и стремление поддерживать всякую форму церковного раскола: «Русскую Православную Церковь в рейхкомиссариате “Украина” ни в коем случае не поддерживать, так как она является носительницей великорусской и панславянской идеи. Автокефальную же Украинскую Церковь, напротив, следует поддерживать в качестве противовеса Русской Православной…» Рекомендовалось также поддерживать вражду епископов между собой, вступление их в конфликты со своим патриархом, поощрялось подчинение епископов разным патриархам. В директивном письме от 13 мая 1942 г. прямо указывалось, что украинцы должны иметь свою, отдельную от русских, Православную Церковь.

После упразднения военной администрации и создания администрации гражданской учреждения рейхскомиссариата «Украина» оказывали всяческую поддержку автокефалистам, видя в них союзников в осуществлении намерений духовно отделить Украину от России. И именно германская помощь сыграла решающую роль в распространении влияния автокефалистов на Украине.

Украинские националисты двух враждующих между собой течений — мельниковцы и бандеровцы, получив полную свободу действий и поддержку немцев, быстро заняли командные посты в созданной оккупантами гражданской администрации. Они активно стали помогать автокефалистам. Так, племянник Петлюры Степан Скрыпник, принявший в мае 1942 г. сан епископа с именем Мстислав, в июле 1941 г. был назначен представителем Министерства восточных территорий при группе армий «Юг» и стал доверенным лицом по вопросу организации гражданского управления на Украине. Однако германская политика сводилась к стремлению отделить республику от России, но не к созданию независимой Украины. Поэтому у немецких

[1] *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. С. 428.

властей постепенно стали расти конфликты с бандеровцами. Причем пропаганду независимости Украины сторонники С. Бандеры нередко проводили во время религиозных праздников и на богослужениях.

Первый крупный конфликт произошел после того, как в день захвата Львова 30 июня 1941 г. группа бандеровцев, служившая в специальном батальоне немецкой армии «Нахтигаль», самовольно распространила по радио прокламацию о провозглашении независимого украинского государства. 9 июля главные инициаторы этой акции были взяты под «почетный арест». Одновременно были арестованы сам Степан Бандера и его ближайшие сотрудники. После допроса в Берлине и отказа взять назад провозглашение независимости Украины все эти деятели, находясь номинально под домашним арестом, получили разрешение продолжать политическую деятельность в столице Третьего рейха.

Спустя несколько месяцев репрессии против бандеровцев были усилены. 25 ноября 1941 г. секретным приказом оперативной команды полиции безопасности и СД, направленным в Киев, Днепропетровск, Николаев, Ровно, Житомир и Винницу, предписывалось: «Установлено, что бандеровская организация подготавливает в рейхскомиссариате восстание с конечной целью создания независимой Украины. Все активисты баидеровского движения должны быть немедленно арестованы и после тщательного допроса без шума ликвидированы под видом грабителей»[1].

В декабре 1941 г. в сообщении СД отмечалось, что часть украинских сепаратистов арестована, политика их принимает все более антинемецкий характер, руководящие круги ОУН не верят в победу Германии и создают собственные партизанские отряды. В дальнейшем репрессии против бандеровцев были продолжены. По сообщению СД от 20 сентября 1942 г., в Германии была проведена крупная акция против функционеров бандеровского движения, в результате чего было арестовано 210 человек. Особенно активно националистическое украинское партизанское движение стало развиваться в 1943 г., что вызвало сильную тревогу немцев.

Таким образом, мы видим, что, в отличие от Белоруссии, где германские власти всячески лелеяли весьма слабый национализм, на Украине они были очень обеспокоены активной деятельностью местных националистов, прежде всего выходцев из Галиции. Стараясь ослабить русское влияние на Украине, немцы использовали здесь национализм, опираясь в основном на мельниковцев. Но и его они опасались, не имея возможности полного контроля. Поэтому они допустили создание двух параллельных церковных иерархий, несмотря на то, что автономная Церковь входила в состав Московского Патриархата. Со временем немецкие власти перестали вмешиваться в это церковное противостояние, извлекая для себя из этого выгоду.

Развитие церковной политики на Украине определялось взаимодействием и борьбой трех центров власти: рейхскомиссариата «Украина», Министерства занятых территорий и СД. При этом церковная политика ведомства Коха (рейхскомиссариат «Украина») и СД во многом совпадала. Оба учреждения не хотели идти на какие-либо, даже временные, уступки религиозным организациям. И по мере все большего ухудшения отношений с украинскими националистами в глазах этих ведомств автокефальная Церковь

[1] *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. С. 431.

теряла свое привилегированное положение. 1 ноября 1941 г. руководитель оперативной группы в Киеве издал приказ о предотвращении открытия всех духовных учебных заведений. Это же подтвердил в своем указе рейхскомиссару Украины в феврале 1942 г. командующий полицей безопасности и СД, отметив необходимость всеми средствами препятствовать образованию Всеукраинской автокефальной церкви или охватывающему значительную область объединению Православной Церкви под руководством митрополита в качестве влиятельного политического фактора.

Назначение митрополитом Дионисием архиепископа Поликарпа (Сикорского) администратором Украинской Церкви через месяц было фактически признано и рейхскомиссариатом Украины. 24 января 1942 г. Поликарп нанес визит представителю рейхскомиссара и передал ему приветствие, адресованное Коху. В этом приветствии Поликарп Сикорский «выражал свою готовность к честной совместной работе». При этом особая задача Церкви, как понимал ее Поликарп, заключалась в том, чтобы воспитывать у молодежи дисциплину и порядок «в духе нового времени».

Весной 1942 г. ведомства рейхскомиссариата «Украина» перешли к осуществлению равноудаленной политики, не отдавая явного предпочтения автокефальному или автономному церковному направлению. В украинской прессе по распоряжению Коха не допускалось, чтобы одно из этих направлений было представлено как явно поддерживаемое немецкой властью. Закон Божий было разрешено преподавать только в храмах, исключив его из занятий в школах.

Обнаруженные В. М. Шкаровским документы свидетельствуют, что имелись случаи уничтожения украинских православных храмов по приказу германской администрации[1]. В связи с этим упоминается взрыв знаменитого древнего Успенского собора в Киево-Печерской Лавре. До сих пор неизвестно, кем был взорван этот храм. В одной публикации современной российской газеты на основе личного свидетельства утверждалось, что собор был взорван 3 ноября 1941 г. специально оставленной в Киеве при отступлении советских войск диверсионной группой[2]. Однако имеются германские архивные документы, свидетельствующие об обратном. О взрыве храма именно немцами пишет, например, авторитетный германский ученый Ф. Хейер, полагающий, что за этой акцией стояли руководитель партийной канцелярии М. Борман и рейхскомиссар Украины Э. Кох, которые стремились лишить Украину ее идейного центра, дабы создавать уже новый. В Киевском подразделении немецкой разведки абвер тоже господствовало мнение, что взрыв Успенского собора совершили части СС под командованием начальника полиции и СС юга России Прютцмана, который занял Киево-Печерскую Лавру под свою резиденцию[3].

Рейхскомиссар Украины Э. Кох предпринял осенью 1942 г. несколько антиукраинских акций, которые коснулись и Церкви. Он закрыл все учебные заведения, кроме начальных школ, а учеников вместе с учителями выслал в Германию на принудительные работы. В своей политике он опирался на

---

[1] *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. С. 435.

[2] *Немчинский А.* Жертвы минной войны // Совершенно секретно. 1995. № 2. С. 28.

[3] *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. С. 435–436.

поддержку Гитлера. Так, возвратившись из ставки фюрера, Кох 26–28 августа 1942 г. провел совещание в Ровно, на котором говорил следующее: «Свободной Украины не существует. Цель нашей работы должна заключаться в том, чтобы украинцы работали для Германии, а не в том, чтобы мы здесь осчастливили народ… Уровень образования украинцев должен оставаться низким. В соответствии с этим предусмотрена школьная политика. Трехклассные школы уже способствуют слишком высокому образованию. Далее необходимо сделать все, чтобы преградить силу рождаемости на этой территории. Для этого фюрер наметил особые акции… В культурной области мы дали украинцам обе церкви. О дальнейшей культурной работе не может быть и речи».

1 октября 1942 г. Кох издал указ, в котором развивал некоторые идеи Гитлера. Суть их заключалась в том, что на Украине Германия не может быть заинтересована в единственной сильной Церкви, подавляющей все остальные. В указе Кох потребовал от генеральных комиссаров округов провести разделение автономной и автокефальной Церкви на несколько независимых, по две в каждом округе. В будущем предполагалось, что не будет ни администратора Поликарпа, ни экзарха Украины Алексия, а оба они станут лишь старшими епископами их церковных направлений в генералбецирке Луцк. Все назначения священноначалия должна была осуществлять германская администрация. Помимо введения системы тотального контроля и управления религиозной жизнью Кох предписывал также необходимость «всеми подходящими способами препятствовать любому объединению автономной Церкви с автокефалистами»[1].

Чиновники ведомства А. Розенберга были неприятно поражены этим указом Коха и отреагировали негативно. Осенью 1942 г. они придерживались уже той точки зрения, что необходимо создать единую сильную Украинскую Церковь для противовеса Московской Патриархии. Полиция и СД также постепенно стали одобрительно относиться к слиянию автономной Церкви с автокефалистами, надеясь на то, что автокефальная Церковь при этом потеряет свой остронациональный характер.

Эти прямо противоположные позиции германских ведомств в церковном вопросе на Украине отразились на состоявшейся осенью 1942 г. попытке объединения автономной Церкви с автокефалистами. В Луцке 4–8 октября 1942 г. прошло заседание Синода автокефальных архиереев. Было решено направить двух архиереев к экзарху Алексию и предложить ему подписать документ о признании автокефалии Украинской автокефальной Церкви и провести объединенные мероприятия. Переговоры с экзархом состоялись 8 октября в Почаевской Лавре. В результате митрополит Алексий и автокефальные архиереи подписали акт из 7 пунктов, в которых признавалось фактическое сосуществование двух Церквей на Украине и все различия канонического характера объявлялись несуществующими, создавался единый Синод.

Это была несомненная победа автокефалистов, потому что данный акт утвердил самочинную автокефалию, а в образованном Синоде автокефалистам досталось два места из пяти. В Синоде первенство по старшинству хиротонии принадлежало автокефалисту митрополиту Пинскому и Полесско-

[1] *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. С. 437.

му Александру, а секретарем становился автокефалист Мстислав Скрыпник — видный политический деятель и племянник Петлюры.

Для церковных деятелей и для германских властей такое изменение позиции митрополита Алексия (Громадского) стало большой неожиданностью. Ведь ранее экзарх Украины неоднократно публично исключал возможность объединения с автокефалистами по каноническим причинам. Существует предположение, что в данном случае вновь проявилось ревностное украинофильство митрополита Алексия, которым он страдал еще в 1930-е годы. Хотя один из близких к Мстиславу Скрыпнику церковных деятелей иначе объяснял мотивы столь неожиданного поступка экзарха. Видимо, митрополит Алексий считал, что дело Москвы проиграно и Россия будет уничтожена. А он будто бы делал ставку на победу большевиков. Потому все клятвы, которые он дал Москве, стали беспредметными — полагал этот церковный деятель.

Все церковные споры в последующие месяцы вращались вокруг акта от 8 октября 1942 года. Довольно скоро этот акт объединения вызвал активное сопротивление со стороны автономной церкви, что привело к кризису в ней.

Из 16 архиереев, которым экзарх разослал подписанный документ на отзыв, почти все отреагировали однозначно отрицательно. При этом три авторитетных архиерея — архиепископ Черниговский Симон, управляющий Киевской епархией епископ Пантелеймон и епископ Полтавский Вениамин выступили с меморандумом, в котором «акт объединения» был признан как не имеющий никакой канонической силы. Митрополиту Алексию было предложено снять свою подпись, добровольно сложить звание экзарха Украины, а управление Церковью сосредоточить в Священном Синоде. Точка зрения пользовавшегося большим авторитетом у верующих схиархиепископа Антония (Абашидзе) имела важное значение. Накануне своей смерти (1 ноября 1942 г.) Владыка Антоний направил митрополиту Алексию письмо, в котором он осудил подписание акта и упрекал за это экзарха.

В ход дела тут же вмешалось германское руководство рейхкомиссариата. От Мстислава потребовали выехать в один из населенных пунктов восточнее Днепра и находиться там без права въезда на территорию западнее Днепра. Дело в том, что Мстислав, нарушив запрет генерального рейхскомиссара от 22 сентября, побывал в Луцке и самовольно сыграл в вышеописанных событиях решающую роль. Мстислав покинул Киев и отправился к месту ссылки в г. Прилуки Черниговского округа. Ему запрещалась любая политическая и церковная деятельность. Проводивший беседы с епископом немецкий полковник назвал Мстислава иезуитом, но при этом заявил, что «все равно Алексий и московские епископы не останутся на Украине», предполагая, что их насильственно удалят с ее территории. В рейхскомиссариате «Украина» стали обдумывать возможность полной ликвидации автокефальной Церкви из-за ее политизации.

Но в целом рейхскомиссариат был заинтересован в сохранении раскола в Церкви и настраивании верующих друг против друга. Экзарху Алексию во время приема в рейхскомиссариате 23 октября 1942 г. было заявлено, что правящей власти представляется невозможным в любой форме участие митрополита Дионисия в жизни Православной Церкви Украины или даже фигурирование его в качестве представителя этой Церкви. Кроме того, ему сообщили, что германская власть не разрешает включать в состав украин-

ского епископата тех личностей, которые в прошлом играли политическую роль. Имелся в виду епископ Мстислав. В заключение экзарху было указано, что рейхскомиссариат рассматривает акт от 8 октября лишь в качестве проекта возможного объединения автокефалистов с автономной Церковью.

11–12 ноября состоялась встреча митрополита Алексия и администратора Поликарпа. Экзарх сообщил последнему о первых отрицательных отзывах своих епископов и о позиции немецкой администрации. Поликарп отказался от многих пунктов акта от 8 октября и пошел на серьезные уступки: состав Синода теперь должен был состоять из епископов от автономной Церкви и автокефалистов поровну, а секретарем вместо нежелательного немцам Мстислава намечался автономный епископ Вениамин; возглавление Церкви на Украине или даже представительство ее митрополитом Дионисием признавалось неактуальным; акт от 8 октября договорились считать декларативным документом, а не декретом уже совершившегося факта объединения. А сам созыв Синода предполагался теперь только после получения положительного ответа всех епископов Экзархата и согласия государственной власти (немецкой).

Через некоторое время митрополит Алексий получил упоминавшийся уже меморандум трех архиереев с требованием полностью отказаться от акта 8 октября, а в конце ноября его снова вызвали в Киевский генералкомиссариат. Экзарх высказал пожелание своих архиереев обсудить проблему на Соборе епископов, однако получил жесткий отказ. Такой собор может состояться только после окончания войны — сказали ему в ответ.

Однако в дело вмешалось германское Министерство занятых восточных территорий. Оно увидело реальную возможность реализовать свой план по созданию единой Украинской Церкви. Чиновники Министерства предложили провести «заседание Синода объединенной Украинской Церкви» 22–24 декабря 1942 г. в Харькове, который находился вне пределов досягаемости Э. Коха. Однако Кох сорвал эту архиерейскую конференцию, запретив епископам управляемой им территории выехать в Харьков.

Но и после харьковской неудачи чиновники Министерства попытались провести заседание Синода в Почаевской Лавре. Однако Э. Кох не пошел на компромисс. Это дало еще один повод Розенбергу попытаться устранить ненавидимого им Коха от управления рейхскомиссариатом «Украина». В мае 1943 г. состоялось разбирательство в ставке фюрера. Однако Гитлер призвал обе конфликтующие стороны к примирению, но в то же время во всем поддержал жесткую линию наместника Украины. Поэтому Министерство восточных территорий, возглавляемое А. Розенбергом, было вынуждено на некоторое время отказаться от своих планов в отношении Украинской Церкви. Вместе с тем и главные пункты своего указа от 1 октября 1942 г. Коху не удалось реально выполнить[1].

После неудачи объединения борьба автономной Церкви с автокефалистами разгорелась с новой силой. Руководство рейхскомиссариата «Украина» не допустило на свою территорию не только Польскую Православную, но и Зарубежную Русскую Церковь. Та же участь постигла униатов из Галиции при попытке восстановления обновленчества. Немцы не захотели

[1] *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. С. 444.

допустить распространения влияния Ватикана, а обновленцев однозначно считали советскими агентами[1].

Руководство Московской Патриархии резко негативно отнеслось к деятельности автокефальной Церкви Украины. В своих посланиях к украинской пастве в 1942–1943 гг. митрополит Киевский Николай (Ярушевич) активно обличал похитителя церковной власти епископа Поликарпа (Сикорского), предостерегая от общения с ним, призывал хранить верность Матери-Церкви и Родине[2]. 28 марта 1942 г. с посланием к «архипастырям, пастырям и пасомым в областях Украины, пока еще не запятых гитлеровскими войсками» обратился Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий (Страгородский). В послании говорилось: «С переходом западных областей Украины и Белоруссии в состав России епископ Поликарп остался на службе у нас, то есть фактически отказался от Польской автокефалии и признал Московскую Патриархию своим законным священноначалием. Если все это сделано епископом Поликарпом неискренне, только для вида, с целью укрыться от церковного суда и от наказания за принадлежность к Польской автокефалии, вина епископа Поликарпа усугубляется, а равно и следующее ему наказание “яко солгавшему и обманувшему Церковь Божию” (13-е апостольское правило). За время службы у нас епископ Поликарп не предъявлял мне никаких обвинений, которые оправдали бы его канонический разрыв со мною. И только теперь, когда преступный разрыв уже совершился, и я указал ему на эту преступность, епископ Поликарп заговорил о моем самозванстве, в которое, думается, и сам в душе не верит. Значит, отказ епископа Поликарпа от подчинения Патриархии и мне, как ничем канонически не оправдываемый, является прямым нарушением 15-го правила Двукратного Собора и угрожает осужденному “лишением всякого священства”. Тому же взысканию подлежит епископ Поликарп и за самозваное присвоение себе не принадлежавшего ему звания архиепископа Луцкого и звания главы Украинской Церкви, и за злостное вторжение в области, ему не подчиненные, и за связанный со всем этим целый клубок канонических нарушений… Особую злостность задуманного предприятия составляет то, что его исполнители вторгаются на Украину намеренно вслед за немцами; пока же будут неистовствовать над невооруженными людьми и громить хозяйственную и культурную жизнь украинцев, они будут громить вековой церковный стой, насаждая автокефалию. По 8-му Правилу святого Григория Неоксиорийского, изменники христианства, участвовавшие впредь с варварами в ограблении христианских селений, в случае покаяния не принимаются даже в разряд кающихся вплоть до особого о них суждения на Соборе… За все вышеизложенное епископ Поликарп по совокупности подлежит… лишению сана и монашества с исключением из духовного звания… По действующим у нас правилам обвиняемый в преступлениях, угрожающих таким наказанием, должен быть в виде предсудебной меры запрещен в священнослужении… О таковом запрещении епископа Поликарпа я и объявляю настоящим своим посланием»[3].

---

[1] *Винтер Э.* Политика Ватикана в отношении СССР. 1917–1968 гг. М., 1977. С. 166.

[2] Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 72–74.

[3] Страж Дома Господня. С. 566–569; Правда о религии в России. С. 129–135; Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 13–17.

Состоявшееся в Ульяновске 28 марта 1942 г. собрание архиереев своим определением признало заключение Патриаршего Местоблюстителя канонически правильным и утвердило его, объявив: «Если (чего мы не желаем) епископ Поликарп, “впадая в суд дьяволь”, пренебрежет запрещением, признать епископа Поликарпа лишившим себя сана и монашества и всякого духовного звания с самого момента нарушения им запрещения»[1].

Отношение же Московской Патриархии к автономной Церкви Украины было сочувственным. В качестве примера такого отношения уместно сослаться на официальный некролог архиепископу Вениамину (Новицкому), в прошлом принадлежавшему к ней. В некрологе признавалось, что, «оказавшись в чрезвычайно стесненных обстоятельствах, Украинская автономная Церковь была единственной легальной организацией, вокруг которой могли сплотиться народные силы и в которой они находили поддержку во время величайших испытаний»[2].

Следует признать, что тот процесс, который протекал на захваченных немцами украинских территориях, мы без особых натяжек можем также расценивать как религиозное возрождение. И особенно ярко это проявилось в Киевской епархии. Как древний духовный центр всей России, Киев привлекал как миссионеров западной части республики, так и уцелевших священников восточных районов. 18 декабря 1941 г. митрополит Алексий назначил в столицу Украины епископа Пантелеймона. Последний сразу же столкнулся с давлением местных националистов. Пантелеймона националисты стремились склонить на свою сторону различными угрозами. В марте 1942 г. в Киев прибыли два автокефальных епископа, Никанор и Игорь. Им удалось открыть в городе три прихода. Однако у Владыки Пантелеймона к концу 1942 г. было уже 28 приходов. В 1943 г. число приходов в епархии достигло почти 50 % от дореволюционного уровня, а количество священнослужителей до 70 %. Из них 500 храмов и 600 священников принадлежали к автономистам. Автокефальными были 298 приходов, а в них насчитывалось 434 священника[3]. В Киевской епархии открылись вновь все 12 монастырей. Они вошли в подчинение автономной Церкви. В самом Киеве было возрождено 6 монастырей с 760 насельниками: 3 женских монастыря — Покровский, Фроловский и Введенский и 3 мужских — Ионовский, Михайловский и Киево-Печерская Лавра.

Осенью 1943 г. в Киеве было уже 40 действующих храмов. 19 сентября епископ Пантелеймон освятил наконец-то переданный верующим Владимирский собор. В Киеве были образованы проверочные комиссии из лиц с богословским образованием для пополнения духовенства. Но главное пополнение осуществлялось через обучение кандидатов на краткосрочных курсах (от 1 до 6 месяцев). Правда, затем немцы запретили эти курсы и организацию высшего богословского образования. Лишь осенью 1943 г., когда войска Красной армии были уже на подступах к столице Украины, епископу Пантелеймону было разрешено создать Ду-

---

[1] *Цыпин Владислав, протоиерей.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. М., 1994. С. 119.

[2] Журнал Московской Патриархии. 1977. № 1. С. 19–20.

[3] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 214–215; *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. С. 446–47.

ховную семинарию в Киеве. Однако времени для реализации этого плана уже не было[1].

Первое богослужение в Полтаве состоялось в день прихода немцев. За первые 16 месяцев оккупации в нем крестили 2500 детей. В городе открылось 6 автономных и 4 автокефальные церкви, всего же в епархии было открыто 359 храмов. По сводкам СД, до 80 % верующих в области принадлежало к автономной Церкви и лишь 20 % — к автокефальной[2]. Поставленный же немцами городской голова Полтавы был ярым националистом и поддерживал автокефальную Церковь. Архиерейским Собором автономной Церкви в августе 1942 г. епископом Полтавским и Лубенским был избран Вениамин (Новицкий). Владыка направлен был в Полтаву с указанием управлять также приходами Харьковской епархии. Однако вскоре по прибытии в город Владыка Вениамин был арестован СД по доносу националистов как «агент Москвы». Епископа увезли в Киев и освободили через 2 месяца под поручительство секретаря епископа Пантелеймона. Под руководством епископа Вениамина было возрождено 3 монастыря — 2 женских и 1 мужской. Здесь была устроена основательная подготовка своих кандидатов в священники Полтавской епархии. Это связано было с тем, что в городе долгое время действовала военная администрация. В конце 1941 г. с ее разрешения были открыты автокефальные и автономные пастырские курсы. Из всей Украины лишь в Полтавской области были введены религиозные занятия в 4-классной начальной школе. Однако и в них преподавание Закона Божия священникам было запрещено[3].

Достаточно активно восстанавливались церкви в Черниговской области. В самом Чернигове уже осенью 1941 г. схиархимандрит Лаврентий, причисленный позднее к лику святых, собрал монашествующих и устроил 2 женских монастыря — Троицкий с 70 сестрами и Домницкий с 35 насельницами. В 1942 г. в город приехал назначенный архиепископом Черниговским и Нежинским автономный Владыка Симон (Ивановский), радушно принятый схиархимандритом Лаврентием. Всего в Черниговской епархии было открыто 410 храмов. В Днепропетровске было открыто 10 храмов, в 1943 г. на Крещение их посетило около 60 тыс. молящихся. Приблизительно четвертая часть из 418 приходов епархии были автокефальными. В Харьковской епархии открылось 155 храмов. На ее территории проживал возглавлявший в 1920-е годы «Лубенский» раскол на Украине епископ Феофил (Булдовский). В ноябре 1941 г. он провозгласил себя митрополитом, а в июле 1942 г. после переговоров с епископом Мстиславом (Скрыпником) присоединился к автокефальной Украинской Церкви. Несмотря на уже довольно преклонный возраст, епископ Феофил развернул активную деятельность и к июню 1943 г. рукоположил 102 священника, 15 диаконов и допустил к служению после короткого обучения 89 псаломщиков. Подготовка нового духовенства велась частным образом, ибо немецкие власти отказали в прошении открыть Духовную семинарию.

Епископ Феофил окормлял и часть верующих в Сталинской (Донецкой), Курской и Воронежской областях. Однако за исключением Харьковской

---

[1] *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. С. 446–447.

[2] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 215.

[3] *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. С. 447–448.

епархии на востоке Украины влияние автономистов было подавляющим. В тех местах, где автокефалисты не находили поддержку у населения, они обращались за помощью к местным оккупационным властям. И последние, как правило, шли навстречу. Однако это происходило лишь до тех пор, пока не начали учащаться антигерманские акции бандеровских партизан.

Бандеровцы развернули кампанию террора на значительных территориях, но большинство украинского населения продолжало поддерживать автономную Церковь. По сводке СД от 18 октября 1941 г., к автономной Церкви относилось 55 % верующих, в то время как к автокефальной — 40 %. Однако в это время оккупация Украины еще не завершилась, и удельный вес западной части республики в этих расчетах был непропорционально велик. К 1942 г. доля сторонников автокефальной Церкви не превышала 30 %. Даже в Житомирской епархии она равнялась только четверти, а в более восточных областях была и того ниже. В Черниговской епархии автокефальные храмы вообще отсутствовали[1].

Есть и еще один показатель — число верующих. Но оценкам некоторых американских исследователей, в автономной Церкви было вдвое больше прихожан, чем в автокефальной. Подсчеты М. В. Шкаровского, сделанные по архивным документам на материалах 10 епархий — Винницкой, Киевской, Днепропетровской, Ровенской, Черниговской, Полтавской, Житомирской, Одесской, Николаевской и Кировоградской, показали, что доля автокефальных приходов составляла 25 % — 1190 общин из 4747. При этом, как пишет исследователь, «отсутствуют данные по 4 западным (бывшим польским, включая Брестскую и Пинскую) и по 5 восточным епархиям, которые в принципе должны друг друга уравновешивать и не менять сильно цифру 25 % в ту или другую сторону»[2].

Большинство населения оккупированных областей Украины стремилось к восстановлению традиционного Православия. Проявление разного рода модернизма, вроде замены церковнославянского языка украинским, светской одежды и коротких волос священников-автокефалистов, лишь отталкивали население от автокефалистов. Кроме того, автокефальная Церковь нарушала некоторые каноны, казавшиеся вообще неприемлемыми для населения. В частности, автокефалисты практиковали введение в сан епископов женатых священников. Этим объясняется и то обстоятельство, что у автокефалистов полностью отсутствовали монастыри.

Монашество Украины отвергало автокефальных священнослужителей как неканоничных. Первоначально все 15 монастырей западных областей республики относились к автономной Церкви. Немецкие власти ставили особые препятствия восстановлению монашества. Они запрещали пострижение мужчин трудоспособного возраста, считая это уклонением от рабочей повинности. Тем не менее, по подсчетам М. В. Шкаровского, на оккупированной советской части Украины было восстановлено 45 монастырей: по 12 в Киевской и Одесской областях, 6 в Житомирской, 4 в Ровенской, по 3 в Черниговской, Полтавской, Винницкой и по 1 в Сумской и Днепропетровской областях. Число монашествующих подсчитано тем же автором по 32 обителям — 2391, в том числе 1505 женщин и 886 мужчин. В целом же,

---

[1] *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. С. 449.

[2] Цит. по: Там же. С. 449–450.

46 монастырей относилось к автономной Церкви и лишь два небольших монастыря на Волыни с 70 иноками перешли в 1943 г. к автокефалистам[1].

В результате наступления Красной армии в 1943 г. значительная часть украинского духовенства эвакуировалась в западную часть республики, и там вспыхнула открытая межцерковная борьба. В этой борьбе на первых порах доминировала автономная Церковь. В конце 1942 г. она вновь открыла Духовную семинарию в Кременце, которая была закрыта еще в 1939 году. Тогда бандеровцы развернули массовый террор против прорусски настроенных священнослужителей. 7 мая 1943 г. украинские националисты убили митрополита Алексия (Громадского), а в августе того же года они захватили в плен и повесили в лесу епископа Владимиро-Волынского Мануила (Тарковского). Только на Волыни было убито в течение лета 1943 г. 27 священников. В ряде случаев их убивали вместе с членами их семей. В результате террора выросло число автокефальных приходов, особенно на упоминаемой уже нами Волыни. Здесь в течение 1943 г. более 600 приходов перешло в автокефальную Церковь. Лишь в городах Волыни некоторые приходы решались оставаться в подчинении автономной Церкви, ибо здесь террор бандеровцев был слабее. И с приходом Красной армии террор бандеровцев не прекращался. 23 сентября 1944 г. епископ Волынский Николай (Чуфаровский) докладывал Патриаршему Местоблюстителю Алексию (Симанскому) в Москву, что за последнее время бандеровцы убили на Волыни 5 священников автономной Церкви «за признание Московской Патриархии»: «…многие священники говорили мне, что 3–4 месяца они не ночуют в квартире, а уходят в поле, боясь партизан»[2].

Выборы преемника митрополита Алексия, погибшего от рук бандеровцев, должны были состояться на Соборе всех архиереев автономной Церкви. В июне 1943 г. епископ Пантелеймон обратился с таким предложением к германским властям. Однако это предложение не было удовлетворено немцами. Они последовательно проводили политику децентрализации церковного управления. Разрешено было только выбрать старшего иерарха в генерал-бецирке Волынь-Подолия на архиерейском совещании 6 епископов этого округа 6–7 июня 1943 г. в г. Ковеле. Остальным автономным архиереям комиссар Кох запретил приезд на совещание. В присутствии его представителя тайным голосованием был избран архиепископ Дамаскин (Малюта). Все архиереи автономной Церкви единодушно отвергли ее раздробление на части по числу генерал-бецирков. В конечном счете после упорной борьбы они добились разрешения провести свой общий собор, который должен был состояться в Киеве 19 сентября 1943 года. Однако стремительное наступление Красной армии помешало его проведению. В апреле 1944 г. после эвакуации в Варшаву Владыка Пантелеймон (Рудык) все же был избран главой автономной Украинской Церкви с возведением его в сан архиепископа[3].

Все автокефальные архиереи после изгнания фашистов из Украины ушли с ними на запад. Лишь престарелый самопровозглашенный митрополит Феофил (Булдовский) отказался от эвакуации. Из 16 автономных

---

[1] *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. С. 450.

[2] Там же. С. 451.

[3] *Фотиев К., Свитич А.* Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг. М., 1997. С. 271; *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. С. 451–452.

епископов 7 остались со своей паствой, а восьмой вернулся из Германии после окончания войны. Позднее многие священнослужители были арестованы органами НКВД по подозрению в сотрудничестве с немцами, которое, как правило, выражалось только в том, что священники открывали храмы и совершали в них богослужения по разрешению германских властей. Большая часть украинского духовенства в годы немецкой оккупации занимала патриотическую позицию. Уже в декабрьских 1941 г. сводках немецкой службы безопасности говорилось о связях автономной Церкви с советской агентурой. Приводился, например, такой факт: 7 ноября 1941 г. в Киеве под председательством митрополита Алексия (Громадского) прошло собрание с участием 40 священников, из которых двое были изобличены как советские агенты, у них обнаружили воззвание Патриаршего Местоблюстителя Сергия (Страгородского). Арестованные священники А. Вишняков и П. Остринский были расстреляны, а у остальных взяли подписку о неучастии во враждебной Германии деятельности. В донесении СД от 6 марта 1942 г. сообщалось о расстреле бургомистра г. Кременчуга за то, что он с помощью местного священника крестил евреев, давал им христианские имена и таким способом спасал от смерти. В Черкасской области за поимку священника Писаренко в ноябре 1942 г. гебитс-комиссар объявил вознаграждение в 10 тыс. марок, однако предателей не оказалось. Священник отец Никита из Житомирской области писал 29 апреля 1944 г. в Московскую Патриархию: «В 1942 г. в нашем лесу открылась группа партизан, с которыми я взял тесную связь и помогал им чем только мог… Когда в ноябре месяце 1943 г. заняли наш район партизаны Маликовского соединения, я начал писать в Московскую Патриархию и даже послал 100 руб. денег на высылку мне какой-либо литературы или хотя бы русского календаря. И до сих пор ничего нет. Я стараюсь всеми силами помогать Красной армии, отдаю весь доход, как хлебом, так и полотном и деньгами». Широко известен случай спасения монахинями из закарпатского женского монастыря в Домбоке 215 детей. Их монахини взяли из разбитого эшелона, направлявшегося в Германию. Потом 5 месяцев до подхода Красной армии они нелегально укрывали детей в своей обители[1].

Подводя итог, можно сделать вывод, что в целом «религиозное возрождение» на Украине носило патриотический характер. Оно протекало так же бурно, как и в западных областях России. За годы немецкой оккупации в республике было открыто не менее 5400 православных храмов. В отчетах Совета по делам Русской Православной Церкви указывалось, что на 1 июля 1945 г. на Украине имелось 6072 действующих храма. При этом 587 зданий уже изъяли у приходских общин местные власти, так как они до войны использовались как общественные учреждения. М. В. Шкаровский приводит такую статистику открытых храмов за годы Великой Отечественной войны на Украине: в Винницкой области — 822 храма, в Киевской — 798, Одесской — 600, Днепропетровской — 468, Ровенской — 470, Черниговской и Сумской — 410, Полтавской — 359, Житомирской — 400, Сталинской (Донецкой) — 222, Харьковской — 155, Николаевской и Кировоградской —

[1] Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945) // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 53; Партизанский акафист // Наука и религия. 1995. № 5. С. 7; Тихие обители // Наука и религия. 1995. № 5. С. 8; *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. 452–53.

420, Ворошиловградской — 128, Херсонской — 80, в Запорожской области — не менее 70[1].

Эта статистика явно свидетельствует о церковном возрождении на Украине в годы войны.

Авторы, изучавшие религиозную ситуацию на Украине в период немецкой оккупации, отмечают, что попытки распространения украинского национализма здесь натолкнулись на полное безразличие православного духовенства. Хотя автокефалисты имели немалые успехи на Украине. Интересно сопоставить разное отношение оккупационных немецких властей к национальному сепаратизму в Белоруссии и на Украине. В Белоруссии, где сепаратистские настроения были очень слабыми, немцы искусственно поддерживали эти настроения и поощряли деятельность националистов из Западной Белоруссии, не допуская при этом создания двух параллельных церковных структур, и настаивали на автокефалии Белорусской Церкви (в чем, однако, они потерпели полную неудачу), так как, не находя поддержки среди населения, сепаратисты и сторонники автокефалии полностью зависели от немцев, которые могли использовать их в своих целях. На Украине же оккупационные власти были обеспокоены повышенной деятельностью националистов из Галиции, которые стремились захватить в свои руки общественную и культурную жизнь в Восточной Украине. Стремясь ослабить русское влияние, немцы поддерживали украинский национализм, но в то же время опасались, не имея возможности полностью его контролировать. Вот почему они допустили создание двух параллельных церковных иерархий, несмотря на то, что автономная церковь признавала верховный авторитет Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского).

Еще раз отметим тот факт, что в то время, как все «автокефальные» епископы, за исключением 80-летнего Феофила (Булдовского), ушли с немцами на запад, из 16 «автономных» епископов 7 остались со своей паствой, а восьмой вернулся из Германии после окончания войны.

В своих посланиях военного времени глава Московского Патриархата митрополит Сергий (Страгородский), как уже было сказано, исключал всякое сотрудничество Церкви с немцами. Отношение же Московской Патриархии к Украинской автономной Церкви было сочувственным, о чем свидетельствовал, например, официальный некролог, посвященный памяти архиепископа Вениамина (Новицкого), в прошлом епископа автономной церкви, который провел десять лет в советских лагерях и являлся одним из самых выдающихся епископов Патриаршей Церкви. В этом некрологе признавалось, что, оказавшись в чрезвычайно стесненных обстоятельствах, Украинская автономная Церковь была единственной легальной организацией, вокруг которой могли сплотиться народные силы и в которой они находили поддержку во время величайших испытаний, постигших страну[2].

---

[1] *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. С. 453; Русская Православная Церковь стала на правильный путь // Исторический архив. 1994. № 4. С. 99–100.

[2] Цит. по: *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 217.

ПРОЗА

Николай ИВАНОВ

КОМБАТАНТЫ

Николай Федорович Иванов — *родился в селе Страчево Брянской области.* Автор многих романов, повестей, рассказов, сопредседатель правления Союза писателей России, лауреат литературных премий ФСБ России, «Сталинград», «Прохоровское поле» и др. Воевал в Афганистане, был в чеченском плену. Новеллы полковника Николая Иванова, «добытые» в «горячих точках», публиковались во многих литературных журналах, газетах, альманахах. Автор 20 книг прозы. Награжден боевыми орденами и медалями, в том числе *орденом «За службу Родине в ВС СССР» III ст., медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».* **Живет в Москве.**

Николай Федорович Иванов — известный российский писатель, его творчество привлекает читателей не только художественным мастерством, но достоверностью фактов, правдивым рассказом о бытии человека на войне. Писатель знаком с ней на собственном опыте, который приобретал в Афганистане, в Чечне, в Южной Осетии. И сегодня он находит возможности побывать на Донбассе, в Сирии, стремится поучаствовать в маневрах и войсковых учениях.

Поздравляем Николая Федоровича с Юбилеем. Желаем здоровья, творческого вдохновения, справедливых побед на любом поле брани.

Редакция журнала
«Родная Ладога»

1

— На колени!

— Головы не поднимать!

— Снять мешки!

— Головы не поднимать, я сказал!

Автоматные очереди лучше овчарок навели порядок в сбившемся стаде пленников. Да и зря они торопятся увидеть перед собой свежевырытую могилу. В их положении именно темнота и неизвестность оставляли еще хоть какую-то надежду на спасение. А так…

А так за спины заложников становлюсь я — бестелесное исчадие ада, демон, вселенское зло, которое может появиться в любое мгновение в любом обличье. Они должны бояться даже простого ожидания моих безмолвных команд. Моего настроения. Моих желаний. Мне не то что нравится их мучить, но растоптать, сломить, растереть в прах — как десерт к утренней кружке чая, который к тому же еще не выпил.

Поднимаю руку. Мои головорезы берут пленников за волосы. У кого они короткие, удобно цепляться за глазницы.

А вот теперь отмашка!

Головы несчастных синхронно вздергиваются вверх. Хотели видеть мир после пленения? Радуйтесь ему: на краю могилы бойцы сдирают шкуру с тушки барана. А можно и с любого из вас… Две девчушки безмолвно валятся в обморок. Мало. Рассчитывал на большее количество.

— Смотреть!

— Не опускать головы!

— Глаз не отводить, я сказал!

Моя автоматная очередь над головами уже как удар пастушьим хлыстом: хозяин стада — я! И только сейчас приступаю к главному действу.

— Разделиться на пары!

Светловолосая худенькая девчушка тянется мизинчиком с ободранным маникюром к стоящему рядом парню в камуфляже. Зря так сделала, милая. Ох, зря! Когда-то, давным-давно, подобным образом тянулся и я до одной девушки, выцарапывая у скамейки расстояние до нее. Но, видать, слишком длинной оказалась та скамья… Так что напоминать об этом мне не стоило. А вот вашу лебединую верность испытать на излом интересно.

Пинаю влюбленных ногой в спины — взять их!

Остальных мимо осыпающейся, втягивающей в свою глубину могилы ведут к бензовозу, усаживают на солнцепеке вдоль борта. Мелочей в моих действиях нет, здесь ничто не случайно: при малейшей попытке освобождения пленных одного зажигательного патрона по бензобаку окажется достаточно, чтобы поднять всех в небо одним клубом огня и дыма. Я ведь никогда не обманываю пленников: сказал, что спасение в темноте, так и цеплялись бы за мешки на головах, лелея надежду на недоразумение, которое вот-вот кончится.

Сам иду за капонир, на ходу надевая маску-чулок и снимая орденские планки с еще советскими наградами. Были времена… Усаживаюсь за приготовленный столик, с наслаждением впиваюсь в красный полумесяц арбузного ломтя. К стекающим по маске каплям устремились осы, и приходится отмахиваться от них кинжалом. Подошедшей парочке охрана бьет по ногам, приучая стоять перед старшим на коленях. Бросаю им под нос обглоданный полумесяц, натравливая на пленников и ос.

— Короче, так, — вытаскиваю черно-белые четки.

Психология: бесцветные мало привлекают внимания, а вот к черно-белым горошинам у приговоренных к смерти притяжение магическое. Мой перебор ими как гадание на ромашке: расстреляю — не расстреляю — в могилу спихну — к Аллаху пошлю. А как хотели? Бросали блондинки и нас…

— С каждой пары в живых оставляем одного. Ты, — протыкаю кинжалом взгляд парня и демонстративно выставляю черный кругляш, — бежишь в сторону леса. Ты, — полоснул, как бритвой, по взгляду девушки, заодно пролистывая, как книжную страницу без картинок, белую горошину, — стреляешь в него. Попадешь — останешься жить, — задерживаю белую масть, чтобы глотнула воздуха. Как же знаком завиток у виска! У всех блондинок он такой? — Если он уйдет, придется расстрелять

тебя, — выбрасываю масть черную. У меня все рядом, хватает одного движения пальчиком. Это вам не на скамейке сидеть с томиком Цветаевой и отодвигаться, отодвигаться…

Зато влюбленные в один миг на глазах стареют. Так-то испытывать судьбу мизинчиками! А вот теперь выбор, кому остаться в живых. И за счет кого. И как потом с этим жить.

Хотя насчет жизни торопиться тоже не стоит, надо еще будет и победителю выиграть у меня белую фишку. Я ведь не говорю, что поле заминировано, а в автомате холостые патроны. Мне важно, чтобы девушка взяла в руки оружие. Для видеосъемки. Парня, если не подорвется, пристрелим сами, но девица не докажет никому никогда, что это не она нажала курок. Нам же в отряд нужны отчаявшиеся, загнанные в угол смертники со славянскими лицами.

— Беги!

— Стреляй!

Ах, как же ненасытно вкусны первые арбузы!

2

Самое неприятное при захвате заложников — это ранний подъем. Лягушки еще квакают в затонах, а солдату — мотай портянки. Утешает лозунг, который однажды пришлось увидеть в одной из тюрем: «Кто не с нами, тот у нас». А у нас в руках должны были оказаться два десятка столичных студентов-волонтеров, пожелавших работать в «горячих точках» с гуманитарной миссией. Слово-то какое красивое для них придумалось — комбатанты. Идущие с войсками. Но — доходятся! Без моего желания, без разрешения здесь ни одна миссия невыполнима. Остановлю любого и там, где пожелаю. Вот только жаль, что не высплюсь. Но тем хуже для остальных, потому что буду злее!

Под фонариком экипировались, на ощупь проверились. С Богом! Нас ждут великие дела.

К рассвету отряд слился с кустами, рытвинами, кочками. Месяц, всю ночь горбатым пастухом стороживший стадо звезд, рассвет все же проспал, и стадо разбежалось, оставив старика бледным свернувшимся калачиком средь редких облачков.

В бинокль стал постепенно различаться недалекий аул и аксакал, развозивший по полю навоз в старенькой детской коляске. Около его избы красовался свежевыкрашенный сруб над колодцем. Вечером исследовал его — полный тины и лягушек. Поставить новые венцы на нечищенные колодцы и считать свой долг перед народом выполненным — это в крови у нынешней власти. Потому я и не в ней. Из захламленного предгорного бурелома подслеповато выглядывает замшелый, скрюченный непогодой и временем плакат «Берегите лес». Лес сбережем. Ни один сучок не треснет, ни одна птица не встрепенется. У меня рюшечки на старых колодцах не пройдут, я пью чистую воду!

На узкую дорогу, пыльным деревенским половиком легшую среди кустов, нужный нам автобус выполз раздутым оранжевым жуком. Выпучив глаза-тарелки, вытянула в ожидании развязки длинную ребристую шею

вышка сотовой связи. Но здесь связь никому не поможет, мешок для сбора мобильников подготовлен. А вот почитать чужие СМС-ки на досуге будет занимательно. Какие же глупцы те, кто не стирает перед дальней дорогой свидетельства личной жизни. Они для шантажа — лучшая подпитка.

«Береженого Бог бережет, небереженого — конвой стережет», — вспомнилась еще одна присказка конвойных войск. Ребята там служат веселые. У них много подобных прибауток: и что если и ходят они в театр, то только в камерный, и что даже картошку они — сажают! А мы ничего сажать не станем, мы просто воткнем в землю носом полтора десятка наивных глупцов-миротворцев, чтобы навсегда отбить у них желание лезть в войну со слюнявчиками. Фон для нашей работы более чем благоприятный, со вчерашнего дня на границе Чечни и Ингушетии идет боестолкновение. Раненые пошли и среди мирного населения, в район тронулись конвои с гуманитарной помощью, а мы студенческую «гуманитарку» на нашем участке сравняем с землей…

Ползущего меж черных асфальтовых заплат жука видят все, и команд стараюсь не дублировать, пробуждая у своих волчат звериный инстинкт, готовность действовать самостоятельно. На повороте голосует моя подстава — солдатик с перевязанной рукой. Подобрали. Добрые? Лучше бы тимуровцами помогли старику развезти навоз. А дружбу водить с военными, да если они еще с оружием, не следовало бы. Это потом аукнется…

Первыми выстрелами убираются водитель и сопровождающие. Дальше картинку можно представлять с закрытыми глазами. В окна остановившегося автобуса полетят дымшашки, едкий оранжевый дым сам погонит пассажиров из салона, и нам у дверей останется только набрасывать на головы заложников мешки. А точнее, наволочки, что для нас значительно удобнее. Руки заложников схватываются пластмассовыми автомобильными хомутиками: они жестче наручников, у них нет хода назад, а узкая полоска врезается в кожу так больно, что лишний раз никто не пошевелится. И со всех сторон стрельба, тычки, противоречивые команды, чтобы оглушить противника, заставить его растеряться, какие приказы выполнять и откуда ждать очередной удар.

Открываю глаза. Сбоев и впрямь нет, все идет как по нотам, можно снимать учебный фильм. Без дублей и каскадеров. После подрыва опустевшего автобуса в нос бьет запах горящей резины, по спинам распятых на земле студентов-гуманистов сыграли последний ноктюрн взметнувшиеся комья земли.

А вот теперь, ребята, проза. С текстом из одних повелительных глаголов: бежать, приседать, идти гусиным шагом, мешки снять, мешки надеть, ползти на коленях, пластаться, подхватываться и опять бежать. На первых порах это самое важное — сбить дыхание пленников. Заставить их думать только о том, как выжить, а не как сбежать. Руки приказано держать вытянутыми вперед, касаясь спины соседа. При этом забавно время от времени подсовывать под хватающие воздух пальцы раскаленный ствол автомата или холодную бородавчатую лягушку. Сороконожка-даун на пуантах! И преодолеть-переползти ей пять ручьев, бурелом, заросли крапивы и две канавы. Маршрут выбирал не как для себя.

К концу гонки грязных, вымотанных студентов запихиваем в кузов «Урала». Но это не отдых, мотать на ухабах по днищу будет так, что убе-

речь бы голову. А мне своя задача — сломать психику ребят к моменту фотосъемки…

3

Девочка делает то, что нужно мне — берет в руки автомат.

Бойцы мгновенно начинают наседать, безостановочно орать над ее головой «Стреляй, стреляй, стреляй». Заложница, чтобы не слышать эти крики, прекратить пытки, нажимает курок и разворачивается с оружием на меня. Глупышка с пустышкой. Холостыми не убьешь. А вот оператор успевает поймать в кадр дергающийся, изрыгающий огонь автомат именно в ее руках. И кто после этого герой, кто дурак? Вокруг убегающего парня начинают взрываться минные ловушки, в небо шипящими искрами шампанского уходят сигнальные ракеты, и он от неожиданности со всего размаха падает в траву. Видеооператор с усладой ловит и этот, завершающий кадр. Картинка про романс о влюбленных снята. Оскар в номинации «Документальное кино». Цветов главным актерам никто, правда, не несет, потому что парень застыл в траве, а девушка, бросив оружие и схватившись за голову, осела в истерике на землю.

Задержав врача, сам подсаживаюсь к ней, прижимаю к груди. Глажу по жиденьким волосам с запутавшимся в них репейником: успокойся, родная, все позади. Как тебя зовут? По списку — Аня. Прости меня, Аннушка. А давай вместо репейника воткнем тебе под ободок цветок. Похож на колокольчик, а там кто их разберет, эти местные названия. А еще ты очень похожа на одну очень красивую девушку. Из далеких советских времен. Только ее звали Леной. Елена Прекрасная… Главное, не подумай, будто я мщу тебе из-за нее. Все как раз наоборот. Мое изуверство нужно в первую очередь тебе самой. Потом, может, даже «спасибо» скажешь. Возьми баранку. Завалялась в кармане, но сушке и полгода — не возраст. Погрызи. Можно запить водичкой. Она по-походному чуть подсолена, но это чтобы не произошло обезвоживание организма. И полежи спокойно. Смотри, и горбун на небе уже истаял. Завтра начинается полнолуние, а затем месяц обернется вокруг себя и предстанет добрым молодцем. Все наладится и у тебя, Ленушка. То есть Аня. Успокойся и отпусти меня, потому что пора вздергивать на дыбу очередную пару…

— Откуда у тебя документы ФСБ?

— У меня нет никаких доку…

— У вас никогда ничего нет, когда попадаете к нам! Воинское звание?

— Я не служил.

— Прячешься за спинами других? Не мужик! Расстрелять! А ты кто такая? Кто послал к нам?

— Никто, я…

— Молчать! Домашний адрес?! Сколько за тебя заплатят?

— Мы вдвоем с мамой, у нас нет де…

— Плохо. Тогда нам нет смысла с тобой возиться — расстрелять! Следующих!

— С тобой ехал раненый контрразведчик. Вы из одной группы?

— Мы просто подобрали его по дороге…

— С оружием? А ты что, не знаешь, что обращаться с вами в таком случае будут, как с вооруженным противником?

— Да она снайперша!

— Сколько наших людей убила?

— Я не…

— А это мы сейчас посмотрим. Держи автомат.

— Я не…

— Держи, я сказал!

— Я не беру в руки оружие. Я не снайпер. Дайте мне связаться с моим начальством.

— Твой начальник сидит на Лубянке?

— Да как вы не поймете…

— Понимать будешь ты. В яму ее. В крайнюю, с водой и змеями, пока не заговорит.

Девицу поднимают с колен. Спортивные брюки, по моде еле державшиеся на бедрах, спадают гармошкой к кроссовкам, и девчонка приседает, скрывая наготу. Попытки подскрести одежду занемевшими пальчиками придавливаю коленом в спину: замри и подумай, в какой экипировке нужно ездить на войну. Цыкнул на бойцов — не цирк, хотя и смешно! Кинжалом поддеваю пластмассовый жгутик на запястьях: а вот теперь, после учебы, приводи себя в порядок, модница. Сушек, даже завалящих, больше нет, так что успокаивать не буду. Лишь толкаю поддерживающую брюки пленницу за кирпичную кладку рядом с капониром. Там трупиками лежит, глядя по моему совету в начинающееся раскаляться небо, первая расстрельная парочка. Наверное, никто ни среди моих подчиненных, ни тем более среди заложников не поверит в то, что мне искренне жаль их всех, попавших в наши сети. В мои руки! Еще мать говорила, что я слишком добрый для войны и потому до высоких чинов не дослужусь…

Но пока мне хватает полковничьих погон, пусть и скрытых под лямками разгрузки, а более всего власти над предгорьем, над этим утром, над людьми, для которых я и царь, и Бог, и воинский начальник. И кто бы ни был среди студентов на кого-то похож, я доделаю до конца то, под чем подписывался. А про слова матери догадываться никому не позволю.

— Следующих!

Опережая заложников, торопится мой помощник Наум с листком бумаги:

— Нам тут срочная телефонограмма из Москвы.

Ненавижу срочные просьбы из Москвы!

4

В лагерь возвращаемся к обеду. Едем всем скопом — и захватчики, и заложники в пыльном, скрипящем «жуке». Показывается новенький колодец, народ в автобусе начинает облизывать сухие губы, но разрешения на остановку не даю.

Идущий с огорода старик с детской коляской сходит на обочину, и это правильно: главной является та дорога, по которой едет танк. Или хотя бы автобус с бойцами спецназа. Плохо, конечно, что мы стреляем на сельских задворках, но не инопланетяне же бегают здесь по горам, отец, все свои…

Так что и отвечать за местный бедлам нам всем вместе, несмотря на заверения политиков, будто человек с ружьем национальности не имеет. Если чукчи и ненцы у себя не бегают, про них ведь и не говорим!

— Головы ниже! Ниже, я сказал! — вдруг рычит мой заместитель команду, с которой гоняли студентов по буеракам все утро.

Заложники улыбаются возможности не выполнять ее, а девичий голосок с заднего ряда игриво вопрошает:

— А кто из вас хотел взять меня пятой женой в свой гарем? Пообещал — женись!

Голову смущенно опускает снайпер, сидевший на ступеньках автобуса в обнимку с винтовкой — на данный момент со своей первой, единственной, самой верной и любимой женой. Под глазом синяк, значит, боец молодой: «снайперка» дает сильную отдачу, и те, кто не приноровился к ее норову, обречены на «фонари». Все как в семейной жизни…

— А меня все время кто-то за грудь хватал, — счастливо ябедничает еще кто-то.

— Руку запомнила?

— Так можно проверить — пусть каждый из бойцов опять приложится…

Боясь разоблачения и этим выдавая себя с потрохами, руку под разгрузку прячет качающийся незыблемой скалой в проходе автобуса сержант.

Своих бойцов я едва знаю в лицо, не то что по именам. На мое знакомство с ними определили сутки, и все имевшееся в распоряжении время потратил на тренировки: и чтобы довести молодежь до грани выживания и исключить травмы. Я же говорю, что добрый. Вернее, мать говорила, а я теперь вынужден не подводить ее. Но звездочки-то на погонах настоящие, а на орденских планках боевые, а не юбилейные награды.

— Надо взять заложников, — месяц назад попросил меня в Москве в вальяжном, дорогущем кафе Дома журналистов седой поджарый мужчина. Он, конечно, представился, но если сразу не повторишь имя собеседника, оно растворяется в сотне иных случайных знакомств. Тем более, дружбы водить с ним не собирался.

— Мы заплатим, — поспешил заверить Наум.

А вот его запомнил, потому что себя он назвал трижды — и отдельно имя, и с отчеством, и с фамилией и должностью, давая право называть себя на любой манер.

За соседним столиком, похоже, испуганно замерли, уловив наш разговор, потому что Наум с улыбкой кивнул в ту сторону: и вам заплатим тоже, если поможете. Шутка вроде прошла, но вместо официанта с кофе над нами нависли четверо в штатском. Картинно, по-киношному, а по-иному, наверное, это и не сделать, открыли удостоверения, цепочками пристегнутые к ремням.

Пришлось достать свое. Этого оказалось мало, и Наум вытащил из потрепанного портфеля, пережившего перестройку, дефолт и Чубайса, стопку документов: мы из Союза журналистов, готовим курсы для студентов, желающих работать в «горячих точках». Мне в этих планах как раз и предписывалось показать волонтерам на практике, как происходят захваты в заложники, как следует вести себя в плену, что отвечать на допросах. А в

первую очередь заставить их подумать, готовы ли они к возможным испытаниям. Кто останется, тот навеки профессионал…

И вот смотрю на своих подопечных, вроде уже и не романтиков. Парень в камуфляже пытается очистить прическу девушки от репейника, она уже не мизинчиком — вцепилась в него обеими руками, удерживая при этом подаренный ей цветок. «Пятая жена» снайпера что-то увлеченно набивает на клавишах возвращенного мобильника. Лишь Наум грустен и растерян. Понять можно: телефонограмма из Москвы предписывала срочно отправить самых подготовленных студентов в зону конфликта, о котором я не к добру вспомнил утром. Потому что мы ближе всех к нему. И потому что это гуманитарная миссия, а кому-то в Москве захотелось показать свою оперативность.

Но у нас пока нет хорошо подготовленных волонтеров. Есть убойное, сырое пушечное мясо, которое только-только на сегодняшних занятиях почувствовало возможные реалии войны и еще не определилось, надо ли ему вообще заниматься подобным. Которое способно наделать кучу глупостей и подставить себя под реальный плен и реальный расстрел. Так что я однозначно не подпишу ни одного сертификата, позволяющего отпустить пацанов в зону конфликта.

«Ты не знаешь Москвы», — смотрит на меня Наум.

«И знать не хочу», — пускаю по кругу свою бутылку с минералкой.

Это для ребят тоже продолжение урока: хранить влагу до последнего. На войне самый надежный и ценный солдат тот, кому командир доверяет нести фляжку с последними каплями воды.

«Но раз они решили, все равно заставят», — пожимает плечами Наум.

«Меня — нет!»

— Тогда они просто закроют наши курсы, как не выполняющие своего предназначения. А кто будет готовить людей? — шепчет Наум на ухо, потому что такое объяснение взглядами не передашь.

Подъезжаем к повороту, где производился захват. Саперы набрасывают на плащ-палатки землю — это она затем летит на спины заложников, имитируя подрыв автобуса. Так же готовится к поджогу автомобильная покрышка. Работаем уже для следующей группы. И все пойдет по кругу.

Но уже без меня. Я могу погордиться этими сопливыми, пусть пока и со сползающими брюками, еще наивными мальчишками и девчонками, променявшими шатания по улицам с бутылкой пива на работу в «горячих точках». Но именно таким ребятам потом командиры доверяют нести последний глоток воды, и потому их надо просто сберечь от тех, кто шакалит рядом с войной, не гнушаясь оторвать руку с протянутым куском хлеба.

Хотя ехать — тут и Наум, и Москва правы, — и впрямь кому-то надо. Надо, потому что люди ждут помощи…

Достаю телефонограмму, плохо сложенным уголком царапающую мне то ли грудь, то ли душу. Аннушка словно что-то почувствовала, замерла, уставившись на меня. Ну, а ты что для себя решила, героиня? Остаешься в волонтерах? Эх, Аннушка-Ленушка, зачем ты оказалась на моем пути, взбудоражила память…

Минуту раздумываю, и под облегченный вздох Наума вписываю фамилию. Отдаю листок. Киваю влюбленной парочке: все будет хорошо, ребята.

И никогда не разжимайте руки. А то некоторые давным-давно, когда в Афгане давали советские ордена, сделали все наоборот — разжали их…

Наум торопливо сверяет вписанную фамилию с общим списком студентов, потом недоуменно поднимает голову.

Да, Наум, да. Это моя фамилия.

«Гуманитарку» на войну повезу я.

5

…Меня освободили из плена через полгода в результате спецоперации. Среди вытаскивавших меня из ямы оперативников узнал одного из тех, кто подходил к нам в кафе у Дома журналистов. А может, просто показалось: в тот момент, когда впервые после зиндана увидел небо, всех готов был принимать за самых родных и близких людей.

В Москве во Внуково вместе с журналистами меня встречал и Наум. С букетом цветов.

— От Анны, одной из наших студенток, — протянул он мне их. И, заранее извиняясь, прошептал не для телекамер давно продуманное: — Слушай, а хорошо, что это ты поехал тогда на войну. И что именно ты попал в плен. Из студентов бы никто не выжил.

Не выжить тысячи раз мог и я, но, понюхав белые, беззащитные на первом морозце розы от девочки с репейником в волосах, как ни странно, согласился: хорошо, что я…

Евгений ШМАГИН

КИРГИЗИЯ-2005: ТЮЛЬПАНЫ ИЛИ ЧЕРТОПОЛОХ?

Евгений Алексеевич Шмагин — Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке. Родился в 1949 г. в г. Осташкове Калининской области. После окончания в 1972 г. МГИМО и до выхода на пенсию в 2015 г. работал в различных подразделениях центрального аппарата МИД и его загранучреждениях в Германии, Австрии и Киргизии.

Если вы, уважаемые читатели, интересуетесь дипломатией, то настоятельно рекомендовали бы вам ознакомиться с недавно вышедшей книгой «Трусцой по мидовским дорожкам».

Ее автор, Евгений Шмагин, почти полвека своей жизни отдал дипломатической службе, последовательно пройдя все ступеньки должностной лестницы от референта-переводчика до Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Его воспоминания о работе в центральном аппарате МИД и за рубежом привлекли внимание откровенностью и живым, образным языком. Знатоки мемуарной литературы причисляют это издание к самым примечательным последних лет.

Основная часть сюжетов книги связана с диппредставительствами СССР и России в Германии, где автор трудился с 70-х годов прошлого века вплоть до 2015 года, когда его отправили в отставку. Вашему вниманию, однако, предлагаются выдержки из не менее интересного раздела «Бураны Тянь-Шаня». В 2002—2006 гг. Е. Шмагин был послом России в Киргизии, невольно став очевидцем так называемой «тюльпановой революции».

* * *

Шаг за шагом я начинал все более уверенно держаться на совершенно незнакомой мне еще до недавнего времени земле. Фраза «посол России» магическим образом открывала практически любую дверь. Почти везде меня принимали с искренним любопытством и неподдельным радушием. Помня давнее наставление моего шефа времен боннской дипломатической молодости В. С. Семенова

(«Посла Москвы обязательно должны знать в лицо!») и принимая во внимание необычайно возросшую с течением времени актуальность этого бравого девиза (на дворе все-таки красовалось уже третье тысячелетие), я с самых первых дней своего пребывания в Бишкеке взял курс на активное использование методов публичной дипломатии. Выяснив, что самой популярной народной газетой республики считается «Вечерний Бишкек», мы сразу же после моего приезда провели уникальную акцию, которая, по-моему, никогда не приходила в голову ни одному из наших посольств. Полным дипломатическим составом во главе со мной мы посетили редакцию газеты, перезнакомились со всеми ее сотрудниками и провели поистине необычную коллективную пресс-конференцию, в ходе которой в подробностях рассказали о своей повседневной работе и ответили на вопросы журналистов. С тех пор «Вечерний Бишкек» стал конструктивным информационным партнером посольства на долгие годы.

Аналогичные приятельские отношения сложились и с другими русскоязычными изданиями страны, в первую очередь с нашими, российскими. Постепенно удалось подобрать заветный ключик и к представителям оппозиционной печати. Их главным рупором являлась газета «Моя столица». Ее, очевидно, втихаря подкармливали американцы, но этот факт меня нисколько не смущал: что мешало нам самим инвестировать денежные средства в СМИ республики? В этом издании трудился слаженный коллектив весьма одаренных журналистов, и мне всегда было интересно услышать их компетентное альтернативное мнение по тому или иному спорному вопросу.

Я твердо исходил из того, что сообщения о работе нашего посольства должны непременно появляться в местной прессе каждый день. И по большому счету, этот суровый закон с честью выполнялся. Кроме того, мы всячески стремились попасть на телеэкраны и в радиоэфир. С руководством различных станций и каналов у меня мгновенно сложились особенно добрые, человеческие отношения. По меньшей мере раз в неделю я стабильно «светился» на ТВ, и вскоре за мной закрепилось приятно ласкающее самолюбие прозвище «телезвезда». На одной из республиканских радиостанций по нашей инициативе появилась еженедельная получасовая передача «Сообщает Посольство России». Результаты такой необычайной активности не заставили себя долго ждать. Уже в первый год работы посла России стали частенько узнавать простые прохожие не только в Бишкеке, но и в отдаленных городах юга. Неожиданные разговоры о жизни в стране, о событиях в России и просто о сущем с незнакомыми людьми на базарах и улицах стали для меня существенным стимулом и подтверждением правильности выбранного пути.

Мало-помалу расширялся кругозор моих познаний по Киргизии. В геометрической прогрессии неуклонно росло число друзей и собеседников. В первые месяцы на новом посту я перезнакомился почти со всем составом правительства. В нем работали несколько молодых, энергичных и толковых специалистов, симпатизировавших России и открытых для бесед самого широкого профиля. В дальнейшем я не раз встречался с ними и в служебных кабинетах, и в неофициальной обстановке. Семьями подружились в особенности с талантливым вице-премьером Джоомартом Оторбаевым, который, с моей точки зрения, наилучшим образом подходил на ответственную роль

главы Кабинета министров КР, но почему-то весьма вяло и неохотно поддерживался президентом. Помимо обязательного и повседневного тесного общения по долгу службы с министром иностранных дел, сыном знаменитого писателя А. Айтматовым, продолжали развиваться и мои дружеские связи с Эсеном Топоевым. Возможно, для несведущих глаз было весьма странно обнаруживать (и довольно часто) машину российского посла у главного подъезда известного в столице здания Министерства обороны. Периодические приступы ревности, очевидно, испытывал даже наш замечательный военный атташе, человек серьезный и спокойный, который нес персональную ответственность за взаимодействие с этим несколько отличающимся от дипломатического ведомством. Но мало кто знал, что с Эсеном Толеновичем мы виделись куда чаще, чем это можно было установить по внешним признакам. По меньшей мере раз в месяц наши пути непременно пересекались в настоящей русской бане, правилами пользования которой киргизский министр владел в совершенстве. Нигде, кстати, ни до, ни после этой командировки я не видел столь трепетного соблюдения законов русской парилки, как в Бишкеке (где бань, легальных и не очень, насчитывалось больше, чем в Москве).

В первую шестерку высокопоставленных политических деятелей республики, с которыми у нас в посольстве сложились особенно добрые и неформальные отношения, входили также секретарь Совета безопасности и руководитель Администрации президента, министр внутренних дел, председатель Службы национальной безопасности и глава Счетной палаты. В Киргизии, как и во всех других странах СНГ, по сложившейся традиции редко что происходило без благословения главы государства. Поэтому я искренне надеялся, что он не испытывает неловкости вследствие одной пикантной подробности: в число ближайших друзей посла России входил едва ли не весь состав Совета безопасности Киргизии. Со временем к их кругу, кстати, присоединятся и могущественные руководители Службы президентской охраны. Иметь с ними постоянный контакт было очень важно: иногда только через этот аппарат можно было связаться по срочным вопросам с недоступным для других смертных главой государства.

С большим удовольствием и проникновенными чувствами до сих пор вспоминаю и других моих добрых знакомых: мэров Бишкека и глав четырех столичных районов, председателей Конституционного и Верховного судов, руководителей администраций областей, районов, а также областных и районных центров. Киргизию я тогда основательно объездил вдоль и поперек, изучил все ее тайные уголки и полюбил до боли в сердце. А упоминание вышеназванных лиц во множественном числе связано с одним любопытным проявлением местных политических реалий — их частой сменяемостью. Аскар Акаевич застаиваться кровообращению страны не позволял, во всем копировал своего российского кумира Ельцина. В гораздо меньшей степени меня тянуло в национальный парламент — Жогорку Кенеш, хотя и там — в лице глав обеих палат, фракций и отдельных знаковых депутатов, а также в аппаратных структурах — российское посольство располагало образцовой по широте и глубине охвата сетью рабочих контактов. Чуть хуже мы владели информацией о политических партиях: уследить за всем многообразием операций сложения и вычитания, ежедневно разворачивавшихся на партийном фронте, было делом нелегким.

Единственное исключение составляла находившаяся в оппозиции коммунистическая партия. Несмотря на мой, скажу прямо, неоднозначный настрой к идеологии серпа и молота, лидеры КП КР с первой нашей встречи завоевали мое сердце открытостью, скромностью и порядочностью. Повсюду в Киргизии спокойно продолжали стоять памятники Ленину, на которые никто и не думал покушаться. 7 Ноября отмечалось как государственный праздник и свободный от работы день. Горизонт моего восприятия современных реалий страны существенно раздвинула первая беседа с последним руководителем Советской Киргизии Абсаматом Масалиевым, сохранившим свое председательство в республиканской компартии, — непритязательным, мужественным и весьма толковым человеком. Он представлял одну из главных сил, поддерживавших лично Бакиева, и мне было страшно любопытно узнать природу этой позиции. К моему великому сожалению, лидер киргизских коммунистов слишком рано, еще до переворота, ушел из жизни. Мне и сегодня кажется, что поживи он чуть больше, может быть, и жестокий буран той страшной мартовской погромной ночи принял бы совершенно другое направление. Хотя, кто знает?

Еще более глубокое воздействие на меня всякий раз оказывали незабываемые встречи с патриархом политической жизни здешних краев — первым секретарем ЦК КП Киргизии Турдакуном Усубалиевым, руководившим республикой в течение почти четверти века. Никто, включая действующего президента, не рассказал мне столь основательно и образно об исторических корнях современных явлений в стране, чем он. Почти все коллеги по региону из числа партийных вожаков сумели не только сохранить, но и хорошенько закрепить лидирующие позиции в своих республиках после развала СССР. Киргизия же пошла абсолютно другим путем. Бывшего всемогущего партийного руководителя, перед которым в свое время заискивали многие из сегодняшних аппаратчиков, наверное, немножко удручало его сегодняшнее незавидное положение, но он никогда и никому не жаловался, слез не лил и виду не подавал. Хочется верить, что наследники Т. Усубалиева на ниве государственного управления обязательно найдут правильные слова и дела, чтобы по достоинству отразить его истинную, в общем и целом позитивную, если не выдающуюся роль в истории становления и развития республики.

Список моих официальных и неофициальных контактов в Бишкеке будет далеко не полным без упоминания ряда других важных персоналий: директоров хозяйствующих субъектов, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, активистов различных общественных объединений, по числу которых Киргизия, возможно, в мое время держала пальму первенства на постсоветском пространстве, а также представителей духовной сферы. Число моих публичных выступлений перед рабочими и служащими, ветеранами и молодежью, иногда по десять-пятнадцать в месяц, могло сравниться разве что с безумной лекционной активностью студенческой поры по линии общества «Знание». Я придумал неординарное мероприятие, которое, бьюсь об заклад, нигде не практиковалось. По принципу «единого политдня», распространенного в советское время, всем составом посольства мы выезжали в один из городов республики, где одновременно, но в различных аудиториях выступали с докладами о России, а вечером вновь собирались вместе в городском Доме культуры на концерт с последующим

символическим приемом в честь российско-киргизской дружбы. До тех пор я наивно считал самым главным своим достижением как лектора непростой часовой доклад о международном положении СССР перед тремя веселыми, подвыпившими матросами на рыболовном траулере посередине Каспийского моря. Но в роли посла иногда попадались задачки и заковыристее. Так, несколько раз пришлось держать официальную речь о российско-киргизском сотрудничестве продолжительностью сорок пять минут перед младшеклассниками шести-восьми лет! А вы справились бы?

Мои главные приобретения бишкекского периода — два несравненных генерала. Оба — официальные представители российских спецслужб. Один — Михаил Георгиевич Ядров — родом из СВР, другой — Владимир Васильевич Молчанов — из ФСБ. Я легко мог бы посвятить каждому из них целую главу в этой книге — заслуживают. Но ограничусь основным. Творческое взаимодействие с этими недюжинных способностей профессионалами своего дела открыло и для меня, старожила МИДа, совершенно новые, незнакомые грани политико-дипломатического труда. Впервые за все время пребывания на отечественной дипслужбе ко мне в полном объеме пришло кристальное понимание необычайной значимости того старого и совершенно бесхитростного призыва к «взаимодействию родов войск, бьющих по единой цели», которым еще с первой загранкомандировки непременно сопровождались многочисленные внутрипосольские тусовки. Ах, как жаль, что этот прозорливый и не так уж сложно претворяемый в жизнь девиз и сегодня большей частью остается всего лишь пустым тостом за праздничными, становящимися все более обильными столами российских дипломатических загранучреждений!

Как и в других загранкомандировках, несколько замечательных людей, надежных, понимающих, ставших впоследствии верными друзьями, встретились мне за посольской оградой. Руководитель местного представительства «Аэрофлота» Володя Бутов, буквально вросший корнями в киргизскую землю, с душою нараспашку, поражал своей искренней готовностью в любую минуту прийти на помощь даже тем, кто ее никак не заслуживал. Одну из далеко не магистральных артерий крупнейшей российской авиакомпании он превратил — исключительно своими личными усилиями — в процветающее, образцовое предприятие. Едва ли не вся политическая элита Бишкека воспринимала Владимира Георгиевича как главную после посла фигуру — визитную карточку России. В какой другой столице авторитет «Аэрофлота» был на столь же высоком уровне? Таковых, уверен, нет. При всесторонней политической поддержке с моей стороны, представительству «Аэрофлота» удалось добиться всего того, чем не могут похвалиться абсолютное большинство его коллег в других странах. Уже после моего отъезда Бутов ушел в отставку, и киргизский «Аэрофлот» тут же вновь приобрел свирепый облик. Вот вам и весь сказ о человеческом факторе.

Местные предприниматели русского происхождения Слава Ковальков и Женя Малий, по праву считавшие Киргизию своим Отечеством, стали для меня и моей семьи по-настоящему близкими и родными. Сердечное спасибо им, подарившим немало счастливых памятных мгновений в непростой период киргизской жизни! Никогда не забудем совместные задорные пикники под самым куполом высокого синего неба, на берегах ледяных высокогорных озер и быстрых горных речушек, у неукротимых хрустальных водопа-

дов и сказочных термальных источников с необыкновенно горячей водой, на бескрайних просторах тюльпановых морей и райских, с алыми маками пляжей Иссык-Куля. И конечно же, незатейливые гитарные переборы под наше любимое, щемящее, рубцовское:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи…
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.
Тихо ответили жители:
Это на том берегу.

В Киргизии я как посол не мог равнодушно пройти мимо учреждений культуры. На втором месяце моего пребывания удалось-таки лично познакомиться с самым знаменитым киргизом мира — Чингизом Айтматовым. В стране бытовало мнение, будто он, в свое время выдвинувший Акаева в президенты, является если не подлинным хозяином республики, то, несомненно, ее «серым кардиналом», знающим и контролирующим всё и вся. Думаю, этот вывод во многом был надуман или, по меньшей мере, не до конца справедлив. Но неповторимый почерк Чингиза Торекуловича действительно сказочным образом проявлялся то тут, то там, незаметно корректируя ошибки и сглаживая шероховатости. Сложилось впечатление, что один только Айтматов мог оказать влияние на руководство страны. С великим писателем мы впоследствии неоднократно встречались в президентских пенатах. Говорили в основном о прозаических вещах. Я, разумеется, принадлежал к многочисленной армии его верных поклонников (перед выездом с придыханием пересмотрел удивительно тонкую экранизацию «Первого учителя» и, дрожа от удовольствия, запоем перечитал «Плаху»), и мне хотелось у него кое-что разведать и подразузнать. Но ситуации тет-а-тет, увы, так и не представилось. Рядом с нами всегда находился третий лишний, разговор по душам при котором не клеился.

В тот памятный для меня ноябрьский вечер нашего знакомства я с волнением произносил спонтанное витиеватое слово по случаю торжества, собравшего в местном театре оперы и балета почтеннейшую публику, — дня рождения супруги президента. Говоривший вслед за мной Айтматов счел необходимым хорошенько похвалить мое романтическое выступление, бросив в присутствии всего первого эшелона республиканской власти звучавшую строгим наставлением реплику: «Киргизии повезло с российским послом». Эта лестная айтматовская оценка станет самой высокой и почетной наградой моих трудов за все годы киргизской эпопеи.

Помимо Чингиза Торекуловича в клуб хороших друзей российского посольства входила большая группа деятелей культуры и искусства республики: певцы, танцоры, музыканты, художники, скульпторы, литераторы, кинопрокатчики, владельцы галерей и музейные работники. Многие из них были не только нашими частными гостями, но и с превеликим удовольствием сами участвовали в россыпи праздничных концертов, которые посольство (по разным поводам, но всегда с аншлагом) регулярно устраи-

вало в крупнейших столичных залах: в филармонии, оперном и Русском драматическом театрах. Следует особо отметить, что после развала Союза Киргизия вмиг оказалась отрезанной от российской культуры. В силу неплатежеспособности населения сюда просто перестали наведываться на гастроли наши артисты, театральные и музыкальные коллективы. Их влекло прежде всего к богатым соотечественникам в Германию, США, Израиль и Прибалтику. Посольство буквально извивалось ужом, чтобы выбить для Бишкека на безвозмездной основе выступление Кобзона, группу «Белый орел» или исполнителей бардовских песен. Тщетные попытки достучаться до кабинетов Минкультуры или Росзарубежцентра редко приводили к успеху. Тем не менее «Русью пахло» в Киргизии даже сильнее, чем эти ароматы было способно «унюхать» наше посольство. На юбилеи и прочие торжества «новых киргизов» здесь, точь-в-точь как у нас, их богатенькие друзья «выписывали» за кругленькие суммы известных артистов из России и других стран. Деньги решали все: кому же не захочется подзаработать на очередном юбилее?

Естественно, что предмет моей особой заботы составляли два главных очага российской культуры и одновременно два больших скопления всевозможных проблем — драмтеатр и славянский университет. В советское время местный театр по праву считался одной из самых интересных республиканских сценических площадок и гремел на весь Союз. В 90-е годы наступил кризис. Финансирование почти полностью прекратилось, и пришлось затянуть пояса. Труппа потихоньку разъехалась. Тяжелейшим ударом для учреждения стал вынужденный отъезд в Россию талантливейшего главрежа В. Пази. Республику массовым порядком покидали и зрители. Однако с горем пополам театр выжил. Посольство всеми силами (но, разумеется, в меру возможного) старалось помочь ему вновь подняться на ноги и расправить плечи. Трудно поверить, но факт: я как посол лично встречался со всем творческим коллективом несколько раз, даже эффективно разруливал некоторые совсем не театральные проблемы с местными административными и правоохранительными органами.

Неоднократно, но всякий раз безуспешно обращались за помощью в Минкультуры России. В то время механизм поддержки русских театров за рубежом выработан еще не был (не уверен, есть ли таковой сейчас). В любом случае, в лице посольства у русского театра вновь появился надежный защитник. Как-то раз один из известных российских политологов, которые частенько наведывались в Бишкек по профессиональным делам, лукаво поинтересовался, знаю ли я, сколько в театре зрительских мест. И когда я без запинки, с ходу назвал точную цифру, тот был крайне изумлен: оказывается, этот хитрый вопрос в виде проверки на вшивость он периодически адресовал всем послам России и в других странах СНГ, но ни один из них до меня никогда не выдал правильного ответа.

Другим объектом моего пристального внимания стал Киргизско-российский славянский университет (КРСУ). После обретения независимости Киргизия постепенно выдвинулась едва ли не на первое место в мире по количеству университетов на душу населения. Бывший главный ученый республики Акаев всячески поощрял этот процесс, рассчитывая таким образом дать высшее образование как можно большему числу юных граждан. Но количество аукнулось качеством. От некоторых «высших учебных за-

ведений», в том числе филиалов российских, за версту несло халтурой и наживой. На звание подлинных центров образования и науки страны могла претендовать лишь горстка функционировавших еще в советское время институтов. Из новообразований 90-х выгодно выделялся именно КРСУ. Он как-то сразу уверенно расправил плечи, нашел свою нишу и возглавил рейтинг местных вузов, став киргизским МГУ и МГИМО в одном лице. Славянские университеты, напрямую финансируемые из российского бюджета, в то время существовали также в Таджикистане и Армении. Но свой потенциал по-настоящему раскрыл лишь КРСУ.

Я тоже считал КРСУ великим достижением, может быть, самым главным и перспективным из всего того, что было на тот момент наработано в российско-киргизском сотрудничестве. Посольство не без гордости рассматривало университет как один из важнейших компонентов российского присутствия в республике и всеми силами старалось использовать его уникальные возможности наиболее рациональным образом. Я только успевал встречаться с преподавателями и студентами, добивался решения насущных проблем вуза в Минобразования России и киргизских структурах, с удовольствием приглашал на наши посольские мероприятия довольно любопытную, мало уступавшую лучшим образцам университетскую команду КВН.

Аскару Акаевичу не терпелось, однако, еще сильнее закрепить и без того высокий статус КРСУ. Так родилась идея присвоить ему имя первого Президента России Б. Н. Ельцина. С ним лично и его семьей Акаева связывали более чем дружеские чувства. Они проистекали, как предполагалось, из того факта, что свой первый зарубежный визит Борис Николаевич совершил именно в Киргизию. После ухода в отставку Ельцин почти каждый год непременно выбирался погостить у своего друга. На берегу Иссык-Куля в местечке Чолпон-Ата ему был даже установлен прижизненный памятник, вызвавший, выражаясь дипломатически, крайне противоречивые отклики, в особенности у россиян. Последний прилет Бориса Николаевича в Бишкек в 2004 году (уже в качестве пенсионера, но на громадном правительственном лайнере, как в былые времена) будет отмечен церемонией присвоения КРСУ его имени. На обеде в узком кругу первый президент не смог скрыть переполнявшие его чувства волнения и гордости. Он то и дело, несмотря на мягкие попытки противодействия со стороны Наины Иосифовны, поднимал бокал и опорожнял «до дна» в знак невыразимой благодарности за «прыжок в вечность», подаренный ему «другом Аскаром».

С президентом Киргизии я виделся в среднем раз в неделю. Обычно поводом для наших рандеву были многочисленные делегации, вереницей прибывавшие из России. Но иногда на персональную аудиенцию, которая предоставлялась незамедлительно, я напрашивался по собственной инициативе или по поручению из Москвы. Частенько мы встречались друг с другом на различного рода собраниях, съездах, концертах. Такие мероприятия каждый раз предоставляли хорошую возможность кратко перемолвиться по тому или иному вопросу. Местная общественность и зарубежные коллеги по дипкорпусу зорко отслеживали все колебания акций на бирже российско-киргизских отношений, в том числе и по такому, казалось бы, незначительному эпизоду, с каким выражением лица глава государства подает руку российскому послу.

Президент многократно появлялся на наших публичных мероприятиях, каждый раз произнося складные, пламенные, без бумажки речи. Ораторским искусством Акаев владел мастерски. Если он не мог прийти по какой-то уважительной причине, то всегда стремился обеспечить присутствие на наших приемах членов своей семьи: супруги, старшей дочери или сына. Прекрасную возможность насладиться приятным (без малейшего преувеличения) общением с интеллигентным главой государства давали его регулярные приглашения к себе домой — меня одного или всей семьей.

Аскар Акаевич, талантливый физик и математик (к этим наукам он вернется после изгнания из республики), обладал редким и удивительным природным даром быть экспертом едва ли не во всех областях человеческой жизни, иметь свое собственное, оригинальное мнение практически по каждому ее аспекту. Он искренне и страстно желал обогатить и просветить свой народ, направив его на волнах исторической памяти в грандиозное путешествие по наступившему XXI веку. Глава государства истово мечтал превратить родную Киргизию в «остров демократии» и «среднеазиатскую Швейцарию». Ради лучшего будущего для своей страны и немножко в целях ее мировой рекламы президент перманентно рождал все новые и новые креативные идеи, вызывавшие не только у соседей, но и у нас в России весьма противоречивые чувства. Например, он распорядился отпраздновать (ни с того ни с сего) 3000-летие южной столицы республики — города Ош, 2200-летие киргизской государственности, 1000-летие народного эпоса «Манас», гордости национальной культуры, провести Глобальный горный саммит, да еще благословив все эти революционные задумки специальными решениями Генассамблеи ООН.

Умный А. А. Акаев, наверное, прекрасно понимал, сколь решительное отторжение вызовет у соседей, к примеру, спорный во всех отношениях тезис о Киргизии как об «острове демократии», и тем не менее твердо стоял на своем. Я много раз советовал: хотя бы замените в этом словосочетании «остров» на «территорию», «пространство», «страну», в конце концов, дабы не дразнить соседние государства. Ведь тот, кто хочет быть островом, не должен ссориться с окружающим его морем. Но моим рекомендациям, увы, никто не внял. Прямым следствием всех этих досадных «мелочей» постепенно становились накалявшиеся отношения с соседями по региону.

Более того, отдельные неуемные соратники президента из числа ближайшего окружения, к примеру агрессивный и воинствующий госсекретарь республики О. Ибраимов, вечно настропаляли его на все новые необдуманные поступки. Судя по всему, именно «Ибраимов и К°» подкинули Акаеву роковую идею киргизско-американского панибратства. Философия цивилизованного партнерства по треугольнику Россия—Европа—США была не чужда и мне. Но извращенный формат реализации этой изначально взвешенной и гармоничной политической линии — стараниями госсекретаря — не мог не вызывать недоумения у всех друзей и партнеров Киргизии. В Бонне и Берлине я по роду службы основательно изучил механизм германо-американского союзничества. Да, две страны прочно связывают и послевоенная история, и членство в НАТО, да и многое другое. США — союзник Германии номер один. Но руководителям Германии, пускай даже самого проамериканского толка, никогда не взбрело бы в голову так мерзко унижаться перед заокеанскими партнерами, как это повсеместно практиковалось в Бишкеке.

От переизбытка дружеских чувств и в горячем стремлении укрепить в сознании Вашингтона репутацию маленькой Киргизии в качестве единственного демократического оазиса в Центральной Азии Аскар Акаевич наприглашал к себе в республику всевозможные отряды американского правительственного и общественного аппарата, работающие на заграницу: от внушительных размеров, крепко врытого по самое горло в землю комплекса посольства до (единственного в регионе) Университета США, «Корпуса мира» и 9 тысяч подконтрольных им НПО. При мне улыбающийся президент торжественно, на все лады воспевая собственную прирожденную демократичность, открывал гигантскую по киргизским меркам независимую типографию «Центр поддержки СМИ», построенную на деньги американцев, не подозревая (в это мне очень хочется верить), что как раз в данном месте впоследствии и обустроится один из главных антиакаевских пропагандистских бастионов. Как выяснится позже, американская фабрика свободной печати в Бишкеке успешно обслуживала оппозиционные силы всех центральноазиатских государств.

В частых беседах с главой государства, его супругой и очаровательной дочерью Бермет, унаследовавшей, как мне кажется, лучшие качества обоих родителей, Акаевы вновь и вновь рисовали мне картину беспечного будущего Киргизии: в образе изящного белого парохода, неспешно плывущего в свое удовольствие в солнечную погоду по бирюзовым волнам сказочного Иссык-Куля. Киргизское море, наповал сразившее меня своими гигантскими размерами и невероятной красотой, наряду с волшебными отрогами Тянь-Шаня станет излюбленным местом выезда всего персонала посольства за пределы столицы. Но эти природные достопримечательности, к сожалению, так и оставались единственными фрагментами, роднившими горную республику с Женевским озером и Альпами.

К моменту моего приезда, то есть на двенадцатый год существования независимой Киргизии, я так и не увидел новое лицо Бишкека. Передо мной лежал все тот же старый советский Фрунзе. Незначительную добавку составляли разве что возведенные за последнее время бесформенные строения «новых киргизов». Другие города производили еще более удручающее впечатление. А сразу же за городской чертой начиналась вообще другая жизнь — вне времени. Акаев немало сделал для раскрепощения страны. В Киргизии на самом деле заработали, хотя еще не в полную силу, демократические институты. Но в остальном?

Промышленность и сельское хозяйство находились в полном упадке. Население поголовно нищенствовало. Изношенная, постаревшая инфраструктура жизнеобеспечения дышала на ладан. Республика жила лишь базарной торговлей. Под давлением не самых благовидных обстоятельств в Россию, Германию и другие европейские страны устремились многочисленные эшелоны с соотечественниками, поколениями проживавшими на киргизской земле, но не принадлежавшими к титульной нации. За бесценок оставляли нажитое добро. Республика в один миг лишилась тысяч высококвалифицированных специалистов: слесарей, механиков, электротехников, инженеров. На освободившиеся рабочие места у станков и сложных технических агрегатов сами киргизы шли неохотно. С большим рвением они последовали за русскими, ища новой жизни в России. На юге республики меня поражали целые селения, по улицам которых, как в годы войны, бро-

дили только старики, женщины и дети. Мужчины ушли не на фронт, а зарабатывали пропитание на московских стройках. В самой Киргизии дела шли все хуже. Встали целые предприятия. Зато бурным цветом расцвели и начали стремительно распространяться многочисленные малоаппетитные явления, хорошо знакомые по 90-м годам российской жизни: всеобщая, всепоглощающая коррупция не без участия, как поговаривали повсюду, доверенных лиц из окружения президента и даже его ближайших родственников, клановость и кумовство, оголтелая бюрократия, судебный произвол, наркотрафик. Все эти реальные пороки настоящего резко контрастировали с красочными фантазиями о прекрасном будущем, постоянно рождавшимися в голове бишкекского мечтателя А. А. Акаева. Знал ли он вообще, что за пределами более-менее обустроенного Бишкека существует еще и другая, жестокая жизнь, жизнь других, которую, в отличие от лощеной виртуальной статистики, можно было воочию разглядеть и пощупать без всякого обмана? Мощный заряд негатива, повальной усталости населения от несбывшихся надежд и обещаний нарастал, концентрировался и грозил выплеснуться в «бессмысленный и беспощадный» бунт киргизского разлива. Однако такие мрачные перспективы напрочь отвергались руководством республики. Мираж чудесного белого парохода на лазурном горизонте заслонял и отдалял безрадостную картину всеобщего оскудения.

С течением времени снизошло озарение по части реплики, брошенной мининдел Киргизии А. Айтматовым на первой памятной встрече: «У нас в республике посол России больше чем посол». Высокий статус представителя России — хочешь не хочешь — действительно далеко выходил за рамки Венской конвенции. Посольство буквально заваливало мольбами о помощи со стороны местных граждан, причем всех национальностей. Меньше других — что интересно — к нам обращались именно россияне. Жаловались на безграничное хамство соседей, повальное мздоимство чиновников, вопиющую несправедливость судей, ужасающую некомпетентность врачей, нищенские зарплаты в школах, колдобины на дорогах и жуткую антисанитарию на базарах. Часть населения Киргизии всерьез, без шуток воспринимала посла России — как в старые добрые времена — вторым секретарем ЦК, суровым надзирателем, ревизором и наместником Центра, который, как некрасовский барин, «приедет, рассудит и велит».

Поступали тревожные письма и от коренных русских, периодически сетовавших на неприятные притеснения по национальному признаку. Подтвердить достоверность этих неаппетитных фактов было очень непросто. К тому же мы прекрасно знали, с какой неохотой встретят, если их переадресовать, подобные «скользкие» дела в Москве. Там ужасно не хотели смазывать изначально нарисованную солнечную, в стиле ранних импрессионистов, идиллическую картину всеобщей дружбы и вечной любви с братской Киргизией. Чтобы помочь хотя бы отдельным, особо несчастным просителям, я старался с умом и хитрой смекалкой задействовать непререкаемый авторитет российского посла, подключая к решению острых будничных вопросов местные, районные или областные органы власти. И ведь получалось!

Работа с соотечественниками в небогатой Киргизии имела абсолютно иной формат, чем в сытой Германии. Здесь, где стариковская пенсия измерялась жалкой горсткой долларов, были рады любой посильной помощи.

К счастью, как раз в это время в повседневную практику отечественной дипслужбы постепенно вводилась (на первом этапе только для СНГ) долгожданная система финансовой поддержки нуждающихся соотечественников. Это были, правда, не ахти какие, но очень важные деньги. Роспосольство, разумеется, во всех отношениях даже близко не могло сравниться с американским конкурентом — ни по численности штатного персонала (у нас — в разы меньше), ни тем более по бюджету. Ю-Эс-Эмбасси периодически осаждали многолюдные толпы представителей общественных и правозащитных организаций КР в надежде получить гранты на свои проекты. А музыку, как известно, заказывает тот, кто за нее платит.

Миллионы долларов своих налогоплательщиков американские коллеги «мудро» распределяли преимущественно на высокие политические цели «перевоспитания» республики — обучение настоящей демократии и противодействие тоталитаризму. Российские же дипломаты крепко чесали затылки на предмет того, что эффективнее: отправить захворавшего ветерана на двухнедельное лечение в местную здравницу, подписать сотню человек на «Российскую газету» или провести в филармонии для полутора тысяч человек праздничный концерт «Сделано в России»? Поистине трудный выбор. Я только успевал посещать союзы татар и казаков, ассоциации дагестанцев и чеченцев, общества этнических русских. Впоследствии соотечественники стали одной из самых надежных опор посольства. Приезжавшие из Москвы делегации дивились той радужной картине «истинной дружбы народов по-советски», которую безустанно пропагандировали наши культурно-просветительские мероприятия.

Самое большое внимание я старался уделять ветеранам войны. Вот кому в Киргизии было действительно не позавидовать. Пенсия — гроши. Почти никаких других социальных благ, которыми располагали их братья по оружию в России. Посольство с трудом, но наскребало средства, чтобы материально помочь хотя бы ограниченному количеству защитников Отечества, причем независимо от их национальности. Так поступали в течение всего года. А ко Дню Победы обычно готовили целый фейерверк военно-мемориальных мероприятий и простых человеческих встреч с ветеранами. Какие-то необыкновенные, особенно нежные отношения сложились с киргизской организацией ленинградских блокадников, которых не только война разбросала по всему свету.

Одним из принципиальных вопросов, возникших во время моего пребывания, к обсуждению которого приходилось вновь и вновь обращаться, было положение русского языка в Киргизии. На первый взгляд особых поводов для беспокойства не было. Незадолго до моего приезда в страну русский в республике по личному настоянию А. А. Акаева был объявлен официальным языком. Киргизия стала, таким образом, вторым государством СНГ, где русский публично легализовали (в Белоруссии он имеет статус второго государственного языка). Выдающуюся роль в этом, не побоюсь сказать, судьбоносном решении сыграл Чингиз Айтматов. Его философские эссе в защиту русского языка, проникнутые неподдельными переживаниями и болью, действительно брали за душу. Русский в республике имел самое широкое хождение. Киргизская элита предпочитала отдавать своих детей на обучение исключительно в русские школы. Едва ли не вся местная творческая и техническая интеллигенция получила достойное образование

в СССР, хотя в дверь уже настойчиво стучалось первое поколение интеллектуалов нового образца — выпускников вузов других, преимущественно западных стран.

Следуя положительной практике Берлина, я завел хорошую традицию ежегодного проведения встреч выпускников советских и российских вузов. Каждый раз они непременно выливались в мощную манифестацию дружбы и поддержки русского языка. Посольство инициировало празднование 300-летия Санкт-Петербурга. Кроме Бишкека, нигде за границей эту памятную дату российской истории не отметили столь мощно и патетически, с участием всего государственного руководства. На всех наших мероприятиях с мудрыми и образными панегириками во славу России и ее многовековой культуры («Россия дана нам Богом и историей!») с удовольствием выступал президент (он сочинял их, как правило, самостоятельно). Таким образом, каких-либо оснований тревожиться за судьбу родного языка на киргизском горизонте вроде бы не обозначалось. Ан нет! Последующее невеселое развитие событий наглядно показало, что и в этой области «гладко было на бумаге, да забыли про овраги».

Интеллектуальная часть киргизского общества, как утверждали в его самых просвещенных слоях, издавна делилась на два условных противоборствующих лагеря — «киргизов» и «кыргызов». Принципиальная разница между ними пролегала не столько в сфере орфографии, сколько в основных подходах к обустройству жизни, в ценностных ориентирах. Это соперничество примерно походило на извечное российское противостояние «западников» и «славянофилов», «государственников» и «либералов». Только если у нас священным яблоком раздора являлись отношения с Западом, то в Киргизии — с Россией.

«Киргизов» отличало искреннее стремление интегрировать свою национальную культуру в мировую цивилизационную общность через российские ворота. Советское время в этих кругах было принято сравнивать с эпохой Возрождения. Нация с духом гордых и независимых кочевников, легкая на подъем, но тяжелая на оседлый труд, при помощи слияния с русской культурой впервые нащупала свои истинные исторические корни. Об этом говорили с особой гордостью, не стесняясь таких выводов. «Кыргызы» же предпочитали свой, ни в чем не похожий на другие национальный путь развития, видя в опоре на «колонизаторскую» Россию угрозу своей уникальной ойкумене.

Мне не очень импонировало подобное деление на «киргизов» и «кыргызов». Я не видел ничего предосудительного и унижающего достоинство титульной нации в произношении и правописании официального названия государства на лад, веками устоявшийся в русском языке, — «Киргизия», хотя в публичных речах и старался, дабы не возбуждать излишние страсти, использовать не совсем русское «Кыргызстан». Настоятельные рекомендации доброжелателей именовать коренное население исключительно «кыргызами» попросту не укладывались в моем сознании. В той же современной Германии титульная нация не требует ведь называть себя «германцами», а охотно соглашается на русское слово «немцы», хотя как раз здесь для обиды есть некоторые основания («немец» происходит, как известно, от слова «немой»). Почему же мы в угоду политической конъюнктуре обязаны коверкать родной русский язык: «кыргызы», «Молдова», «Беларусь», «в Украине»?

Как бы то ни было, суровое противоборство этих двух общественно-политических групп приобретало нешуточные последствия. Бытовал тезис, будто в Империи и Советском Союзе истинные интересы «кыргызов» непрерывно ущемлялись. При этом единственным трагическим эпизодом, бросившим тень на вековое мирное сожительство двух братских народов, предъявлялись трагические события 1916 года. Тогда царские войска жестоко подавили вспыхнувшее восстание коренного населения, воспротивившегося идти воевать — наряду с русскими — на фронтах Первой мировой войны. Рассуждать о притеснениях «кыргызов» в советское время не поворачивается язык: великую страну на международных кинофестивалях представляла продукция «Киргизфильма», за пресловутым вещевым дефицитом москвичи ехали не в гордость столицы — ГУМ, а в маленькие горные киргизские аулы, магазинные полки которых ломились от всевозможных товаров, львиная доля бюджета Советской Киргизии формировалась за счет колоссальных дотаций Центра.

После распада СССР и в результате процесса демократизации скрытые националистические настроения вышли из тени и стремительно пошли в гору. На определенном временном этапе эти одиозные силы заключили негласный тактический альянс с малочисленной, но громкоговорящей проамериканской оппозицией. В начале 2004 года часть «патриотической» интеллигенции, группировавшаяся преимущественно вокруг госсекретаря, попыталась взять ответный реванш за объявление русского языка «официальным». Готовился новый законопроект о государственном языке, который обещал тяжелым катком пройтись по русскому конкуренту. Вовсю били тревогу соотечественники, не молчал — в отсутствие каких-либо указаний из Москвы — и я. Разъясняя негативные последствия этого недальновидного во всех отношениях шага, я иногда позволял себе произносить по-настоящему «крамольную» мысль: что мешает нашим дорогим киргизским друзьям наделить также и русский высоким статусом второго государственного, как это уже сделано в Белоруссии? Потоки невыразимой брани, как мне передавали друзья из властных кругов, регулярно изливал на мою скромную персону на закрытых совещаниях О. Ибраимов, трафаретно твердивший заученными словами, что, отстаивая русский язык, посол, мол, серьезно вмешивается во внутренние дела Киргизии. В пример мне ставился В. С. Черномырдин, постоянно восхвалявший прочное положение русского языка на Украине и относивший языковый вопрос исключительно к компетенции самих украинских властей.

Крепко обиделся на меня тогда и президент. Но в конце концов, по всей видимости, одумался и признал мою правоту. Вступление неоднозначного закона в силу Акаев в самый последний момент ловко сопроводил серией указов, не дававших в обиду русский язык. Баланс сил в республике на языковом направлении вновь был восстановлен. В очередной раз находчивый глава государства сумел переиграть противников России, накормив волков и сохранив овец. Не случись этого, русский в Киргизии наверняка был бы обречен на отмирание еще в акаевское правление. Маленькую, но очень важную победу праздновало и российское посольство.

В ноябре 2004 года А. Акаев отметил свой 60-летний юбилей. Торжества начались в Малахитовом зале Оперного театра Бишкека и продолжились в новехоньком Константиновском дворце Санкт-Петербурга. С этим заме-

чательным городом Аскара Акаевича связывали чувства особой симпатии. Здесь в далекую студенческую пору он встречал белые ночи и разводил мосты. Здесь родилась его дочь. Здесь будущий президент приобрел множество верных друзей. Поэтому не было ничего удивительного в том, что именно северная столица России выдвинулась в центр празднований. Мне тоже сказочно повезло: когда бы еще удалось, не позови тогда президент на свой день рождения, увидеть во всей красоте шикарно отреставрированный дворец, о котором в то время восторженно вещало отечественное телевидение! Приглашенные немалым числом видные политические деятели, известные светила российской науки и культуры, как это полагается, наперебой одаривали Аскара Акаевича елеем филигранных юбилейных славословий. В меру своих ораторских способностей за ними пытались тянуться прибывшие спецрейсом в Питер гости из далекого Бишкека.

В команде счастливого главы государства, однако, не хватало одного крайне важного лица — руководителя президентской администрации и секретаря Совета безопасности Мисира Аширкулова. Несколько месяцев назад он, один из ближайших и вернейших сподвижников президента, неожиданно и демонстративно подал в отставку. Изменив свой политический курс на 180 градусов, Аширкулов примкнул к лидерам оппозиционного движения. Все эти годы я старательно поддерживал с ним теплые, дружеские отношения. В моих глазах он твердо зарекомендовал себя конструктивным и порядочным человеком, благожелательно настроенным к России, хотя и слегка наивным, переоценивавшим свои реальные лидерские способности и, как мне виделось, немного страдавшим комплексом неполноценности, свойственным для людей его природы. Мы регулярно встречались и вели откровенный обмен мнениями по многим вопросам. Опытный взгляд секретаря Совбеза на некоторые вещи помогал мне лучше вникнуть и разобраться в перипетиях происходившего. Но слова, услышанные из его уст в мае 2004 года, по-настоящему огорошили. Третьего по значимости в государстве человека было попросту не узнать: тот излагал нечто в корне противоречившее всему, что я слышал от него ранее.

Он, мол, окончательно утвердился в своем мнении: курс, проводимый А. Акаевым, губителен для страны. Пока президент с выстроенной им системой личного и семейного обогащения находится у власти, у Киргизии нет ни малейшего шанса покончить с бедностью, коррупцией, преступностью, двойными стандартами внешней политики и унизительным бродяжничеством с протянутой рукой по всему миру. А. Акаев не желает-де видеть республику такой, какая она есть. Он живет в придуманном им самим мире, считая себя царем и Богом в одном лице и искренне веря, что те пышные встречи, которые повсеместно сопровождают его официальные поездки по стране, и есть сама Киргизия. На самом же деле у абсолютного большинства населения уже само имя президента вызывает раздражение и гнев. На предстоящих в 2005 году парламентских и президентских выборах А. Акаев, как предполагал его бывший соратник, рассчитывает повторить фальсификацию итогов прошлого голосования в Жогорку Кенеш. Тогда — массовые протестные выступления. С кровопролитием или без, но семью Акаева скинут с трона насильственно. От грузинских роз останутся одни киргизские шипы.

Неожиданный поступок М. Аширкулова прозвучал как гром среди ясного неба, побудив меня взглянуть на обстановку в республике широко рас-

крытыми глазами, с позиции максимальной объективности. В своих донесениях в Центр я и раньше стремился ни на йоту не приукрашивать реальные события. Теперь же, когда сгустились темные тучи и в воздухе вовсю запахло грозой, Москву надлежало информировать максимально полно и безупречно достоверно. Я попытался было разузнать подоплеку внезапной отставки секретаря Совбеза от президента, но тот только по-доброму отшутился. Очень жаль, что обычно прозорливый и осторожный Аскар Акаевич не нашел в себе силы должным образом отреагировать на тот первый, но весьма гулкий звоночек, не захотел расслышать в нем истоки грозового набата. Я же и сегодня считаю, что финальный отсчет акаевского правления начался именно тогда, в мае 2004-го, после ухода М. Аширкулова. Омрачать тот юбилейный праздничный вечер грустными думами никому не хотелось. Очаровательная атмосфера Константиновского дворца кружила голову. До начала политического камнепада, который изувечит республику, оставалось несколько месяцев.

Приближался судьбоносный 2005 год. Началась подготовка к намеченным на февраль парламентским выборам. За ними в октябре должно было последовать избрание президента. В поездках по стране глава государства в привычной манере источал оптимизм, в выгодных для себя ракурсах пропагандировал «выдающиеся», с его точки зрения, итоги социально-экономического развития республики. На встречах с общественностью рефреном звучала одна мысль: основной предпосылкой «дальнейших успехов» является сохранение стабильности в стране и, стало быть, продолжение работы действующей власти «с целью завершения начатых преобразований». Точно по такой же проверенной схеме строилась избирательная кампания четырехлетней давности. Зато принципиально изменился внешний фон: Киев и Тбилиси старательно искали себе «третьего». В этой связи в каждом из выступлений А. Акаев предостерегал от «оранжевых» и «розовых» революций, выражал твердое убеждение, что подобное пагубное развитие едва ли осуществимо в Киргизии, где «демократия прочно пустила глубокие корни». Приведенный Вашингтоном в движение каток «цветных» переворотов на постсоветском пространстве будет навсегда остановлен в демократической Киргизии.

С американцами умудренный жизненным опытом Аскар Акаевич вел особо хитроумную, двойную и порой тройную игру, жертвой которой в конечном итоге пал он сам. На основании донесений республиканских спецслужб он не мог не знать, что американские друзья поставили главной целью грядущей избирательной кампании его безоговорочное отстранение от власти. И тем не менее упрямый президент никак не желал уверовать, что те, кого он в Бишкеке лично принимал столь открыто и радушно, решатся на такую зверскую «подлость» в отношении его самого, признанного симпатизанта США и главного демократа Средней Азии. В предвыборные месяцы мой заокеанский друг и соперник Стивен Янг развил просто беспрецедентную активность на ниве просветительско-агитационной деятельности, из кожи вон лез, чтобы подлить бензинчика в огонь разгорающегося революционного костра. Посол США в своей резиденции чуть ли не ежедневно устраивал ланчи для лидеров оппозиции всех мастей как на индивидуальной, так и коллективной основе. У меня на эти цели не было и скромной части таких средств.

Я долго не мог взять в толк, чем не угодил А. Акаев американцам. А потом понял, что коллеги из-за океана физиологически «не могут посту-

питься принципами». Им изначально претит любая форма государственного устройства «не по образу и подобию» США. Весь остальной мир непременно должен на них равняться и их копировать, ведь они во всем и всегда самые лучшие! Все страны и континенты во что бы то ни стало надлежит облагородить на американский манер, причем чем быстрее, тем лучше. Везде они хотели бы, как в знаменитой отечественной фантазии братьев Стругацких «Трудно быть Богом», немного подтолкнуть ход исторического развития других, не задумываясь, к чему это может привести впоследствии, не осознавая, что каждый раз на самом деле открывают ящик Пандоры, захлопывать который придется другим.

Людьми европейского типа Киргизию было не удивить. Но крепких американских парней распознавали за версту. Пользуясь благорасположением президента, они тихо, но уверенно расползлись по всей республике. Отыскать в Киргизии государственную символику России было достаточно проблематично. А вот звездно-полосатые американские флаги гордо развевались даже в труднодоступных горных аулах. Меня такое соотношение сил порой приводило в гневное смятение. У кого больше собственных интересов в Киргизии: у нас или у них? Взгляните на карту мира: где находится Россия и где — США? Тогда почему же американское присутствие в республике на несколько порядков превышает наше? Но все мои настоятельные увещевания, просьбы и предложения безнадежно тонули в болоте бюрократических согласований в Москве.

В наших доверительных беседах с президентом я (по собственной инициативе или следуя поручениям Центра) неоднократно обращал его внимание на опасность американского разогрева ситуации. Он, соглашаясь со мной на словах, на деле продолжал заискивать перед эмиссарами из США, еще больше наводнившими Киргизию перед выборами. Иногда было откровенно неприятно наблюдать, как неестественно и театрально ведет себя глава государства на публике, пытаясь угодить обеим сторонам и исполнить сразу две роли. В то время как его ближайшее окружение на все лады клеймило (хотя и не очень искренне) США, сам президент нарочито великодушно приглушал антиамериканские выпады, претендуя на лавры их хорошего друга и верного защитника.

До последнего момента Аскар Акаевич искренне надеялся, что растроганные таким поведением американцы наверняка пойдут на попятную и воздадут должное его демократическим устремлениям, по достоинству оценят оказанное им великодушие. Что они вспомнят, наконец, с благодарностью об авиабазе в Манасе, щедро предоставленном в их распоряжение. Но все эти тонкие намеки президента оказались напрасными. Задолго до появления «Викиликса» в печать просочились некоторые секретные чертежи будущего для Киргизии, сработанные руками американских мастеровых. Акаеву там места, увы, не нашлось. Мавр сделал свое дело, мавр должен уйти. Только спустя годы, будучи изгнанником на российской территории, экс-президент в полной мере осознает ошибочность своих тогдашних заблуждений и откровенно расскажет всю нелицеприятную правду о «миролюбивых и демократических чаяниях» заокеанских партнеров.

Предвыборная обстановка заставила меня активизировать конспиративное общение с оппозицией. Ее руководители, ссылаясь на данные неких опросов, проводившихся американцами под боком у официальных властей

и оставшихся незамеченными даже для всевидящей службы безопасности, в один голос утверждали, что народное доверие к фигуре Акаева безостановочно падает. Чем больше, мол, оторванный от реальности глава государства в своих многочасовых публичных выступлениях пропагандирует мифические «грандиозные достижения» периода своего правления, тем сильнее нарастает в народе гневное чувство отторжения действующей власти. Благодаря появлению в Бишкеке новенькой американской типографии, в стране развернулась массированная кампания по распространению антипрезидентских публикаций с вкраплением преднамеренно лживых утверждений личного свойства.

Нас открыто предупреждали: в случае подтверждения фальсификации итогов голосования массовое протестное движение будет развиваться не по «бархатному», а по «азиатскому» сценарию. Его лидеры всячески подчеркивали, что сами не заинтересованы в таком негативном развороте событий, но процесс может выйти из-под контроля и принять стихийный, неуправляемый характер. Но вот что было особенно интересно: подвергая правящую верхушку мощнейшей лобовой атаке за изъяны внутренней, и прежде всего социально-экономической, политики, оппозиция весьма сдержанно и сбалансированно комментировала внешнеполитический курс страны, достаточно взвешенно, если даже не позитивно, оценивала гармонизирующую роль России в киргизских делах.

За два с лишним года работы в Бишкеке я успел познакомиться практически со всеми лидерами фронды, за исключением Ф. Кулова и Р. Отунбаевой. На первых порах с проявлявшим осторожность Бакиевым мы встречались по всем правилам конспирации: в каких-то назначаемых им в последний момент полуподвальных заведениях, бильярдных залах, трактирах, банях, в том числе и за пределами Бишкека. Потом, разохотившись, мы уже нисколько не стеснялись видеться прилюдно — на многочисленных юбилеях, свадьбах и похоронах, как это предполагает киргизская традиция. Пригласить на них посла России считалось хорошим тоном. Курманбек Салиевич нередко (хотя, возможно, и не так часто, как у посла США) бывал в гостях в моей скромной резиденции. Глава оппозиции с супругой непременно присутствовали даже на праздновании моих дней рождений, отмечавшихся в узком кругу.

В долгих беседах с ним, Аширкуловым и другими оппонентами президента я постепенно начал понимать коренное отличие предстоящих выборов от предыдущих. Впервые за годы своей независимости чрезвычайно разрозненные оппозиционные силы самой разномастной, порой диаметрально противоположной политической ориентации, возглавляемые к тому же отдельными амбициозными, конкурирующими между собой личностями, были полны твердой решимости консолидироваться, объединиться в один мощный революционный кулак. Причем в качестве центральной фигуры этого процесса сплочения все в большей степени утверждался самоуверенный и жесткий К. Бакиев. Против его кандидатуры не возражала и осмотрительная Р. Отунбаева, которая незадолго до госпереворота по собственной инициативе посетила посольство.

Я много чего слышал о «железной Розе», но впервые лицезрел ее воочию. Передо мной сидел уникальный человек, коренным образом отличавшийся от тех оголтелых вождей киргизской оппозиции, которых я имел

честь знать. Это была фигура государственного масштаба, по степени развития интеллекта и масштабу стратегического мышления сравнимая разве что с самим многоопытным А. Акаевым. Роза Исаковна в беспросветно черных тонах, но с максимально возможной образностью, присущей лишь писателям и кадровым дипломатам, нарисовала неутешительную обстановку в республике. Запомнилось не только ее мрачное пророчество («Мы поднимем на дыбы всю Киргизию!»), но и непередаваемое ощущение железной силы и несгибаемой воли, которые генерировала эта хрупкая натура. Я сразу же подумал: эта женщина будет, пожалуй, покруче Курманбека Салиевича, несдобровать им двоим в одной властной упряжке.

Примечательно, что практически всех без исключения вожаков антиакаевского движения серьезно волновал вопрос о позиции России. Они, как ни странно, тоже хором твердили, что Москве ни в коем случае не следует допускать повторения на киргизской земле печального опыта грузинских и украинских событий. Россия должна быть глубоко заинтересована в том, чтобы в республике произошла мирная передача власти от старой свиты новой команде. Надо просто по-хорошему уговорить президента мирно уйти в давно полагающуюся ему отставку. Нас клятвенно заверяли, что при таком развитии событий преемники быстро приступили бы к остро необходимым социально-экономическим и политическим реформам по образцу тех, которые разворачивает в России Президент В. В. Путин. Во внешней же политике они имеют в виду не только продолжить основной курс на тесное союзничество с Россией, но и навсегда освободить его от непоследовательности и двойственности, пагубного стремления усидеть на нескольких стульях одновременно.

Совокупность всех вышеозначенных и многих других побочных факторов всерьез подтолкнула меня к осознанию срочной необходимости ориентировать Москву относительно возможности скорой смены власти в республике, обозначавшейся все более выпукло. Лично я твердо придерживался мнения, что Акаев проводит — в общем и целом — взвешенную политику, отвечающую глубинным интересам киргизско-российского сотрудничества. Никаких серьезных оснований желать в Бишкеке скорых перемен принципиального характера у российской стороны не просматривалось. Тем более что печальный украинский и грузинский опыт однозначно доказывал, куда впоследствии ведут такие скоропалительные изменения. «Не ищи лучшего от хорошего», — гласит мудрая русская пословица. Но меня постоянно терзала и другая мысль.

А что, если по всем существующим законам демократии, которые глава государства худо-бедно, но последовательно внедряет на своей земле, свободные и честные выборы на самом деле высветят перевес сил совсем не в его пользу? Поэтому я справедливо полагал, что «на всякий случай» (и не более того) Бакиеву и его соратникам следовало бы заблаговременно представиться в Москве, хотя бы на рабочем уровне. Такие «смотрины» уж точно не помешают, тем более что всю разномастную команду лидеров оппозиции недавно принимали в США. Опять же с учетом полезного опыта Германии: когда-то давно, при канцлере Шмидте, Брежнев знакомился с лидером оппозиции Колем, а при главе правительства Коле Ельцин, в свою очередь, принимал у себя председателя крупнейшей оппозиционной партии — конкурента Шрёдера…

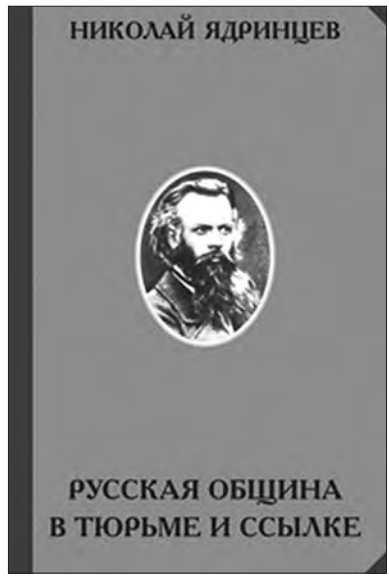
Инициированная мной поездка Бакиева в Москву, похоже, немного развеяла некоторые принципиальные страхи и заблуждения относительно обстановки в республике. Да и я сам на закрытых слушаниях в Госдуме откровенно рассказывал, не раскрывая всех пикантных подробностей, что ко всем возможным турбуленциям в Киргизии мы готовимся «всесторонне». Правда, моя дипломатическая формула «на всякий случай» на каком-то очередном этапе, как в старой игре в испорченный телефон, самым неожиданным образом внезапно трансформировалась и стала звучать несколько по-иному: «в любом случае». В любом случае всезнающий депутат Государственной думы А. Хинштейн впоследствии горячо утверждал, что Бакиев несомненно приходил к власти «не без российской, честно признаться, поддержки» («МК», 18 апреля 2010 г.).

Окончание в следующем номере

Вышла книга

Ядринцев Н.М.

Русская община в тюрьме и ссылке / Сост., авт. предисл. и примеч. С. А. Иникова / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 752 с.

Впервые после почти стопятидесятилетнего перерыва публикуется книга русского этнографа Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894) «Русская община в тюрьме и ссылке». В этом труде изложены личные впечатления, вынесенные автором из двухлетнего пребывания в омском остроге и семилетней ссылке, дан сравнительно-исторический очерк систем наказания в России и на Западе, показана культурная роль русского народа в Сибири.

Михаил ЛЕОНТЬЕВ

НАСЛЕДИЕ И НАСЛЕДНИКИ ОБАМЫ

Михаил Владимирович Леонтьев — известный российский журналист, родился в 1958 г. в Москве. Окончил общеэкономический факультет Московского института народного хозяйства. Был главным редактором журнала «Профиль». Работал в газете «Коммерсантъ» и других изданиях. С 1999 г. — ведущий программы «Однако». С 2009 г. главный редактор журнала «Однако». Директор департамента информации и рекламы корпорации «Роснефть». Лауреат журналистской премии «Золотое перо России». **Живет в Москве.**

Не Сирия и даже не Украина призваны были стать главным внешнеполитическим наследием Обамы. Азиатско-Тихоокеанское и Трансатлантическое партнерство — два торговых соглашения, полностью открывающие для Америки главные мировые рынки — вот стержень американской внешней политики. Все остальное — бантики.

«Америка должна определять правила игры. Другие страны должны следовать правилам, которые устанавливает Америка, а не наоборот». Это железное определение основных принципов американского экономического глобализма дал Обама в своей колонке в «Вашингтон Пост».

Данная декларация чудесным образом совпала с катастрофическим разоблачением, подорвавшим одно из глобальных соглашений, — Трансатлантическое партнерство с Европой. «Гринпис» опубликовал сотни страниц соглашения, раскрывающего характер сверхсекретных переговоров американцев с Евросоюзом. Смысл их сводится к намерению США ликвидировать все европейские ограничения, связанные с экологией и защитой потребительских прав. Разоблачение вызвало шок в европейской политике. Французский президент Олланд тут же заявил, что переговоры, как минимум, должны быть заморожены и отложены.

Никаких иллюзий на счет «Гринписа» нет. Эколоббисты на этот раз просто обслужили интересы противников соглашения, расчищающего европейский рынок для американской экспансии. *«Америка должна диктовать правила!»* Напомним, — эта формула Обамы была произнесена в контексте второго глобального соглашения — Азиатско-Тихоокеанского партнерства, откровенно заточенного против Китая.

Нынешнее Трансатлантическое партнерство парадоксальным образом является реинкарнацией политики в отношении Китая, которую Запад проводил в середине XIX века. Тогда Британская империя вместе с французами развязала опиумные войны против изоляционистского Китая с единственной целью: вскрыть китайский рынок для своих товаров. Разница в том, что тогда они были откровеннее. Предлогом для войны стали попытки китайцев заблокировать экспорт опия. Что касается лозунгов — в 1860-м «Дейли Телеграф» была чуть проще нынешнего Обамы: *«Нужно действовать террором, довольно поблажек, китайцев надо научить ценить англичан, которые выше их и которые должны стать их господами».*

«Америка должна диктовать правила». А не китайцы, тем более какие-то русские. Это — идеология Обамы и в несравнимо большей степени его потенциального приемника Хиллари Клинтон.

Итальянская «Иль Джорнале» опубликовала интервью с биографом Хиллари — Дианой Джонстон, считающей ее идеологию опасной для мира. *«Думаю, она стала плодом врожденной враждебности в отношении всего, что не признает американскую гегемонию… Владимир Путин*, — говорит Джонстон, — *стал явным препятствием для негласной политики обретения экономического контроля над огромными ресурсами России… Она будет наращивать военную мощь НАТО против России до тех пор, пока по причине какого-либо инцидента не начнется третья мировая война».*

Это не к тому, чтобы пугать народ клинтоншей. Это к тому, что впервые в Америке развертывается открытое идеологическое противостояние между глобалистами и новыми изоляционистами, коих представляет эпатажный, но пока очень последовательный Дональд Трамп. И для которых те же труднодостижимые цели нынешней американской политики просто не нужны.

Трамп заявляет*: «Мы больше не отдадим нашу страну в плен ложному очарованию глобализма. Национальное государство остается единственно верным основанием счастья и гармонии».* Трамп — не клоун и не фрик. Он — отражение доктрины американского изоляционизма, совершенно неприемлемой для действующего истеблишмента. Той доктрины, которая сделала Америку великой и привлекательной страной. Чем и пользуются ныне злобствующие глобалисты.

На декларацию принципов внешней политики, озвученную кандидатом в президенты США Дональдом Трампом, американская пресса и истеблишмент ответили нервным хихиканьем или откровенным шельмованием. При том, что простого взгляда достаточно, чтобы понять, что мы впервые имеем четкую, ясную, идеологически цельную альтернативу политике последних десятилетий, которую сами же американцы считают провальной.

Пять главных слабостей американской внешней политики — по речи Трампа в редакции National Interest — состоят*: «Во-первых, наши ресурсы тотально чрезмерно растянуты… во-вторых, наши союзники не оплачивают свою долю расходов по справедливости… в-третьих, наши друзья начинают думать, что на нас нельзя положиться… В-четвертых, наши соперники более нас не уважают… И наконец, у Америки более нет ясного понимания наших внешнеполитических целей. С конца холодной войны и распада СССР нам не хватает цельной внешней политики…»*

Это отказ от разрушительно глобализма всех последних лет в пользу здорового американского изоляционизма. Свою идеологию Трамп поясняет: *«Все началось с опасной идеи, что мы могли бы превратить в западные де-*

мократии страны, которые не имели ни такого опыта, ни интереса. Мы изничтожили те институты, которые у них были, а потом удивились тому, что развязали — гражданские войны, религиозный фанатизм… Множество жизней были чудовищно растрачены впустую. Вместо того, чтобы пытаться распространять универсальные ценности, мы должны понять, что укрепление и развитие западной цивилизации сделают большее для позитивных перемен в мире, чем военное вмешательство».

То есть, как всякий нормальный американский изоляционист, Трамп призывает укреплять Америку. Ее военное господство должно быть безусловным и бесспорным, естественно. Но… *«Мир должен знать, что мы не ищем врагов. Мы всегда рады, когда старые враги становятся друзьями… Мы хотим жить в мире и дружбе с Россией и Китаем. У нас серьезные разногласия с этими двумя нациями… но мы не должны быть противниками. Мы должны искать общую почву на основе совместных интересов».*

Это не обрывочное словоблудие. Это мировоззрение, построенное на том, что Америке надо преследовать свои интересы, а не навязывать свои ценности. Это и есть единственная возможность договариваться. И постоянный рефрен Трампа о том, что он договорится с Путиным — это отсюда. Вообще, то, что Трамп говорит о Путине и России — это как красная тряпка для любого глобалиста. Что в Америке, что для наших — доморощенных.

Картера Пейджа, человека, которого Трамп назвал своим советником по России, оппоненты изображают маргиналом-конспирологом только за то, что он обвиняет группу лиц в окружении замгоссекретаря Виктории Нуланд в провоцировании переворота в Киеве с целью захвата власти проамериканскими радикалами. Что касается профессионального опыта — у инвестиционного банкира Пейджа три высших образования: военно-морская академия с отличием, университеты Нью-Йорка и Лондона, докторская степень. Пейдж создавал с нуля московское отделение Merrill Lynch, его фирма консультирует инвесторов в энергетические проекты в России и Азии. У главного спеца по России и Украине нынешней администрации Виктории Нуланд степень бакалавра Брауновского университета, опыт вожатой в пионерлагере в Одессе, переводчика на рыболовном флоте и раздачи печенек на киевском Майдане.

Кто бы как бы ни относился к Трампу, можно констатировать: его краткая внешнеполитическая декларация — единственная, внятная, целостная и адекватная реальности американская доктрина за последние 30 лет. И это, в отличие от политических демагогов, понимают даже вполне системные академические гуру, такие как Пол Грегори из Гуверовского института: *«Посмотрев на в целом негативную реакцию СМИ, я сделал собственную маленькую пробу среди консервативно настроенных коллег — никто из которых сторонником Трампа не является — насчет того, что они думают о выступлении Трампа на внешнеполитическую тему. Общая реакция была единодушной. За исключением слишком резких слов о международной торговле, они почти со всем согласны».*

Президентские выборы в США все больше грозят вылиться в грандиозный скандал. Если проблему социалиста Сандерса демократам кое-как удалось потушить, то против Трампа у республиканцев нет приемов. Во всяком случае конвенциональных.

Победив на праймериз в четырех штатах из пяти, Хиллари Клинтон практически обеспечила себе номинирование кандидатом на съезде демократов. У республиканцев Трамп вчистую выиграл праймериз во всех пяти

штатах, несмотря на коалицию, созданную накануне его соперниками. Если Трамп все же не наберет необходимые ему 1237 голосов, будут применены специальные процедуры. Республиканский истеблишмент склоняется к свободному выдвижению кандидатов прямо на съезде, игнорируя результаты праймериз. На что Трамп заявляет — *«нас ждут беспорядки».*

Как отмечает Харлан Уллман — советник Объединенного командования НАТО в Европе: *«…даже если Трампа остановят на съезде республиканцев в Кливленде, республиканская партия расколется, дезинтегрируется и реформируется. Так что у нас есть фундамент для политического кризиса, основанного на неспособности американского правительства править. Будь я в Москве, я заплатил бы за возможность наблюдать этот спектакль — самое великое шоу на Земле».*

Именно американцы, даже вполне системные аналитики, сходятся на том, что происходящее есть свидетельство системного кризиса.

Джордж Фридман, основатель и бывший владелец агентства политического консалтинга Stratfor, убежден, что *«Трамп представляет нелюбовь, испытываемую американской публикой к ее политикам. Это особенно точно по отношению к низшему среднему классу. Экономика функционировала таким образом, что именно на него оказывалось давление».*

Харлан Уллман поясняет успех Трампа так: *«у нас много американцев, которые испытывают сильный страх. Они боятся того, что ИГ их атакует, что их уровень жизни падает, их зарплата не растет — и они готовы обвинять. Этот страх трансформируется в гнев. Так что Дональд Трамп и, с демократической стороны, Берни Сандерс черпают ресурс из этого гнева… Так что когда Трамп о Вашингтоне говорит, что они идиоты, многие американцы верят ему, потому что так в их глазах Вашингтон и выглядит».*

Разочарование в системных политиках — бунт против системы — причина появления и Сандерса, и Трампа, американской системой не предусмотренных. Джордж Фридман напоминает: *«Вспомним 1968-й. В Чикаго были бунты. Мы находились в ситуации, когда США распадались. Расстрел на стадионе Кент. Мы проходим такие периоды. Они нехороши, но они бывают… Но, так же, как события 1968 года, это знак того, что наступает социальный кризис».*

Это не первый социальный кризис в американской истории, конечно. Но его отличие в том, что Америка может впервые столкнулась с медленным, но неуклонным падением благосостояния, и не видно никакого выхода. При том, что даже вполне экстремальное замечание нашего американского эксперта вряд ли является таким выходом. Харлан Уллман намекает: *«Я бы сказал, что самая мощная строчка в декларации независимости не "Все люди созданы равными", а другая: "Когда правительство становится разрушительным, у народа есть право изменить или свергнуть его, и создать новое правительство"… И на каком-то этапе… я ничего не предсказываю… — просто некоторое наблюдение».*

Трамп сформулировал американскую антиглобалистскую и патриотическую альтернативу. Альтернативу тем колоссальным силам и интересам, которые были активированы украинским переворотом. Смысл которого — создать самовоспроизводящийся механизм холодной войны. Попытка Трампа заглушить этот механизм ничего хорошего ему не сулит. Однако провал этой попытки ничего хорошего не сулит Америке.

Валентин КАТАСОНОВ

РЫНКИ И КАПИТАЛЫ

Валентин Юрьевич Катасонов — родился в 1950 г. Окончил факультет международных экономических отношений Московского государственного института международных отношений МИД СССР (специальность «экономист по внешней торговле»). Работал в банках, страховых и других финансовых компаниях, международных финансовых организациях, Центральном банке РФ. Профессор, доктор экономических наук, член-корреспондент Академии экономических наук и предпринимательства. Преподает в Московском государственном институте международных отношений МИД РФ. С 2012 г. возглавляет Русское экономическое общество им. С. Ф. Шарапова (РЭОШ). **Живет в Москве.**

МОЖНО ЛИ ДОВЕРЯТЬ РЕЗЕРВЫ ФЕДЕРАЛЬНОМУ РЕЗЕРВУ?

По некоторым оценкам, общая величина международных резервов всех стран мира составляет около 10 триллионов долларов. Львиная доля всех международных резервов размещается в США. Некоторое представление об этом дает статистика Федеральной резервной системы США (см. табл. 1).

Величина международных резервов, размещенных в США, за три года (2012–2015) увеличилась на 9 %; структура размещения особых изменений не претерпела (см. табл. 1). Что касается географической структуры международных резервов, размещенных в США, то она также достаточно устойчива. Львиная доля резервов (73,5 % в 2015 году) приходится на Азию, поскольку здесь находятся страны, имеющие рекордные величины международных резервов (КНР и Япония).

Размещение международных резервов в США, как правило, обеспечивает лишь минимальные доходы денежным властям других стран (по казначейским бумагам США — в среднем около 1 %). При этом МВФ, а также рейтинговые агентства объясняют: такова цена за практически нулевые риски инвестирования. Неужели?

Усомниться в этом заставляет многое. В первой декаде февраля СМИ сообщили о достаточно крупной краже безналичных денег в США в результате «электронного взлома». Мы уже привыкли к новостям об «электронных ограблениях» банков, но это событие неординарное. Во-первых, украдены средства со счета Федерального резервного банка Нью-Йорка, который славился повышенной безопасностью.

Во-вторых, это не частные деньги, а международные валютные резервы на сумму 100 млн долл., принадлежащие Центробанку Бангладеш.

Таблица 1

Международные резервы, размещаемые в США (млрд долл.)

Виды активов (финансовых инструментов)	2012	2015
Всего:	5474,8	5979,9
Депозиты банков США	372,7	336,7
Долговые бумаги казначейства США	3658,5	3758,5
Иные ценные бумаги США	1290,2	1498,4
в том числе:		
Бумаги агентств США	484,1	378,7
Облигации корпораций США	120,7	142,6
Акции корпораций США	685,4	977,2

Источник: federalreserve.gov.

Таблица 2

Географическая структура международных резервов, размещенных в США (млрд долл.)

Регион	2012	2015
Всего	5474,8	5979,9
Европа	840,7	949,4
Канада	33,9	37,7
Южная и Центральная Америка	498,8	521,6
Азия	4031,5	4394,8
Африка	42,4	45,4
Прочие	28,1	30,8

Источник: federalreserve.gov.

Сообщается, что деньги были переведены на счета в Шри-Ланке и Филиппинах. Затем 100 млн долларов из банковской системы попали на черный рынок, где впоследствии были проданы. Они были выведены в неизвестном направлении из страны через посредников после «отмывки» в трех игорных заведениях Филиппин. Согласно уточненным данным, снять удалось не 100, а 81 млн долл., запланировано же было хищение 1 миллиарда долларов. Хакеры допустили грубую орфографическую ошибку в пятой заявке на очередные 20 млн долларов. Это и заставило сотрудников Федерального резервного банка Нью-Йорка насторожиться. Если бы не эта ошибка, Центробанк Бангладеш мог лишиться 40 % своих валютных резервов.

Событие заставляет еще раз задуматься о рисках размещения международных резервов в банковской системе США. Что это за риски?

1. Риски технические. Выясняется, что даже Федеральный резервный банк Нью-Йорка (его рекламируют как «безопасную гавань» для иностранных резервов) не в состоянии обеспечить сохранность денег. Что же говорить об обычных частных американских банках США, на счетах которых денежные власти некоторых стран также размещают резервы (там более высокий процент дохода)?

2. Риски экономические. В начале 2016 года в банковском сообществе США начались разговоры о том, что Федеральному резерву следовало бы последовать примеру некоторых центробанков зарубежных стран, которые стали практиковать отрицательные проценты по депозитам. Это центробанки Швеции, Швейцарии, Дании и Японии. А также с 2014 года на отрицательные проценты перешел Европейский центральный банк (ЕЦБ). ФРС США потому и была привлекательна, что на фоне указанных центробанков она, по крайней мере, поддерживала сохранность размещенных средств. Ситуация изменится, если резервы начнут таять.

3. Риски юридические. По сообщениям СМИ, ФРБ Нью-Йорка оказывает Центробанку Бангладеш «содействие» в поиске пропавших средств. Эта информация настораживает. Казалось бы, что именно ФРБ Нью-Йорка должен был заниматься разысканием пропавших денег, а Бангладеш могла лишь оказывать «содействие». Вопросы ответственности ФРС США за сохранность валютных резервов вообще никогда не обсуждалась. Думаю, что обязательства ФРС США по пропаже средств не были прописаны в договорах. Можно предположить, что ФРБ Нью-Йорка вообще не собирается возмещать потери Бангладеш. Вспомним историю с монетарным золотом многих стран мира, которое входит в состав международных резервов и которое было положено на хранение в подвалы Федерального резервного банка Нью-Йорка. Германия, например, с 2012 года предпринимает попытки вернуть свое золото из подвалов ФРБ на Манхэттене. До сих пор немцы получили очень незначительную часть, да и возвращенные золотые слитки отличаются от тех, которые в свое время были Германией загружены в хранилища Манхэттена.

4. Риски коммерческие. Это особенно касается той части валютных резервов, которые размещаются в коммерческих банках США. Банковская система США сегодня находится в крайне неустойчивом состоянии. Есть много признаков надвигающегося банковского кризиса. В случае банкротства коммерческого банка совсем не очевидно, что денежные власти соответствующей страны получат хотя бы частичные возмещения своих потерь. Своеобразным символом финансового кризиса в США стало банкротство банка «Леман Бразерс» — гиганта Уолл-стрит. Никто не мог представить, что этот банковский «Титаник» может пойти на дно и создать неприятности для Украины. Сегодня в обстановке бурных событий в незалежной мало кто вспоминает о том неприятном инциденте. А до февральского переворота 2014 года Верховная рада не раз пыталась разобраться в истории с «Леман Бразерс» и найти тех, кто принимал решение о размещении украинских международных резервов страны в банке Уолл-стрит.

5. Риски политические. В теории считается, что средства центральных банков имеют иммунитет от разного рода экономических санкций — от арестов, замораживаний, конфискаций и т. п. В реальной жизни все иначе. Мы уже не раз были свидетелями замораживания и арестов международных резервов разных стран, причем инициаторами таких акций неизменно

выступал Вашингтон. Яркий пример — Иран. Его международные резервы были заморожены еще в XX веке. Общая сумма блокированных средств оценивается в 50 млрд долл. Вашингтон объявил о частичном размораживании валютных счетов Ирана, но лишь на сумму 1,7 млрд долларов. Другой пример — Ливия, которая во времена Каддафи имела очень крупные международные резервы. По некоторым оценкам, США и действовавшие под давлением Вашингтона их союзники заблокировали в общей сложности 150 млрд долларов — средства Центробанка и суверенных фондов Ливии.

Специфические риски возникают и при размещении резервов в казначейские бумаги США. Бумаги эти размещаются в специальных банках-депозитариях, находящихся в юрисдикции США или их европейских союзников. У Вашингтона есть возможность оказывать давление на банки-депозитарии, т. е. блокировать операции с казначейскими бумагами. С учетом сказанного США и их ближайшие союзники становятся крайне опасной сферой для размещения международных резервов. Особенно резервов тех стран, которые пытаются проводить независимый внешнеполитический курс. Каков выход для таких стран? Есть много способов минимизации потерь международных резервов. Назову лишь три.

Во-первых, трансформация валютной части резервов в монетарное золото. На фоне отрицательных процентных ставок центробанков (в дальнейшем отрицательные ставки могут распространиться и на частные коммерческие банки) желтый металл не будет создавать потерь. Более того, рынок сегодня входит в фазу роста цен на золото, оно становится одним из наиболее доходных активов. Кроме того, золото жизненно необходимо любому государству как стратегический ресурс.

Во-вторых, размещение валютных резервов в виде кредитов центробанка коммерческим банкам на внутреннем рынке.

В-третьих, размещение части резервов в юанях, тем более что китайская валюта в конце прошлого года получила статус официальной резервной валюты.

Центробанк России уже действует по двум первым направлениям. По состоянию на 1 февраля 2016 года международные резервы Российской Федерации составили 371,56 млрд долл., при этом на монетарное золото пришлось 51,38 млрд долл., или 13,8 %. А ведь еще в 2000-е годы на желтый металл приходилось лишь 5–6 % международных резервов РФ. По темпам наращивания золотого резерва Банк России находится на первых местах в мире. 11 марта появились данные о приросте золотых резервов ЦБ РФ за февраль еще на 5,89 млрд долл. — до 57,27 млрд долларов.

Что касается второго направления, то следует отметить, что на 1 февраля 2016 года Центробанк России предоставил из своих резервов валютных кредитов отечественным банкам на сумму 20,37 млрд долл., что составило 5,5 % международных резервов РФ. Отметим, что за год до этого таких кредитов Центробанк РФ вообще не предоставлял.

Относительно юаня как валюты международных резервов следует сказать, что еще до придания ему статуса официальной резервной валюты он, по некоторым оценкам, уже входил в состав международных резервов трех десятков стран. Банк России представляет структуру своих международных резервов лишь по основным валютам. Вполне вероятно, что юань уже входит в состав международных резервов РФ и проходит по строке «прочие валюты». Впрочем, не стоит ограничиваться только юанем. Можно поду-

мать о включении в международные резервы тех валют, которые не имеют статус резервных, но являются денежными единицами стран — основных торгово-экономических партнеров России.

ОХОТА НАЧАЛАСЬ. ПРОВЕРКИ АКТИВОВ НЕРЕЗИДЕНТОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

В декабре 2015 года международная неправительственная организация Global Financial Integrity (GFI) опубликовала доклад «Illicit Financial Flows from Developing Countries: 2004–2013», посвященный нелегальному вывозу капитала. Исследование охватывает период 2004–2013 годов и включает развивающиеся страны, бывшие социалистические страны Центральной и Восточной Европы, а также постсоветские государства, в том числе Россию (всего 149 стран).

В целом за 10 лет утечка капитала составила 7,85 трлн долл., при этом темпы прироста нелегального вывоза капитала стали вдвое выше темпов роста мировой экономики. Главным каналом утечки, по мнению экспертов GFI, являются махинации с таможенным декларированием экспорта и импорта, занижение цен экспортных товаров и завышение цен импортных (83 % от общего нелегального оттока средств).

За 2004–2013 годы незаконный экспорт капитала из стран Азии составил 38,8 % от общего объема сомнительных операций в мире, из стран Европы, отнесенных к категории «развивающихся», — 25,5 %, из западного полушария — 20,0 %. Лидируют в этой области финансовых операций Китай и Россия. Всего за десятилетие из КНР было нелегально выведено 1,392 трлн долл., из РФ — 1,049 трлн долларов. Среднегодовой объем вывоза капитала по России в последние десять лет достигал примерно 105 млрд долларов. Это много. В 2014 году Банк России официально зафиксировал в платежном балансе чистый отток капитала из страны в размере 153 млрд долл., что стало рекордом. При этом значительная часть нелегального вывода капитала в платежном балансе РФ вообще не находит отражения.

В первую десятку лидеров по нелегальному вывозу капитала вошли также (млрд долл. за десятилетие): Мексика — 528,4; Индия — 510,2; Малайзия — 418,5; Бразилия — 226,6; ЮАР — 209,2; Таиланд — 191,7; Индонезия — 180,7; Нигерия — 178,0.

Масштабный исход «серых» капиталов из России/СССР начался еще в конце 80-х годов XX века, когда была отменена государственная валютная монополия, государственная монополия внешней торговли, предприятия получили право свободного выхода на мировой рынок, расцвели жульнические схемы вывода денег из бюджетной сферы. Неслучайно именно в 1989 году, когда экономику СССР успешно разваливали, лидеры G7 инициировали создание Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ). Сегодня в мире существуют 228 национальных систем противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма, находящихся под неформальным патронажем ФАТФ.

Несмотря на то, что за последние три десятилетия было подписано множество международных конвенций и соглашений о предотвращении нелегального перемещения капитала между странами, принята куча национальных законов по борьбе с отмыванием денег, «черным» и «серым» бизнесом, нелегальные потоки капитала увеличились. Ответственность за это ложится

как на страны, откуда происходит бегство капитала, так и на страны, принимающие беглые капиталы. Конечно, часть капитала уходит в офшоры, но большинство офшоров находится под контролем США и Великобритании.

Долгое время Запад подходил к решению задачи пресечения нелегального трансграничного перемещения капитала достаточно формально. Для некоторых западных стран приток нелегального капитала оказывается сопоставимым по масштабам с получаемыми «белыми» инвестициями.

Сейчас, однако, положение меняется. На Западе уже склоняются к тому, чтобы начать подходить к борьбе с нелегальными «инвестициями» всерьез. Это обусловлено стремлением получить в свои руки дополнительные инструменты давления на Китай и Россию. Одним из таких инструментов могут стать конфискации или аресты имущества юридических и физических лиц этих стран. В качестве объектов конфискаций в первую очередь рассматриваются активы, которые носят сомнительный характер, хотя их «сомнительность» до поры до времени никого на Западе не смущала. Раньше других к экспроприации приступили Великобритания и США. Основные формы нелегальных «инвестиций» в этих странах — банковские депозиты, акции и другие корпоративные бумаги, недвижимость.

Еще год назад банки Великобритании начали требовать от нерезидентов, причем лишь российского происхождения, предоставлять отчеты о происхождении денег, размещенных на счетах этих банков. Клиентов банков предупредили: если веские подтверждения законности получения доходов не будут представлены, то счета будут заморожены, причем для этого даже не потребуется решения суда. А вот разморозить средства на счете и вывести их за пределы Великобритании держатель счета сможет только по решению суда. Конечно, случаи замораживания и даже конфискации средств россиян в зарубежных банках случались и раньше, но до сих пор это происходило лишь после вынесения судебного решения.

В январе 2016 года к борьбе с нелегальными «инвестициями» решили приступить США. Минфин США объявил, что с 1 марта его структурное подразделение FinCEN (Financial Crimes Enforcement Network), называемое в народе финансовой разведкой, начинает проверку сделок по фешенебельной недвижимости, купленной за наличные деньги. Цель проверки — выявить настоящих владельцев этой собственности. В качестве первого шага проверке подвергнется вся дорогая недвижимость Манхэттена и округа Майами-Дейд на юге штата Флорида.

В США почти 80 % недвижимости приобретается в кредит, такие сделки абсолютно прозрачны. В то же время покупатели, желающие заплатить наличными, могут оставаться анонимными. Похоже, что власти США специально культивировали «серые» сделки с недвижимостью, создавая благоприятный «инвестиционный климат» для анонимов из-за границы. В США возникли специальные компании, которые помогали таким лицам оформлять анонимные покупки недвижимости. Ни у кого не возникает сомнения, что как минимум 90 % анонимных сделок с недвижимостью осуществлялось в интересах нерезидентов. Анонимов не смущало даже то, что по таким сделкам надо было платить повышенные налоги на недвижимость. За конфиденциальность богатые иностранные клиенты платить готовы. По мнению ряда экспертов, сохранение возможности анонимных сделок отчасти помогло восстановить рынок американской недвижимости, рухнувший в 2007–2008 годах.

По завершении первого этапа кампании Минфин США планирует начать вторую фазу: выявить анонимных владельцев недвижимости в Вашингтоне (округ Колумбия) и Калифорнии. В более далекой перспективе запланированы проверки в Делавэре, Неваде и Вайоминге. В указанных штатах существует режим наибольшего благоприятствования для анонимных инвесторов. Он позволяет собирать в бюджеты штатов хорошие налоги от продажи элитной недвижимости. Под особым прицелом находится Лас-Вегас (штат Невада), ставший Меккой для коррупционеров и теневых бизнесменов всего мира.

Формально финансовая разведка не собирается самостоятельно заниматься поиском анонимных инвесторов, или конечных бенефициаров сделок по покупке недвижимости. FinCEN даже не будет работать напрямую с компаниями-риэлторами, поскольку те могут иметь данные лишь о специальных компаниях-прокладках, действующих в интересах конечных бенефициаров. Раскручивание всей цепочки сделок — дело достаточно сложное. Слабым звеном в «серых» схемах операций с недвижимостью оказываются страховые компании, без которых не может обходиться ни одна покупка. Именно они располагают информацией о конечных бенефициарах, которым причитаются выплаты в случае наступления разного рода страховых случаев. Им Минфин и будет посылать запросы, требуя раскрыть информацию о реальных владельцах элитной недвижимости.

Предположим, Минфин США получает такую информацию. А что дальше? Судебных санкций против выявленных владельцев сразу не последует. Следующим шагом станет обнародование через СМИ информации о владельце и его недвижимости. Что-то наподобие публичного компромата с расчетом на то, что эстафету расследования подхватят антикоррупционные и другие ведомства страны, из которой происходит конечный бенефициар. Еще до начала кампании эксперты предсказывают результаты проверки: подавляющее количество конечных бенефициаров будет из Китая и России.

Эксперты также не исключают, что раскрытие информации по таким лицам может быть выборочным. Если это, например, действующий чиновник высокого ранга, то полученный компромат может быть не обнародован, а использован для вербовки американскими спецслужбами.

Обращают на себя внимание особенности американской модели борьбы с нелегальными капиталами. В Европе (за исключением Великобритании и до недавнего времени Швейцарии) акцент давно уже был сделан на предотвращении поступления нелегальных капиталов в экономику. То есть были созданы фильтры на входе системы. В США на сегодняшний день входные фильтры отсутствуют. Вот самые свежие данные. Мэрия Нью-Йорка объявила, что только во второй половине 2015 года на Манхэттене зарегистрировано 1045 продаж объектов жилой недвижимости стоимостью более 3 млн долл. каждый на общую сумму около 6,5 млрд долларов. Никаких проверок указанных сделок не производилось. Минфин США подчеркивает, что и в дальнейшем никаких входных фильтров он устанавливать не планирует. Аналогичная модель работает и в Великобритании.

Короче говоря, в США и Великобритании борьба с теневым капиталом и отмыванием грязных денег в высшей степени политизирована. По сути это балансирование между сохранением режима наибольшего благоприятствования для беглых капиталов со всего мира и использованием антикоррупционных настроений в обществе для решения американскими и британскими властями своих политических задач.

Точка зрения

Николай СТАРИКОВ

ДОКТРИНА ШОКА ИЛИ ПОЧЕМ ЗАПАД КУПИЛ УКРАИНУ

О «великих итогах» премьерства Арсения Яценюка

Николай Викторович Стариков — родился в 1970 г. в Ленинграде, окончил Санкт-Петербургский инженерно-экономический институт им. Пальмиро Тольятти, общественный и политический деятель, писатель, историк, блогер, публицист. Основатель и идейный лидер общественной организации «Профсоюз граждан России» и партии «Великое Отечество». Один из лидеров движения «Антимайдан». Коммерческий директор ОАО «Первый канал — Санкт-Петербург». Автор 14 книг. **Живет в Санкт-Петербурге.**

До недавнего времени в руководстве Украины было полно иностранцев, ускоренно получивших гражданство, это является наглядной иллюстрацией внешнего управления страной. Разговоры о том, что это «эффективные менеджеры» и они «поборют коррупцию», являются навешиванием лапши на уши. Убедиться в этом очень просто. Спросите себя — а какую ответственность понесет иностранец-управленец, если те, кто довел Украину до ручки из местных уроженцев, никогда никакой ответственности не несли? Неужели кто-то всерьез верит, что Саакашвили или другие иностранцы будут судимы на Украине, если их деяния будут через пять-десять лет признаны преступными? Украинский паспорт в их кармане так же легко будет заменен паспортом другого государства, а вместо суда в Киеве их ждет преподавание в Оттаве. Украину как государство разрушали и банкротили все ее руководители, а не один Янукович. И Кравчук, и Кучма, и Ющенко за время своего руководства «незалежной» не улучшили и не развили ее экономику, гробили армию. Промотали все великое наследство, доставшееся от СССР. Получив при дележе великой страны и часть флота, и даже несколько стратегических бомбардировщиков, руководители Украины сгноили эти крайне дорогостоящие «игрушки», делающие из державы державу, а не опереточное образование с громкими заявлениями и малыми возможностями.

Украину погубил не Янукович. Ее губили все, кто приходил к власти. Все они думали о «золотых батонах», а не о народе своей страны.

Не стал исключением и нынешний состав украинской власти.

Под громкие заявления о борьбе с Россией и консолидации нации По-

рошенко и Яценюк, по сути, продали Западу то, что не успели разворовать или продать их предшественники.

То, что сейчас происходит на Украине, давно описано в книге американкой писательницы Наоми Кляйн. Книга называется «Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф» («The shock doctrine»).

Прочитать эту книгу, написанную в 2007 году, крайне полезно.

Но поговорить сегодня хотелось не столько о «доктрине шока», сколько о ее реализации в современных украинских реалиях.

О чем в своей книге пишет Наоми Кляйн? Что за доктрину она описывает?

Если свести смысл работы к нескольким важнейшим выводам, то выглядеть они будут так.

1. В стране, которая подверглась американской агрессии через «доктрину шока», происходит смена власти. Очень часто через государственный переворот, реже через мирный процесс.

2. В любом случае должна пролиться кровь, что даст возможность новой власти быстро начать насилие и создать в обществе атмосферу страха и неуверенности в будущем. Общество вводят в состояние шока.

3. Рушится экономика, начинается падение уровня жизни, девальвация нацвалюты, сокращение рабочих мест и т. п. Под видом борьбы со всеми «трудностями», специально организованными новым руководством страны, начинаются либеральные «реформы».

4. Запад и международные финансовые институты дают новому руководству страны кредиты. Главная задача этого руководства — быстро эти кредиты украсть и потратить так, чтобы эффекта для экономики не было, а долг перед Западом остался.

5. Быстрое колоссальное наращивание госдолга является первейшей задачей этого марионеточного руководства. Для «стабилизации ситуации» и «выхода из кризиса» проводятся «реформы». Их смысл прост — приватизация, то есть распродажа всего достояния страны за копейки.

6. Делается это быстро, пока общество находится в сильнейшем шоке. Отсюда и название доктрины. Потом начинается некоторое улучшение, но страна уже в полной долговой кабале, а все ее лакомые куски приватизированы для Запада.

Впервые «доктрина шока» была применена во время государственного переворота в Чили, осуществленном Пиночетом. Отличие свергнутого президента Альенде от Януковича в том, что он погиб в своем дворце с автоматом в руках. Но это никакого значения для дальнейших действий проамериканских марионеток не имеет. Все идет по одной «методичке».

Для примера сегодняшних действий таких марионеток на Украине возьмем и проанализируем громогласно заявляемое, как большой успех, якобы списание части госдолга Украины.

На что стоит обратить внимание пред чтением документов по этой теме.

1. Главным кредитором Украины является частный американский инвестиционный фонд Franklin Templeton. Он дал в долг Украине 9 млрд долларов. Для сравнения Россия — 3 миллиарда.

2. Очевидно, что не высокий процент (около 7,22 % годовых) является движущим мотивом этого частного «инвестора». Рисковать крупной суммой ради процентов? Вы бы дали в долг Украине в сегодняшних условиях, положа руку на сердце?

3. А фонд Franklin Templeton решил дать в долг украинскому государству еще 5 млрд долларов, при этом списав ей 20 % предыдущего долга.

4. Очевидно, что политическая мотивация превалирует и доминирует. Если не дать Украине в долг снова, она не сможет погашать старые долги, и государство обанкротится. Следом за невыплатами пенсий и зарплат, отключением электричества и теплоснабжения, еще одним катастрофическим падением курса гривны рухнет и марионеточная власть. Главная задача которой — брать в долг и разбазаривать эти деньги без следа. На Украине это делать люди во власти умеют прекрасно. Уроки такой политики могут дать и в соседней Молдавии, где украли 1 млрд долларов из 3-х, данных в долг стране МВФ.

Однако, даже в ситуации острой необходимости подпитывать марионеточную власть деньгами, Запад не делает никаких скидок и поблажек для Украины. Громко заявленное Яценюком как великая победа соглашение Украины с кредиторами на самом деле является великой кабалой.

По подсчетам независимых экспертов, «сэкономив» при сокращении госдолга 3,6 миллиарда долларов, Украина до 2030 года потеряет не менее 20 миллиардов.

Как это получится? А вот так.

1. Вся схема окончательного закабаления Украины — сплошная ложь и мошенничество. Яценюк заявил, что: «Условия, которые получила Украина, не получала ни одна страна, начиная с 2000 года, которая не объявляла дефолт. То есть средний размер списания, который можно было достичь без объявления дефолта, был не выше 10 %». Это вранье. Греции в 2011 году те же самые, по сути, кредиторы «списали 50 % или более чем 100 миллиардов евро из 210 миллиардов обязательств правительства перед банками».

2. Когда греческий кризис 2011 года был в разгаре, повсеместно писали о том, что критической планкой процентной ставки по долгам для Греции (и других стран Европы) является 7 %. Легко убедиться, что кредиторы Украины не только не уменьшили ей процентную ставку, а наоборот, увеличили ее с 7,22 % до 7,75 %.

«Доходность по ключевым 10-летним облигациям Италии вышла сегодня за пределы 7 %. Процентная ставка по ним достигла 7,039 %. Тем самым на финансовом рынке еврозоны продолжились потрясения, связанные с тяжелым кризисом государственной задолженности.

Уровень доходности в 7 % рассматривается рынком как критический для стран еврозоны, после которого они уже не могут привлекать кредиты с рынка частного заемного капитала».

«Критической отметкой считаются процентные ставки в пределах 7 %. Для сравнения, процентные ставки по 10-летним немецким гособлигациям более чем вдвое ниже и составляют 2,7 %».

Спросите себя, почему, если финансовыми экспертами ставка выше 7 % считается критической, кредиторы Украины не снижают ее, а, наоборот, увеличивают? Ответ один — чтобы шок продолжался, чтобы Украина не выскочила из долговой кабалы.

3. Чтобы подстраховаться и понадежнее закабалить страну, марионеточная нынешняя власть в Киеве подписала соглашение с кредиторами, перенеся сроки погашения той части долга, которая не будет списана, на четыре года: с 2015–2023-го на 2019–2027-й. За это Украина пообещала

кредиторам некоторые компенсаторы, по так называемому «инструменту возобновления стоимости», который означает «заплатим больше, если станет лучше».

Согласно этому соглашению «Если ВВП Украины с 2021 года будет расти интенсивнее, чем на 3 % в год, Киев передаст им (кредиторам. — *Н. С.*) ценные бумаги. Если экономика будет расти медленнее 3 % ВВП, то никаких платежей кредиторам не предусмотрено, при росте ВВП от 3 до 4 % кредиторы получат 15 % стоимости от процента роста ВВП, при росте ВВП свыше 4 % — кредиторы получат 40 % стоимости от каждого процента такого роста».

4. На практике это означает, что, если, несмотря на кабальные процентные ставки, экономика Украины все же каким-то чудом начнет расти и выздоравливать, то ростовщики с Запада получат огромные деньги. Почти ПОЛОВИНУ РОСТА всей украинской экономики!

5. При этом на вопрос: «а кто будет считать рост ВВП?», с которого надо платить, имеется только один ответ. Считать будет американское посольство — посчитает, что надо заплатить — рост будет. На бумаге, конечно. Или кто-то в этом сомневается и считает, что Яценюк или Порошенко могут спорить с Западом?

Ну, и наконец, возвращаясь к «доктрине шока». Главное — брать в долг, проматывать деньги, разворовывать кредиты при попустительстве и по прямому указанию западных друзей. И вот вам оценка «независимого финансового аналитика из Киева»: «Главный позитив сегодняшнего решения, помимо списания приличного куска долгов, в том, что Украина сможет вновь выйти на рынки внешних заимствований. Начав создавать свою кредитную историю с чистого листа».

6. Мог бы Запад, если бы был «другом Украины» и пекся об ее интересах, дать другие условия и списать весь долг или его львиную долю? Конечно! Пример Греции у всех перед глазами. Но задача-то другая — долг увеличивать, а не сокращать! Вот как описывает ситуацию бывший вице-премьер-министр Украины и глава Национального банка Сергей Арбузов:

«Не секрет, что украинские бумаги уже не первый год торгуются на рынке гораздо ниже номинала. И среди кредиторов немало тех, кто покупал их и за 50 %. То есть, списав 20 %, они лишь зафиксировали немалую прибыль. Отсрочка выплат на 4 года здесь не является какой-то огромной жертвой по сравнению с тем, что кредиторы имели бы в случае дефолта».

То есть могли, конечно, списать и половину, а списали куда меньше. При этом подняли и без того критическую, по их же правилам, процентную ставку. И получили договор, при котором они же получат 40 % с любого роста экономики Украины.

В любом другом государстве за такой договор руководство страны назвали бы предателями, а сам договор продажей национальных интересов страны.

В оккупированной Штатами сегодняшней Украине это называется отстаиванием интересов страны и ***великим достижением***.

Наталия ГОЛУБЕВА-МОНАТКИНА

ЗАМЕТКИ О ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДАХ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Наталия Ивановна Голубева-Монаткина — доктор филологических наук, профессор, автор около двухсот научных публикаций. Профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова. **Живет в Москве.**

Известна роль перевода в формировании философий в Европе. Н. С. Автономова[1] пишет об этом так: «Каждая из нынешних развитых европейских философий <…> складывалась в проработке концептуального опыта другого: в процессе перевода священных текстов, классических философских текстов, расшифровки и истолкования — как условий непосредственного, соседского и более глубокого, духовного и культурного взаимодействия»[2].

Философская коммуникация осложняется неодинаковостью философского языка, который можно понимать как «систему средств организации мысли, которая существует по определенным правилам» и «систему языковых средств со своей лексикой, грамматикой, синтаксисом» — ведь философия «воплощается в материальности языка и его означающих механизмов», она рождается и бытует в национальном языке: «Хайдеггер <…> родился в своем родном немецком языке, и Бибихин[3], переводчик Хайдеггера, родился в своем родном русском языке»[4]. Это обусловливает появление проблемы ре-

---

[1] Выдающийся российский философ Н. С. Автономова является также блестящим переводчиком, в частности, текстов французских философов (М. Фуко, Ж. Деррида) и психиатров (работы Л. Шертока и Р. де Соссюра, Ж. Лапланша и Ж. Б. Понталиса).

[2] *Автономова Н. С.* Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009. С. 424.

[3] В. В. Бибихин (1938–2004) известен как философ и выдающийся переводчик, в частности, произведений философов М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, В. Гейзенберга, З. Фрейда, К. Г. Юнга, Х. Арендт, В. Дильтея, У. Эко. Он переводил и комментировал тексты Аристотеля, Дионисия Ареопагита, Григория Паламы, Николая Кузанского…

[4] *Автономова Н. С.* Философия языка Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011. С. 16–17, 25.

цепции (восприятия) «слов, понятий, концепций. <…> восприятие работ русских мыслителей (Бахтина, Лотмана или Выготского) <…> зависит от качества переводов и комментариев, от механизмов и обстоятельств межкультурной рецепции»[1].

Как преодолеть проблемы рецепции и обеспечить осуществление философской коммуникации? Какими качествами должен обладать переводчик текстов философии? Вот один из возможных ответов: «<…> квалификацией для участия в издании памятников мысли должно быть сочетание профессионального знания темы, поглощенность ею в качестве основного занятия и литературное мастерство <…>. Он (переводчик. — *Н. Г.-М.*) выступает полноправным и единственным заместителем возрождаемого им выдающегося, редкостного или гениального философского ума <…>. Перевод единичен и заменим только лучшим переводом. Его создатель, недаром именуемый тоже автором, проходит по всем тайным, не сразу видимым ходам умолкнувшей мысли и один рассказывает об этом пути, заставляя поневоле верить себе»[2].

Как представляется, во второй половине XX в. многие русские религиозно-философские тексты первой половины этого века счастливо обрели именно такого переводчика на французский язык и благодаря ему стали доступны франкоязычным читателям в разных странах мира. Им был один из виднейших представителей второго поколения русской эмиграции «первой волны» во Франции князь Константин Ясеевич Андроников (1916–1997), официальный переводчик нескольких французских президентов, крупный православный теолог, переводчик большого количества произведений русских философов и теологов.

Привезенный в 1920 г. из послереволюционного Петрограда в Париж бабушкой и матерью (здесь княгиня Елена Константиновна Андроникова работала продавщицей и умерла в 1938 г. от туберкулеза), Андроников получил образование «в хороших колледжах Парижа и Англии, потом Сорбонна, с выпускной работой, посвященной Хомякову. Короткий, прерванный войной, “возврат к земле” (фермерство не по нужде, а по выбору), в 1939-м — доброволец во французской военной авиации, летное училище в Марокко, демобилизация в 1940 г. Во время оккупации Парижа — учеба в Богословском Сергиевском Институте, диплом теолога, а в 1979-м и докторская диссертация. Иподиакон с 1943 г.»[3]. В 1941–1942 гг. К. Я. Андроников, прекрасно зная, кроме французского, русский и английский языки, начинает переводить тексты Мережковского, Бердяева, С. Н. Булгакова, сам пишет стихи и прозу (а в 1946 г. даже публикует под псевдонимом полицейский роман), преподает французскую литературу в выпускном классе русской гимназии в Булони, теологию в институте Сен-Дени, и лишь в 1947 г., перед отъездом в Москву в качестве переводчика на официальные переговоры, получает французское гражданство вместо статуса беженца[4].

---

[1] *Автономова Н. С.* Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. С. 19.

[2] *Бибихин В. В.* Слово и событие. Писатель и литература / отв. ред. и сост. О. Е. Лебедева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 187–188.

[3] *Кривошеин Н. И.* Памяти Константина Андроникова. К сороковому дню кончины // Русская мысль, № 4193, 16–22 октября 1997 г.

[4] *L'Oreille du Logos.* In memoriam Constantin Andronikof. Lausanne: Editions l'Age d'Homme, 1999. P. 95.

(С некоторыми деталями профессиональной жизни Андроникова можно познакомиться в тексте интервью с ним, записанного автором данной статьи в конце 1991 г.[1])

Переводческую работу (сначала по контракту) в МИДе Франции К. Я. Андроников начинает 1945 г., в 1947–1952 гг. переводит сам и руководит группой переводчиков в международных организациях, в 1952 г. его приглашают в МИД Франции, в 1945–1958 гг. переводит на всех международных дипломатических конференциях и встречах на уровне министров и глав государств. С 1958 г. он становится единственным официальным переводчиком министерства, в 1958–1976 гг. участвует со стороны Франции во всех политических встречах, конференциях глав государств, министров, в заседаниях различных постоянных двусторонних комиссий (участвует — значит не только переводит, но и готовит эти заседания, пишет каждый раз отчет о них). В разные периоды Константину Ясеевичу довелось работать с такими государственными деятелями разных стран, как, например, Вышинский, Молотов, Громыко, Хрущев, Подгорный, Косыгин, Брежнев, Андропов, Горбачев, Черчилль, Иден, Макмиллан, Эйзенхауэр, Кеннеди, Джонсон, Никсон, Рейган, Неру, Индира Ганди. К. Я. Андроников рассказывал автору этой статьи, что ему неоднократно предлагали большие деньги за мемуары, в частности, о Шарле де Голле, но что он не согласился и не согласится никогда написать ни одной строки о том, чему он был свидетелем. Известно также, что в тех редких случаях, когда Константин Ясеевич рассказывал своим друзьям о каких-либо связанных со своей работой эпизодах, он просил их не делать никаких записей, поскольку полагал ladiscrétion ‘сдержанность; неболтливость, умение соблюдать тайну’ одним из двух необходимых переводчику качеств (наряду со знанием двух иностранных языков как родных)[2].

Годы президентства де Голля, а затем Помпиду, по-видимому, были самыми счастливыми для К. Я. Андроникова в профессиональном отношении — его видят в разных странах рядом с де Голлем и, позже, с Помпиду, которые очень ценят князя Андроникова не только как высочайшего профессионала, но и как незаурядного человека, крупного теолога. Об этом, в частности, свидетельствует как то, что 7 апреля 1970 г. в своем небольшом письме-отзыве на книгу Андроникова «Смысл Праздников» де Голль называет автора «мой дорогой друг» и говорит о своей «верной дружбе», так и то, что Помпиду приглашает семью Андрониковых на обед; к тому же у Константина Ясеевича, наконец, появляется свой кабинет — в Елисейском дворце… Однако в 1976 г. при президенте Жискар д’Эстене он вынужден испросить «специальный отпуск», то есть фактически уйти в «предотставку», а в 1981 г. — в отставку, что не помешает ему как частному лицу сопровождать мэра Парижа Жака Ширака в 1983 г. в США и в 1987 г. в СССР[3].

В 1953 г. К. Я. Андроников был одним из создателей и до 1963 г. действующим председателем Международной ассоциации синхронных пе-

---

[1] *Голубева-Монаткина Н. И.* Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. Тексты и комментарии. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 112–119.

[2] *L’Oreille du Logos.* In memoriam Constantin Andronikof. Lausanne: Editions l’Age d’Homme, 1999. P. 10, 80, 96–97.

[3] *L’Oreille du Logos.* In memoriam Constantin Andronikof. Lausanne: Editions l’Age d’Homme, 1999. P. 5–25, 98, 164.

реводчиков (Association International edes Inter prétesde Conférence, AIIC), преподавал синхронный перевод в Высшей коммерческой школе (Écoledes Hautes Étudesde Commerce, HEC), очень престижной и единственной, где в Париже обучали синхронистов, в 1961 г. перешел в Высшую школу устных и письменных переводчиков (École Supérieure d'Interprétes et de Traducteurs (Université Paris III), ESIT), где по 1975 г. включительно обучал устному переводу. Вот одно из свидетельств о вкладе Константина Ясеевича в переводческую практику: «Вместе с несколькими другими русскими эмигрантами "первой волны" (Сергей Самарин, Георгий Тхоржевский, Василий Хлебников, Василий Яковлев) Андроников изобрел, разработал и закрепил ремесло синхронного и последовательного перевода с записью. Работал он с потрясающей легкостью, синтаксическим изяществом, лексическим богатством, умением полуинтонацией отожествиться с переводимым человеком. Это умение принесло ему уважение и благодарность генерала Шарля де Голля, никогда не соглашавшегося ни на какого другого языкового посредника, кроме Андроникова. 17 февраля 1997 г. президент Французской республики Жак Ширак возвел Константина в командоры ордена Почетного Легиона. Такой чести не удостаивался до сих пор ни один переводчик.

<…> Ремеслу своему он с любовью обучил многих молодых переводчиков… Последний синхронный перевод Константина Ясеевича — появление А. И. Солженицына по телевидению в Париже перед возвращением в Россию»[1].

К. Я. Андроников был «крупным теологом, продолжателем того, что делалось Флоренским и Булгаковым»[2], автором нескольких книг и многих статей по теологии, профессором литургического богословия в парижском Свято-Сергиевском институте, в 1991–1993 гг. деканом этого учебного заведения, одним из основателей телепрограммы «Православие» в рамках религиозного телевещания во Франции, читал лекции, в частности, в 1984–1985 гг. на английском языке в США и в 1994 г. на русском в Москве.

Теологическое образование и собственные теологические исследования дали возможность К. Я. Андроникову осуществить, может быть, самое важное — сделать колоссальный по объему перевод на французский язык «важнейших богословских и религиозно-философских текстов русских авторов, среди которых о. Павел Флоренский, о. Василий Зеньковский и Николай Бердяев. Благодаря ему в настоящее время почти завершено французское издание всех трудов о. Сергия Булгакова <…>, перевод которых он начал в 1944 году»[3]. Добавим, что Андроников переводил также работы о. Александра Шмемана, Георгия Флоровского, Федотова, Карташова; он знал о. Сергия Булгакова, скончавшегося в 1944 г. в Париже, в годы своей учебы в Свято-Сергиевском институте и перевел, судя по приведенной в «L'Oreille du Logos» библиографии трудов Константина Ясеевича, 20 работ о. Сергия. Приведем еще одну оценку этого настоящего переводческого подвига: «Много лет отдано блестящим переложениям на французский (с помо-

---

[1] *Кривошеин Н. И.* Памяти Константина Андроникова. К сороковому дню кончины // Русская мысль, № 4193, 16–22 октября 1997 г.

[2] *L'Oreille du Logos.* In memoriam Constantin Andronikof. Lausanne: Editions l'Age d'Homme, 1999. P. 10.

[3] *Иоанн Свиридов, прот.* Умер князь Константин Андроников // Русская мысль, № 4191, 2–8 октября 1997 г.

щью дочери Анны) нескольких тысяч страниц трудов русских богословов и мыслителей: Н. Бердяева, о. П. Флоренского, о. Сергия Булгакова <…>. И все это при тяжелой переводческо-дипломатической работе, начатой в 1947 году. В течение многих лет К. Андроников работал для издательства “L’Age d’Homme” в Лозанне, и выпущенные в свет тома переводов стали бесценным подарком западноевропейскому богословию. Им был проделан труд огромный, но не принесший видимо-ощутимого признания, выраженного в орденах и медалях, ни в конвертируемой валюте, но все это свершалось Константином Ясеевичем “на общественных началах” с христианской надеждой принести пользу и знания другим»[1]. Кроме религиозно-богословских сочинений К. Я. Андроников сделал доступными для франкоязычного читателя ряд текстов Мережковского, первый том Ключевского, «Игрока» Достоевского (в соавторстве)…

К. Я. Андроников, несомненно, ясно понимал то, каков его читатель (таким читателем, прежде всего, был он сам) и чем этот читатель отличается от русскоязычного читателя произведений русской религиозной философии начала века, каков должен быть французский текст для того, чтобы с ним стал знакомиться и постигать глубины русской религиозно-философской мысли образованный, привыкший к картезианской ясности и отчетливости франкоязычный читатель конца XX — начала XXI века. Иначе говоря, у него был образ адресата, которому обычно «автор приписывает внешнюю локализацию в пространстве и времени, а также внутренние (индивидуальные и социальные) признаки, среди прочего языковые, такие как степень владения языком и функциональными стилями, условностями жанра, степень терпимости к неряшливости речи, способность воспринимать речь небуквально и т. п.»[2]. Он, очевидно, хорошо понимал то, что «обработка речи происходит под давлением фактора адресата (особенно адресата-анонима)»[3], и именно так работал над своими блестящими переводами…

* * *

Что касается XXI в., то, несомненно, значительным для международной философской коммуникации событием стал выход в 2010 г. в Швейцарии франкоязычного «Словаря русской философии».

Как известно, словарь был тем новым способом структурирования философской информации в книге, который был создан в эпоху Просвещения («Философский словарь» Вольтера, 1764 г.). Включая самые распространенные термины и понятия в обширных сферах эпистемологии, метафизики и логики, поясняя то, что они обозначают для философа и какие проблемы с этими терминами и понятиями связаны, философский словарь является введением в самые важные области философии. Каждый философский словарь являет миру особенный «философский облик» того или иного народа, и это создает огромные трудности при переводе, необходимость которого

---

[1] *Кривошеин Н. И.* Памяти Константина Андроникова. К сороковому дню кончины // Русская мысль, № 4193, 16–22 октября 1997 г.

[2] *Демьянков В. З.* Образ адресата // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 376.

[3] *Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 40, № 4, 1991. С. 359.

обусловлена современной международной философской коммуникацией. Созданные на материнском языке или переводные, философские словари и энциклопедии служат цели оптимизации философской коммуникации, в том числе и потому, что «любой словарь удобен с функциональной точки зрения: он предназначен для самого широкого круга пользователей и всегда сохраняет возможность избирательного обращения к отдельным элементам содержания без детального погружения в текст»[1]. Все это обусловливает то, что каждый переведенный философский словарь может быть рассмотрен и как демонстрация решения проблем передачи философского лексикона, и как иллюстрация рецепции национальной философии, родившейся в одном языке, носителями другого языка.

Французский философский словарь «Dictionnaire de la philosophie russe»[2] создан на основе двух русских изданий — «Русская философия. Словарь»[3] и «Русская философия. Энциклопедия»[4]. Все три книги содержат персоналии, статьи о главных сочинениях русских мыслителей, отдельных философско-исторических периодах, основных течениях и направлениях русской мысли, философских кружках, журналах, обществах и дают толкование специфических понятий русской философии. В «Dictionnaire de la philosophie russe» вошли не все словарные статьи русских изданий (см. об этом далее), но, кроме переведенных текстов, он содержит и те, что написаны специально для франкоязычного западного читателя.

В аннотации русского словаря говорится: «Авторы <…> исходят из того, что история философской мысли в России является органической частью всемирной истории философии. Русская философия в ее развитии показывает, что основные проблемы мировой философии являются и ее проблемами, хотя <…> подход к ним, способы их усвоения и осмысления глубоко национальны. В словаре <…> раскрываются особенности развития философского знания в России — в онтологических построениях, в теории познания, этике, эстетике, психологии». Что касается энциклопедии, то в ней «стремились изобразить не только прошлое русской философии, но и показать ее современное состояние. Советский и постсоветский периоды ее существования также являются важной частью ее истории <…>. Равным образом и философия послеоктябрьского зарубежья рассматривается в энциклопедии как органическая часть единой отечественной философской культуры <…>». Замечателен и тот факт, что ряд статей энциклопедии и французского словаря посвящены современным русским философам, в том числе и ныне здравствующим.

Одной из целей издания «Dictionnaire de la philosophie russe» было «faire pressentir la riches se inattendue d'un domaine philosophique qui com-

---

[1] Риторика М. В. Ломоносова: проект словаря / науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Геликон Плюс, 2013. С. 10.

[2] Dictionnaire de la philosophie russe / Sous la direction de Mikhaïl Masline (éd. Respublika, 1995 ; éd. Komplex, 2007). Édition française sous la direction de Françoise Lesourd. Lausanne: Editions L'Age d'Homme, 2010. 1009 p. (Collection SLAVICA dirigée par Gérard Conio, Georges Nivat et Vladimir Dimitrijevic. Série Idéa).

[3] Русская философия. Словарь [Электронный ресурс] / под общ. ред. М. А. Маслина. 1995. Режим доступа: www.logic-books.info/node/425.

[4] Русская философия. Энциклопедия [Электронный ресурс] / под общ. ред. М. А. Маслина; сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. 2007. Режим доступа: log-in.ru/books/russkaya-filosofiya-encsiklopediya-kollektiv-avtorov-filosofiya.

mence a se découvrir»[1] ‘создать предчувствие неожиданного богатства целой философской сферы, которая только начинает себя обнаруживать’[2]. Что касается проблемы рецепции русской философии на Западе, то ее существование (в том числе, как видно из следующей ниже цитаты, и для переводчиков-составителей словаря) декларировано уже в самых первых предложениях предисловия (Présentation, p. 7–8), написанного руководителем французского проекта Франсуазой Лесур и привлекающего внимание, в частности, использованием кавычек при словах *русская «философия»* (что эквивалентно *русская так называемая философия, русская так сказать философия* — несколько странно увидеть это в предисловии к огромному по объему словарю!):

«Le public français sera sans doute déconcerté par un “dictionnaire de philosophie” dans le quel trés souvent il trouvera autre chose que ce qu’on en tend par “philosophie” en Occident <…>. C’est une pensée philosophique souvent décriée en Occident, négligée, mais surtout mal connue <…>. Pour nous, slavistes occidentaux, il importait de faire ressortir la spécificité de cette philosophie et de ses conditions d’apparition, les circonstances dans lesquelles s’est dégagée une “philosophie” russe originale, et aussi les précautions avec lesquelles ce terme doit être employé pour la Russie au moins jusqu’au XIX siécle» ‘Французский читатель будет, конечно, в замешательстве, очень часто обнаруживая в «философском словаре» нечто другое, чем то, что понимается под словом «философия» на Западе <…>. Это — философская мысль, которую на Западе часто резко критикуют, которой пренебрегают, но, и это самое главное, плохо знают <…>. Для нас, западных славистов, было важно показать специфичность этой философии и условий ее появления, те обстоятельства, в которых возникла самобытная русская «философия», а также то, с какой осторожностью этот термин должен употребляться применительно к России по крайней мере до наступления XIX века’.

Однако если франкофонам удалось создать такой словарь, то, наверное, все же русская философия существует?

Что касается выбора для перевода тех словарных статей, содержание которых, с точки зрения французских переводчиков-составителей, с необходимостью должно было сделаться известно франкоязычному читателю, то ее решение, как представляется, было обусловлено также особенностями рецепции русской философии французскими переводчиками-русистами. Они, как и большинство образованных людей на Западе, привыкли к определенной форме философствования — поэтому составители французского словаря сочли возможным не включать некоторые персоналии, которые в обоих русских изданиях формируют обширную многовековую картину истории русской формы философствования, русской философии.

По-видимому, в связи с этим можно говорить о некотором искажении во французском словаре истории русской мысли, развитие которой «несмотря на смену авторитетов, борьбу различных течений, ломку устоев, <…> представляет единый, непрерывный, имеющий тысячелетнюю традицию процесс, в ходе которого с самого раннего периода были заложены осно-

[1] Dictionnaire de la philosophie russe / Sous la direction de Mikhaïl Masline (éd. Respublika, 1995 ; éd. Komplex, 2007). Édition française sous la direction de Françoise Lesourd. Lausanne: Editions L’Age d’Homme, 2010. P. 14.

[2] Здесь и далее перевод автора статьи.

вы русского философского менталитета: повышенный интерес к морально-этической, антропологической, историософской проблематике; учительный, проповеднический, просветительский характер мыслительной деятельности; стремление выражать идеи и концепции более в пластических формах, близких искусству, нежели в дискурсивных, как это присуще Западу со времен средневековой схоластики <…>»[1]. Российские философы подчеркивают, что «рационализм и эмпиризм являются не единственно возможными, а лишь одними из многих форм философствования[2], доминирующими в западной традиции», что, например, «при рассмотрении отечественной философии Средневековья прежде всего следует отбросить навязчивые стереотипы о ее неразвитости, слабом присутствии в духовной жизни общества или даже о полном отсутствии как таковой» и что «подобные взгляды объясняются либо незнанием подлинных памятников древнерусской культуры и прежде всего богатейшего культурного наследия, либо односторонней, неадекватной, ограниченной их интерпретацией»[3].

Что касается собственно проблемы перевода русского философского лексикона, то, как указывает Франсуаза Лесур, у «Dictionnaire de la philosophie russe» были предшественники — «История русской философии» В. В. Зеньковского, изданная в переводе К. Я. Андроникова, а также появившийся в 2004 г. под редакцией Барбары Кассен «Европейский словарь философий: лексикон непереводимостей» («Vocabulaire européen des philosophies: diction naire des in traduisibles»), который содержит также и русскую часть. Именно она вызвала ряд откликов российских профессиональных философов, в одном из которых отмечено: русская часть «создана, как ни странно, украинской командой; хотя, собственно, почему бы и нет? Из одного интервью с Б. Кассен после выхода книги можно понять, будто она специально обратилась к украинцам, которые, абсолютно владея русским языком, достаточно внеположны, чтобы отнестись к русской философской терминологии с отстраняющим удивлением <…>. Представленный ими русский отдел служит прекрасным примером упражнения в (авто)экзотизации. Статья о собственно русском языке написана французским индологом (!) Шарлем Маламудом (он перевел «Хождение за три моря» Афанасия Никитина) и украинским философом, специалистом по «модальному реализму» Валентином Омельянчиком. Неудивительно поэтому, что модальность, избранная дуэтом, оказалась весьма экзотичной <…>. Их гипотеза состоит в том, что «русская филосо-

---

[1] История русской философии: учеб. пособие; ИФРАН [Электронный ресурс] / отв. ред. М. Н. Громов. 1998. Режим доступа: plfile/root/biblio/1998/Hist_rus_ph_1.pdf. iph.ras/ru/.

[2] См. об похожем отношении к древнекитайской форме философствования, например, в работе С. Ю. Рыкова «Древнекитайская философия» (М.: ИФРАН, 2012. С. 12–13): «Те, кто отказывается признать наличие в Древнем Китае подлинной философии, обычно ссылаются на то, что там якобы отсутствовали рациональные методы аргументации (перефразируя на наш язык, в Древнем Китае были «мудрецы», но не было тех, кто «рассуждал», «разъяснял» и «аргументировал»). Это объясняется только лишь их неосведомленностью, поскольку современная синология довольно много узнала о древнекитайской рациональности […], которая во многих отношениях была похожа на западную […]. Имелся в древнекитайской мысли и общий набор тем, сходных с […] трактовками предметов западной философии».

[3] История русской философии: учеб. пособие; ИФРАН [Электронный ресурс] / отв. ред. М. Н. Громов. 1998. Режим доступа: plfile/root/biblio/1998/Hist_rus_ph_1.pdf. iph.ras/ru/.

фия формируется [в 30–40-е годы XIX в.], исходя из немецкой диалектики, истолкованной в рамках «диглоссийного мышления»» <…>. Среди русских непереводимых слов мы находим следующий список: соборность, богочеловечество, мир, поступок, правда, свобода, свет, другой, истина (а также: подноготная! важный философский термин…), народ, самость, страдание <…>. Увы, дело просто в том, что за последние три четверти века на европейские языки были переведены *считанные* книги русских философов. Проблемы, как передать русские философские «непереводимости», просто-напросто не существует. <…> слово «богочеловечество» представляет собой вовсе не русскую «непереводимость», а перевод греческой *theoantropia*. То же касается и «соборности», о которой автор соответствующей статьи Ж. Нива все же сообщает между делом, что это слово само есть попытка (небесспорная и оспаривавшаяся) перевести греческое *khatolikos* <…>. Что впоследствии и богочеловечество, и соборность обросли новыми коннотациями, делающими проблематичным их перевод «обратно», — несомненно. Но переводчики и традуктологи-переводоведы знают, что это справедливо для любого перевода, не обязательно перевода философских текстов»[1]. Автор этой рецензии пишет в заключении: «Легче и приятнее фанфаронить <…> многогранностью, неуловимостью, а потому якобы «непереводимостью» «правды» (justice и truth), «мира» (world, community и peace), «света» (world и light), чем развивать свой философский язык <…>. Было бы гораздо интереснее и наверняка полезнее изучить и показать, как современный русский (украинский, армянский, татарский и др.) язык работает над освоением и переводом классической и современной философии <…>»[2].

По-видимому, в том числе и с отмеченными особенностями русской части «Европейского словаря» связано то, что обращение к предшествующим работам практически не облегчило работу составителей словаря «Dictionnaire de la philosophie russe» над философской лексикой — Франсуаза Лесур утверждает в своем предисловии (p. 13), в частности: «<…> les traductions habitu ellement admises des termes les plus courants se sont souvent révélées irrecevables, car trop approximatives» ‘обычно подходящие переводы самых употребительных терминов оказывались часто неприемлемыми, поскольку были слишком приблизительными’. Однако, несмотря на все трудности, проблема передачи на французский язык русского философского лексикона переводчиками «Dictionnaire» была вполне решена, что может быть показано несколькими примерами[3]:

Богоискательство («<…> религиозно-философское течение, возникшее в начале XX в. в среде русской либеральной интеллигенции — философов, литераторов, “новоправославных” священников (Мережковский, Бердяев, Розанов, Булгаков…)) — «Chercheurs de Dieu [Bogoiskatel’stvo]» ‘Искатели Бога’.

Богостроительство («<…> религиозно-философское течение, возникшее в русской социал-демократии после революции 1905–1907 гг.») — «Constructeurs de Dieu [Bogostroitel’stvo]» ‘Строители Бога’.

---

[1] *Маяцкий М.* Непереводимости реальные и воображаемые. Листая «Европейский словарь философий: лексикон непереводимостей» / под ред. Б. Кассен // Логос. 2011. № 5–6 (84). С. 17–19.

[2] Там же. С. 20–21.

[3] Далее толкования даются по указанным русским словарю и энциклопедии.

Двоеверие («<…> древнерусское сознание при господстве православного учения включало элементы языческого прошлого, что принято называть “двоеверием”» — «Doublefoi [Dvoeverie]» ‘двойная вера’.

Евразийство («<…> идейно-политическое и общественное учение в русском послеоктябрьском зарубежье 20–30-х гг.») — «Eurasianisme (ou Mouvement eurasien)» ‘евразийство (или евразийское движение)’.

Иосифляне («<…> сторонники и последователи Иосифа Волоцкого. Как церковно-политическое течение иосифлянство сложилось в конце XV — начале XVI в… Иосифляне выдвигали на первый план… социальную миссию религии и церкви как организующего начала человеческого общежития») — «Joséphiens [iosiflâne]» («Josephde Volok» ‘Иосиф Волоцкий’).

Младороссы («<…> одно из течений русской эмиграции <…>, соединившее в себене которые элементы сменовеховства <…> и евразийства на платформе признания свершившейся революции») — «Jeunes-Russes [Mladorossy]» ‘младые русские’.

Нестяжатели (сторонники религиозного течения 2-й половин XV — середины XVI в., «нестяжатели выступали против втягивания церкви в мирские дела <…>») — «Nestiajateli [Nestâzateli] (lit. «nonacquereurs»)» ‘(лит. «неприобретатели»)’.

Почвенничество («<…> литературно-общественное и философское направление 60-х гг. XIX в. <…> основополагающей была идея о “национальной почве” как основе и форме социального и духовного развития России» — «Enracinement [Pocvennicestvo]» ‘укорененность’.

Сменовеховство («<…> идейно-политическое и общественное движение, возникшее в начале 1920-х гг. в среде русской зарубежной либерально настроенной интеллигенции. Получило свое название от сборника “Смена вех” <…>» — «Changement de jalons [Smenovehovstvo]» ‘смена вех’.

Соборность (<…> «специфическое понятие русской философии, выработанное Хомяковым <…>. По Хомякову, церковный Собор выражает идею “единства во множестве” <…>. В этом смысле, считал он, православная церковь, органично сочетая два принципа — свободу и единство, противоположна католической авторитарной церкви, где есть единство без свободы, и протестантской церкви, где существует свобода без единства» — «Sobornost (conciliarité)».

Как представляется, публикация на французском языке в лексикографической форме обширной информации об истории и современности русской философии, несомненно, будет способствовать оптимизации как рецепции русской философской традиции франкоязычными читателями разных стран, так и философской коммуникации в целом.

Виталий ДАРЕНСКИЙ

ВРЕМЯ, РОЖДАЮЩЕЕ СЛОВО

Виталий Юрьевич Даренский — родился в Луганске (тогда он назывался Ворошиловград) в 1972 г., кандидат философских наук, литератор, журналист, зам. редактора газеты «Стахановское знамя» в городе Стаханове. Опубликовал более 250 научных работ в изданиях различных городов Украины, России и Белоруссии по философской, культурологической, исторической, богословской, политологической и филологической проблематике. Член правления Союза писателей ЛНР, который был создан в декабре 2014 года. **Живет в г. Луганске.**

И фронт безжалостно проходит
Сквозь души и через сердца...
С. Жуков

Этой весной в Луганске прошла презентация литературного сборника Союза писателей ЛНР «Время Донбасса», недавно вышедшего в свет и уже признанного настоящим событием в русской литературе нашего времени. Именно поэтому на презентацию, которая состоялась в Русском центре республиканской библиотеки им. М. Горького, приехали и гости из России. Сборник, вышедший в Луганске благодаря поддержке руководства Республики, отличается великолепным дизайном и полиграфией. О его содержании гость из Москвы сопредседатель Союза писателей России Н. Ф. Иванов сказал кратко и емко: «Искусство оказалось достойно своего народа».

Литература о войне бывает разная. Есть произведения самих воинов, рожденные их горячей памятью боев и встреч лицом к лицу со смертью. Есть и другой вид художественного отражения опыта войны людьми не воевавшими, но оказавшимися в условиях войны и блокады, где также был риск для жизни. Хотя это и не сравнится с опытом фронтовиков, но он тоже важен не только в силу своей массовости, но и в содержательном отношении. В нем говорится не столько о войне как таковой, сколько о том состоянии, которое она пробуждает в людях. Как она пробуждает людей от сна «мирной» жизни, заставляя оставить в стороне все мелочное и привычное и вспомнить о главном. Война происходит не только на фронте, но в целой народной душе, в какой-то момент становясь способом мировосприятия, заполняя собою все и проникая в сердца. Потом наступает мирное время, все возвращается на круги своя, но этот опыт ни в коем

случае нельзя забывать, ведь в нем открылось что-то очень важное, чего не знают другие. Для этого и существует то, что можно назвать просто — «литературой военного времени».

Как фронтовая, так и «тыловая» литература, в конце концов, обе рождаются из одного и того же чувства кровного единства своей личной судьбы и судьбы Родины, из одного и того же нравственного выбора, на чью сторону стать, и одной и той же решимости стоять в своем выборе до конца. Именно эти качества и роднят между собой всех без исключения авторов сборника, независимо от особенностей их жизненных обстоятельств. Весьма показательно, что среди авторов сборника «тыловых» больше, и около трети составляют россияне. Тем не менее никакого заметного разрыва по духу между авторами воевавшими и не воевавшими, но просто пережившими войну как часть своей судьбы, — такого разрыва нет. Всех их объединяет некое общее нравственное чувство и общность народной судьбы.

Сборник, что для нашего времени совершенно естественно, объединяет авторов, принадлежащим к очень разным стилевым и мировоззренческим традициям. Их объединяет, помимо общей для всех школы великой русской литературы, имеющей единый пушкинский дух подвига и преображения, «выпрямления человека» (П. Палиевский), также и это чувство общности судьбы и приобщения к историческому свершению народа. И если в других случаях столь разные по стилю и традициям авторы не могли бы оказаться под одной обложкой, то здесь их объединяет именно это.

Для близкого рассмотрения семидесяти трех столь разноплановых авторов сборника стоило бы написать отдельную книгу. Но и в рамках небольшой заметки мы имеем возможность выделить самое основное, что могло бы прояснить главную художественную ценность сборника и кратко охарактеризовать авторов различных стилей и направлений.

Начнем с поэтов, коих в сборнике всего пятьдесят четыре. Среди них стоит выделить группу авторов, скажем так, «есенинского» направления, то есть с традиционной, классической стилистикой стиха. Это стихотворения В. Агарковой, А. Антонова, М. Афонина, Д. Балина, И. Бауэр, А. Бениаминова, И. Горбань, В. Гусева, Д. Дарина, В. Десятерика, В. Дунина, О. Журавлевой, П. Кравцова, М. Кудимовой, С. Тишкиной, Н. Тюрина. Во многих из их стихотворений есть пронзительные прозрения в суть человеческой души.

Вот, например, яркое стихотворение Григория Егоркина «Разговор с пленным», написанное в стиле, очень близком к «Василию Теркину» Твардовского и, очевидно, на основе личного опыта. Разговаривают двое, недавно вышедшие из боя, в котором они убивали друг друга и потеряли товарищей. Конечно, они остаются врагами, но происходит маленькое чудо:

Не идет разговор. Между нами
Боль. Война. Окаянные дни...
«Мне б короткий звонок... Мне бы маме...»
Достаю телефон: «Позвони».

Весьма широкий стилистический диапазон — наследие различных школ в поэзии XX века — свойственен лауреату Есенинской премии, луганской поэтессе Е. Заславской, а также Л. Класс, С. Кащенко, Н. Мавроди, Ю. Макусинскому, В. Мирошниченко, И. Михедовой, А. Сигиде, А. Ре-

вякиной, Н. Романовой, Е. Настоящей, В. Поляковой, В. Теркуловой, И. Черниенко.

Для этой когорты поэтов особенно свойственна передача тонких экзистенциальных состояний — часто очень простыми, но емкими словами:

Лишь залпы слышны
И дыхание дома.
Нет в городе больше
Чужих, незнакомых.
Мы все здесь — «свои»...
(С. Сеничкина)

Неизбежно, что в сборнике есть и стихотворения с очень жестким натурализмом, как, например, в строчках Александра Морозова:

И кишки половины собаки
На соседском красивом заборе...

С другой стороны, есть стихотворения с многослойной смысловой семантикой, отсылающей к далеким контекстам. Так, явно цветаевские ритмы и мироощущение сквозят в стихах Анны Долгаревой, где война стала метафорой самой жизни в ее тоске о погибшем:

Я иду к тебе по желтым цветам да по черным рекам,
Я вобрала всю боль, что отмерена человеку...

Ощущаются тютчевские ритмы и особое русское любомудрие у россиянина Сергея Жукова из города Коврова Владимирской области:

Нет вечности у нас в запасе.
Сразились запад и восток.
Все начинается в Донбассе.
Там бьется истины исток...

Бьют бесовскую шваль ополченцы.
Лики их и в крови, и в пыли.
Не хватает всего, кроме сердца.
Новороссия — сердце земли.

Эти строки особенно показательны для общего мироощущения авторов сборника — ощущения того, что вся боль земли и судьбы истории сейчас проходят через Донбасс, и «поле битвы — сердца людей» (Достоевский).

Наследие тютчевского поэтического любомудрия очень живо и в пронзительных строчках Виктории Мирошниченко:

Это нужно заслужить — родиться русским.
На земле родиться, названной Россия...

Только на таком уровне и возможно по-настоящему понять Историю:

Мою страну убили на Майдане,
Готовя преступление годами
Бездарнейших предательства и лжи…

До чего же должно быть извращено сознание народа его западными кукловодами, чтобы предательство и ложь назвать своим «достоинством»!

Есть в сборнике и авторы с интонациями поэта-трибуна, в стиле Е. Евтушенко. Примером может служить яркая строка Марка Некрасовского:

Девчонке лишь шестнадцать лет —
С гранатами под танк легла.
А значит, Украины нет.
Ты, Украина, умерла!

Вместе с тем иногда военная тематика является особой «отправной точкой» мысли и становится затем поводом для прозрения в саму сущность поэтического творчества, как, например, в строчках Владимира Скобцова:

Не спи, поэт, гори, звезда,
Как соучастник тайны чуда,
Слова приходят ниоткуда,
В стихи слагаясь навсегда.

Кроме поэтов в сборнике представлены рассказы семнадцати авторов-прозаиков и пьесы двух авторов-драматургов.

Всем рассказам сборника свойственен своего рода «кинжальный» стиль, при котором на небольшом пространстве текста крайне напряженным повествованием удается достичь прозрения в самую суть человеческой жизни. При этом сюжетность рассказов всегда очень конкретна, лишена какой-либо показной внешней «сентиментальности». Стилистически проза сборника в целом может рассматриваться как продолжение традиций прозы нашего великого земляка В. И. Даля и «натуральной школы» в целом.

В рассказах А. Ивакина «Кальсоны» и «Дело привычное» через намеренную приземленность сюжета показана преемственность подвига Донбасса наших дней и наших предков периода Великой Отечественной войны. Короткое «Дело привычное» повествует о расстреле пленного карателя, о той же странной перекличке душ врагов перед тем, как на одного из них «упала вечность». Здесь, как и в других рассказах, наши авторы умеют и во врагах видеть людей — пусть низких и подлых, но обманутых и тоже страдающих. Именно в этом всегда было нравственное превосходство русской литературы, которое особенно ярко выступило в нынешней войне на фоне тотального хамства украинской пропаганды, которая, как это и положено нацистам, сознательно вычеркивает нас из числа людей.

Особую группу составляют рассказы фронтовиков — жесткие, даже жестокие по содержанию, показывающие движения души человеческой в самых экстремальных ситуациях перед лицом смерти. Таковы «Репортаж» В. Углева, «Младшая сестра» К. Часовских, «Свой» С. Шаргунова, «Соль земли» Ю. Ковальчука. По-своему интересны и рассказы, повествующие о

нравственном выборе и своем маленьком подвиге людей в тылу — таковы «Один день» А. Сурнина, рассказы С. Тишкиной и Г. Садулаева. Особое место занимают «Украинские хроники» А. Кокоулина — это сюжеты о разложении и расплате за содеянное «вояк» так называемого «АТО».

Лично мне как-то особенно близки по духу рассказы Александра Григоренко и Ивана Донецкого. Они отличаются не только точностью передачи особой атмосферы войны, но какой-то внутренней задумчивостью — как будто не только авторы, но и их герои все время смотрят на себя со стороны, осмысливая и оценивая происходящее. В этих рассказах больше чувствуется толстовская традиция с ее обостренной рефлексией и особым внутренним лиризмом. Словами «Долг. Верность. Честь.» завершает свой рассказ о погибшем известном командире с позывным «Мангуст» А. Григоренко. На немногих страницах — это маленький эпос о скромном, но по-настоящему великом душой человеке. Именно на таких людях держится наше будущее.

В рассказе В. Плешакова «Солнышко на сносях» проникновенно передано рождение любви в условиях войны, чувство непобедимости жизни и нового будущего (рассказ заканчивается словами «Будем жить!»). О трагическом идейном расколе в семье, о помраченности сознания наших врагов проникновенно повествует рассказ Н. Петровой «Родной брат».

Иван Донецкий выступил и как драматург. В сцене-монологе «О героях и богах» сторож, охраняющий склад возле донецкого аэропорта, под минометными обстрелами рассуждает вслух сам с собой. В этом монологе весьма точно и колоритно отображено массовое сознание жителей Донбасса. Он говорит и нелицеприятные вещи о происходящем, но очень твердо знает русские ценности, за которые не страшно и умереть. Он говорит: «духовный рост, к которому звали отцы Русского мира, подменили ростом способов получения денег… мил ему Запад, потому что ублажает его низменные потребности… Да здравствует всемирная духовная инфантилизация и примитивизация!.. Люди лезут по ступеням потребления, видят в этом жизни цель, с самомнением дебилов гордятся своими девайсами и презирают тех, у кого их нет». Но истинно русский говорит: «это вы из-за новой мобилы раком встанете, а мы — нет». Вот за эту свободу, за спасение от деградации в конечном счете и воюют русские.

В драме «Пески. История одной семьи» показано, как сугубо мирные и добрые по характеру люди становятся непримиримыми и неустрашимыми борцами против украинского неофашизма и киевских оккупантов Донбасса. И как другие рядом с ними, наоборот, лишь деградируют и еще сильнее проявляют свои худшие черты. Эти — «за Украину».

Особое место в сборнике занимает драма Глеба Боброва «Оглашение Крама», который одновременно стал вдохновителем и организатором всего сборника. Его произведение служит органическим завершением книги, во многом подводя общий итог художественным исканиям ее авторов. Драма многоаспектна по содержанию, но ее смысловым стержнем, безусловно, является внутренняя борьба человека за правду, через подвиг и страдания преобразующая его личность.

Действие драмы происходит в темной камере для пленных. Два израненных человека, прошедших пытки украинских карателей, говорят о том, что называется «русскими вопросами» — о смысле жизни и о главном нравственном выборе, который должен в этой жизни сделать каждый человек.

Они свой выбор сделали и свой подвиг уже совершили, но у них еще осталось время, чтобы еще и проговорить то, что им открылось в жизни, чтобы передать свой опыт другим. Впрочем, собеседники, считая себя обреченными на смерть и поэтому говорящие абсолютно откровенно обо всем, отнюдь не вдаются в абстракции. Их разговор предельно жизненно-конкретен. В сравнительно небольшой пьесе в разговоре всего лишь двух людей разворачивается очень точная и осязательная панорама и «анатомия» современного общества в самых разных его сферах и проявлениях. Здесь и «анатомия» боев, которую могут знать лишь те, кто в них участвовал, и «анатомия» довоенной жизни — бизнеса, политики, личной жизни. И за всей этой предельной конкретикой все равно постоянно стоит вопрос о смысле, о правде, о выборе. Это особенное — русское — видение жизни сейчас очень многими уже утрачено, и миссия литературы состоит в том, чтобы его вернуть людям. Драма символично оканчивается неожиданным освобождением — это художественный символ того, что в жизни всегда все можно изменить, исправить, начать заново. Что сущностью жизни всегда является свобода и нечаянная радость. Ополченец с позывным «Крам» в финале найден его приемным сыном, которого он уже считал потерянным. Это тоже символ — символ того, что жизнь есть встреча и взаимное спасение людей.

Авторы сборника — не просто единомышленники; их объединяет нечто более глубокое — особое мирообъемлющее переживание противостояния злу, явившемуся в виде украинского неофашизма. Каждый из авторов по-своему выразил свой нравственный выбор, свой опыт внутренней работы души, совершаемой в этой исторической борьбе со злом, не только ранящей, но и преображающей душу человека, открывающей ей новую глубину бытия.

Фронт этой борьбы действительно проходит «сквозь души и через сердца», заставляя каждого из нас преодолевать в себе то, что мешает противостоять злу не только внешнему, но и внутреннему — собственной слабости, ненадежности и недопониманию. И опыт художественной литературы ценен тем, что показывает, как победить в этой внутренней борьбе со злом и собственными слабостями. Поэтому во всех произведениях сборника явно или подспудно звучат пророчества о нашей будущей победе — ведь если эта победа уже достигнута внутренне, то она произойдет и во внешнем действии — в защите нашей свободы и победе над фашизмом.

Борьба за свободу и лучшее будущее нашей молодой Республики проходит не только на полях сражений, но и в душах людей, и в сфере литературного творчества. Вопреки наглой лжи украинской пропаганды о том, что на Донбассе сражаются какие-то «террористы», на самом деле у нас сейчас происходит настоящий «культурный взрыв» и духовное возрождение народа, вернувшегося в подлинную Историю из той спячки и гниения, в которое его загнала Украина. У поэтов и писателей раскрываются новые творческие силы тогда, когда они чувствуют себя в единстве со своим борющимся народом. Тем более, если это борьба против реанимированной гадины фашизма, за возвращение к своим подлинным — исконно русским — нравственным корням. Сборник «Время Донбасса» показал, что и на поле художественного творчества Донбасс борется за свою свободу и достоинство так же стойко и беззаветно, как и на поле боя. И это тоже наша победа.

ПРОЗА

Павел КРЕНЕВ

ОГНЕВОЙ РУБЕЖ ПУЛЕМЕТЧИКА БАТАГОВА*

Повесть

Павел Григорьевич Кренев (Поздеев) — коренной помор, родился и провел детство на Летнем Берегу Белого моря. Окончил Ленинградское суворовское военное училище, факультет журналистики ЛГУ, аспирантуру Академии безопасности РФ. Кандидат юридических наук, член СП России. Служил в Советской армии, работал журналистом в ленинградской прессе. Долгое время состоял на государственной службе, являлся сотрудником Администрации Президента России, был Полномочным Представителем Президента России в Архангельской области, работал на руководящих должностях в российских ведомствах. **Живет в Москве.**

*Печатается в сокращении.
Окончание. Начало в № 2, 2016.

10

Танк показался из-за поворота метрах в четырехстах. Полз он медленно, словно зверь, выглядывающий добычу. Позади, метрах в семидесяти, тянулся грузовик с открытым кузовом. В нем сидели солдаты.

— Эк-ка силушка прет сюда, — с тревогой размышлял старый солдат.

Но приглядевшись, увидел он, что танк-то не столь уж и большой. Он нагляделся уже на этой войне на разные танки. А этот был какой-то малахольный. Маленькая пушка, подствольный пулемет и узенькие гусеницы.

— А-а, дак получается, что пришел он не воевать, а тоже в разведку. Ну, тогда другое дело… Давай, Колька! Теперь дело за тобой, а мое дело — пехота.

Он увидел, как танк подходил к Борисову все ближе и ближе. Вот он поравнялся… И тут из кювета, из траншейки выскочила половина туловища Николая, выбросилась вперед его рука, держащая гранату. Вот граната полетела… Туловище сразу же исчезло, а граната шлепнулась о броню выше гусеницы. Раздался тяжеленный взрыв, и танк остановился. Но Батагов увидел, что гусеница цела, и броня тоже не пробита, удар взрыва пришелся вскользь. А остановился танк, вероятно, от сильного внутреннего удара, от шока. Но по всему было видно: он вот-вот пойдет вперед опять. Однако из окопчика снова выскочила половина туловища рядового Борисова, и его рука снова швырнула гранату по уже стоящему на месте танку.

На этот раз граната ударила в шестерни ниже гусеницы. Удар от взрыва был такой силы, что гусеница легкого немецкого танка не выдержала и лопнула. Обрывки ее поползли по скатам. И танк начал кру-

жить на месте. Солдаты в машине, ошеломленные увиденным и оглохшие от взрывов, открыли было огонь по окопчику, в котором укрывался Борисов. Но тот уже лежал, укрывшись за корпусом крутящегося танка.

А пулеметчик Батагов уже стрелял длинными очередями по финским солдатам, выпрыгивающим из машины, и кричал что есть мочи:

— Колька, дуй ко мне, быстро!

И Колька ползком и перебежками примчался к Батагову и прыгнул к нему в окоп.

— Все! — кричал ему Силантий, строча из пулемета. — Заслужил ты свою медаль! Поедешь с войны героем к своей Таньке. А может, даже и орден. Это как подать.

А второй номер Николай Борисов уже лежал за бруствером и вел прицельный огонь по врагам Отчизны, финским захватчикам. За танком, около машины, вокруг нее лежали убитые и раненые вражеские солдаты. Оттуда слышались стоны и крики убегающих, приказы командира.

Силантий с Николаем все стреляли и стреляли, пока не прекратились стоны, и пока не исчезли в лесу мелькавшие вдали фигуры солдат, оставшихся в живых.

Бойцы какое-то время лежали, молча разглядывали развернувшуюся перед ними картину.

Невдалеке, метрах в пятидесяти, стоял легкий немецкий танк, который перестал крутиться вокруг своей оси, а водил теперь башней, выискивая цель.

За ним боком, с вывернутыми в разные стороны колесами стоял финский грузовик, продырявленный пулеметными очередями, с обвисшей щепой боковых деревянных стенок, с фигурой водителя, вывалившегося из кабины. Водитель хотел развернуться под пулеметным огнем, да только не успел…

— Ну, чего будем делать дальше? — спросил негромко Батагов.

И было непонятно, расслышал его голос Колька Борисов или нет. Он оглох от гранатных взрывов, был ошеломлен сценой кровавого боя. Губы его отвисли, зубы стучали.

Батагов легонько постучал его кулаком по челюсти.

— Ну-ну, ты приходи в себя, боец, нам еще надо с танком что-то решать.

А танк вдруг начал палить по сторонам из своего пулемета. Башня его крутилась и поливала огнем все, что находилось рядом. Пули стукнули и о пулеметный щиток, укрытый сосновыми ветками.

— Пригнись, Колька. А то не ровен час… — приказал Силантий.

А тот уже и так лежал лицом вниз в окопе и не шевелился. Отдыхал…

Силантий поглядел на его скрюченную фигуру, понял: надо парня приводить в порядок, а то разлегся на песочке…

— А вот интересно мне, Колька, если героем домой поедешь, женишься ты на Таньке на своей или на другую интересную кумушку позаришься? Ты ведь, Колька, шалапут изрядный и бабник.

Забота Силантия была сейчас не выпустить немецких танкистов из танка, не дать им удрать. И он высматривал сквозь ветки, поглядывал на башню. Не откроется ли люк?

Люк действительно начал было открываться. На крыше башни образовалась сбоку неширокая щель. Но Батагов дал по ней короткую, прицельную очередь. В танке раздался крик, люк захлопнулся.

«Не исключено, что я поранил танкисту руку, — подумал Силантий, — теперь надо глядеть в оба, теперь танкисты долго не усидят, если кто-то из них ранен».

«Сколько же там танкистов? — размышлял Батогов. Судя по размерам самого танка, человека два, вряд ли больше. Максимум три солдата. Надо же как-то выкурить их оттуда и положить рядом с танком. Зачем же они нужны ему живые? Живые они опасны».

Он лежал за пулеметом, примерялся к обстановке и наконец надумал. Тронул напарника за плечо:

— Колька, хватит отдыхать. Вишь, разлегся. Война кругом, а он полеживает.

— Чего, командир? — Борисов поднял лицо, все в песке, взгляд уже более-менее живой, осознанный. Отошел парень, слава тебе, Господи!

— Вот скажи ты мне, душа ты моя ненаглядная, рядовой Борисов. Как ты собираешься уничтожать экипаж вражеского танка, находящегося перед тобой?

Николай выглянул из бруствера, стал оценивать обстановку. Думал-думал, ничего не придумал.

— Гранат больше не требуется, а пули броню не пробьют, — высказал он свои мысли. — Пушку бы надо, без пушки тут никак.

— Умно! — оценил Батагов. — Тебе заодно бы и генерала надо дать, вместе с Героем.

Не отрывая глаз от танковой башни, он поставил своему второму номеру боевую задачу.

— Вот что, Колька, хватит нам прохлаждаться и дурочку валять. Надо с этим цирком заканчивать. Давай-ко ползком дуй в сторонку за те вон кусты и подползи ближе к танку. Заползи в его мертвую зону.

Он зыркнул на Кольку глазами большого начальника.

— Знаешь ты, боец, что такое мертвая зона?

— Конечно, знаю. Это когда меня из танка ухлопать невозможно. Когда меня не видно.

— Все правильно, Колька! Так вот, подберешься к танку, собери вокруг сучья, сушняк, листья, сгреби их под танк в кучу, только побольше, и подожги. Когда разгорится, обратным маневром дуй сюда. Задача понятна?

— Ну ты голова, Силантий Егорович. Мне бы в жизнь не придумать. Голова-а!

— Дуй, Колька, я тебя прикрою.

Он глядел из-за веток, из-за пулемета, как Николай шабаршит около танка, тянет под днище ветки, хворост, листья, стволы сухих елок, бересту… Вот он чиркает одну за другой спички, вот из-под танка вытягивается во все стороны дым. Сначала струйками, потом густой… Потом пошел огонь, затрещал под танком.

Колька почему-то не торопится, он на карачках выползает из-под танка. И так, на четвереньках, сидит поодаль, разглядывает, как занимается огонь. Словно мальчишка на рыбалке разводит костерок, чтобы сварить уху. Он будто позабыл, что кругом война, что рядом вражеский танк…

Силантий совсем не заметил того рокового момента, не успел на него среагировать… Он не успел выстрелить в тот момент, когда на долю секунды приоткрылся на танковой башне люк, и из образовавшейся щели выкатилась граната…

Рядовой Борисов тоже ничего не успел услышать и увидеть.

Граната разорвалась рядом с ним.

Колька умер не сразу. Он прополз метра три в сторону Батагова и вытянулся на мокрой, только что вытаявшей бруснике. Из его бока, ног и головы обильно вытекала кровь и окрашивала в багряный цвет мокрую прошлогоднюю зелень. У него не хватило сил доползти до своего командира.

Батагов дико закричал. И пока кричал, бил и бил из пулемета по проклятому танку. И пули звонко отскакивали от брони и уходили рикошетом в землю, в лес, в небо… Пока не закончились в ленте патроны.

Потом растерянно, плохо соображая, он подтянул запасную коробку с оснащенной патронами лентой, вновь зарядил пулемет, передернул затвор.

Он остался один.

Батагов опустошенно глядел на танк. Произошло то, чего он боялся больше всего — петрозаводского отчаянного парня, его надежного боевого друга, трепача и балагура Кольки Борисова больше нет. Не вернется он к любимой девушке Тане Замотиной с боевой медалью на груди, потому как лежит он теперь недвижимый рядом с подбитым им танком. Почему-то Батагов уверен был сейчас, что враг убил Кольку по его, Силантия, недосмотру. Что именно он, старый солдат, допустил глупую гибель парнишки, годившегося ему в сыновья, не уберег его в момент смертельной опасности. Ведь мог бы уберечь, а не уберег! Не усмотрел, не защитил!

И он, Батагов Силантий, остался теперь один против врага, которого одному ему никак не одолеть. Он не знал, как ему воевать одному.

Словно тяжелый и громоздкий куль залежалого старого сена упал на него и всей тяжестью придавил, приплюснуло к земле отчаяние, сковало руки, ноги, тело, вдавило в сырость лицо. И только ненависть и жгучее чувство мести к сидящим в танке мерзким тварям, убившим Кольку, заставило оторвать голову от земли, опять взять танк на прицел.

Постепенно вернулось осознание того, что под танком горит, продолжает гореть хворост, зажженный его вторым номером. И что дело, начатое Колькой, надо довести до конца.

Шло время. Костер горел. Батагову было совершенно ясно, что днище танка уже должно было раскалиться, как сковородка на горячей плите.

«Там пекло сейчас, — думал Силантий, — долго они не выдержат». — Он лежал за пулеметом и ждал.

Наконец, люк башни резко отскочил в бок. Его выбросила чья-то сильная рука. И мгновенно из образовавшейся дыры взвилось вверх гибкое тело в черном комбинезоне и даже успело спрыгнуть на землю. Но больше оно ничего не успело. Силантий изрешетил его пулеметной очередью.

Тут же из люка высунулся немецкий автомат и стал строчить в его, Батагова, сторону. Но наугад, не прицельно.

— Ну, чего ты пули тратишь напрасно, дуреха, — проворчал Батагов. — Ты вылезай из танка-то свово. Вот мы с тобою и пульнем друг в дружку, померяемся, кто кого.

Немецкому танкисту, видно, совсем уж было невмоготу сидеть в раскаленном танковом чреве. Он высунулся по пояс из башни и открыл бешеную

стрельбу в направлении Силантия. Тот, почти не целясь, дал короткую очередь.

Танкист провалился в люк и громко застонал.

— Ты живой, значит, гад, — сказал ему Батагов. — Ну, погоди у меня, ужо я тебя.

Он встал во весь рост, прихватил лежащую в окопе винтовку и пошел к танку. Поднялся на броню. Люк был открыт. Силантий глянул в него и сразу отпрянул. И вовремя. Из люка мимо лица плеснула длинная, густая автоматная очередь.

— Ужо я тебя, — еще раз сказал Батагов. Он встал на колени рядом с люком, перевернул винтовку стволом вверх, затем долго и размашисто, с остервенением бил прикладом в танке чего-то мягкое, податливое, сырое. Поначалу в такт его ударам внутри танка кто-то вскрикивал и стонал. Потом все смолкло.

Батагов плюнул в раскрытый люк и с силой, со всей злостью захлопнул крышку.

Он подошел к телу своего второго номера, своего друга, перевалил его на спину, скрестил на груди его руки и уселся рядом.

Старый солдат долго сидел, уронив на грудь голову, положив ладони на колени. Сидел и тихо стонал. И слезы стекали с мокрых его щек и падали на холодные прошлогодние, жухлые листья.

11

Вдосталь было у Силантия невзгод да неладух в его немаленькой уже жизни. В основном начались они с восьмилетнего возраста, с того момента, когда со зверобойки не вернулся его отец. Там, уже вовсю больной «лихоманкой», как тогда называли туберкулез, наглотался он на ледяных полях сырого морозного воздуха, и легкие его скрутила смертельная судорога от наполнившей их сырости. А где прогреешь дыхание, когда вокруг только бескрайняя застывшая пустыня? Отец умер прямо на судне среди своей зверобойной артели из двенадцати человек.

Об отце, о его доброте и отцовской любви остались только воспоминания в виде ярких и теплых картинок, запечатлевшихся в памяти. Даже и теперь Силантию Батагову памятна та радость отцовской похвалы, которую испытал он тогда, в свои шесть лет.

Он до деталей, до самых маленьких мелочей помнит, как шел на рыбацкую тоню Вересянку, где вместе с двумя деревенскими мужиками ловил семгу его отец.

Стояло лето, и был солнечный день. Маленький Силантий шлепал босиком по морскому бережку, нес отцу узелок из маминого платочка. А в узелке том были напеченные мамой картофельные шанежки, калачики да ягодные калитки, да бутылка свежего, утреннего молока от их коровы Касатки.

Справа распласталось в ширь и в даль бесконечное, уходящее за горизонт синее море, взъерошенное горним, дующим с берега ветром, а слева тянулся поросший можжевельником, березками и елками пологий угор, чередующийся с низинами, утыканными разнообразным лесом. По морю то и дело бежали в разные стороны белые квадратные паруса, под ними чернели карбаски с сидящими в них мужиками да женочками. Когда карбаски про-

бегали близко от берега, Силантий поднимал вверх свободную руку, махал ею и кричал:

— Ой-е-ей!

Люди в карбасах ему в ответ тоже обязательно махали и тоже что-то кричали. Маленький Силантий из-за ветра и шума прибрежных волн не разбирал слов, понимал только, что было в тех криках нечто одобряющее и даже ласковое.

Он до сих пор не смог уразуметь, как отец из дальней-дальней дали разглядел его фигурку на морском берегу? Где-то за километр до тони увидал Силантий, что кто-то бежит к нему навстречу по заплестку и машет руками и тоже кричит.

Наверно, отец его очень любил. Любил и ждал.

Он шлепал бахилами по тонкой воде набегавшей волны, бежал к нему, и вот, чрезмерно запыхавшийся из-за своей болезни, подбежал, сгреб подмышки, подбросил кверху… Что-то стал говорить такое родное… Силантию теперь не вспомнить этих слов. Точно только одно: это были ласковые слова встречи отца с сыном, слова радости встречи с ним.

Всю жизнь, в тягостные ее минуты, Силантий, чтобы перебороть приступившую беду, оттолкнуть ее от себя, вспоминал тот детский свой поход. И мальчишечью радость, и такой родной запах отцовского тела, разгоряченного работой и болезнью. Сквозь толщу и туман прожитых лет видел свет любви в отцовских глазах.

Отец, ушедший из его жизни совсем молодым, будто помогал ему в тяжелую минуту. Воспоминания о кратких, но избыточно счастливых мгновениях, проведенных рядом с ним, озаряли душу светом давнего детства, разгоняли сгустившийся мрак жизненных невзгод.

Вот и сейчас детские воспоминания вновь нахлынули, обдали теплом…

А потом пришел к нему и сам отец. Явился таким, каким его запомнил Силантий, — молодым, но худым и бледным. Он будто сел рядом. Посидел, помолчал, обнял сына за плечи. Словно одобрил, поддержал, будто благословил на последний бой. Потом поднялся и ушел в густой ельник, под темные своды деревьев.

Остался лишь памятный и родной с детства запах, запах отца.

Все было как во сне.

Силантий открыл глаза, передернул плечами… Вставать, сбрасывать с себя короткое, счастливое забытье ему не хотелось. Но вставать надо было… Он поднялся и пошел выполнять солдатскую свою работу.

Перво-наперво подошел он к убитому напарнику, присел над ним и приподнял спину над землей. Потом, пятясь, подтащил волоком к своей позиции, к пулеметному окопу. Саперной лопатой измерил длину Колькиного тела. Получилось ровно три лопаты с половиной. Затем около молодой березки наметил на земле размеры могилы и начал ее копать.

Батагов понимал, что часа два времени у него имеется. Пока оставшиеся в живых солдаты вернутся в свою часть, пока доложат ситуацию, пока командование примет решение по дальнейшим действиям… Времени должно хватить на все про все…

В вырытой яме выстелил дно лапником и осторожно спустил Кольку. Положил, как всегда делается, ногами на восток. Чтобы глаза его глядели на восходящее солнышко.

Несмотря на весеннее разводье, на обилие текущей и стоящей на земле воды, в могиле у Кольки было сухо. Это оттого, что грунт был песчаный с легким суглинком, и вода сквозь него уходила. А еще оттого, что и пулеметная позиция, и теперешняя могила были на пригорке. На пригорках почва всегда сухая.

Он посидел на краю могилы, поразмышлял, что же делать дальше?

Дело в том, что, когда уже в могиле поправлял на убитом напарнике гимнастерку и шинель, то разглядел на шее у него две нитки, уходящие под ворот.

— Почему же две? Обычно «смертничек» висит и все. Пластмассовый футлярчик, в котором свернута трубочкой бумажка. На ней все данные бойца: как зовут, год и место рождения, адрес… Если убьют, а потом кто-то найдет тело, сразу станет ясно: кто ты и откуда? И сообщат родным.

Батагов, как и многие, не стал вешать на себя такой футлярчик. Среди солдат бытовало поверье: повесишь эту штучку на шею, а она, подлая, смерть притягивает. Тебя сразу и убьют. А Колька вот повесил…

Но была и другая ниточка. И Силантий расстегнул ворот Колькиной гимнастерки. На теле убитого солдата блекло сверкал маленький серебряный крестик…

И Силантий призадумался: что теперь делать-то? Значит, его напарник был верующим, хоть и скрывал это.

Батагов был атеистом. Он прошел твердую красную школу. Еще в Гражданскую вступил в ВКП(б), выступал на собраниях, активничал. Хотя знал, конечно, что был он сам крещеным, и крестил его поп, которого он потом вместе с другими безбожниками в тридцатом году выгонял из церкви, чтоб катился на все четыре стороны.

Время было такое, и Батагов шел в ногу со временем.

Вот лежит перед ним дорогой ему человек, славный боец, его ученик, с крестиком на груди. С крестиком… Надо же как-то его похоронить как следует.

Как надо, Силантий в общем-то знал. Русские люди, несмотря на угрозы и запреты, во все времена Советской власти хоронили своих покойников по православному обычаю. Этому почему-то не противились даже коммунисты. И Батагов тоже никогда не возражал. Он достал из ножен старый рыбацкий свой ножик, срезал молодое березовое деревце и вырезал из его ствола две чушечки — одна длиннее, другая покороче. Сделал продольные зарубки на той и другой, положил чушечки поперек друг другу. Достал из нагрудного кармана моток суровой нитки, который вечно носил с собой, и прочно закрепил поперечную чушечку с продольной.

Получился крест.

Потом Силантий, как и положено, скрестил на Колькиной груди его руки — левая снизу, правая сверху, подсунул длинный черенок креста под правую ладонь. Крест закрывал теперь всю грудь. Правильно закрывал.

Силантий сидел на краю могилы, курил цигарку и думал:

«Вот теперь хорошо получилось. Как и положено».

Он бы и молитву прочитал. Только не знал он молитв.

В этот момент расставания с близким человеком Батагов не выдержал. Он упер локти в колени, скрючился и заплакал.

Потом растер по лицу шинельным рукавом набежавшие слезы и высказал Кольке заботу, крепко его тревожившую:

— А убьют меня, хто меня похоронит, как я тебя? Хто могилку выкопат? Буду я лежать под кустом не обряженной, не закопанной в земельку. Хорошо мне будет, думашь? Все это из-за тебя, Колька. За каким хреном, спрошу я тебя, ты под гранату-то полез, а?

Время шло, надо было поспевать, и Батагов спустился к Кольке, поцеловал его в окровавленный лоб, погладил мертвые щеки. Затем пилоткой накрыл лицо, чтобы комья земли не били его…

Закончив похороны, Силантий еще маленько посидел около могилы, горько покачал головой.

Наконец он поднялся. Оторвал себя от Кольки Борисова и пошел к убитым им финским солдатам. Ему надо было еще воевать, а для войны с наступающим войском желательно иметь автоматы. А может быть, будет удача найти и парочку противотанковых гранат. Он понимал, что финны и немцы должны вот-вот пойти в наступление на основные позиции красноармейцев. Они провели разведку, обнаружили, что в тылу у них нет ни регулярных войск, ни оборудованных огневых укреплений, а есть только одно неподавленное, слабо защищенное пулеметное гнездо, которое не представляет большой опасности.

Поэтому сейчас в наступление пойдут танки, бронемашины и пехота. Пойдет большая, непреодолимая сила, которой Батагов со своим пулеметом совсем не страшен. Она и не заметит затерянного в лесах одиночного пулемета.

Начали попадаться убитые им солдаты. Они лежали в разных позах, кто на животе, кто на боку. У всех были или немецкие винтовки «Маузер-98», или автоматы МП-38, именуемые между красноармейцами «Шмайссерами». Батагов хорошо понимал, что в обороне больше шума и страха наводят эти автоматы. В ближнем бою он в самом деле более надежен, так как выплевывает по сторонам больше пуль. При этом неимоверно трещит. Он снял с убитых два автомата и срезал с ремней четыре подсумка с полными магазинами. Достаточно.

Противотанковых гранат не нашел. Да и не слышал, чтобы у немцев в последнее время появились такие вот гранаты. Знал, что есть у них на вооружении какие-то «Фауст-патроны», говорят, жутко вредные штуки, да еще гранаты, прожигающие броню направленным ударом. Но на Карельском фронте о них только слышали, но вот никто пока не видел. Известно было Силантию, что немцы и финны в борьбе с советскими танками действуют по старинке: как и наши солдаты, связывают по пять-шесть ручных гранат М-24 и кидают их с близкой дистанции. Нередко при этом гибнут сами: граната эта осколочная, а потому очень опасная.

На фронте всем было известно, что немецкие солдаты считают богатым трофеем наши противотанковые гранаты РПГ-40, легко пробивающие двухсантиметровую броню. Две такие гранаты лежали сейчас в батаговском окопе. Только две! Маловато, конечно… Хотя понимал он, что вряд ли успеет бросить больше, когда танки напрут. Немецкий танк — штука опасная. Однако, как и любой крестьянский сын, Силантий всегда, во всяком деле любил, когда имеется запас. А в серьезном бою запас ой как может пригодиться.

Обвешанный автоматами, со своей винтовкой, с солдатским вещмешком, набитым патронными магазинами, он уже поворачивал обратно, когда ему повстречался живой финский солдат.

12

Он сидел на земле, прислонившись спиной к дереву. Сидел и не шевелился, будто мумия, застывшая в веках в одной позе. Солдат глядел широко распахнутыми глазами на Батагова. Правая рука его подрагивала. Она пыталась дотянуться до винтовки, лежащей рядом, но почему-то не слушалась своего хозяина и безвольно падала обратно.

Инстинктивно Силантий хотел было выстрелить, уже поднял ствол… Но, разобравшись, в чем дело, опустил свою винтовку. Солдат был ранен в живот прямым пулеметным выстрелом. Вероятно, у него были перебиты внутренности и позвоночник, солдат был парализован и не мог управлять своим телом. Он сидел в луже собственной крови.

Но мозг его, видно, что работал.

И Батагов присел перед ним на корточки, разглядел его лицо.

Это был совсем еще молодой парнишка. Сопляк, молокосос лет семнадцати. Лицо белое от потери крови, предсмертное лицо. На щеках струйки слез. Ему, наверно, было очень больно, но у солдата не было сил, чтобы стонать. Светлые его волосы шевелил ветер.

— Ты зачем сюда пришел, паря? — спросил Силантий, глядя ему в глаза. — Это же не твоя земля, а моя. А я тебя не звал. Зачем ты сюда пришел?

Солдат глядел на него молча. Глаза его затухали.

Батагов поднялся и пошел к своему окопу. Ему было жалко этого финского парнишку, годящегося ему в сыновья. Но он проглотил эту жалость вместе с тягучей слюной начинающего сохнуть рта — перед каждым боем ему всегда почему-то хотелось пить. Он понимал: скоро, совсем скоро по нему будут стрелять такие же вот губошлепы, а может, и убьют.

Он шел и матерился, ругал и этого солдата, и войну, в которой надо обязательно кого-то убивать.

— Сидел бы, глупыш чухонский, дома, не спрыгивал бы с мамкиной курошести. А то ему обязательно надо было под пулю мою подлезть…

Сев около пулемета, Силантий задумался. Пойдет наступление, а значит, пойдут танки. Как с ними воевать? Никак. Только две «эрпегешки»… Да и то, чтобы их бросить, надо еще до того танка добраться. Тоже задачка, не приведи Господи. Танкисты в походе обзыркивают все вокруг, как метлой метут. Уничтожают вокруг все живое… Пехота пойдет в колонне, на грузовиках, значит, с ней воевать, скорее всего, не придется.

«Хотя… — Батагов присел над скопившейся в маленькой низинке водой, стал черпать ладонью ее холодную и прозрачную, шумно похлебал, — почему это не придется? Они ведь приблизительно знают, где располагается мой пулемет. Те, кто остался живой, указали на это место. Значит, высадят взвод солдат, будут прочесывать лес, чтобы меня на месте обнаружить, да и прихлопнуть. Знамо дело, им нельзя меня в живых оставлять, я ведь могу пропустить танки вперед, а потом открою огонь по грузовикам, по живой силе…»

Он сидел, склонив голову, сгорбившись. Размышлял.

«Говоря по правде, — думал он, — ничего его больше не удерживает на этой высотке. Боевую задачу свою он вместе с Борисовым выполнил — защитил тыл своей роты. Но ведь роты больше нет… Пока не поздно, он

может забрать свой пулемет и уйти туда, в свою часть, где квартирует его полк. И товарищи, и командиры наверняка одобрят его решение, он сделал все, что смог бы сделать, все, что было в его силах. Оправдываться ему вроде бы не в чем: не посрамил себя ни в чем.

Ну, дак и чего теперь делать, дорогой товарищ, рядовой Батагов? Пора тебе удирать, пока не поздно? А ведь поздно-то будет уже совсем скоро»…

Он покрутил головой по сторонам, вглядываясь рассеянно в окружавшие предметы. Не увидел ни вблизи, ни вдали никакого решения.

«Чего же делать-то?»

Стал он размышлять дальше.

«Ну, хорошо, вот приду я такой-сякой, во всем правый, задание, мол, во всем выполнивший. Готов, мол, к получению медали. А меня и спросят: а как, мол, у тебя, дорогой ты наш боец, совесть поживает солдатская? Вот ты красивые сказки говоришь, что патроны все по врагам расстрелял. А гранаты у тебя остались? Остались. А штык солдатский у тебя имелся? Имелся. А оружие трофейное было? Было. Дак какого хрена, рядовой Батагов, ты боевую позицию свою покинул? Разве ты, солдат, имел такой приказ? Пока были силы и оружие было, ты обязан был разить им врага».

Силантий достал газетный огрызок для новой самокрутки.

«И ведь правы будут, когда такие вопросы мне зададут. А на вопросы эти ответов у меня не имеется…»

Надо было принимать решение.

Раскуривая новую цигарку, Батагов вспомнил опять свою семью, недостроенный дом, жену, малых деточек. Посмотрел внимательно на могилу, в которой похоронен напарник Колька Борисов.

Уходить, не уходить?

И спросил сам себя:

— А вот ты сам, рядовой Батагов, что бы ты сделал с твоим подчиненным солдатом, если бы он пришел к тебе со своего поста, покинутого без спросу, и доложил бы, что у него кончились патроны, поэтому воевать больше не может. А у самого оружие трофейное имеется и гранаты.

И сам себе ответил:

— Я бы ему морду набил сначала, а потом отдал бы под трибунал.

Батагов покачал головой, хмыкнул: ну вот и ответил сам себе. Больше вопросов не имеется. Он тяжело поднялся, подошел к Колькиной могиле и высказал другу своему сокровенные слова:

— Не хочу уходить никуда я от тебя, Николаюшко. Останусь тута. Будем лежать рядком веки вечные. Так оно получается…

И он стал думать о предстоящем бое, о том, как организовать ему последнюю с врагом схватку.

Главная его позиция — вот она тут, на старом месте, в окопе. Но долго стрелять ему не дадут, пулемет размолотят танки из своих пушек. Это, как пить дать. Но один снаряд он может пропустить — редко, кто из танкистов попадает с первого выстрела в такую маленькую цель, как пулемет. Сразу же пойдет прицельный снаряд, до него надо успеть уйти.

А куда?

А вот сюда! Метрах в двадцати в кустах возвышается маленький пригорок. На нем Батагов оставил винтовку «Маузер» с двумя подсумками, набитыми полными обоймами, и «Шмайссер» с четырьмя запасными рожками.

Последнюю боевую позицию он организовал за передком расстрелянного им немецкого грузовика. Там тоже оставил винтовку и автомат, и патроны к ним. И две противотанковые гранаты. Эта позиция будет ближе всего к идущим навстречу танкам.

Расчет простой: танки разбивают пулемет — он переползает на вторую позицию, в кустах. Бьет из автомата. Его там обнаруживают, сосредотачивают по нему огонь — он перебирается к машине, к последней боевой точке.

А дальше будет видно. Хотя, то, что никакого «дальше» уже не будет, он понимал теперь совершенно отчетливо и даже спокойно. Понятно было ему, что как только он начнет кидать гранаты, его размолотят танковые пулеметы. Но он для себя все решил. И ни о чем больше не думал, кроме того, что надо идти вперед и воевать.

13

Что за чудеса творит Природа! Война кругом гремит, а случись короткое затишье — и пожалуйста, кругом птичьи концерты! А сегодня, после утреннего боя, считай, день-деньской стоит неумолкающий птичий гомон.

Силантий ждал подхода врага. Но пока стояло затишье, он сидел на кокорине возле своего пулемета среди нагретой солнышком сырости и слушал Весну. В лесу стояла невозможная благодать и Божья красота. Была та самая желанная, родная ему с детства пора, когда Природа уже сбросила со своих плеч, уставших за долгие зимние месяцы, надоевший ей холод, уже начала впитывать в себя целебную, теплую, солнечную энергию. И вокруг-вокруг-вокруг звенит, поет, горланит, трещит и высвистывает чудные, на все лады мелодии самый прекрасный из оркестров — оркестр птиц, вернувшихся в свой лес и радующихся своему возвращению.

Как же не хотелось Силантию Батагову, чтобы в этот желанный для него концерт, в котором каждая нотка была родной, знакомой с детства, вторглись бы какие-то другие, враждебные этой мелодии звуки!

И вот они прогремели, эти звуки. Как в прошлый раз, где-то далеко за лесом, наверно, в самом конце проселочной дороги, идущей с финской стороны. Только сейчас эти звуки были совсем другие. Это было не отчетливое тарахтенье одного-двух моторов, а тяжелый, сплошной шум десятков двигателей, слившихся в единый грозный гул. Этот гул, хотя пока что далекий и частично пропадающий за холмами в провалах местности, уже повис над лесом, как далекая черная грозовая туча. И эта черная туча двигалась к Силантию.

Батагов с грудным холодком осознал: на него надвигается столь большая силушка, что ему одному с ней никак не справиться.

Постепенно грозовой гул приближался к нему, становился отчетливее, нарастал. Но был все еще в глубине леса.

Силантий поднялся с кокорины, отбросил недокуренную цигарку, стянул с головы пилотку и сказал, обращаясь к лесу:

— Спасибо вам, птички дорогие, что спели мне напоследок… По душе пришлась мне ваша песенка…

Потом он нахлобучил на голову пилотку, повернулся в сторону уходящей в лес дороги и сел опять на свою кокорину. Стал слушать, как к нему приближается враг, и снова ушел в свои мысли.

Он уже не думал о смерти. Его уже не пугала эта проклятая старуха с кривой косой, он совсем забыл о ней. Как всякого русского солдата, которому предстояла последняя кровавая схватка с врагом, он думал только о том, как бы одолеть больше врагов, нанести ворогу максимальный урон.

Гул все нарастал и нарастал. Будто не прекращался гром из гонимой к нему черной грозовой тучи.

И отчего-то повисла тяжким, неизбывным грузом на душе чересчур запоздалая, крепко опечалившая его сейчас забота. В этот последний момент, когда шла на него танковая армада, вспомнилось ему вдруг, как, ставши комсомольцем, снял он с себя серебряный крестик, надетый когда-то на его младенческую шейку сельским священником отцом Павлом Васильевским. Как в тридцать втором году по разнарядке парторганизации громил он деревенскую церковь, в которой вековечно находились святые мощи яреньгских чудотворцев Иоанна и Лонгина. Выбрасывал на улицу святые иконы…

Сейчас он искренне не понимал, зачем он делал это? Зачем потерял где-то на запутанной житейской дороге святую Православную веру, которой жили и укреплялись целые поколения предков-поморов?

Он встал на колени, устремил лицо к небу, словно старался увидеть там, в синей дали, Того, кого бросил и забыл когда-то в юности. И стал неумело, коряво и бестолково водружать на себя крестное знамение, стал молиться. Он давно перезабыл все молитвы, которые произносили его родители, которым учила его бабушка, которые и он лепетал когда-то, почти сорок лет назад.

Сейчас он, упершись глазами в Небо, посылал ему слова своей молитвы:

— Батюшко Господь и Ты, матушка Богородица, простите вы меня, Христа ради, бестолкового придурка. Запутался я перед вами. Глупый я, вот и все. Только вы простите меня…

Вспомнил сейчас Силантий простецкую, незамысловатую истину, которую раз сто слыхал у бывалых земляков, хаживавших на морской промысел:

«Кто в море не бывал, тот Богу не маливался!»

Ему был известен простой смысл этой поморской пословицы: будь ты хоть какой умелый, да ухватистый мужик, не важно, верующий или же нет, но когда в открытом море налетит на твой карбас шторм и порвет на тряпочки парус, да как начнут шквалы кидать лодку из стороны в сторону, как легкую дощечку, и когда душенка твоя будет уже готова покинуть никчемное твое тело и улететь в свой дом — в небо, вот тогда ты встанешь в полузатопленном морской водой карбасе на колени среди бушующего моря и заголосишь: «Господи, спаси мою душу грешную!»

Кто в море не бывал, тот Богу не маливался!

Так же и на войне.

Кто он сейчас против вражеской стали, пушек и сотен солдат, надвигающихся на него? Комочек придорожной пыли. Дунь ветерок — его и нету. Он сейчас, как голый младенец перед той Силой, которая руководит всем. Почему-то в свой предсмертный миг Батагов это остро, воочию понял.

Где они — комсомол и партия, которым он столько лет верно служил? Почему они не рядом с ним в этом окопе? Не защищают его перед сильным врагом. Он один здесь, забытый всеми солдат.

С ним остался только Тот, которого он когда-то позабыл, бросил, отрекся от него. Силантий отчетливо осознавал, чувствовал всем своим телом,

как Он внимательно и заботливо смотрит на него и сопереживает ему в этой последней смертельной схватке, глядит из небесной выси, как лицом к лицу с врагом воюет рядовой двадцать третьей стрелковой дивизии Батагов Силантий Егорович.

И осознание того, что он все же не один в этом карельском лесу, что он не брошен, придало ему спокойствия и уверенности.

Но когда он вновь глянул на дорогу, сердце его охолонуло. Прямо на него шла танковая колонна, конец которой скрывался за поворотом. Танки перемежались с грузовиками, в кузовах которых матовым светом посверкивали ряды солдатских касок.

После молитвы Силантию стало как будто легче. Прекратился озноб, сковывающий тело и душу. Глядя на стальную громадину, распластанную по дороге, он почти равнодушно наблюдал, как она, издавая страшный гром, приближается к нему.

14

До впереди идущего танка оставалось метров четыреста, когда колонна вдруг остановилась. Из люка второй машины высунулся военный в офицерской шинели со светлыми погонами и стал махать руками. Он что-то кричал.

Потом из грузовиков стали выпрыгивать солдаты и выстраиваться в цепь.

«А-а, — понял Силантий, — они ведь знают, что где-то здесь мое пулеметное гнездо. Задача солдат теперь обнаружить меня и отдать под танковые залпы. Так они меня должны ухлопать».

Он хмыкнул, криво усмехнулся.

— А хрен вам с маслом, умники. Я хочу еще с вами повоевать самое маленечко. Достаньте меня сперва, гопота чухонская.

И жалко ему в эту минутку было только одного: не успел он напоследок скрутить да выкурить последнюю цыгарочку.

Цепь шла с интервалами шагов в десять-пятнадцать. Густо шла. Танки стояли и ждали, когда появится цель? Когда до солдат оставалось метров восемьдесят, Батагов открыл огонь. По старому обыкновению он аккуратно выцелил офицера, идущего в середине цепи, поймал на мушку его грудь и нажал на гашетку. Пулеметная пуля летит быстро. Пока падал офицер, Силантий прошелся огнем по всей цепи. Оставшиеся в живых солдаты залегли. Батагов продолжал стрелять и по ним. От упавшей на землю цепи к нему доносились стоны раненых, предсмертные крики убитых.

«Сейчас шарахнет передний танк», — только и успел подумать Силантий, как из жерла пушки вылетел темно-красный огонь, и снаряд пролетел у него над головой. Разорвался, ударившись о ствол стоящего сзади дерева. Заскрипела перерубленная пополам лесина, ее вершина свалилась и гулко, с хрустом сучьев ударилась о землю.

— Все, пора уходить, — сказал сам себе Батагов, — второй снаряд будет в цель.

Он погладил горячий казенник своего верного «Максима», сказал ему:

— Прощевай, друг, — и быстро отполз на вторую позицию, где лежали приготовленные заранее автомат и винтовка с патронами.

В ту же секунду раздался оглушающий взрыв танкового снаряда, уже прицельного. Он ударил в землю под самый пулемет, отчего того искорежило и отбросило в сторону. Вместо пулемета осталась только большая, глубокая воронка. До Батагова долетели рыхлые комья земли. Уши от страшного снарядного треска закупорила глухота. Осколки не задели его, пролетели над головой.

Теперь солдаты должны были подняться и идти вперед, продолжить прочесывание местности. Но произошло неожиданное. Люк второго танка опять открылся, и снова появился силуэт офицера в серебряных погонах. Он размахивал руками и что-то кричал. Солдаты из крепко поредевшей цепи поднялись на ноги, подхватили под руки или подняли на плечи раненых и ушли к своим машинам. Убитые остались лежать на земле. Как сообразил Батагов, их позже соберет похоронная команда. Сейчас убитые не нужны, солдаты идут в атаку.

Когда все погрузились, офицер дал команду двигаться вперед. Колонне больше ничего не угрожало: вредоносный пулемет, создавший столько проблем немецкой и финской армии, наконец-то был уничтожен.

Силантий понял, что на этой позиции он бесполезен. Скоро танки приблизятся к третьей его боевой точке. Надо срочно быть там!

Несколькими пружинистыми бросками он перенес тело к канаве, идущей вдоль дороги. Низко пригнувшись, чавкая сапогами в стоящей на дне канавы воде, заливая свои кирзачи, он добрался до подбитого Колькой Борисовым танка, обогнул его и тут же оказался около грузовика, пробитого его пулями и стоящего поперек дороги. Залег за передком. Перед ним на склоне канавки, на молодой, пробивающейся из-под земли траве лежали две его противотанковые гранаты.

Танки были уже близко, метрах в ста, настоящие тяжелые немецкие танки. Не то, что та живопырка, уничтоженная Колькой Борисовым и им.

Машины шли одна за другой ладным, ровным строем, словно на каком-то параде. В другой раз и этот строй, и их могучий, всесокрушающий вид напугали бы, наверно, крестьянского сына Силантия Батагова. Разве кому-то можно встать супротив эдакой армады? Какой силой пересилить? А уж что тут может поделать один почти безоружный солдат?

В этот момент Силантия ничего подобное не смущало и ничего больше его не волновало. Он вышел на последний свой бой. Были только немецкие танки и он, красноармеец, вооруженный двумя гранатами РПГ-40. Две суровые силы, вставшие против друг друга.

В голове у Батагова работала только одна солдатская мысль: как надежнее подбить передний танк, чтобы он потом перекрыл путь всем остальным.

Граната лобовую броню не возьмет. Она у немецкого танка около четырех сантиметров, а РПГ пробивает только два.

Выход тут один — надо действовать так, как учили на танковом полигоне, пока часть Силантия стояла в резерве. Надо пропустить танк и ударить гранатой в заднюю часть, где броня тоньше и где располагается двигатель.

Больше Батагов уже ни о чем не думал. Задача, поставленная им перед самим собой, была ясна: подбить передний танк, чтобы он вместе с уже стоявшими поперек дороги танком и грузовиком плотно перегородил путь вражескому наступлению на железную дорогу и станцию Лоухи, куда прибывали воинские эшелоны.

Расчистка дороги — это время, а дополнительное время даст нашим войскам возможность лучше подготовиться к отражению немецкого наступления.

Немецкий танк наползал на него, словно гигантское, черное, квадратное животное, издающее страшное лающее рычание. И тогда Силантий, перекосив в изрядной злобе лицо, крикнул ему в лоб, во всю черно-стальную махину:

— Иди сюда, падла, я тебе ужо…

И поднял с земли свои гранаты.

Когда передний танк подошел совсем близко, когда Батагов оказался в его мертвой зоне, он резко выпрыгнул из канавы и лег на сырую землю прямо перед танком. Глядя на него, приподнявшись слегка на локтях, поправил тело, чтобы оказаться ровно между гусеницами.

Танк своим страшным, тяжеленным грохочущим телом, казалось, навалился на него и решил задавить его, искромсать, оставить только изуродованное мокрое месиво. Все тесное пространство вокруг заволокла темнота.

Он и в самом деле какими-то острыми частями изодрал на спине шинель и едва не уволок Силантия за собой. Но тот впился в землю всеми силами, как только мог…

Как только брызнул в глаза дневной свет, Батагов с двумя гранатами — по одной в каждой руке — вскочил на ноги и прицельно бросил одну в то слабое для танка место, где стальная решетка закрывает двигатель. Он целил в эту самую решетку. И попал! Он в это мгновение испытал чувство, сладкое для всякого солдата — чувство победы над врагом. Успел испытать это чувство! Он попал гранатой именно туда, куда и должен был попасть — он разбил двигатель вражеского танка!

В следующее мгновение он был убит.

Силантий успел сделать только движение, чтобы перехватить вторую гранату. Но не успел завершить это движение.

Его сразило наповал слишком много металла, прилетевшего в его тело. Это были пулеметные пули, выпущенные из второго танка, перерубившие его, и осколки корпуса брошенной им самим гранаты. Он оказался слишком близко от взрыва. Батагов упал на сырую дорогу…

Передний танк задымил. Колонна встала.

Поднялся люк на башне второго танка. Из нее показался офицер с алой окантовкой серебристых погон оберштурмбаннфюрера СС. Держа около лица микрофон рации, он стал выкрикивать команды для всей колонны. Это был командир танкового полка дивизии СС «Север», разворачивающей наступление на русскую железную дорогу Мурманск — Вологда.

По его команде прибежали солдаты и принялись тушить пожар на переднем танке. Они в канаве набирали воду в ведра и поливали ее в люк двигателя. Им помогал танковый экипаж.

Одновременно командир полка дал указание солдатам, находящимся в грузовиках, прочесать местность на предмет обнаружения и уничтожения живой силы противника, способной напасть на колонну.

Оберштурмбаннфюрер спустился с танка и в сопровождении двух солдат лично осмотрел всю близлежащую территорию. Он ходил среди деревьев и кустов и качал головой. Повсюду было много трупов финских и немецких солдат, валялось оружие. Офицер искал боевые позиции красноармейцев,

уничтоживших так много его солдат. Их должно быть не менее взвода, полагал он. Но нашел только один пулеметный окоп, да одну свежую могилу.

Опытный офицер, он понял, что здесь воевал, вел огонь только один русский пулеметчик, похоронивший своего убитого второго номера. Только один!

Немецкий подполковник был поражен всем увиденным. На дорогах войны такого он еще не встречал. Он всегда был уверен во всепобеждающей мощи немецкого оружия и в доблести солдат Вермахта. Так было везде — и в побежденной Европе, и в России. А эти два рядовых красноармейца ухлопали не меньше взвода и разрушили несколько единиц техники. Это было невообразимо:

— Германии трудно будет победить Россию, если за нее воюют такие солдаты.

У оберштурмбаннфюрера запокалывало сердце.

Он вернулся к своему танку. Тело убитого красноармейца уже было отброшено на обочину дороги. Офицер заставил себя вглядеться в его лицо. Что-то должно быть в нем, не понятое еще, не постигнутое… Да нет, не было в нем ничего особенного. Самое обыкновенное, крестьянское, мужицкое лицо, каких он видал уже сотни среди русских пленных, да еще заляпанное дорожной грязью…

И эта обыкновенность почему-то еще более раздосадовала немецкого офицера. Было очевидно, что он не понял чего-то главного…

К нему пришли с докладом, что никаких красноармейских формирований поблизости не обнаружено.

— Это я и без вас знаю, — хмуро сказал офицер и дал команду собрать около его танка экипажи первых десяти машин и солдат, участвовавших в поиске.

Он заставил солдат перенести тело красноармейца к обнаруженной могиле и выкопать еще одну.

Подполковник построил своих солдат около тела Батагова и сказал:

— Этот русский солдат наш враг, и мы сделали правильно, что убили его. Враги Рейха должны быть уничтожены! Так будет с каждым, кто выступит против немецкого оружия!

— В то же время, — тут голос подполковника повысился, приобрел оттенки парадности, — доблестная немецкая армия свято чтит подвиг любого солдата, если он погиб в бою, защищая интересы своей страны, и проявил при этом солдатскую отвагу и мужество. Их солдатский подвиг должен быть для нас примером. Я бы хотел, чтобы храбрые солдаты моего полка умели воевать так же достойно, как этот поверженный нами русский солдат. Он один в неравной борьбе сумел на два дня задержать наше наступление на передовые порядки красных.

И отдал команду похоронить его рядом с могилой другого красного бойца.

И этот приказ был выполнен.

15

В шестьдесят восьмом полку двадцать третьей гвардейской стрелковой дивизии имелись данные только о том, что вторая рота шестнадцатого батальона в неравном бою с противником погибла полностью. Никто не полу-

чал данных о последних боях рядовых Батагова и Борисова и о том, как они погибли. Местность, где они воевали, была занята противником. Поэтому бойцы стали числиться пропавшими без вести. Их семьи не получили «похоронок» — сведений об их гибели, которые давали право на государственное вспомоществование, то есть на помощь государства, которая помогла бы выжить семьям в суровое военное время. Дети Силантия Батагова чудом не умерли голодной смертью, выжили только благодаря помощи добрых людей.

Холмики над солдатскими могилами давно сравнялись с землей. Теперь никто не знает, что здесь лежат герои, совершившие славный подвиг во имя Родины.

И это судьба не только их, а миллионов наших солдат.

И только каждую весну лесная птица — огромный краснобровый, черносизый глухарь, в восторженном брачном упоении задрав бородатую голову, распушив веером свой хвост, ломая когтистыми лапами нежный весенний ледок, голося азартную вековечную песню, важно проходит мимо этих затерянных в лесу могил.

Как и в военном сорок втором году, он каждую весну приносит лежащим в земле солдатам добрые весточки из родных мест.

16

Наверно, когда мой дед уходил на войну, он очень печалился, что не успел достроить свой дом и дошить свой карбасок.

И не увидел, не покачал на руках своего сына Витеньку, которого так ждал. Виктор, мой дядя, родился уже после гибели своего отца.

Когда я сижу на морском берегу и вспоминаю своего деда, я всегда вглядываюсь в морскую даль. И чудится мне, что там, за морским горизонтом, в туманном мареве плывет карбасок. Сидит в нем за легкими веселками мой дедушка и плывет из дальней-дальней дали к родному берегу.

Стоит яркий летний денек, и солнышко красит в розовый цвет родную сторонку. На берегу стоит деревня Яреньга, в которой родился и жил до войны мой дед. И вся она в розовом цвете, и крыши домов тоже розовые. По-над крышами в небе висят купола деревенской церкви, и их золото так же все в розовых оттенках.

И выходит из деревни, выхаживает на морской бережок его семья — жена Мария, дочки Оленька и Ульянка. Они идут, держа за руки друг друга. А вокруг них бегает его сынок Витенька в драных, но чистеньких штанишках. И шалит, и шалит…

Семья выходит к самой морской кромке. Все прикладывают руки «козырьками» поверх глаз и вглядываются в морскую даль. Они не видят заветный карбасок, но высматривают его за морским горизонтом. Они знают точно, что лодка его там, в туманном мареве. И они зовут к себе своего Егора:

— Эй, — кричат они, — плыви к нам быстрее! Мы ждем тебя! Очень ждем!

А дед видит их, слышит их зов и кричит им громко, как можно более громко:

— Я зде-есь! Я плыву к вам! Дождитесь меня!

Но семья не может пока его разглядеть и расслышать. Они просто знают, что он плывет к ним.

Все время плывет.

ПОЭЗИЯ

Иеромонах РОМАН (МАТЮШИН-ПРАВДИН)

«ВЕЛИК НЕ ТОТ, КТО ЗАБАВЛЯЛ НАРОДЫ, А ТОТ, КТО ДУШИ ПРИВОДИЛ К ХРИСТУ!»

Иеромонах Роман (Матюшин) — родился в 1954 г. в селе Рябчевске. Учился в университете, преподавал в школе. В 1983 г. принял монашеский постриг. В 1985 г. рукоположен в иеромонахи. Автор многих книг стихотворений и песен. **Живет в скиту Ветрово, недалеко от Пскова.**

ЗАИГРАЛИСЬ!

Безудержно любуемся собой,
И спорим — обо всем и ни о чем.
Так и дитя придумывает бой,
Где всех разит игрушечным мечом.

Уже дымят родимые края!
А деревянный конь в атаку мчит.
Удар мечом — повержена скамья,
И старый кот проснулся на печи.

Земля в огне! —
Но что за дело нам?
Разбросаны игрушки на полу:
Выискиваем бисер по углам,
А рады… разноцветному стеклу.

И в словесах, как в небесах парим —
Но Высота ли — наша «высота»?
О гордый ум! Смири себя, замри,
Призвав на помощь кроткого Христа!

ПЕРЕД БЕДОЙ

Чем больше слов, тем меньше смысла.
Увы, глашатаев не счесть.
Во дни художественных свистов
Освистана Благая Весть.

На развлечения — как в омут:
Толпа к высокому глуха.
Но устремление к мірскому —
Приумножение греха.

Ничто под звездами не ново.
Тварь заглушает Божий глас.
Но коль слова не ради Слова —
Тогда они осудят нас.

Кадят и Богу, и кумирам.
Забыли овцы и пастух:
Пропитываясь духом міра,
Теряем Неотмірный Дух.

И в век позорный, разногласный
Христианин из россиян
Пред всеми крестится показно
И держит свечку как стакан.

А что святители? Спасают.
Теперь уж бреют, не стригут.
Все говорят: овец питают…
С чего же хищники растут?

Господь попустит — кто избавит
От потрясений штормовых?
Конечно, к стенке нас поставят.
Не зря же мы возводим их…

МЕЖА

Есть то, что выше разуменья!
И чуть заметная межа
Остерегает от паденья
Спешащих сделать гордый шаг.

Межа не только в огороде,
Всем нужно быть настороже:
Она везде — в міру, в Синоде,
В семье и в собственной душе.

Не все по полочкам разложишь…
Язык, уймись, коль ум неймет!

Не выдавай свое за Божье —
Свое паденье за полет.

Мы все летим и мним, что реем,
И судим падающих враз:
Ведь кто низринулся быстрее,
Стоял намного выше нас.

Межа не держит… Прав ли кто-то?
Пророчествует иль чудит?
Увы! Паденье от полета
Лишь приземленье отличит.

КТО МЫ?

О новых миссионерах…

Как раньше было пионеров,
Так нынче нас, миссионеров.

Не просвещенье, а прельщенье,
Коль разуменья ни на грош.
На все даем благословенье,
И где нас только не найдешь.

Мы там, где скачки, пляски, ругань,
Где гордость тешится собой.
Пропахли табаком хоругви?
Расхристан вид? Зато — любовь!

Но говоря о жизни новой,
Кичась ответами из книг,
Мы обесцениваем слово,
Не умолкая ни на миг.

Отсечь бы — нет, воцерковляем!
Нам суета не суета.

Всем, чем угодно, *прославляем*:
Ну как же, бал — и без Христа!

Тревожат горькие подмены.
Сего ли ждет от нас Господь?
Не потому ли чтим спортсменов,
Что слишком возлюбили плоть?

Не рушим, а кадим кумирам,
Подстраивая Храм под всех.
И, одобряя игры мира,
Мы узакониваем грех.

Взываем, стелемся пред всеми,
Но измененья в душах — ноль.
А может, мы не Божье семя,
А обессоленная соль?

О КОМ ПЕЧАЛЬ?

Террор от СМИ рождает террористов.
Орудьем водит не рука — душа!
Чиста душа — и все творенье чисто,
Душа смердит — из-под руки парша!

Скорбят вожди — почти правдивы лица.
Убийство грех, но грех «творцов» сугуб:
Бандит с обрезом иль ножом — убийца,
Бандит с пером иль кистью — душегуб!

По нечестивцам отыграют мессы,
Но сердце растревожено от дум:
Кто боле жалок — бесы, что от прессы,
Иль маршем защищающие глум?

Уже бесславных славой одарили,
Они теперь живее всех живых!
О ком печаль? Одни других родили,
А те пожрали породивших их.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КРЫМА

Фашист не брат. Хатынь — порука:
Там, где славян славяне жгли.
Не брата тронули, не друга —
Мы от фашиста Крым спасли.

А мир, что вероломством славен,
Рисует образ дикаря.
Убийцы вспомнили о праве,
Лжецы неправдою корят!

Верх европейского цинизма.
Мать Русских городов в огне!
Пока мы боремся с фашизмом,
Господь на нашей стороне.

Пусть новоявленным иудам
Претит победа над чумой…

Не знаю радостней минуты,
Чем возвращение домой.

И ПОЛЗАЮТ, И ХОДЯТ, И ЛЕТАЮТ…

…Молитва — полет, все остальное — ходьба или ползанье…
(из разговора)

И ползают, и ходят, и летают —
Младенцы, дети, взрослые мужи.
Но первое, второе отметая,
Пред миром ты полеты ублажил.

И всех из люльки воспарить зовешь…
Аль приземлился, что ревмя ревешь?

Всему своя пора на белом свете,
И как бы кто кого не обличал,
Молитва — все!
Никто не спорит с этим,
Но *баюшки* — начало всех начал!

* * *

«Блестящий ум! Ничем не одолеть!
Достоинство любого мудреца!»
Ум-Проводник!
Он должен не блестеть,
А выводить и приводить сердца!

Кто погибал, блуждая, тот поймет…
Кто люб тебе, скитающийся в чаще?
Ребенок малый, что домой ведет,
Иль взрослый муж,
от дома уводящий?

ПО УШАМ И ЗВУКИ

Те, кто любят безмолвные горы,
Суету площадей обойдут.
Оставляем любителей споров
С полуправдой, что правдой зовут.

Вон сцепились — вздуваются вены!
Что им море? Им пена… — бери!
И глотают безудержно пену,
Чтоб потом выдувать пузыри.

Сапогами проходят по душам.
Разлетелись давно соловьи…
О, ценитель из басни, послушай:
Не выпячивай уши свои!

ВОЛЬНОМУ ВОЛЯ

Каждый волен чем хочет питаться.
Рост не тот? Не ругайте сады!
До высоких плодов не добраться?
Поедайте гнилые плоды!

* * *

Нельзя — с завистниками спорить
И жемчуг под ноги метать!
Их цель — Святое замусолить,
А, замусолив, растоптать.

Слоны идут — наш мир не нов.
И моськи лают на слонов.

Не осуждайте таковых:
Ну кто ж тогда заметит их?

ВЫБОР

Есть две горы — Голгофа и Парнас.
А выбор и последствия — от нас.

И каждая наглавьем из венца
Влечет к себе несхожие сердца.

Неверному никак не разглядеть
Под смертью — Жизнь, под суежизнью — смерть.

И царство Света, и лжецарство тьмы!
Воюют горы? Нет, воюем мы!

И чтоб не взял ты, кисть иль карандаш,
Одной горе хвалу и честь воздашь.

Куда бы не направил сердца взор,
Он устремится на одну из гор.

И где бы ни был, в поле, в алтаре —
Приносишь дар всегда одной горе.

И в смертный час наследуем дары
От некогда возлюбленной горы.

И у́зрят все — о Радость, о туга́! —
Кто Спаса, кто губителя-врага.

НОЧЬЮ

И вроде бы все — Божья Милость,
И радостен шепот весны.
Но что-то в ночи изменилось,
А что? Не понять без луны.

Не слышно собачьего лая,
Как будто повымер народ.
Восходит луна, оживляя
И снег, и светящийся лед.

Снега, что на солнце сгорают,
Морозец повывесил в ряд —
Под старою крышей сарая
Сережки-сосульки искрят.

Таинственно светозвучанье
В победном остатнем строю —
Играют живым на прощанье
Последнюю песню свою!

Послушай подлунные звуки!
Им только до завтра звенеть.
Весенние свечи-сосульки,
Не вам этот мир обогреть!

Щемяще недолго искрили,
Огнем неопальным горя.
А все ж, красоту отразили
И, значит, являлись не зря!

А завтра… а нужно ль об этом?
И время ли горьким речам?
Вы были пронизаны светом.
А в свете какая печаль?

И горечи нет от разлуки:
Под этой же самой луной
Опять замерцают сосульки —
Служа Красоте неземной.

* * *

Не делайте кумиров из поэтов!
Не надевайте нимбы на рога!
С огнем ищите праведных по свету:
Их дух нужней, чем яркая строка.

Зачем толочь в ступе все время воду,
Ломая копья, множить суету?
Велик не тот, кто забавлял народы,
А тот, кто души приводил к Христу!

Кто сколь привел? А наш ли этот труд?
Есть Божий Суд!

ПОЭЗИЯ

Николай БУРЛЯЕВ

«Я СМЕРТИ НЕ БОЮСЬ, Я ВИДЕЛ СВЕТ…»

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 г. в Москве. Окончил актерский ф-т театрального училища им. Б. В. Щукина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине и др. Создатель и президент Международного кинофорума «Золотой Витязь». Председатель международного Объединения кинематографистов Славянских и Православных народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист России. Работает в кинематографе с 1959 г. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преподобного Сергия Радонежского III степени и Международной премии, ордена Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного. Член Союза кинематографистов СССР, член правления Союза кинематографистов России. Член Союза писателей России. Художественный руководитель киностудии «Отечество». **Живет в Москве.**

Имя Николая Бурляева знает, наверное, каждый русский человек. Незабываемы роли, созданные выдающимся артистом в кино. Это даже не роли — это самостоятельные жизни, в которых Николай Бурляев, раскрывая глубинные смыслы русской души, национального бытия, исследует собственным жизненным опытом природу подвига и подвижничества, любви и веры, жизни и смерти. Русский мир так богат, так одухотворен, так сложен, что одной человеческой жизни недостаточно, чтобы осознать и вместить в сердце все его сокровища. Стремление к полноте этого осознания подвигло Николая Петровича к артистическому служению, которому в художественных категориях подвластны времена и пространства. Но эта стезя оказалась лишь ступенью, потому что без литературы, без поэзии, без философии и истории трудно судить о достоверности познания и отражения жизни, а в идеале — о всей сложности бытия. Многогранность интересов и творческих поисков, разносторонность дарований позволяет говорить о Николае Бурляеве как о современном мыслителе, выдающемся писателе, тонком лирике. Причем его творчество не оторвано от жизни, оно, обладая значительной общественно-социальной составляющей в плане всемирного Форума «Золотой Витязь», актуально и имеет точно выверенное направление — к поприщу чести, к истине, к красоте, к спасению.

Уважаемый Николай Петрович, поздравляем Вас с Юбилеем. Желаем здоровья, новых литературных и кинематографических достижений, Божией помощи во всех Ваших добрых делах и начинаниях.

Редакция, авторы,
читатели журнала «Родная Ладога»

* * *

Я смерти не боюсь.
Я видел Свет:
Добра сиянье…
Бесконечность…
Открылось мне,
Что дух и Вечность —
Неразделимы.
Смерти — нет!
Умрут лишь только
Зло и плоть.
Добро —
Единый Царь Вселенной,
Непобедимый
И нетленный —
Души пречистая любовь.
Я смерти не боюсь,
Но жизнь люблю.
И жить хочу
Как можно доле!
Зло побеждая
Доброй волей,
Все претерплю
И устою!

* * *

Что такое — стать собой?
Жизнь свою перелистать…
До беспамятства страдать,
Ужаснувшись вдруг душой
Злом, содеянным тобой.
Скольким боль ты причинял,
И любя, и не любя?..
Свое счастье разрушал
И оправдывал себя?..

ЛИСТОПАД

Голову ласкает листопад:
День и ночь потоком золотистым
Лес роняет пышный свой наряд,
Листопад — преображенье листьев.
Хоровод рожденья и конца.
На ладони приговор природы:
Желтая иссушенность листа,
Черные веснушки перехода.
Душа в душу лист с березой жил,
Был частицей мудрого единства,
Ветер тленья листик остудил,
От души отторгнул материнской.
А когда береза отживет
И замрет уродливо, в печали,
В землю из корней душа уйдет,
С ней они единство составляли.
Душа в душу,
с чем живешь свой век?..
Проследи за устремленьем мысли,
Помолчи, подумай, человек,
С Чем — твое бессмертное единство?..

* * *

Разум — ристалище Света и тьмы:
Бой с переменным успехом.
С мыслимой выси в силки сатаны
Вечно ль порхать человеку?
Сети разметаны слугами зла:
Пьянство, стяжанье и похоть.
Молодость на постиженье ушла,
Что — хорошо и что — плохо.
Рвется душа из упругих сетей,
Пару узлов разрубила:
Темная воля в сознанье слабей,
Бдительней светлая сила.
Впрочем, вчера, полетав в вышине,
Мыслью за сеть зацепился.
И, насладившись запретным в уме,
Сам на себя разозлился.
Разум — ристалище Света и тьмы:
Бой с переменным успехом.
С мыслимой выси в силки сатаны
Вечно ль порхать человеку?..

СИБИРЬ

Мороз России сохранил
Сибири душу первозданной,
И чуждый дух заледенил
Удел «ста тысячи Иванов».
Здесь выпадает чистый снег,
Природа красотой богата,
Здесь сохраняет человек
Расположение к собрату.
Когда России угрожали
Несметной силою полки,
Мы за Уралом мощь собрали:
Вступили в бой сибиряки.
Когда больные города
Грехом и злобой утомятся,
Почуют свой конец, тогда
Придут Сибирью исцеляться.
Сибирь — Российская мессия,
Святая Русская страна,
Сибирь у нас — лицо России,
Кулак, надежная стена.

ПЕСНЯ О МАТЕРИ

В беспредельном, звездном,
Солнцеликом Мире,
На земле волшебной,
В пресвятой России
Жизни Свет пронзительный
Подарила Мать:
Здесь мне петь и верить,
И полет познать.
То взлетал, то падал я,
Разбивался в кровь,
Открывал Россию —
Волю без оков;
Неуемно-буйную,
Нежно-терпеливую,
Щедрую, надежную,
Статную, красивую,
Гордую и смелую,
Любящую, сильную,
Верную, пречистую
Матушку Россию.
Горем и лишением
Ты — непобедима.
Злою темной силою
Ты — неистребима.
Верить и надеяться,
И любить сквозь мрак
Можешь ты с улыбкою
Доброй на устах.
Ту улыбку, облик тот
Я с рожденья знал…
Кто ты?.. Вдруг в улыбке той —
Мать я увидал!
В лицах двух — единая
Мне явилась Мать…
Вглядываясь в Русь мою —
Мать я смог понять.
Ведь недаром «Матушкой»
Русь отцами названа.
Я давно известному,
Как открытью, радуюсь.
Посвящая Матери
Жизни песнь мою,
Русь в обличье Матери
Я благодарю:
Что дала мне веру
В Свет и непокорство,
Что дала мне силы
В бой со злом вступить,
Что дала мне крылья —
Вольное упорство,
Честь мне оказала —
Твоим сыном быть.

ПРОГУЛКА В ГОРАХ КАХЕТИИ

Алаверды не пропадал из глаз,
Пока мы мчались
Кахетинскою тропою…
Вдруг — Иколто обрушился на нас
Над мирною, соборной тишиною.
Кавкасиони — Алазанский страж,
Ограда вольной Сакартвело,
Оцепенел в тумане, как мираж,
Храня свободные уделы.

* * *

Отныне, Грузия, тебе
Часть сердца отдаю.
Я душу и судьбу навек
С тобой соединю.
За справедливость, доброту,
За мудрость, красоту,
За чувств тепло и глубину,
За все благодарю.
За вольность дивную твою —
Живой воды струю,
Склоняю голову свою,
Как брат, тебя люблю.

* * *

Посмотрю на озеро лесное…
Погружусь в безмолвья глубину…
Единенье двух миров открою —
Явь с небытием соединю.
Стоя в океане сотворенном,
Мыслью проникаю за туман…
Без преград, за колокольным звоном
Я плыву в Незримый Океан.

* * *

Я над пропастью любуюсь бездной горной.
Не боюсь сорваться, легче пуха…
Жизнь хрупка, не вечна — смертной формой,
Но мощна, нетленна — Светом Духа.
Обветшают книга, кинопленка,
Холст вода размоет, камня груду…
Смысл жизни — в чистоте ребенка.
Цель — помочь душой подняться людям,
Чтобы миллиарды «Я» бессмертных
Истину свободно познавали,
И встречаясь, лишь добра и света,
Единенья душ своих желали.

* * *

Пронзая мыслью время и пространство,
В темнице фарисеев рву оковы,
К Тебе стремлюсь, води моей душою,
Благослови сказать святое слово.
Вопль материнства и безволие отцов,
Безверие, апатия, забвенье,
Падение пресыщенных юнцов…
Печально я гляжу на наше поколенье.
Есть внутренний природы тайный Свет —
Свет хлеба, дерева, Свет всякого предмета.
И умирает человек, исчерпав Свет.
Родится человек, пронзенный Светом.

ПОЭЗИЯ

Иван СТРЕМЯКОВ

ДЕТИ ГЛУХОМАНИ

Иван Степанович Стремяков — родился в 1941 г. в деревне Староабрамкино Томской обл. После окончания школы работал в совхозе, служил в Советской Армии. В 1970 г. окончил медицинский институт в Томске. Первая публикация стихов в 1954 г. Автор многих сборников поэзии. Член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

В ТАЙГЕ

Опять я не знаю покоя,
С обидою новой знаком,
Шагаю угрюмой тайгою
С тяжелым своим рюкзаком.

Тайга не подруга, конечно,
Не рай у нее в шалаше,
Но гул ее ровный и вечный
Понятен усталой душе.

Глаза на минуту закрою:
Как ветер привольно шумит!
В нем слышится что-то такое,
Что выше тревог и обид.

АВДЕЙ

Старик Авдей с берданкою,
Артели старожил,
Кули с крупою манкою
Ночами сторожил.

Морозец помораживал,
А он, суровобров,
Покуривал, похаживал,
Попугивал воров.

Похаживал, попугивал
Парней охальных дед,
Народишко поругивал,
Что «дистиплины» нет.

Стерег обыкновенную
Артельную суму,
А словно бы вселенную
Доверили ему.

ПОГОСТ

Не хочется этому верить,
Но так это было тогда:
Подмыла податливый берег
Крутая обская вода —

Открылось двадцатому веку,
Узнали бурят и якут —
В большую сибирскую реку
Людские останки текут.

Такого не знали вовеки,
Уже побежал шепоток:
«Политзаключенные… Зэки…»
Обком «разобраться» помог:

Кровавой эпохи приметы
Брандспойты смели без труда,
И носит останки по свету
Шальная обская вода.

Кому это надобно было —
Глумиться над теми, кто свят?
Они без креста и могилы
В холодной пучине лежат,

Как будто расстреляны снова,
И снова поругана честь.
Взирают потомки сурово
На все, что содеяно здесь.

И скоро у этой излуки,
Над этой печальной водой
Поставят часовенку внуки
И крест вознесут золотой.

* * *

Трава да мох. Болота да елани.
На край земли планида увела.
Мы из глуши. Мы дети глухомани —
Сурового медвежьего угла.

У нас пимы. У нас не папы — тяти,
Пропахшие ядреным табаком.
Музейно-допотопные полати,
Как ящеры, парят под потолком.

Мы окопались тут, в тиши, навеки.
Разбили станы у Оби-реки.
Неандертальцы. Люди-человеки.
Чалдоны. Староверы. Кержаки.

Спросите хоть у кума, дяди Феди,
Что на ночь моет ноги, говорят,
По улицам шатаются медведи,
А по забокам лешие шалят.

ВОЛЧИЦА

Этой стаей волков верховодит волчица,
Не страшны ей, матерой, ни нож, ни ружье,
Ей бы только суровою быть научиться,
Да забыть на земле назначенье свое.

Трудно матерью быть в этом мире жестоком:
Надо волчий закон исполнять до конца!
Как береза, она наливается соком,
И во взгляде ее проступает ленца,

И далекий лесок, точно облако, тает,
Уплывает земля, и тропы не видать…
Но нельзя ей, нельзя эту бедную стаю —
Стариков и калек — на погибель отдать!

А бураны черны, а морозы жестоки,
И все ближе собак сокрушительный вой,
И просрочены все невозвратные сроки,
Чтобы выбрать момент и уйти на покой —

В безопасной норе не спеша разродиться,
Услыхать над собой шум весенних берез…
И не спит по ночам, и решает волчица
Свой звериный, лесной, окаянный вопрос.

МЕДВЕДЬ

Упали косы и мотыги,
В пространство пули унеслись.
Он улепетывал, топтыгин,
Под улюлюканье и свист.

Скатившись кубарем с пригорка,
Рванул он к лесу напрямки.
Визжали бабы от восторга,
И гоготали мужики.

Детишки хлопали в ладоши,
Желая Мишеньке добра,
А он, злодей, гнедую лошадь
Освежевал еще вчера.

Он за июль село Кружило
В который раз обворовал.
Его Кружило окружило
И уложило б наповал,

Да две слезинки подглядело
В его глазах и потому
Его, бродягу, пожалело
И помахало вслед ему.

СКВОРЕЦ

Со снегами и ливнями споря,
Ободряя себя: «Не робей!»,
Возвратился скворец из-за моря,
А в избе у него воробей.

Шугануть бы злодея из хаты,
Отметелить, прогнать бы взашей,
Да в гнезде у него воробьята —
Трое голых еще малышей.

Воробьиной семьи не тревожа,
Удалился в лесок не спеша,
И у малого скворушки тоже
Существует большая душа.

На окраине рощи окрестной
Отыскал себе дом наконец
И залился веселою песней,
Сам себя уважая, скворец.

ПАЙ-МАЛЬЧИКИ

Быть пай-мальчиком в детстве
не гоже —
Все изведай — жару и буран.
Что за детство без цыпок на коже,
Комариных укусов и ран?

Я безоблачно жить не пытался,
Испытал и мороз, и грозу,
Сколько раз я тонул и терялся,
Как теленок, в окрестном лесу!

Я на кедры высокие лазал
И портянки сушил у костра,
Никакая простуда-зараза,
Атамана, меня не брала.

Пусть потертое чье-то пальтишко
Я донашивал, плохо обут,
Не завидую я ребятишкам,
Что в другую эпоху живут.

Говорю им: «Эх вы, сладкоежки,
Кто вас счастьем земным обделил?
Вам достались одни головешки
От костра, что нам в детстве светил».

МАТЬ

Фантастика, но это было,
И не могло иначе быть:
Сумела Каменку кобыла,
Стреноженная, переплыть!

Она аллюра не любила,
Была не ветреных пород:
Ее неведомая сила
Швырнула в тот водоворот.

Смотрели мы с горы, отчаясь,
Но дотянула, доплыла
И вышла на берег, качаясь,
Поскольку — матерью была,

А за рекой среди сосенок,
И голоден, и одинок,
Стоял и плакал жеребенок,
Ее забытый сосунок.

ЧУКЧА

Волны серые, косые
В берег бьют, метель метет,
На краю большой России
Чукча маленький живет.

Круглый год, не зная лени,
В запорошенной тиши
Он пасет своих оленей,
Рыбу ловит, потрошит.

Не смотри, что небогато
Человек обут-одет,
У него ума палата,
Он философ и поэт.

Пусть врали и пустолайки,
На Канарах грея бок,
Про него слагают байки,
Дескать, глуп и недалек.

Он признания не ищет,
Утонув в своих снегах...
Кто не мелет язычищем,
Тот и ходит в дураках.

ОХРАННИК

Судьба меня связала
С охраною навек,
На стройках и вокзалах
Я главный человек.

Я зорким быть обязан,
Глаза мои — ножи:
Ведь разворуют разом,
Лишь плохо положи.

«А ну-ка, марш отселя!» —
Прикрикну на бомжа.
Пропала бы Расея,
Когда б не сторожа.

ЕЛЬ

Одна нам Отчизна с тобой дорога,
Пускай мы и голы, и босы.
Что видели в детстве? Снега и снега.
Что — в юности? Льды и торосы.

Скрипела в лесу суковатая ель,
А в чаще старинного бора
Кружила над нами старуха-метель,
Как будто над жертвою ворон.

И холод, и голод, и мрак ледяной,
И ветры разбойные свищут,
Но мы не искали Отчизны иной,
Ее за морями не ищут.

Что, юноша, мелешь? Что сдуру несешь?
Не слушаешь деда и бабку!

Ее на базаре не купишь за грош,
Ее не сменяешь, как шапку.

Пусть чеботы вязнут в трясине полей,
Пусть небо над Родиной грозно,
Но знает и каждый в полях воробей,
Что Родина — это серьезно.

Опять за окном расходилась метель,
Но мне у печурки не зябко,
И стонет в лесу суковатая ель —
Моя повивальная бабка.

РУССКАЯ ЧЕРЕМУХА

Не напрасно тобою
Любовался Есенин
И тебя, дорогую,
В чистом сердце носил:

Ты стоишь над рекою
В белом платье весеннем —
Величавое чудо
Родниковой Руси.

В лепестках твоих чистых
По весне утопая
И любимых целуя,
Вспоминаем мы вновь,

Как зимою суровой,
Снегирей согревая,
Охраняла ты нежность,
Защищала любовь.

Вот опять над тобою
Небосвод нежно-розов,
Лебединая стая
В вышине проплыла —

Это наша Россия
После бурь и морозов,
После сечи кровавой
На ветру расцвела.

РОДИНА ЛЮБИМАЯ

Погрозила пальчиком
На ночь туча грозная
И ушла на сторону,
Громко грохоча, —
Над селом Абрамкино
Снова небо звездное,
За рекою Ягодной
Лебеди кричат.

Здесь мои товарищи,
Здесь мои родители,
Звезд незанавешенных
Негасимый свет.
Вы куда нацелились,
Коренные жители?
Ничего хорошего
За морями нет.

Расцветет черемуха —
Сельская красавица,
Разольет по горницам
Свой душистый мед —
На чужой сторонушке
Сердце опечалится,
Ни любви, ни радости
Там не обретет.

Нечего печалиться
Над рекой Аленушке:
Прилетит Иванушка,
В том сомненья нет.
Хорошо на родине,
На родной сторонушке.
Родина любимая —
Негасимый свет.

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

«НЕ СОВСЕМ ПРОПАЩИЙ»... ИЛИ КОЭФФИЦИЕНТ ПРАВДОПОДОБИЯ

Темы и смыслы прозы Игоря Изборцева /Смолькина/. Роман «Спастись еще возможно», повесть «Всего лишь пепел», «Роман в письмах по e-mail "Великий"». К 55-летию со дня рождения

Валентина Валентиновна Ефимовская — коренной житель Санкт-Петербурга, родилась в Ленинграде, имеет два высших образования. Поэт, литературный критик, заместитель гл. ред. журнала «Родная Ладога», автор четырех книг поэзии и книги критики «Резонанс жизни». Руководитель Северо-Западного отделения Академии Российской словесности, советник Российской академии естественных наук, лауреат литературных премий им. Гумилева, «Прохоровское поле», «Имперская культура», «Золотой Витязь», награждена многими медалями, орденом Анастасии Узорешительницы. Секретарь Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

«Всему есть мера, — говорит один из героев романа Игоря Изборцева «Спастись еще возможно, — это я точно знаю. Я не сразу это понял. Долго жил, будто нет никакой меры. Будто можно все»... Кажется, нет ничего нового в этих словах, подтверждение которым в той или иной транскрипции мы слышим на протяжении жизни, и ею же их проверяем. Действительно, есть мера дня и ночи, времен года и самого человеческого века, характеризующегося глубиной пропасти возможного нравственного падения или высотой духовного роста. И только меры безмерной Божественной Любви нет. Для художественной литературы эпохи постмодерна эти категории кажутся устаревшими, сказочно-архаичными, метафоричными. Немногие современные писатели могут рассказывать не об эволюции вкусов и мод или о своих болезненных рефлексиях, а о реальном бытии невидимого, о путях божественных энергий, о поиске истинной человеческой сущности. Для этого нужно особое, горнее зрение, каким обладает известный современный русский писатель Игорь Александрович Изборцев (Смолькин), создающий в наш секулярный век произведения о преображении человеческой души, о ее просветлении верой.

Используя опыт русской религиозной философии и традиции художественной литературы ее золотого периода, пронизанной отблесками нетварного света, писателю легче увидеть изъяны современного мира, обращенного не к небесам, а исключительно к самому себе. Хотя с общепринятой гуманистической точки зрения считается, что процесс секуляризации благотворно повлиял на развитие и сплоченность человеческого общества, культура которого, освобожденная от религиозных догм, стала бурно развиваться во

всех направлениях. Так с сомнением говорит о превозносимых достоинствах секуляризации в современном мире французский богослов, историк, профессор Свято-Сергиевского православного института в Париже Оливье Клеман: «Сегодня впервые в истории объединяющая планету западная культура представляется культурой открытой, вопрошающей, светской, лишенной как признаваемого духовного авторитета, так и доминирующей и унифицирующей религиозной идеологии… Наука, техника, знания и искусства, государство и экономическая жизнь отныне располагаются вне так называемой религиозной сферы. Ни государство не имеет намерения управлять церковью, — или церквами, — ни церковь государством. Философия уже давно не служанка богословия. Для одной и той же реальности существует множество подходов, каждый из которых независим, и нет единого критерия. Всякое знание подчиняется своим собственным законам. Религия давно воспринимается как часть культуры. В одном ряду с наукой, спортом, эстетикой, психологией… В жизни восторжествовал эмпиризм видимого и субъективизм удовольствия»[1].

С планетарным диагнозом известного православного священника можно согласиться, но можно ли радоваться за утопающий в свободах, обольщенный богатством мир? Не лучше ли посочувствовать ему и поразмышлять, что в реальности означают эти красивые слова: «эмпиризм видимого и субъективизм удовольствия»? И что мы об этом знаем? А знаем немало, если не о самих понятиях, то об их проводниках и последствиях. Ведь читали и «Вия», и «Страшную месть», и «Мастера и Маргариту». Сегодня общий герой этих бессмертных произведений под вышеназванным девизом вошел в мир без маски, как чистое зло, как претендент на мировое господство. Давно предупреждал Николай Гоголь: «Дело теперь идет не на шутку… мы призваны “на битву”— и с чем? Это ясно — с духом зла, с злой силой, опутывающей сердце людей и заглушающей строгую тайну жизни и сокровеннейшую небесную музыку этой тайны»[2]. Продолжается эта битва и в наше время. И в реальности, и в художественном мире, ее отражающем.

О том, как же битва нелегка и непримирима, рассказывает наш современник, псковский прозаик Игорь Александрович Изборцев. Творчество Игоря Изборцева, хоть оно пространственно и сюжетно связано с древней Псковской землей, родиной писателя, следует рассматривать не в региональных границах, а в контексте великого пласта всей современной русской литературы, неразрывно связанной с тысячелетней отечественной литературно-философской традицией. Потому что искания писателя устремлены к исконным вопросам бытия, к смыслам праведной русской жизни, к поискам и достижению правды Божией на земле.

1. Господь исправит пути твои

Герои всех произведений автора стремятся к правде, к справедливости, только понимают ее по-разному, и пути их в ее поисках оказываются и взаимно перпендикулярными, и даже противоположными. Главный герой

---

[1] *Оливье Клеман*. Отблески света. Православное богословие красоты. М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2004. С. 16.

[2] Цит. по: *Зеньковский Василий*. Гоголь. М.: РИФ Школа «Слово», 1997. С. 169.

новой повести Игоря Изборцева «Всего лишь пепел» Василий Петрович Пузынев, милицейский начальник, фигура значительная, колоритная. В целом, он человек неплохой, можно сказать, душевный. На службе характеризуется положительно, и звание офицерское честно выслужил, и в «горячую точку» заглянул. И справедливость понимает в соответствии со своим временем, когда, казалось, волшебные золотые рыбки сами в руки прыгали, обещая все богатства мира. «Бери, сколько сможешь, бери…», — басовито подзадоривал и тогдашний хозяин России. Все желания исполнялись в середине 90-х прошлого века у тех, кто чего-то страстно желал, имел власть и не имел совести. И у Пузынева многие желания исполнились. Но почему он несчастен? Его, стража порядка, настойчиво гложет неизбывная мысль о несправедливости: не о пренебрежении к закону он печется, а подтачивает зависть к более богатым людям.

— Вот ведь, сволочи, гребут. И как? Легко и грациозно! — с восхищением в голосе сказал он подавшей ему чай жене. — Мешками, миллионами долларов! Вот это, понимаю, размах! Хозяева жизни!

— О чем это ты? — спросила Ангелина Ивановна, разрезая яблочный пирог.

— Тут с хлеба на квас перебиваешься, а там…, — Василий Петрович, в запальчивости пролив на рубашку горячий чай, взялся дуть себе на грудь и хлопать ладонью. — Воры! — восклицал он. — Все себе! Себе! А другим?

— Воруют? — Ангелина Ивановна с философским спокойствием откусила малюсенький кусочек пирога, грациозно пригубила чай из синенькой фарфоровой чашечки и деликатно поинтересовалась: — А когда же у нас не воровали?

— Да не в том дело, что воруют, — Василий Петрович оставил в покое рубаху и отправил в рот основательный кусок пирога, — не в самом… факте… дело… — продолжал он, энергично работая челюстями, — дело в количестве. Скоро ведь все украдут, что другим-то останется?

Но и Пузынев не обижен судьбой, не так мало ему «по справедливости» и в соответствии с должностью досталось. И квартирка трехкомнатная в центре города, и домишко в два с четвертью этажа общей площадью в триста восемнадцать квадратных метров, и участочек в десятки соток на берегу девственного Окуневского озера. Но неспокойно на сердце служивого, все что-то мучает: то обуревают мечты о новой должности, то желание жить ярче и интересней, чем в эпоху восьмидесятых. *Ведь недостижимое прежде стало реальностью: и просторные дома, и иностранные машины, и отдых среди пальм на побережьях океанов.* Сказка! Чудеса! И хочется ему в такую сказку. И страстно свободы хочется, чтобы «по своей воле пожить». Как говорил Достоевский, «человеку надо — одного только самостоятельного хотения, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела» (Достоевский Ф. М. «Записки из подполья»).

Так ведь никто не запрещает. Человеку на земле Бог дает свободу выбора. И он может выбрать зло или добро, сторону света или область тьмы. Тут не умом, а душой выбирать надо. Не задумываясь о последствиях, весело купается в своем самохотении, Пузынев, легко встав на сторону греха, мучается от того, что не возникает в его душе настоящей радости даже при исполнении всех его мечтаний, даже при обладании всеми желанными вещами. И мечется главный герой «хитрой», только на первый взгляд

приключенческой, повести Игоря Изборцева, и раздувается от собственной важности, и летает по жизни, как пузырь (и фамилия созвучна этой конструкции, обладающей формой без содержания), но ни удовлетвориться, ни приземлиться не может.

Он уверенно шел по деревне. Если бы в этот момент его видел кто-то из сослуживцев, то непременно отметил бы, что и походкой, и повадкой коллега Пузынев явно перешагнул за границы своего звания и должностных полномочий. С такой сановитой важностью, внушающей окружающим трепет и благоговение, ходят лишь трехзвездочные генералы да заместители министров. Но примерно в таких чинах и мнил себя сейчас Василий Петрович, блуждая мыслью в лабиринтах своих грез. О, знал бы областной прокурор, с каких высот взирал на него иной раз милицейский чин Пузынев! Не миновать бы тому Пузыневу беды! Но не научились еще прокуроры блюсти надзор за содержимым голов российских граждан. Не научились! И наверняка в этом нет никакой беды.

Никакой беды не предвещает и начало повести, которому присуща иллюстративно-эмоциональная семантика. Реалистические подробности, повышенная динамика развития сюжета используются писателем для изображения сугубо материалистического, безблагодатного современного суетного бытия, в котором действуют невидимые разрушительные центробежные силы, не позволяющие в прекрасном уголке Псковщины наладить гармоничную, счастливую жизнь. Автор повести не называет эти силы, не классифицирует их, не навязывает своего к ним отношения, но, показывая их в проявлении и ужасающих последствиях в сопоставлении с исконными русскими православными праздниками и обычаями, заставляет задуматься читателя. Писатель, наталкивая читателя на нужные ему размышления и переживания, подогревает восприятие одной из самых жутких сцен повести — сцены празднования «Хэллоуина», модного заморского праздника, символичным описанием разгула природной стихии. Тяжелая хмарь, закрученная холодным ветром против часовой стрелки (против правды), наползает на русский край как всегда с Запада, выстуживая души и жилища, не защищенные Господними иконами. Этим реалистичным зловещим пейзажем автор повести, не сомневающийся в существовании двух незримых противоборствующих миров, помогает и читателю отринуть сомнения в реальности злых сил.

В начале октября из Балтии недобрыми посланниками поползли циклоны с сильными ветрами и дождями. От стекающих со склонов долины вод озеро ходило ходуном, но чудом держалось в пределах берегов. Жуткого вида тучи, задевая черными брюшинами кромку леса, двигались кру́гом против хода часов. Дождь колотил по крыше и сбивал листву с берез и осин в примыкающей к участку рощице. Зябкая оторопь сковала дом. Пылающий в камине огонь, сколь ни силился, не мог прогнать холод и вернуть жизнь в застывшие стены.

Сцена праздничной оргии задумана автором повести не только, чтобы подтвердить реальность темных сил, но чтобы показать глупость, мелочность ее участников, отвратительную зависимость от «чар всяческих мод». Ведь Пузынев затеял этот шабаш не столько из-за каких-то своих мировоззренческих амбиций или атеистических убеждений, а, можно сказать, по глупости, для того, чтобы сблизиться с районным начальством, чтобы продемонстрировать свою толерантность, не отстать от «просвещенного мира», наконец,

чтобы «модно» повеселиться. Но ведь еще Гоголь предупреждал о небезобидности зависимости от моды, называя ее духовным усыплением. «Что значит мода — ничтожная, незначащая, которую человек допустил вначале как мелочь, и которая теперь, как полная хозяйка, стала распоряжаться в наших домах, выгоняя все, что есть главнейшего и лучшего в человеке? Никто не боится преступать несколько раз в день первейшие и священнейшие законы Христа, а между тем боится не исполнить ее (моды) малейшие приказания»[1]. Мода на наряды страшна разорительной кабалой, но мода заигрывания с дьявольскими силами опасна для жизни. Зло шуток не понимает. Так и случилось на празднике «*Хэллоуин 1997*», для которого Василий Петрович Пузынев щедро предоставил свой дом и участок на берегу Окуневского озера, которое, как заметил один из участников праздника, такого количества электрического освещения не видело со времен Ледникового периода.

Среди прибывших гостей, в масках оборотней и вурдалаков, по дорожкам прогуливались районный прокурор, главы нескольких волостей, начальник пожарной охраны, зам. главы администрации района, коллеги по горотделу, несколько депутатов разных уровней и прочие важные персоны.

Потом с украшенной множественными изображениями тыкв сцены к присутствующим обратилась директор районного Медиа-центра, полная лысоватая мадам в зеленом плаще-балахоне:

— Сегодня, дамы и господа, у нас великий праздник — день всех святых. Весь просвещенный мир празднует его весело и радостно. И только в России, решением глав крупнейших религиозных конфессий, Хэллоуин, объявлен «вне закона». Но мы, как люди просвещенные и передовые, способны принимать самостоятельные решения. Будем же веселиться, есть, пить и радоваться жизни! По преданию в эту ночь открывается граница между миром мертвых и живых, и тени усопших в прошедшем году навещают землю. Поэтому все надевайте маски нечистой силы, чтобы вас не узнали или приняли за своего…

И позабавились все эти *просвещенные люди* в мертвенном мире нечисти, когда *ночь трещала, лопалась, извергая из обнажающихся щелей непроглядную муть, которая устремлялась навстречу свету, смешивалась с ним, отбирая от него силу…*

И воскликнул вдруг Василий Петрович, подвергшийся в эту ночь омерзительным метаморфозам: *тут хочешь не хочешь, а поверишь в нечистую силу. Ты как думаешь, сержант?*

— Думаю, просто лишку хватанули, но может, и бес попутал? — неуверенно предположил тот.

— То-то и оно! — Василий Петрович огляделся по сторонам. — Наши гости не случайные люди, они огонь и воду прошли по части выпивок и банкетов. Так просто тут никого с ног не сшибешь. Нет, что-то нечисто с этим Хэллоуином! Перебор какой-то.

Но эта догадка не смягчила тайных намерений господина Пузынева, не умерила его пыла в сражении с церковью, которую начали строить непонятные ему люди в «его» деревеньке Большие Росы. А чем помешала ему это

---

[1] Цит. по: *Зеньковский Василий*. Гоголь. М.: РИФ Школа «Слово», 1997. С. 165–166.

строительство? Да просто нарушило его «субъективное удовольствие», удовольствие наслаждаться мнимостью, что все вокруг принадлежит Пузыневу, что он здесь бог и царь. Как известно, объективное качество *приятного* не является нарушением богоданных смыслов, но если всеобщим критерием, мотивацией поступков становится только субъективное удовольствие, то происходит нарушение гармоничной картины бытия. Так, например, стремление к высшей должности во благо людей не грешно, если оно не связано с тщеславием, властолюбием, личным обогащением. Или, как говорит известный религиозный философ Дитрих фон Гильдебранд: «Если чисто субъективное удовольствие становится всеобщим критерием нашего отношения к жизни, то такое отношение явно противоречит безобидному имманентному характеру приятного, доставляющему нам субъективное удовольствие. Выбор субъективного удовольствия в качестве всеобщего критерия нашей мотивации является эгоцентрической гипертрофией гордыни и чувственности, результатом невосприимчивости к объективной значимости, свойственной соответствующему объекту. Одним словом, это фальсификация мира»[1]. С гоголевской наблюдательностью темных сторон жизни, с романтической верой в победу добра и убежденностью в высшее призвание человека автор повести изображает этот фальшивый мир во всей его жуткой реальности. Но не для того, чтобы напугать новыми образами царства зла во главе с его предводителем или создать современную вариацию приключений Воланда. Нет, задача этой повести иная. Автор не берется обличать смертные грехи и погрязший в них мир. Задача скромнее, его справедливо волнует тлетворное влияние будничного, незаметного греха или, говоря словами архиепископа Иоанна (Шаховского), — неотвратимый «апокалипсис мелкого греха». «Тема о нравственно маленьком совсем не мелка. Здесь отражение апокалиптического упрека Божьего христианскому миру, что он “забыл первую любовь свою”. Сколь чище и нравственно выше человека сейчас даже та пошатнувшаяся природа, из которой создано его тело. Как чист камень, готовый вопиять против людей, не воздающих славу Богу, как чисты цветы, деревья в своем чудном кругу жизни, как великолепно покорны закону Творца звери в чистоте своей. Божья природа не курит, не наркотизируется, не развратничает, не вытравляет Богом данного плода… Речь о необходимости отвержения даже самого мелкого греха приводит нас к самому важному вопросу человеческой жизни: к вопросу о жизни после смерти»[2].

Конечно, Пузынев, живущий по своим законам, не задумывается над такими вопросами. Опираясь только на свои ограниченные знания, признающий, говоря словами философии, чувственное восприятие и личный опыт лучшими источниками познания, подчиняясь «эмпиризму видимого», он укореняется в своей непримиримой ненависти к чужому опыту и к иной точке зрения. И не видя «невидимого неба», убежден, что его нет. А как говорит архиепископ Иоанн (Шаховской), «Здесь, на земле, мы истинно в темноте духа, в утробе его. И неужели не преступно, находясь в таком состоянии, не готовиться к своему настоящему рождению, но считать свой мрак — либо идеальным предельно радостным местом жизни (как считает

---

[1] http://i-text.narod.ru/lib/gildebrand-lib/gildebrand_etika/page03.htm.

[2] *Иоанн (Шаховской), архиепископ*. Апокалипсис мелкого греха. М.: Сретенский монастырь, 2007. С. 10, 11.

оптимистический атеизм), либо непонятным местом бессмысленных страданий (как считает атеизм пессимистический)? Физическим глазом смысл, конечно, не виден, но в него очень легко, более чем легко поверить, подумав над собой и над Евангелием»[1].

Мучительно трудно приходит к главному герою повести, оказавшемуся на грани смерти, осознание мифичности своего бытия. Казалось бы — туда ему и дорога, кому нужен этот никчемный человек, подтверждающий гоголевское определение пошлости, которая выглядит более отталкивающе, даже чем злодейство, потому что «это понятие стоит вне моральных категорий». Но автор спасает своего непутевого Пузынева, потому что согласен с другой богословской мыслью, что не все, даже в грешном человеке, может почернеть. Не может даже отъявленный грешник перепродать тьме свет Божий, которым наделена от рождения каждая человеческая душа. И в душе милиционера Пузынева существует осколок света, иначе не мог бы он видеть время от времени своего умершего деда Колю, не разговаривал бы с ним, наставляющим «с того света» внука на нравственный путь. Иначе не появилось бы в начале повести очень дорогое длинное черное платье, которое Пузынев купил своей жене для празднования новоселья, а она впервые его надела в финале истории на двунадесятый праздник в церковь. Иначе бы не подправлял своего глупого отца его сын Юрий — Георгий, обладавший духовным предчувствием. Да и двух главных героинь повести, двух старушек Анну Васильевну и Анфису Сергеевну, Пузынев, наверное, тоже бы видеть не мог. А он их видел, пусть спорил, сердился на них, но видел, общался и прислушивался к их невероятным рассказам и трудным советам. Да иначе и быть не могло в ласковом *райском* домике на окраине крохотной деревеньки, где жили эти невероятные старушки.

На четырех подворьях — избы как избы: косые от старости, почерневшие от сырости и грязи. А пятая избушка вырастала сказочным домиком, сложенным как будто из шоколадных пряников и марципана. Крыша у нее была голубенькая с желтой крапинкой, стены оранжевые, окошки беленькие. Так бы и съел. Сержанты даже принюхались: а ну и впрямь съедобный? Да нет, все из ординарного дерева, спиленного не иначе как в четвертую сталинскую пятилетку, но посмотришь, не налюбуешься: и аккуратно, и нарядно, и светло. Внутри — ласковые скамейки, укрытые самотканными ковриками, дубовый стол под голубой скатеркой, повсюду вышитые салфетки; на стеночках — фотографии в аккуратных рамочках, в красном углу — святые образа. И печка русская — большая, белая, важная. Воздух был пропитан ароматом полевых трав, вызывающим в носу нежное свербение. Встретила же их посреди всего этого крестьянского благодушия и уюта не какая-нибудь злобная бабуся с палкой в руке и толстыми очками на носу, а вполне благообразная миниатюрная старушка с крохотным фарфоровым личиком — ну прямо Божий одуванчик.

Сильны в своих вековых устоях, в своей Православной вере эти два «Божие одуванчика», олицетворяющие не рвущуюся связь времен, златую цепь бессмертной красоты, что то же — доброты.

---

[1] *Иоанн (Шаховской), архиепископ*. Апокалипсис мелкого греха. М.: Сретенский монастырь, 2007. С. 12–13.

Василий Петрович резко повернулся и приготовился что-то гаркнуть, но голос пропал. Метрах в пяти от него прямо возле сверкающего купола стояли две воздушные старушки с фарфоровыми личиками. Солнце заливало их яркими лучами, и от того женщины казались радостными золотыми цветками. В одинаковых белых платочках, ситцевых юбках и светлых шерстяных кофтах, они выглядели как две сестрицы, старшая и младшенькая, и ни один здравомыслящий человек не допустил бы мысли, что дни их рождения отдалены один от другого без малого на полвека.

Невозможно поверить, что старшая — родилась в середине XIX века, да и младшая помнит больше событий, чем в обычную человеческую жизнь вмещается. Но как же в это не поверить, если сказано, что «красота спасет мир», а значит, она бессмертна. С гоголевским трепетом и восторгом Игорь Изборцев поклоняется «святыне красоты», потому, что согласен с мыслью Гоголя — «в нас живет неистребимый и уходящий своими корнями в самую глубь души эстетический подход к человеку»[1], предполагающий видение в нем духовного роста, движения ввысь, горения неиссякаемой любви. Красота — это не только внешность, но любовь. Красота — это чудо. И она вечна.

Вторая часть повести пронизана божественным светом, наполнена чудесами. Постепенно, из дверей строящейся рядом с домом Пузынева и быстро взрастающей церкви, из ладанно клубящихся глубин времен просачивается духовный свет. Сначала узкой полоской, потом все шире и шире, превращаясь в океан света. И не может его преградить смертный человек, тем более озлобленный грешник Василий Пузынев. Светлая сторона повести обширна, победоносна, милосердна. Приключенческая завязка произведения трансформируется в притчево-сказочную кульминацию. Для прояснения ее смыслов требуется не обычный разговорный или риторический стиль, а жанр, где смешивается «банальность видимого и парадоксальность неизреченного» (Оливье Клеман), такой стиль речи, где говорится гораздо больше, чем могут сказать слова. В этой части повести писатель использует художественные средства притчи, потому что невозможно обычными словами рассказать историю о загадочном, невероятном по рациональным представлениям исчезновении отряда псковского ОМОНа. Под командованием майора Васнецова отряд прибыл по хитрости Пузынева в деревню, якобы на маневры, а на самом деле для устрашения церковной общины.

Прибыть-то прибыли бравые молодцы, да вскоре все исчезли. И не могли их найти в деревне в пять домов целые сутки. А дело было просто — милиционеры оказались в пространстве света, ведущего внутрь храма и дальше к иконостасу, и к исповеди, и к Престолу Господню, и к Причащению Святых Даров. А там иное и время, и пространство, и смыслы, и образы. Поэтому отсутствие милиционеров, показавшееся им самим не более часа, на самом деле простерлось на сутки — по велению их душ, изголодавшихся по общению с Богом. Никто молодых солдат в это пространство света не заманивал, пошли сами, ведомые сердцами, изголодавшимися по общению с Богом, остались по воле душ своих от рождения христианских, будто чувствовали необходимость прикоснуться к Господу, подготовиться к жертве «за други своя». Будто знали, что кто-то из них окажется в составе

[1] Цит. по: *Зеньковский Василий*. Гоголь. М.: РИФ Школа «Слово», 1997. С. 41.

6-й роты в бою 1 марта 2000 года на высоте 776 в Чечне, кто-то погибнет от рук местных бандитов. Символична фамилия командира отряда, однофамильца знаменитому русскому иконописцу Васнецову, что наводит на мысль о грядущих их святых подвигах за веру и Отечество.

Чудное происшествие с отрядом бойцов сильно повлияло и на Пузынева, который, оказывается, не тогда был настоящим, когда как гоголевский Пацюк поглощал бараньи тефтельки, бурча, «*ничего, недолго осталось, скоро заживем. Еще завидовать нам будут*». А тогда, когда начал осознавать наличие иного, невидимого мира, испытав настоящий страх перед радостью поющих людей: *Радуйся, Кресте, образе неописанный и многоименитый, Древо требогатное, страшно же и всеблаженно; радуйся, Кресте всесвятый и всесильный; радуйся, хранителю жизни нашея, Господень Кресте многопетый. Кресте Честный, хранитель души и тела буди ми, образом своим бесы низлагая, враги отгоняя, страсти упраждняя, и благословение даруя ми, и жизнь и силу, содействием Святаго Духа, и честными Пречистыя мольбами.*

И тогда был настоящим, когда Божиим промыслом и молитвами милосердных односельчан был спасен из объятого пламенем своего дорогого дома, а потом смиренно пускал пепел бывших своих богатств по ветру над озером, которое должно было, как ему казалось прежде, смотреть на него, а оно по своей природе всегда смотрело в небо. Как же раньше он, несчастный, этого не заметил. Так же, наверное, как пропустил этот благополучный здоровяк-милиционер мимо своих ушей предсказание Анны Васильевны: «*ты погляди, какой он маленький, хрупкий, ветерок подует, он и взовьется горсткой пепла в небо*».

Финал повести драматичен, но не трагичен. Начинающаяся как приключенческая — повесть оказалась драмой человеческой личности, вступившей в конфликт с собой, со своими истоками, со всем своим родным. Но Господь исправил его пути. Пузынев, которого все в психиатрической клинике ласково называли Вася, не раскаялся, кажется, не много и понял из произошедшего, но прозрел смысл своей дальнейшей жизни в возможности делать добро. Будучи пациентом этого заведения, он принял на себя заботу о больных, стал санитаром, трудился упорно, пока позволяли ему силы в руках и ногах. Иногда спал единожды за двое-трое суток. Но главное, стал прислушиваться к тому, что происходило в душе, куда стала заглядывать радость. Радость и умиротворение наполняли его сердце, когда к нему по большим Православным праздникам приходили две старые знакомые старушки с фарфоровыми личиками, два его ангела-хранителя.

Кто-то сравнил их с заздравными восковыми свечками. Действительно, исходящее от них тихое успокоительное тепло, как и пламя церковной свечи, вселяло в сердце надежду. И вера от этого становилась крепче. А что человек без веры? Быть может, об этом думал Василий Петрович, когда прилучалось ему стоять рядом с этими редкими гостьями? В глазах его в эти мгновения мелькало явственное выражение счастья, столь несвойственного ему в последние годы, но, как видно, подспудно живущего в нем и ожидающего будущего развития…

Такой открытый финал повести, предполагающий будущее духовное развитие героя, делает ее обнадеживающей и при всех чудесных событиях реалистичной в той мере, которая достаточно характеризует вековое божественное призвание Православной России и народа ее.

2. Коэффициент правдоподобия

Если в повести Игоря Изборцева «Всего лишь пепел» Бог по милости Своей спасает грешника и Своей волей исправляет его пути, то в романе «Спастись еще возможно» писатель рассматривает более трудный путь спасения, путь сознательного преображения падшего человека. Истинное преображение имеет евхаристические и эсхатологические смыслы. «Прилеплятися Богову» — вот в чем, как говорит русский религиозный философ Михаил Тареев, смысл человеческого существования: через Церковь, через евхаристическое собрание, через молитву, через христианские подвиги в монастыре или в миру — входить в духовное тело Христа, в Вечность. Сложнейшая связь Бога, мира и человека исследуется в христианской антропологии. Как пишет в своей книге «И познаете истину» известный богослов митрополит Константин (Горянов), «Размышления над проблемой соотношения Бога и мира во всех его проявлениях, христианской аскезы и творческого процесса в русской богословской и философской мысли расширили и углубили, по сути, трудный русский путь к истине. Этот путь был не нов и проистекал из богатого исторического опыта подвижничества христианина в миру, но до поры оставлял человека без руководства во многих областях. В частности, как в области духовного творчества самой человеческой личности, так и в творчестве художественном, а также в вопросах культуры и науки. Русская философская мысль XIX—XX вв. много способствовала в рамках русской культурной традиции религиозно-философскому осмыслению как самой "тайны человека", так и возможности, и значению созидательного творчества в жизни человека, доказала, что и здесь основной мерой является Православие»[1]. И русская художественная литература не один век занимается поисками человека в человеке, бессмертного в смертном, истинной человеческой сущности и разгадки тайны бытия.

Автор с первых страниц книги обозначает пути и цели этого поиска. Роман начинается с пролога или, как музыкальное произведение "из-за такта", обещающее развитие темы в означенной тональности. Упоминанием в разговоре старика с внуком основных русских смыслов, среди которых любовь, патриотизм, покаяние, спасение Христом разбойника — обозначается обширное реальное пространство, в котором будет происходить действие этой на первый взгляд не вполне реальной истории. Художественными приемами автор усиливает ощущение подлинности, типичности, например, картиной уходящих вдаль безымянных действующих лиц пролога — старика и юноши, выстроенной в прямой перспективе посюстороннего мира. *Старик и юноша уходили своим всегдашним путем, куда-то в сторону Васильевского храма и далее вверх по Советской. Удаляясь, их фигуры становились все меньше и меньше, пока совсем не затерялись среди фонарных столбов и случайных прохожих.*

Так что в дальнейшем встреча главного героя по кличке Прямой с посланцем из ада, убитым им подельником Павлом Ивановичем Глушковым, не кажется вымыслом. И подробный рассказ этого несчастного об адских муках воспринимается правдоподобным до мурашек.

---

[1] *Константин (Горянов), архиепископ*. И познаете истину. СПб.: Родная Ладога, 2011. С. 121.

Представляешь, Сережа, я поднялся еще выше, увидел, — нет, ты не поверишь, — я увидел демонов, или по-нашему, по-русски, — бесов: гнусных, отвратительно-безобразных, гомонящих что-то на варварском птичьем наречье. И я забыл про все — про машины, дома, деньги, про женщин. Я затрепетал, когда они потянули ко мне свои страшные черные лапы, я понял, что перед ними бессилен, — понимаешь? — во сто крат больше бессилен, чем прежде передо мной лох распоследний. Я бессилен и полностью в их власти. «Наш! Наш! Наш!» — клокотали они радостно, и некому — понимаешь? — совсем некому было за меня заступиться. Я почувствовал, я почти понял и поверил, что есть сила, которая может меня спасти, но не знал, кого об этом просить. Я хотел вспомнить, чье имя надо назвать, и не смог. Ты понимаешь? Я не смог вспомнить имя Того, Кого мы на земле всуе поминаем почти ежечасно. Вот такая, Сережа, нам кара, первая кара, а остальным мукам — несть числа…

Парадоксально, но убитый бандит благодарит Прямого за то, что тот его убил, а по сути, за то, что Павел Иванович принял мученическую смерть; это оставляет ему надежду если не на спасение, то на снисхождение. Но не за жалостью пришел посланец, а как сам признается, — *велено* ему Сергею показать эти самые муки. Кем велено? Зачем? Чтобы предупредить? Чтобы убедить, что у того не все потеряно, и спастись он еще может? Значит, верят в него спасительные силы. Значит, стоят они за его спиной. Значит, нужны еще России примеры преображения разбойника во святого старца. Погибнет мир, *если не останется святых*. Не подозревая, кто это такие, Прямой, поседевший от встречи с убитым приятелем, поверил всей душой в предупреждение. Автор живописно, зримо изображает эту встречу и адские сцены для того, чтобы сильнее убедился в них главный герой романа, не имеющий опыта видения невидимого. Трудно, долго, рецидивно будет избавляться он от груза своих смертных грехов и так же трудно, через прозрение невидимого, через преодоление и покаяние, через сострадание и милосердие возвращать свое, данное при крещении, имя Сергей.

Тема спасения «благоразумного разбойника» в русской литературе не нова, к ней обращались многие русские классики, исследовавшие развитие «внутреннего человека» в соответствии с Новым Заветом и в законах церковного бытия. Берясь за такую, достаточно исследованную великими предшественниками тему, автор возлагает на себя особую ответственность — сказать свое слово, вывести эту фундаментально значимую русскую проблему на уровень новейшего времени. Писатель убедительно рассказывает языком современной литературы о вечном бытии Духа скептически настроенному секулярному миру. Историю спасения своего «благоразумного разбойника», показанную в традиционной христианской логике, Игорь Изборцев облек в сложную приключенческую форму, промодулировал интригой, удерживающей до последних страниц внимание нетерпеливого читателя, привыкшего к ускоряющемуся темпу жизни. Все есть в романе — и таинственный портфель-дипломат с компроматом, и охота за ним спецслужб, и чеченский след, и героические подвиги русских воинов, и бесовские козни, и таинственный скит в лесной чаще, и любовь, и обнадеживающий финал. Как в сказке. Иной читатель, не верящий в рай и ад, в противоборство света и тьмы, так и определит жанр этого произведения: захватывает, но все происходящее

кажется невероятным. А другой читатель скажет — все правда, все в жизни так и есть. И где критерий истинности оценки? Кто из двоих будет прав?

Правда — понятие объективное, божественное, высший, евангельский уровень бытия. В рассматриваем случае — *правда* — то, что хочет сказать читателю автор. Но удается ему отразить ее художественными средствами с определенной долей вероятности. Абсолютного выражения правды в произведении человеческого разума и духа, даже гениального, быть не может. В любом случае, это будет субъективное отражение события. С точки зрения законодательных структур Сергей Прямков должен понести наказание по приговору суда в местах заключения и там исправиться. Это *по Закону*. С точки зрения верующего человека главный герой романа в тюрьме падет еще ниже и погибнет нераскаянным грешником. Поэтому он должен искупить свою вину молитвенно, осмыслив ее, раскаяться в содеянном и не грешить более, стать соработником Творца. Это *по Благодати*. Обе тенденции соответствуют существующим формам жизни. Но роман постоянно заставляет удивляться, сомневаться, размышлять о степени схожести происходящего в нем с объективной действительностью. По примеру математики, науки, на которой основана Гармония, именно алгеброй поверяющаяся, можно условно охарактеризовать реалистичность романа коэффициентом правдоподобия. В статистике через коэффициент правдоподобия двух значений определяется, какое значение наиболее правдоподобно. В пределе он стремится к абсолютной единице. Применительно к роману, если этот коэффициент много ниже, то сочинение не имеет смысла. Если величина коэффициента все же значительна, то произведение вызывает доверие читателей. И в выбранном автором бытии по Благодати невероятные события и метаморфозы также оказываются достоверными, как достоверны существование Божьего мира и возможность восстановления образа Божия в человеке.

Так как Игорь Изборцев поставил перед собой сложнейшую задачу — показать невидимый процесс возрастания человеческого духа, ему приходится прибегать к сложной системе доказательств: к литературно-исторической аргументации, к психологическим мотивировкам, к Библейским цитатам, к аналогиям из житийной литературы. Повествование насыщено элементами христианских вероучительных истин, принимаемых всей полнотой Православной Церкви. Автор выстраивает сложнейшую зависимость между лицами и происшествиями, доказывая, что события могли иметь место, тем более что в отдельности каждое из них похоже на то, что случается в *жизни по вере*. Например, как не поверить в случай с медведем, спасшим героя от чеченского кинжала? Ведь хозяин русского леса и Сергию Радонежскому, и Серафиму Саровскому помогал и прислуживал.

Все дальнейшее произошло настолько быстро, что в растерянной голове Прямого остался лишь какой-то длинный черный мазок, будто расплывчатая тень от промелькнувшего рядом тяжелого трейлера. За спиной Ахмета, все-таки доставшего кинжал и ловко поигрывавшего им между пальцев, вдруг, будто из ниоткуда, возникла огромная черная тень, и тут же в уши ворвался устрашающий медвежий рев. Огромная когтистая лапа, как тростинку смела Ахмета в сторону… Мгновенно обернувшийся Ваха увидел перед собой распахнутую медвежью пасть, чудовищные клыки и ощутил зловонное звериное дыхание. Неизвестно, что он подумал в этот момент, успел ли он вообще что-либо подумать?

По крайней мере, кинжал в его руке так и не превратился в грозное оружие, оставаясь просто зажатым там посторонним предметом. Медведь устрашающе завис… но вдруг почему-то передумал завершать атаку. Еще через одно мгновение, легко коснувшись лохматым боком словно пораженного столбняком Вахи, бурый лесной великан скрылся за деревьями.

Даже русскому медведю присуще милосердие. Но немилосердны силы зла. С гоголевским упорством писатель доказывает существование двух миров — праведного и демонического. Но если Гоголю было свойственно романтическое отношение к миру, и образы своих героев, подмечая все мерзкие стороны их жизни, он в некоторой степени смягчал своей надеждой на их пробуждение, то Игорь Изборцев категорически непримирим с миром, отвергающим Бога. А это не только бесовский мир, но и зримый, окружающий Россию западный мир, отвергший Христову веру. Метафора не искажает и не опровергает реальность, наоборот, подчеркивает ее скрытые свойства. Метафоричны, а значит, реальны, образы цыгана и цыганки, которые преследуют, искушают Сергея на пути его спасения, как бесы строят ему препятствия, пытаются погубить. Папесса и Ром — ассоциируются эти имена с грехопадением Первого Рима, который поныне претендует на власть в христианском мире, не принимая во внимание, что Второго Рима уже нет, а Четвертому — не бывать. Не затихло в столетиях эхо предсказания псковского монаха Филофея, звучит оно громко и трепетно, как било Спасо-Елизаровского монастыря в псковском лесу, который автор вводит полноправным героем в роман. Лес и защищает, и согревает, и кормит, и вразумляет. *Ясное утреннее небо дарило нежную прохладу; лес, он так легко и спокойно, так умиротворяющее тихо шептал: «Не бойся, все будет хорошо…», всем своим видом отрицая малейшую возможность беды.*

Много достоверности добавляет роману природа, образы которой с такой любовью, с такой поэтичностью создает писатель. Но еще больше подтверждают реальность происходящего — истории людских судеб, автору интересны судьбы военных. Мощный патриотический пласт произведения излучает жизнетворный свет. Три бойца — Полковник, Сержант и Охотник охраняют Сергея на первом отрезке его спасительного пути. Образы разведчиков очень светлые, мощные, добрые. Рядом с этими героями, милосердными к людям и немилосердными к врагам Отечества и веры, Сергей впервые ощутил радость, занялись в его душе первые блики преображения. *Прямой перевел дух. Неизвестно от чего, но ему стало легче. Не от того, что Сержант пожалел каких-то там неизвестных афганцев. Нет. Просто вдруг рядом с Сержантом стало ему теплей и радостней. Радостней и теплей…*

Все три богатыря героически погибают, исполняя приказ Родины и спасая бывшего бандита (разбойника), по следу которого идут наемные убийцы. Автор не дает бойцам реальных имен при жизни, что делает образы героев типичными, но называет по именам после смерти, ведь в своем крещеном имени человек предстает пред Богом. Сергей искуплен у мира смерти их жизнями, по неизменной сути воинской присяги — «жизнь свою за други своя». Но и далее не остается одиноким на своем пути герой романа, вывела дорога к лесному скиту, где приняла его под свое усмотрение другая рать, высшей иерархии — священническая, люди, наделенные Святым Духом от Бога. Ступени лествицы преображения для Сергея становятся круче

и в то же время легче. Все ему помогут, всё подскажут батюшки, и главные смыслы выделят, и грех научат изжить. Только не испугайся высоты, только всеядное свое хотение скрепи, только меру всему уразумей, только склони главу свою гордую, входя в Церковь Православную — неустанную людскую спасительницу. *Последний оплот порядка — это Церковь Христова. Православная Церковь! Мир уже не способен сопротивляться, он давно побежден! Лишь Церковь удерживает этот мир от торжества хаоса. Лишь она! И посмотрите, сколько же на нее нападок… Догмы — это единственное, что осталось здравого и спасительного в изменчивом разрушающемся мире. Это, как писал Максим Исповедник, отражение онтологических законов бытия. Это откровения Творца возлюбленной им твари. Мир стоит этими законами!*

Где ж в этих словах неправда? Все верно, и все достоверно в романе Игоря Изборцева, знающего о Церкви и о людях ее не понаслышке. Он сам и церковный строитель, и жертвователь, и прихожанин, борющийся, как бесстрашный псковский воин с легионами Стефана Батория, с современными полчищами убийственной неправды. *Что бы ни делалось в среде народной, всегда была одна цель доискаться правды. Помните, как говорил об этом Достоевский? «Пусть в нашем народе зверство и грех, но вот что в нем неоспоримо: это именно то, что он, в своем целом, по крайней мере, никогда не принимает, не примет и не захочет принять своего греха за правду!» Именно вот эту природную чистоту, детскость русского народа сейчас успешно искореняют. И один из главных приемов — расслаивание правды на множество маленьких, не совпадающих друг с другом «правдок». Дескать, все они имеют право на существование! Все! Инфернальный плюрализм!*

А правда целостна, если целостно время, если не забываются в нем московский человек, прозванный Василием Блаженным, и псковский Николка юродивый на своем коне — деревянной палочке, не убоявшийся сказать правду грозному Царю. Невозможно не верить историческим вставкам в роман, который композиционно выстроен так, что совмещается прошлое и настоящее время. Показательна композиционная находка писателя — подглавки или «временны*е* возвращения»: «неделей ранее», «четырьмя часами ранее», «ретроспектива», «1570 год от Рождества Христова. Псков» и т. п. Как будто крепким швом «назад иголку» писатель сшивает время, которое нельзя рассматривать по кусочкам, а только в целостности, если хочешь понять тайну бытия. Так композиция произведения способствует прояснению сложных смыслов романа.

И отсылает нас писатель в своих поисках даже в 107-й год от Рождества Христова, в Сирийскую Антиохию и Рим. В этой исторической ретроспективе автор как будто спорит с художественной этикой известного своего соотечественника, подвергшего себя соблазну присоединиться к обществу Иешуа и Пилата, вложившего свою речь в их уста. Игорь Изборцев отправляется в 107-й год, чтобы напомнить нам о великом подвиге веры Игнатия Богоносца его же словами из письма святого, обращенного к мучителю, римскому императору Траяну: «*Хочу быть Божиим, — не отдавайте меня миру. Позвольте мне быть подражателем страданий Бога моего*». Этот исторический отрывок свидетельствует еще и о значении молитвы в деле спасения, о котором так мудро говорит заботливый духовный настав-

ник Сергея, нашедшего свое место в Церкви, ощутившего стремление к богоподобной сущности души, которой снятся и лес, и скит, и монастырь. Даже закоренелый грешник — не совсем пропащий.

— Дело спасения столь важно, — говорил отец Иларий, — что все дела мира сего, какими бы они ни казались великими, в сравнении с этим делом, первейшим и важнейшим, есть как бы безделье или как тело без духа. Спасение Святые Отцы называют наукой из наук и искусством из искусств…

С помощью Божией и собственными усилиями Сергей, приняв мученичество и пережив чудо физического спасения, остался на пути спасения духовного, прилепился к храму, остался на «островке Православия». Ведь только в Православии, как говорил Достоевский, хранится Лик Христа. А Он милостиво смотрит на сыновей Своих, даже заблудших, но раскаявшихся, постигнувших, что истинная свобода — свобода от греха, что важнейшее дело — дело спасения.

Коэффициент правдоподобия этого сложного, многопланового, метафизического и метафорического произведения стремится к высоким значениям вероятности, потому что все в нем правда. Правда о русской жизни, о русской вере, о русском характере, о русском воскресении. Только многим в мире земном и подземном не по сердцу она. И нашу правду они будут упорно называть ложью, и менять плюс на минус, и черным замазывать белое. Как страшны и велики эти силы, писатель рассказывает в трагическом «*Романе в письмах по e-mail "Великий"*».

3. «Душа хотела б быть звездой»

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, —
Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

Ф. Тютчев

Небольшое эпистолярное произведение «*Роман в письмах по e-mail "Великий"*» обладает неоднозначной жанровой идентификацией. Его можно отнести к жанру лирического романа на основе лирической завязки, но постепенно в своем сюжетном развитии лирический роман трансформируется в трагедию дьявольского обольщения и нечеловеческого обмана. Хотя на первых страницах, где порхают нежные письма, сталкиваются эйдосы, падают звезды, звучат имена Вергилия, Гуссерля, тургеневской Аси, и дороги ведут в Рим, все еще прекрасно. Начало романа очаровывает красотой жизни, надеждой любви, провокационным любованием собой и своим творчеством двух умных собеседников, двух писателей — маститого, «великого» прозаика и кокетливой начинающей молодой писательницы, которая радуется, что в ее окно *залетела звезда*. И в это верится, и вспоминается тютчевское: *Душа хотела б быть звездой…*

Вначале даже возникает догадка — не о себе ли рассказывает автор? Именно так могла писать ему молодая романтичная женщина, испрашиваю-

щая оценки своего творчества, совета, симпатии. Кажется, читателя ожидает приятный, познавательный разговор о творчестве и мастерстве, где герой будет, конечно же, рассказывать о его национальных основах и особенностях. Ведь «великому» писателю автор дает много говорящее имя Иван Сергеевич. И только его двойная фамилия *Дальнев-Анзорский*, созвучная названию далекого Азорского португальского архипелага в Атлантике или произошедшая от чеченского имени, вызывает первые недоумения и ассоциацию с вымышленной страной Касталей Германа Гесса.

Обман ожидания вскрывается скоро, когда в интеллектуальной беседе появляется «*корпус обязательных идей*», когда в разговоре начинают подменяться смыслы, когда нравственные идеи затуманиваются постмодернистскими профанными терминами, игрой в слова *как в бисер*, когда начинаешь догадываться, что герои не те, за кого себя выдают. Как костлявые, медленно выползающие из могил гоголевские мертвецы, страшат возникающие откровения «великого» писателя. А страшно быть должно, потому что это роман о Люцифере, который в век постмодерна, в торжестве инфернальных энергий, уже не скрывается за масками, а выступает победителем и учителем, убеждая легковерных: *Неужели среди вместилищ аналоев и паникадил Вам настолько выпрямили извилины, что Вы не способны это понять? Ваш «верх» — это наш «низ»! Векторы движения поменялись, и поделать с этим положительно ничего невозможно!* Так, кажется, за век нескончаемого сеанса «Игры в бисер», в ее изнуряющей борьбе иерархий победил дьявол, извечно претендующий на мировое господство.

Автор не приукрашивает, не романтизирует, не любуется бальными развлечениями посланника мира тьмы, как это происходит в романе Булгакова. Но на протяжении повествования постепенно раскрывает дьявольские козни во всей их отвратительности, показывает «великого» как низкого притворщика, похитителя, имитатора, оборотня. Становится ясно, почему в названии это имя стоит в кавычках. «Великий» писатель оказывается великим обманщиком. Так и должно быть, ведь силы зла не обладают творческой способностью, они могут только подражать, воровать или разрушать.

Оказывается не тождественной своему начальному образу и героиня романа Соня. Хрупкая, неуверенная в своих талантах молодая беллетристка, безропотно и безответно выслушивающая советы «великого»: *Наивное дитя, истину нельзя обожествлять! Благословляется лишь процесс ее поиска,* — на самом деле человек твердый в своих православных убеждениях. Она, действительно, одаренный, творческий человек. Но ее творчество — высший вид творчества, творчество собственной личности. Прочитав книгу о старце Силуане, она пошла по его стопам. И откровенно рассказала об этом своему визави: *Храм, исповедь, причастие… — все это постепенно становится частью моей жизни. Самое важное, полученное мной (и это — est inappréciable la perle) — понимание того, что надо не искать свое отражение в других, но отражать самой; самой быть зеркалом. Благословенна рука дающего!*

Присоединившись к интеллектуальной, как сначала думает читатель, игре, к нему постепенно приходит осознание, что на самом деле он втянут в непримиримое идейное противостояние правды и кривды, добра и зла, света и тьмы, в котором победитель погибает. Соню убивают, очевидно, не без помощи ее собеседника, писем которого, как открывается в финале, она не

получала. Их общения не было. Да оно и невозможно по законам мироздания, как невозможен обмен энергиями между светом рая и тьмой преисподней. Это несмешиваемые среды. Каждый из героев романа остается в своем мире. «Великий» похищает произведение погибшей писательницы и ставит на нем свое имя. Но не духовно-нравственные идеи романа Сони волнуют его. Ему сладок сам процесс воровства, подмены. Он тоже хочет быть звездой. Когда-то он ей уже был, как говорил пророк Исайя, «как упал ты с неба, денница, сын зари, разбился об землю, поправший народы» (Ис. 14:12). В более конкретной форме это желание бессмертного персонажа звучит в вышеназванном романе Игоря Изборцева «Спастись еще возможно».

Старик сел в кресло и расслабился. Из глубины подсознания выплыло воспоминание непередаваемых ощущений, связующих с той молнией в первозданном небе. С некоторых пор его снедало одно желание: он хотел туда, под толщу каменных сводов земли, туда, где пылал неукротимый огонь, зажженный некогда упавшей звездой. Да, это звезда, она привиделась ему в виде молнии, перечеркнувшей все небо. Когда-то она была утренней, но упала на землю и все продолжала пылать где-то в самой ее глубине. Ему хотелось к ней! Все окружающее становилось ему ненавистно. К ней! Но это право надо еще заслужить[1].

«*Роман в письмах по e-mail*», где Игорь Изборцев использует термины постмодернизма (подчеркивает его западное происхождение обилием латинских изречений, включает без перевода язык Цицерона), рассказывает о достижениях «Великого» в борьбе с живой духовно-нравственной традицией. Видно, что «Великий» немало сделал на поприще разрушений и подмен, и, можно думать, заслужил право называться Денницей. Но стал лишь безжизненным метеоритом, как рассказывает автор: *Все мы помним, что в день его похорон с нашей планетой столкнулся крупный метеорит, пронзивший плотные слои атмосферы и сгоревший над самой поверхностью земли.*

Постмодернизм, доказывает Игорь Изборцев, во всех охваченных им сферах реального бытия, стремление дьявольское, направленное на подмену знаков, сторон, ценностей. Но только на поверхностный взгляд, только в творческих иллюзиях он поменял местами знаки, жизнь и смерть. Ведь Соня жива в Боге, а «Великий» никогда не смог бы стать живой звездой, тем более дневной, о которой говорит Тютчев. Дневная звезда отличается особой чистотой, она не заметна на фоне солнца и не пытается его затмить. Такие дневные звезды «горят светлей в эфире чистом и незримом», такой звездой могла стать душа героини романа.

Но как же трудно достижим этот чистый, незримый эфир. «Если бы видимое небо не отделяло нас от неба невидимого, мы бы содрогнулись от тех несоответствий духа, которое существует меж ангельской торжествующей церковью и нашей земной церковью, почти не воинствующих, дряблых человеческих душ. Мы бы ужаснулись и поняли бы ясно ту истину, которая нам сейчас непонятна: что сделал для нас Господь Иисус Христос, и что Он делает для каждого из нас. Его спасение мы представляем себе почти теоретически, абстрактно. Но когда бы мы увидели, с одной стороны, белоснежные сонмы молниелучных чистых духов, огненных, пламенных,

[1] *Изборцев И.* Спастись еще возможно. Краматорск. «Тираж-51». 2013. С. 102.

горящих невообразимой любовью к Богу и устремленных ко спасению всего творения, и, с другой стороны, увидели бы землю с ее сотнями миллионов полулюдей, полунасекомых, с сердцами, устремленными только к земле, людей, пожирающих друг друга, самолюбивых, сластолюбивых, деньголюбивых, несговорчивых, одержимых прилипшими к ним темными силами, мы бы ужаснулись и вострепетали...»[1].

Своим литературным творчеством Игорь Изборцев заставляет вострепетать наши души, способствует их пробуждению в воинственной непримиримости ко злу и греху, изображая их в традиционных оценках и современных образах. Писатель видит свою задачу в том, чтобы в наш прагматичный век каждый человек, даже утопающий в удовольствиях и различных свободах, далекий от Евангельских смыслов, захотел к ним обратиться, чтобы он увидел красоту высшей формы христианства — Православия. Вот ценные слова в подтверждение этого стремления, сказанные западным священником, принявшим Православие. «Сегодня в наиболее интенсивной форме именно в Православии, приведенном историей к "необходимому единству", осуществляется расцвет подлинного "евхаристического сознания". Укорененное в практике причащения, которое для наиболее пламенных православных стремится стать еженедельным, ежевоскресным, это сознание превращает христианина в "литургического человека", который пытается обнаружить в сердце существ и вещей ту точку прозрачности, откуда может засиять свет славы»[2].

Не один век помогает отысканию *точек прозрачности* и русская литература, претендующая быть и оставаться *учителем жизни*. То, что современные писатели обращаются к вековым темам, свидетельствует об их неисчерпаемости и нерешенности. В реальности трудно найти примеры преображения человека под воздействием только художественного произведения. И в то же время стремление к идеалу, к красоте, к милосердию может подвигнуть человека к храму, где только и должны решаться извечные вопросы бытия. К *Свету Славы* обращены романы, повести, рассказы Игоря Изборцева, динамичные, по-современному увлекательные, написанные ярким языком, они захватывают и не отпускают с пути, берущего начало в глубинах времен, и устремленного в Вечность. Творчество этого мастера является еще одним свидетельством того, что художественная литература, пронизанная светом христианства, обладает спасительной задачей, которую писатель решает в первую очередь в собственной жизни. На примере собственного преображения легче убедить современника, «не совсем пропащего человека», что Господь милосерден и к праведнику, и к раскаявшемуся разбойнику, что «спастись еще возможно», надо только вспомнить о своих духовных корнях и благодатных спасительных Божественных началах.

---

[1] *Иоанн (Шаховской), архиепископ.* Апокалипсис мелкого греха. М., Сретенский монастырь. 2007. С. 13-14.

[2] *Оливье Клеман.* Отблески света. Православное богословие красоты. М., Библейско-богословский институт. св. ап. Андрея. 2004. С. 76.

Николай САМОЙЛОВ

КИТАЕВЕДЕНИЕ — НАУКА ТОЧНАЯ

К выходу в свет собрания трудов академика В. С. Мясникова «Кастальский ключ китаеведа»[1]

Николай Анатольевич Самойлов — окончил Восточный факультет СПбГУ (ЛГУ). Доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки СПбГУ. С 2015 г. — директор Центра изучения Китая СПбГУ. Автор более 150 научных трудов (включая монографии), опубликованных как в России, так и за рубежом. Занимался научными исследованиями, читал лекции и выступал с докладами в вузах и научных учреждениях Китая, Японии, США, Германии, Италии, Финляндии, Чехии, Бельгии, Швеции. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Выход в свет семитомного собрания трудов академика Владимира Степановича Мясникова — заметное событие в отечественной науке.

Имя историка-востоковеда В. С. Мясникова и его научные исследования хорошо известны в России, Китае и других странах. Многие отечественные китаисты, историки, международники, дипломаты считают Владимира Степановича своим наставником и гордятся этим. Он — постоянный участник международных и всероссийских научных конференций и симпозиумов, его доклады всегда вызывают неподдельный интерес и внимание слушателей. И если в программе конференции присутствует выступление академика В. С. Мясникова, все участники стараются заранее занять места в аудитории, чтобы его послушать.

В данный семитомник, увидевший свет в издательстве «Наука», включены практически все основные работы этого автора (книги, статьи, доклады, интервью, материалы аналитического и рецензионного характера), написанные на протяжении его долгой научной биографии. Они сгруппированы тематически и разделены по семи томам. Некоторые из томов начинаются с обращений автора «К читателю» или авторских предисловий, в которых В. С. Мясников высказывает свои мысли и суждения о судьбах российской науки и просвещения или о развитии отечественного китаеведения.

Название «Кастальский ключ китаеведа» имеет символическое звучание. Объясняя выбор такого заглавия, В. С. Мясников приводит строки Александра Сергеевича Пушкина:

---

[1] *Мясников В. С.* Кастальский ключ китаеведа: Соч. в 7 т. М.: Наука, 2014.

Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.

И далее поясняет, что Кастальский ключ находится у подножия Парнаса, путь от него вел прямо к храму Аполлона, и этот ключ всегда воспевался поэтами как источник вдохновения. Развивая свою мысль об источниках научного творчества, о «научном чувстве», Владимир Степанович пишет об особой миссии российского ученого в деле служения Отечеству. Говоря о тех, кто посвятил себя изучению Китая, он отмечает, что «источником вдохновения для русских китаеведов является любовь к своему Отечеству и стремление служить ему верой и правдой» (Т. 1, с. 16).

Диапазон научных исследований, представленных в собрании трудов В. С. Мясникова, поражает широтой и разнообразием. Это — история Китая, в особенности период правления династии Цин (1644–1911), история китайской дипломатии, этнокультурные и социокультурные особенности развития китайской цивилизации, история отечественного китаеведения, международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе, источниковедение. Вместе с тем, помимо трудов, непосредственно связанных с Китаем, в данное издание включены статьи В. С. Мясникова, посвященные развитию науки в целом, отдельным выдающимся ученым (не только востоковедам), Российской Академии наук, судьбам интеллигенции. И все-таки из всех тем главной в исследованиях В. С. Мясникова является история российско-китайских отношений на всем протяжении 400 лет взаимодействия двух стран-соседей, рассмотренная автором во всей ее многогранности.

Отношения России и Китая являются основным объектом исследований В. С. Мясникова буквально с самого начала его научной деятельности, а итогом многолетних научных поисков стало создание и формулирование научно обоснованной концепции истории этих отношений и истории становления российско-китайской границы. В этом — одна из главных научных заслуг академика В. С. Мясникова. Читатель может познакомиться с данной концепцией автора, базирующейся на анализе обширного фактического материала, почерпнутого из российских и китайских источников, в его трудах: «Империя Цин и Русское государство в XVII веке» (Т. 1, с. 19–308) и «Договорными статьями утвердили. Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений» (Т. 3), а также в ряде статей, помещенных в других томах.

Основное положение концепции, разработанной В. С. Мясниковым на основе тщательного изучения источников и впервые изложенной им еще в кандидатской диссертации, заключается в том, что национальные и государственные интересы России и Китая не противоречили друг другу, что подтверждается всей историей взаимодействия двух стран, насчитывающей практически 400 лет. Автор подчеркивает: «Одна из важнейших особенностей истории русско-китайских отношений состояла в том, что, несмотря на возникавшие порой острые ситуации, два государства ***никогда не были в состоянии войны друг с другом***». (Т. 1, с. 484).

Анализ огромного количества документальных материалов позволил Владимиру Степановичу не только сформулировать научно обоснованную концепцию истории российско-китайских отношений, но и использовать результаты своих исследований для анализа их современного состояния.

В. С. Мясников убедительно доказал, и это прослеживается во многих его работах, что позитивный исторический опыт развития взаимоотношений России и Китая значительно превосходит те осложнения, которые порой возникали между двумя странами на определенных отрезках истории. Подобные осложнения и разногласия достаточно легко разрешались путем переговоров, заключения двусторонних договоров и соглашений, то есть путем компромиссов.

Под этим углом зрения В. С. Мясников рассматривает все ключевые моменты истории отношений двух стран-соседей. В этом плане очень показательна статья «Историческое значение Нерчинского договора» (Т. 5, с. 147–151). На протяжении длительного времени русско-китайский Нерчинский договор 1689 года трактовался отечественными историками как хрупкий, несовершенный и невыгодный для России, поскольку привел к утрате ею территорий в Приамурье. В. С. Мясников, анализируя его характер и последствия, приходит в своих исследованиях к более глубоким выводам. Отмечая, что этот договор, безусловно, следует считать насильственным, то есть заключенным под угрозой применения силы со стороны маньчжурских войск, он указывает при этом на то, что именно Нерчинский договор «на целые столетия исключил из отношений России и Китая вооруженную силу как средство решения проблем» (Т. 5, с. 151). После подписания данного акта оба государства обратились к политике добрососедства и никогда не находились в состоянии войны друг с другом, а такого рода отношения между соседними государствами — редкий пример в истории. Таким образом, Нерчинский договор стал результатом своеобразного межцивилизационного компромисса между Русским государством и империей Цин, оформленным первым договорно-правовым актом, заключенным между двумя соседними государствами.

На основе упомянутых выше методологических установок Владимир Степанович сформулировал научно обоснованную концепцию формирования русско-китайской границы: «Исторически сложившаяся граница между Россией и Китаем — в отличие от подавляющего большинства межгосударственных границ в Европе, Азии, Африке и Америке — является итогом не войн, а дипломатических усилий сторон». (Т. 1, с. 484).

В своих работах В. С. Мясников предложил еще целый ряд новых концептуальных подходов к осмыслению истории русско-китайских отношений, вводя в их анализ методы и приемы сравнительного культуроведения и рассматривая эти отношения как пример проявления межцивилизационного взаимодействия. Этот комплексный подход к изучению проблематики взаимоотношений России и Китая в истории и современности потребовал привлечения к исследованию обширных данных не только чисто исторического характера, но и результатов глубокого осмысления сложнейших процессов в сфере культуры, общественного сознания и этнической психологии.

К числу научных заслуг академика В. С. Мясникова следует отнести публикацию большого количества архивных документов по истории русско-китайских отношений. Источниковедение по праву занимает ключевое положение и в его исследованиях. Во всех своих книгах и статьях он остается верен принципу, что источник превыше всего. Его исследования по истории Китая и российско-китайских отношений всегда основываются на тщательном поиске и скрупулезном изучении архивных документов, что

можно отчетливо проследить на страницах практически всех работ, включенных в рассматриваемый семитомник. В. С. Мясников отмечает, что его собственная методика и основные подходы к изучению источников сформировались у него уже на самых ранних этапах его научной деятельности: «“урожайный” 1958 год научил меня, во-первых, необходимости сравнительного изучения текстов одного и того же автора, что облегчает их понимание (дневники К. А. Скачкова); во-вторых, обязательной сверке опубликованных документов с оригиналами (Айгуньский договор); в-третьих, внимательнейшему, сплошному (не надеясь на указатели) просмотру фондов при выявлении документов по любой проблеме» (Т. 1, с. 479).

Знакомство с опубликованными работами В. С. Мясникова подтверждает, что за каждым из этих трех сформулированных им принципов работы с историческими источниками стоят длительный научный поиск и даже открытия, совершенные автором в «урожайном» 1958 году. Так, например, при подготовке к публикации оригинального текста российско-китайского Айгуньского договора (1858), определившего линию прохождения границы между двумя государствами, Владимир Степанович установил, что в прежних публикациях этого важнейшего договорно-правового документа в его преамбуле оказалась пропущенной важная фраза о том, что Россия и Цинская империя заключили данный договор для «охранения» своих владений «от иностранцев», а появилась эта лакуна по личному указанию А. М. Горчакова из соображений дипломатической осторожности (Т. 1, с. 478).

Еще одно источниковедческое открытие было сделано В. С. Мясниковым в процессе разбора так называемого «Маньчжурского архива» в ЦГАДА, когда ему удалось обнаружить два ранее неизвестных документа о поездке в Пекин посольства Ивана Петлина в 1618 году и таким образом доказать, что именно это посольство было первым в истории российско-китайских отношений, что окончательно опровергло версию Н. М. Карамзина, который в «Истории государства Российского» писал о том, что первые русские посланники были направлены в Китай еще при Иване Грозном, и даже усомнился в том, что Иван Петлин в действительности побывал в Китае (Т. 1, с. 478–479; Т. 5, с. 16). Статья В. С. Мясникова «Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина» (Т. 5, с. 15–21) поставила окончательную точку в многолетнем споре о том, кто первым из русских посетил Пекин с дипломатической миссией. Данная статья дает возможность читателю ознакомиться с результатами этого исследования и сделанными автором на основе обнаруженных источников выводами о роли Ивана Петлина в становлении русско-китайских отношений.

А вот при подготовке к публикации дневников выдающегося русского китаеведа XIX века, современника Тайпинского восстания (1850–1864) Константина Андриановича Скачкова проблемой стал почерк уважаемого синолога. Здесь В. С. Мясников применил метод вчитывания в более понятные тексты, написанные рукой того же автора и сличения их с менее понятным текстом его дневниковых записей. В итоге В. С. Мясникову удалось полностью прочитать неразборчивые записки К. А. Скачкова времени тайпинского движения, которые тот к тому же вел на трех языках (русском, китайском и французском), вдобавок записывая китайские и французские слова в русской транскрипции. Результатом этой тяжелейшей работы стала публикация уникального исторического источника.

На протяжении многих лет Владимир Степанович занимается исследованием такой актуальной темы, как история складывания границ Китая, уделяя наиболее пристальное внимание истории формирования русско-китайской границы. Наиболее значительным трудом по данной проблематике стала впервые опубликованная в 1996 году и выдержавшая несколько изданий монография «Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII–XX вв.». В этой книге впервые в полном объеме был представлен материал, отражающий все перипетии становления границы между Россией и Китаем, а также были проанализированы все договоры, заключенные нашей страной с восточным соседом вплоть до первой половины 1990-х годов. Причем тексты многих соглашений были впервые опубликованы именно В. С. Мясниковым.

Вместе с тем в своих исследованиях Владимир Степанович не только представил подробный научный анализ широкого спектра вопросов, связанных с отдельными этапами истории отношений России и Китая, но и предложил целый ряд методологических подходов к их изучению.

Изучение китайских источников, а также уникальных материалов из наших отечественных архивов позволило В. С. Мясникову осуществить глубокий и всесторонний анализ основных черт и специфических особенностей традиционной китайской дипломатии. В своих трудах, основываясь на тщательно изученных и проверенных исторических фактах, он убедительно показал, что китайская дипломатия на протяжении многих веков основывалась на философских и политических системах, уходивших своими корнями в глубокую древность, а стратегические концепции и конкретные тактические методы были почерпнуты из древнекитайского военного искусства.

Еще одной важнейшей особенностью китайской дипломатии являлся, по мнению В. С. Мясникова, детально разработанный и до мельчайших подробностей регламентированный церемониал, который должен был способствовать утверждению представлений о превосходстве «Срединного государства» и его монарха над всеми странами и народами Поднебесной — «варварами четырех сторон света», согласно принятой еще в древности доктрине. В средневековом Китае априори считали «вассалами» всех, с кем когда-либо поддерживались контакты и кто направлял послов ко двору китайского императора.

В своих трудах В. С. Мясников не только теоретически обосновал, но и доказал на основе анализа большого количества источников, что документы эпохи Цин, в которых идет речь о внешних связях империи, содержали не столько объективное изложение тех или иных внешнеполитических событий, сколько насквозь идеологизированные трактовки и интерпретации, порожденные стремлением подкрепить примерами тезис о мироустроительной роли китайских императоров.

Огромная заслуга Владимира Степановича состоит в том, что при анализе основных стратегических разработок и приемов традиционной китайской дипломатии он сумел выявить такую ее характерную черту, как «стратагемность», связав ее с особенностями этнопсихологии китайцев. Выводы о «стратагемности» были сделаны им на основе изучения истории взаимодействия империи Цин с Русским государством и имели большое значение для разработки методологии изучения китайской внешней политики. Эти выводы были с энтузиазмом восприняты в мировом китаеведении. У Влади-

мира Степановича появилось много последователей. Один из современных исследователей китайских стратагем — швейцарский ученый Харро фон Зенгер, автор фундаментального труда на эту тему, подчеркивает огромный вклад В. С. Мясникова в постановку данного вопроса в китаеведении и в разработку этой проблематики на конкретном историческом материале.

В. С. Мясникову на основе изучения архивных документов также удалось установить тот факт, что первым представителем западного мира, кто упомянул о китайских стратагемах, был российский дипломат, подписавший русско-китайский Кяхтинский договор 1727 года, — Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, который написал о цинских сановниках следующее: «И сию вторую *стратагему* они чинили, чем бы меня обмануть».

Владимир Степанович называет стратагематику «*наукой точной*» и пишет, что «в наибольшей степени понятие стратагемы сходно с понятием алгоритма в математике» (Т. 4, с. 47). В то же время у него есть и иное, весьма образное сравнение: «стратагемность — это своего рода дипломатическое каратэ; знающий правила, владеющий техникой может победить даже более сильного противника, если точно нанесены удары по его уязвимым местам» (Т. 4, с. 47–48). Благодаря трудам В. С. Мясникова теперь уже всем известно, что в Китае большую роль играли не только военные, но и дипломатические стратагемы, направленные на решение крупных и сложных внешнеполитических задач. Исходя из этого, стратагемная дипломатия традиционного Китая черпала свои средства не в нормах и принципах международного права и даже не в обычаях, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер (Т. 4, с. 55). Следует отметить, что эти традиционные приемы плавно перешли из средневековой китайской дипломатии в дипломатию Нового времени.

Однако, на наш взгляд, вклад академика В. С. Мясникова в развитие методологии изучения внешней политики Китая и российско-китайских отношений далеко не ограничивается изучением стратагемного подхода. Именно он впервые обратил внимание на принципиально важную проблему исторической типологии взаимосвязей России и Китая, отметив, что «при установлении отношений двух стран естественно сложилась своеобразная система координат, в которой горизонтальную линию образовывали европейские традиции и методы, а вертикальную — китайские. В результате взаимодействие сторон формировалось как вектор развития, получилась третья линия, вобравшая в себя элементы того и другого подходов» (Т. 2, с. 342). Очень важным в методологическом отношении следует признать его вывод о том, что «взаимодействие России и Китая по формационным характеристикам относится к однотипному, а по цивилизационным — к смешанному виду межгосударственных связей» (Т. 2, с. 352). Таким образом, В. С. Мясников по сути заложил парадигмальные и методологические основы изучения истории социокультурного взаимодействия различных стран и народов, внеся необходимую конкретно-историческую составляющую в теоретические концепции социологов и культурологов. В дальнейшем эти идеи были развиты в исследованиях российских китаеведов.

Показательно, что свои научно-теоретические подходы, сформулированные на основе изучения конкретного исторического материала, академик В. С. Мясников активно и творчески применяет к анализу современного состояния российско-китайских отношений и внешней политики Китая в

целом, что очень хорошо прослеживается не только в его научных трудах, но и в ряде публикаций публицистического характера («Китайская цивилизация доказала свою способность выживать». (Т. 7, с. 565–571)).

Изучение китайских источников и архивных материалов по истории внешней политики Китая создало фундамент не только для понимания особенностей традиционной китайской дипломатии, но и для осмысления ее влияния на дипломатию современного Китая, что было реализовано В. С. Мясниковым в поистине пионерском для отечественного китаеведения труде «Краткий очерк истории дипломатии КНР. 1949–1980-е годы» (Т. 2, с. 7–320). В этой работе подробно рассмотрены различные направления деятельности дипломатических органов КНР и убедительно показана взаимосвязь китайской дипломатии, осуществлявшейся под руководством Мао Цзэдуна, с дипломатией традиционного Китая. На примере дипломатической практики периода «культурной революции» автор показал возможности усиления позиций государства путем использования хитроумных внешнеполитических ходов.

В этом исследовании В. С. Мясников впервые рассмотрел этнопсихологические основы китайской дипломатии и этнопсихологическую специфику отношений Китая с другими странами на примере становления российско-китайских отношений. Он выделил группу этнопсихологических различий китайского и русского народов, влиявших на становление отношений между двумя государствами: различие в системах ценностных ориентиров двух цивилизаций, различие в концепциях внешних связей, различие в политических культурах, определившее своеобразие дипломатических школ. Кроме того, именно в данной работе он ввел в изучение истории отношений Китая с Россией понятие «контактная зона» (зона, которая пролегала между двумя государствами в момент установления связей между ними и постепенно ими поглощалась). Там проживали различные по своим этническим характеристикам народы. «Монголы, маньчжуры, уйгуры, казахи, киргизы, малые народы, населяющие берега Амура и Приморье, были вовлечены в процесс становления отношений Китая с Россией… То, что Русское государство первоначально вступило в контакты с народами этой зоны, давало ему не только опыт общения с ними, но и помогало адаптировать их опыт связей с Китаем» (Т. 2, с. 33). Отмечая характерные черты китайской дипломатии, В. С. Мясников пишет следующее: «Дипломатия КНР представляет собой элемент политической культуры китайского общества, во многом определяемый культурной традицией, наследием прошлого. Именно поэтому она и имеет свои этнопсихологические особенности» (Т. 2, с. 315).

Серия работ В. С. Мясникова посвящена изучению советско-китайских и российско-китайских отношений (после 1991 г. и на современном этапе). На основе его теоретических концепций и под его непосредственным руководством проводилась разработка методик прогнозирования перспектив развития советско-китайских отношений, а в более близкое к нам время — отношений КНР и Российской Федерации (с использованием комплексного системного подхода).

Большое внимание В. С. Мясников также уделяет истории христианства в Китае. Наиболее значительной из его публикацией на эту тему, содержащей сравнение особенностей деятельности западных и русских миссионеров в Китае, являются «Заметки о христианстве в Китае» (Т. 6, с. 154–163).

Отмечая большой вклад сотрудников Пекинской духовной миссии в дело изучения Китая, В. С. Мясников в то же время подчеркивает, что «Русская духовная миссия в Пекине была учреждена в первую очередь для удовлетворения “внутреннего” интереса русских — их религиозной потребности и необходимости подготовки лиц, знающих восточные языки» (Т. 6, с. 161). «Российская Духовная миссия в Пекине не ставила целью обращение китайского народа в Православие, она лишь поддерживала веру в потомках албазинцев. Научное изучение Китая во всех аспектах бытия было официальной задачей миссии» (Т. 1, с 488). Этим и объяснялось незначительное число китайцев, обращенных в Православие.

Следует также отметить, что В. С. Мясников был активным участником конференций «Православие на Дальнем Востоке», которые на протяжении многих лет проходили в Санкт-Петербургском государственном университете и Санкт-Петербургской Православной Духовной академии по инициативе академика М. Н. Боголюбова (1918–2010), и отмечал важное значение этих научных форумов, объединявших духовных и светских исследователей.

Еще одна группа работ В. С. Мясникова посвящена проблемам выработки современной методологии востоковедных исследований. В статье «Заметки о методологии исследований по Китаю» (Т. 6, с. 204–209) он указывает на чрезвычайную важность изучения культуры, ибо она «предстает как тот регулятивный идеал, который позволяет найти способы категориального и методологического синтеза разнообразных гуманитарных и социальных наук, обеспечить интегральный образ знания» (Т. 6, с. 207). Исходя из этой посылки, он приходит к выводу о том, что именно по этой причине главным объектом изучения в синологии стала культура Китая, что прекрасно понимал академик В. М. Алексеев, утверждавший, что в центре любого китаеведного исследования должен находиться китайский текст.

Много пишет Владимир Степанович и об особой миссии востоковедения, которое в наши дни предстает как интегральная наука. Разбирая содержание коллективного труда «Введение в востоковедение», написанного преподавателями Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, он отмечает, что авторский коллектив «совершенно верно подходит к современному востоковедению как к системе взаимно связанных дисциплин» (Т. 4, с. 409). При этом базовой дисциплиной учебного процесса при подготовке востоковедов любого профиля является восточный язык. По мнению В. С. Мясникова, авторы «Введения в востоковедение» сумели убедительно продемонстрировать, что культура Востока позволяет сомкнуть в единое целое объекты различных гуманитарных наук. Таким образом, использование востоковедами приемов и методов разных наук (включая естественные) создает условия для углубленного изучения и понимания специфики восточных социумов.

Не менее значимое место в научном творчестве академика В. С. Мясникова занимает рассмотрение отечественного китаеведения в историческом и методологическом плане. В 1974 году, в связи с 250-летием Российской Академии наук, он опубликовал концептуальную работу обобщающего характера «Становление и развитие отечественного китаеведения», в которой проследил основные этапы истории российской синологии, проанализировал возникавшие проблемы и охарактеризовал стоящие перед этой отраслью нашей науки задачи (Т. 4, с. 83–105). Говоря о современном периоде,

Владимир Степанович делает вывод о том, что «отечественное китаеведение, достигнув высокой степени дифференциации исследований, в настоящее время представляет собой многоотраслевую науку, в которой успешно работают историки, экономисты, филологи, философы, литературоведы, специалисты в области международных отношений, этнографы, археологи, представители юридических наук. Китаеведы широко используют методику исследования и достижения многих общественных дисциплин: всеобщей истории, политэкономии, литературоведения, теории государства и права» (Т. 4, с. 103). Вместе с тем, занимаясь изучением самой «историчной» страны мира, отечественные китаеведы вносят, по мнению В. С. Мясникова, существенный вклад в развитие теории исторической науки, в методологию изучения мировой литературы, в формирование новых концепций теории и истории международных отношений. Отечественные китаисты всегда выступали против европоцентристского и китаецентристского подходов к изучению всемирной истории и истории мировой культуры.

Труды В. С. Мясникова по истории отечественного китаеведения стали закономерным продолжением работы его предшественника и учителя Петра Емельяновича Скачкова (1892–1964) — автора «Очерков истории русского китаеведения», ставших поистине настольной книгой каждого китаеведа. Этот труд увидел свет в 1977 г. также благодаря усилиям В. С. Мясникова, подготовившего его к печати. Владимир Степанович подчеркивает, что «Очерки» являются свидетельством высокого уровня развития нашего китаеведения, ибо «любая наука может заниматься самопознанием, только достигнув определенного уровня» (Т. 1, с. 487).

Владимир Степанович постоянно подчеркивает: «Уважение к китайскому народу, его истории и культуре, глубокое знание особенностей китайской цивилизации — это необходимый багаж каждого из тех, кто встает на путь служения России в области ее отношений с Китаем» (Т. 1, с. 16).

Большое количество исследований В. С. Мясникова, собранных в семитомном собрании его трудов, посвящено отдельным этапам истории российского китаеведения и отдельным его выдающимся представителям. Владимир Степанович много времени уделил изучению научного наследия выдающегося русского синолога — Никиты Яковлевича Бичурина (в монашестве — отца Иакинфа) (1777–1853). Название одной из статей — «Основоположник русского китаеведения» (Т. 4, с. 106–110) — прямо говорит о том, какое место, по мнению В. С. Мясникова, занимает этот замечательный китаист в истории отечественной науки. В другой статье «Историк-востоковед Н. Я. Бичурин» (Т. 4, с. 111–132). В. С. Мясников пишет, что «Н. Я. Бичурин был синологом по призванию», и добавляет: «В творчестве этого выдающегося китаеведа в полной мере проявились лучшие черты, свойственные традиционной российской востоковедной научной культуре: точный перевод основных источников как предварительное условие для исследовательской работы, максимальный охват фактического материала, глубокий историко-филологический подход, внимание к текстологическому анализу» (Т. 4, с. 111). В порядке ремарки хочется отметить, что именно такой подход к изучению Китая, отмеченный у отца Иакинфа, характерен и для научного творчества самого Владимира Степановича.

Очень существенно также и то, что благодаря стараниям В. С. Мясникова были обнаружены и введены в научный оборот многие прежде не

публиковавшиеся труды и документы Н. Я. Бичурина[1]. Рассказ о поисках рукописей отца Иакинфа в архивах Финляндии написан В. С. Мясниковым настолько увлекательно, что от чтения невозможно оторваться. Рукописное наследие Н. Я. Бичурина периода его валаамской ссылки в настоящее время хранится в Ново-Валаамском Спасо-Преображенском монастыре в Хейнавесси и в архиве в городе Миккели. Именно там Владимиру Степановичу удалось обнаружить уникальные документы, проливающие свет на многие обстоятельства пребывания Н. Я. Бичурина в Пекине и его валаамской ссылке. Большую помощь в организации этих поисков Владимиру Степановичу оказали известные финские ученые Тимо Вихавайнен и Харри Хален.

Очень высоко В. С. Мясников оценивает место и роль академика В. М. Алексеева и его научной школы в истории отечественного китаеведения: «Труды Василия Михайловича Алексеева — это, безусловно, вершина зарубежного (не китайского) китаеведения XX в. Глубина знаний автора — поражает, сила его мысли — восхищает. Конечно, это — свидетельство огромного таланта, приумноженного упорнейшим трудом» (Т. 1, с. 494). По мнению В. С. Мясникова, чтобы стать настоящим китаеведом «нужно пропитаться китайской культурой, находясь в Китае», и пройти школу научных экспедиций, как это сделал В. М. Алексеев, который на равных мог общаться с китайской творческой интеллигенцией, университетскими кругами и делал это постоянно. «Научное чувство у него было на уровне страсти» (Т. 1, с. 495). Отдельные статьи и исследования В. С. Мясников посвятил ряду замечательных отечественных китаеведов: Петру Емельяновичу Скачкову (Т. 1, с. 309–401), Марку Исааковичу Казанину (Т. 1, с. 402–442), Сергею Леонидовичу Тихвинскому (Т. 1, с. 443–469; Т. 4, с. 268–274), Светлане Даниловне Марковой (Т. 4, с. 237–260) и другим.

Столь же фундаментальными, как и предлагаемые В. С. Мясниковым концепции развития китайской истории, оказываются и его публикации по истории нашего Отечества. Российской истории также посвящено немало работ В. С. Мясникова, с которыми можно познакомиться в рассматриваемом собрании трудов. Автор приходит к выводу о том, что «Россия является особой “межцивилизационной цивилизацией” (Т. 7, с. 24), впитавшей в себя многие черты различных цивилизационных комплексов Востока и Запада», что, по его мнению, подтверждают как вертикальные (во времени), так и горизонтальные (в пространстве) срезы истории. Обозначившиеся в начале 1990-х годов тенденции к раздроблению этого этнокультурного конгломерата В. С. Мясников считал противоречащими «исторической традиции и национальным интересам всех народов этого уникального этнополитического сообщества, складывавшегося на протяжении многих веков».

Немало места на страницах семитомника В. С. Мясникова отдано размышлениям о взаимодействии Востока и Запада, о взаимоотношениях их представителей и о современном состоянии проблемы. В итоге В. С. Мясников приходит к очень многозначительному выводу, который может стать основой для последующих исследований в сфере востоковедения, международных отношений и сравнительной культурологии: «Вопреки предска-

[1] См.: «Валаамская ссылка Н. Я. Бичурина. Репортаж из двух столетий» — Т. 4, с. 148–171; «Публикация рукописного наследия и архивных документов Н. Я. Бичурина (о. Иакинфа)» — Т. 4, с. 182–197.

заниям Р. Киплинга Восток и Запад сходятся. Более того, Восток ведет наступление на Запад» (Т. 4, с. 54). Именно на основе данной посылки необходимо осуществлять анализ тех явлений, которые происходят в современном мире.

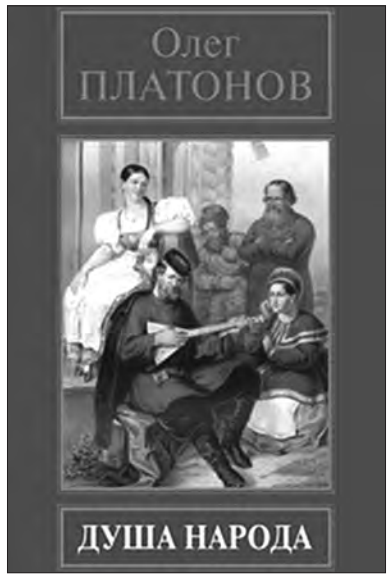
В. С. Мясников много пишет о задачах исторической науки, о ее месте в ряду других гуманитарных наук, о ее исторической миссии. Он отмечает, что «воспитание исторического сознания нынешнего и грядущих поколений несовместимо с безоглядным негативизмом, огульным отрицанием исторического прошлого» (Т. 7, с. 27). Научными знаниями, исторической памятью народы «должны быть защищены от соблазнительных призывов, с помощью которых ставятся подчас ложные цели и предпринимаются попытки манипулировать общественным сознанием и в конечном итоге народными судьбами».

Хочется верить, что вышедший в свет семитомник трудов Владимира Степановича Мясникова станет Кастальским ключом для последующих поколений российских китаеведов, для тех молодых людей, кто сегодня пришел в китаеведение и кто придет в него завтра. Его работы не только расширяют горизонты знаний, но и увлекают азартом научного поиска.

Вышла книга

Платонов О. А.

Душа народа. — М.: «Родная страна», 2015. — 528 с.

Главное богатство русского народа — его душа и связанные с ней духовно-нравственные категории — совесть, добро, правда, справедливость. Преобладание в жизни русских духовно-нравственных элементов над материальными легли в основу самобытной цивилизации — Святая Русь. Духовная цельность, неразрывность веры и жизни, нестяжательство, соборность, державность и патриотизм позволили создать могучее государство, объединившее в гармоничной связи многие народы, развить великие культуру, искусство, литературу, ставшие духовным богатством всего человечества.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

КАКИМ БЫТЬ ИСКУССТВУ СЛОВА

Светлана Георгиевна Замлелова — родилась в Алма-Ате, окончила Российский государственный гуманитарный университет (Москва), член Союза писателей России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, главный редактор литературных сайтов КАМЕРТОН http://webkamerton.ru и ВЕЛИКОРОССЪ http://www.velykoross.ru. Печаталась в газетах и журналах «Московский литератор», «Москвичка», «Наша губернія», «Немига литературная» (Беларусь), «Наше поколение» (Молдова) и др. Автор нескольких книг прозы. **Живет в Москве**.

В феврале–марте 1981 г. в Москве состоялся XXVI съезд КПСС. Само собой, советская пресса не замедлила откликнуться на это событие. Не осталась в стороне и газета «Советская Россия», поместившая статью «Оружием слова», ведь на партийном съезде шла речь и о литературе, а среди докладчиков был Г. М. Марков, первый секретарь правления Союза писателей СССР. Кстати, в том же 1981 г. проходил съезд советских литераторов.

К материалам партийных съездов, издаваемым книгами с красными обложками и продававшимся во всех книжных магазинах, многие тогда относились с иронией — одна, дескать, говорильня, «взвейся да развейся». Но в статье, о которой идет речь, нет бравурных фраз, отдающих казенщиной. Напротив, материал касается нескольких важнейших для искусства тем, от объективных законов развития до участия писателя в литературном процессе. Во-первых, в статье говорится о связи между искусством и порождающей его эпохой; во-вторых — о необходимом предпочтении таланта идеологии и актуальности; в-третьих — о проблеме национального в искусстве или о том, что еще В. Г. Белинский называл «народностью». И, как это часто бывает при знакомстве с размышлениями из прошлого, сказанное вчера звучит набатом сегодня.

«Художественная литература в своем развитии запечатлевает наиболее яркие страницы в истории народа», — говорится в статье. Продолжая эту мысль, стоит отметить, что художественная литература, как и любое другое искусство, как и культура вообще, является зеркалом эпохи, в которую создается. В разные исторические периоды культура претерпевает изменения. Меняются способы мышления, эсте-

тические ценности, способы художественного видения. Культура отображает так называемый «дух времени», то есть ту часть духовной жизни, которая овладевает значительным числом людей и торжествует над ними. Более того, культура не просто отображает перемены, происходящие с человеком, но оказывает обратное влияние, выступая уже причиной изменения мировоззрения. В качестве примера можно вспомнить советскую рок-культуру, возникшую на волне протестных настроений и превратившуюся затем в силу, влияющую на умы.

В каждой культуре складывается своя система взглядов, своя система образов и смыслов, свой язык, понятный не только творцам, но и современной им аудитории. И художественное произведение внутри той или иной культуры определяется состоянием умов и нравов. Неспроста археология сознания пытается реконструировать мировоззрение древних по «материальным остаткам». В произведении всегда находит отражение единство психологического, художественно-стилистического и социологического. Исследователь произведения способен выявить черты и своеобразие человеческого типа соответствующей эпохи. Поскольку образ типичного человека является наиболее заметным, он входит в культуру, становится предметом искусства и мысли. Даже не изображая его прямо, культура так или иначе постоянно обращается к нему.

Новый человеческий тип складывается в соответствии с новой системой взглядов, с новыми идеями и направлениями мысли. Но любое мировоззрение со временем исчерпывает себя. Не исчезая окончательно, оно переходит в пассивную фазу существования. Вместе с угасанием очередной системы ценностей и взглядов уходит на второй план и человеческий тип, сформированный ею, в то время как вперед выдвигается человек, подчиненный новым идеям. Так было с советской культурой и появлением новой российской. Современная культура говорит о новом человеке, о новых ценностях и взглядах. И общего с советской у этой культуры совсем немного. Можно утверждать, что ее основной чертой является подражательность или имитация. Например, часть писателей стараются имитировать западные литературные образцы. При этом речь идет не просто о школе или заимствовании, но именно об имитации, когда либо достаточно поменять имена героев произведения — Иванов на Джонов, чтобы произведение перестало восприниматься частью российской культуры; либо имитация столь явная, что автор даже не пытается ее скрыть. Как, например, в случае с книгой о девочке-волшебнице Тане Гроттер.

Часть писателей, уверяющих, что придерживаются «почвеннического» направления, имитируют прозу советских писателей-деревенщиков, которые были заметным явлением именно советской эпохи. Но нельзя бесконечно писать о том, что деревня пьет, дрова потрескивают, а блины духмяные. Во всяком случае, отечественную словесность имитация деревенской прозы ни в коей мере не обогащает. Более того, любое яркое явление в искусстве, включая писателей-деревенщиков, интересно, прежде всего, личностью творца. Литература — это не схема, она стихийна и во многом непосредственна, она создается, в первую очередь, на бессознательном уровне. Если автор намеренно стремится к оригинальности или, наоборот, к традиционности, его произведение рискует стать надуманным и мертвым. Литература — это реализация интуиций, она интересна автором, а не стилем как

таковым. Индивидуальность автора создает и стиль, и содержание, и новизну, и оригинальность. И если бы разным, но сопоставимым по дарованию авторам из разных эпох предложили написать произведение на одну и ту же тему, то получились бы несколько совершенно непохожих, но талантливых, каждое по-своему, произведений. В каждом были бы и свой оригинальный стиль, и своя новизна по отношению к предшественникам.

Любая система взглядов порождается человеком и вбирает в себя психическое своеобразие человека конкретной исторической эпохи, одновременно оказывая влияние на современников. Такая взаимозависимость характерна для культуры вообще: в каждом своем творении человек запечатлевает себя, свое мировоззрение, свою систему ценностей, свои способы ориентации в мире — все то, что усвоено и вынесено им из повседневной жизни. В повседневной жизни наша страна с некоторых пор превратилась в имитатора. Но имитация — это не ученичество, когда перенимается действительно необходимое и недостающее. Сегодня Россия копирует то, что ей, казалось бы, совершенно не нужно: западную демократию, западное законодательство, западную экономическую модель, западную систему администрирования, Болонскую систему образования… Кто-то умудряется копировать образ жизни и образ мысли дореволюционной России. На первый взгляд, это непонятно — нельзя же все на свете объяснять вмешательством Сороса. Но стоит помнить, что имитация — это признак неспособности к творчеству, это свидетельство деградации, это проявление состояния, когда человек или народ не уверен в себе и отвергает себя, пытаясь найти что-то настоящее на стороне. Как пишет С. Г. Кара-Мурза, *«к имитации склоняются культуры, оказавшиеся неспособными ответить на вызов времени, и это служит признаком упадка и часто принимает карикатурные формы. Так вожди гавайских племен при контактах с европейцами обзавелись швейными машинками, в которых видели символ могущества — и эти машинки красовались перед входом в их шалаши, приходя в негодность после первого дождя».*

Наше искусство, да и культура в целом, тоже основано на имитации. И в этом нет ничего удивительного. Нужно оговориться, что обобщения не строятся на стопроцентном подтверждении. Иногда в качестве аргумента приходится слышать: «А у меня хорошие друзья!» или «А моя бабушка так не думает!» Все это прекрасно, да и в самом деле: в любую эпоху возможны проявления разных взглядов и способов самовыражения. Но речь не идет о крайностях, важно увидеть именно срединное и общее. Любую эпоху отличает своя характерная черта или духовная сила, что действительно оказывает влияние на культуру. Такой силой для античного периода явилась вера в гармонию космоса и божественную предопределенность судьбы. Для эпохи Возрождения — это вера в силу и красоту человека. Хотя наверняка и в те времена водились инакомыслящие друзья и бабушки. Для постсоветской России характерным и общим стали упадок и деградация, потеря веры в себя и как следствие — неспособность к самостоятельному творческому акту. Не станем останавливаться на причинах упадка, это относится к процессу, нас же интересует результат, сводимый к тому, что в силу ряда причин Россия пережила тяжелый и затяжной кризис, проявлением чего стали творческое бессилие и потеря *самостояния* и *самобытия*.

Конечно, любой кризис преодолим. И российский кризис, рано или поздно, должен закончиться. В этом случае изменится человек, а культу-

ра приобретет иные черты. Ведь любые произведения отображают понятные символику и стереотипы, реагируют на смену настроений в обществе. И никакие произведения не могут быть случайными при изучении исторической психологии, отображающейся разными своими сторонами как в шедеврах, так и в произведениях массовой культуры. О том же говорит и статья «Оружием слова», характеризуя советскую литературу как «летопись дел человека, рожденного Октябрем». Кстати, в статье приводится цитата из Отчетного доклада ЦК КПСС XXVI съезду: *«Важно… добиваться того, чтобы актуальностью темы не прикрывались серые, убогие в художественном отношении вещи»*. Можно подумать, что Центральный Комитет обращался к постсоветской России: «серые, убогие в художественном отношении вещи» давно и уверенно составляют сердцевину отечественной словесности, оттеснив на обочину куда более яркие и талантливые произведения и прикрываясь как актуальностью, так и партийностью. Только под «партийностью» следует понимать, конечно, не принадлежность к КПСС.

Раскол литературы на «либеральную» и «почвенническую» или «патриотическую» привел к тому, что на серость и убожество никто не обращает внимания, главным стало деление писателей по принципу «свой — чужой». Причем деление это стремится к бесконечности, чем напоминает деление клетки. Ведь мало быть просто признанным либералом или патриотом. Важно еще оказаться в нужной и влиятельной группировке, важно выказать лояльность редактору, важно доказать свою готовность принять бремя славы, важно установить с нужными людьми хорошие отношения, важно соответствовать. О принципах соответствия либерала написано очень много. Взять хотя бы Л. Е. Улицкую, знаменитую, в частности, «Детским проектом Людмилы Улицкой “Другой. Другие. О других”», где в доступной для детей форме рассказывается, что *«мужчина, которому женщина не досталась, берет в “жены” мальчика»*. Не пиши Людмила Евгеньевна о мальчиках, берущих в жены мальчиков, и кто знает, как сложилась бы ее литературная карьера. Какой уж тут талант, какая там серость — не до жиру.

В противоположном лагере какой-то самоцелью стало «почвенничество». Талант тоже уходит на второй план. Главное — свой автор или нет, достаточно в его произведении «почвенничества» или не хватает. Ничем хорошим для литературы это обернуться не может. Требования к прозе стать беллетризованной публицистикой убивают прозу. Что мы и видим: «почвенническая» проза — это, главным образом, очерки. Зачастую нет ни вымысла, ни сюжета, ни яркого художественного языка — одно сплошное «почвенничество». В книгах «о нашей жизни» находишь набор штампов о вымирающей деревне, о пьянстве, о драках, о батюшке, который был раньше десантником, о воинах Чеченских кампаний, о тюрьме и об армии, заодно немного о церквушках, березках и колосках. О нашей жизни или не о нашей — это не может быть мерилом качества литературы. Патриотическая проза наводнена воспоминаниями о безмятежном деревенском детстве, о родственниках, разбросанных по просторам бывшего СССР, об обретении веры, о том, как герой был неверующим, а потом стал верующим. И т. д. и т. п. Одни и те же образы, одни и те же сюжеты, даже порядок слов один и тот же… Как будто все написано под копирку или одним автором. Разница с либералами в том, что те оскверняют все, к чему прикасаются, а патриоты неумолчно оплакивают. То есть заданность существует и с той, и с другой стороны.

Чего же не хватает? Не хватает именно непосредственного, свободного и самобытного творчества. Знамя «почвенничества» — это, в первую очередь, Достоевский. Но разве Достоевский не выдумщик? Разве он занудно описывает одно и то же? Нет! Он выдумывает невозможные ситуации и невозможных героев, но превращает все в возможное. Он исследует психологию отдельно взятого человека и сталкивает разные психологические типы. Он мистик и фантазер, но главное — он абсолютно раскрепощен в своем зрелом творчестве.

Проблема современной русской литературы, в частности, в том, что она не обновляется. И сколько ни говори «новый реализм», во рту слаще не станет и ничего реально нового не появится. Если продолжать настаивать, что хорошая русская проза или поэзия — это непременно что-то плаксивое о нашей жизни, написанное каким-то неслыханным языком, если считать колоски в рассказах и стихах и таким образом измерять «почвенничество» — литература и вовсе зачахнет. И на русской литературной почве не произрастет ничего нового, масштабного и интересного. Оговоримся: «свобода самовыражения» — это вовсе не патологические излияния и право городить бестолково и неумело. Это когда пишут хорошо и по-разному, а не все на один манер. С точки зрения современного «почвенничества», «Пиковая дама», «Портрет», «Преступление и наказание» — неправильные произведения. Ни колосков, ни березок, одни беспокойные выдумки.

Возникновение и существование литературы связано с человеческим желанием найти подход к тому, что недоступно. Литература создает иную реальность. Восприятие и осмысление этой реальности преобразует культурный контекст. Происходит это в том случае, когда художник не просто списывает с действительности или подражает кому-то, но когда свободно и непосредственно творит, когда его фантазия проникает в глубины человеческого сознания и повседневного мира. Именно так воображаемое получает форму.

Какой же должна быть литература? Как разобраться: хорошее перед нами произведение или современное? Прежде всего, без художественного языка, без индивидуального почерка нет писателя и нет, соответственно, художественной литературы. И конечно, литература не может быть косноязычной. Но кроме владения языком, писатель должен уметь создавать живые миры. В живых мирах нет места шаблону или ходульности, зато все здесь происходит, подчиняясь внутренней логике. Все персонажи — как в жизни — имеют свое лицо, свой характер, свои достоинства и недостатки, разговаривают каждый по-своему. Художественная литература пользуется языком образов, пряча многое в детали, цвета, в символы. Все это нужно уметь прочитывать. И конечно, произведение литературы — всегда что-то цельное, служащее общему замыслу. Это может быть самый крутой авангард или самая немыслимая абстракция, но цельность — проявление способности видеть целое, а не куски, и потому не связана со стилем. Нецельное повествование — признак плохой литературы, слабой одаренности автора, неумения подчинить своему замыслу повествование.

Литература относится к области изящных искусств. Литературу иначе мы называем «изящной словесностью». В искусстве речь может идти о мастерстве, но не о профессионализме. Творец, вполне овладевший своим инструментарием, становится виртуозом. Виртуоз и профессионал — разные явления, как Моцарт и Сальери. Один творит и делает это более или менее

виртуозно. Другой «музы́ку рязъял как труп» и стал профессионалом. Только творцом от этого не стал. Например, очень много профессиональных, но не слишком талантливых стихов. А встречаются стихи талантливые, живые, но, однако, неотделанные, невиртуозные. Различать писателей можно по степени одаренности, что проявляется во вполне определенных, конкретных вещах, и по уровню мастерства или виртуозности. Поздний Пушкин — виртуоз по отношению к самому себе раннему. Но и по ранним его творениям можно было сделать вывод об одаренности. То же и с Достоевским. Некоторые ранние его произведения не вполне хороши. Но талант в них бесспорно присутствует. А бывает, что произведение гладкое, отделанное, но совершенно мертвое.

Казалось бы, давать оценку издаваемым и широко популяризируемым произведениям должен литературный критик. Но, увы. Сегодня практически нет критиков, которые читали бы не своих приятелей, не тех, кто готов платить за рецензии, и не тех, кого «продвигают» по самым разнообразным, не связанным с литературой мотивам. Более того, критик, вынужденный зарабатывать своим ремеслом, хвалит, как правило, то, что нужно издателю. А ведь критик — это главный читатель, он должен уметь читать и обязан научить этому других. Самое же смешное, когда критики, превозносящие посредственность и косноязычие, опрощая тем самым читательский вкус, соловьями разливаются потом о «литературоцентричности» России и стенают о потере интереса к чтению. Смешнее только критики-«почвенники», состоящие на учете в ПЕН-центре.

Недовольство современной отечественной литературой стало каким-то общим местом. Об этом говорят и пишут, но ничего не меняется. Издаются книги, раздаются премии, критики хвалят писателей, писатели — друг друга. Словом, жизнь идет своим чередом. Когда-то министр образования Е.В. Ткаченко заявил, что целью написания новых учебников было разрушение российского менталитета. Очевидно, и новая российская литература либерального толка служит тем же задачам, одновременно позволяя книгоиздателю зарабатывать на одурачивании читателя.

Но и писатели-патриоты, перегнувшие палку с подсчетом колосков, вызывают много нареканий. Их усилиями литературная традиция превращается для многих в жупел, потому что, заслышав о традиционности, читатель тут же вспоминает бесконечную кадриль вокруг деревни. Между тем литературная традиция — это только ориентир. На что ориентирована русская классическая литература? На возвышенную красоту, на справедливость. Всякая литература, как и любое другое искусство, есть плоть от плоти народа, ее породившего. Народа не в смысле простонародья, а в цивилизационном, ценностном смысле. Эта связь, если она есть, проявляется всегда в точном понимании и ощущении всего национального. Примеры опять же — в русской классической литературе. Иван Сергеевич Тургенев. Аристократ, западник, подолгу живавший за границей. Тем не менее — неподражаемое чувство языка, чувство родной природы, чувство национального характера и национальной истории. Чтобы быть хорошим писателем, не надо писать «как Тургенев», надо обладать теми же качествами и писать о своем. Традицию нельзя обновить — она либо есть, либо ее нет. Традицию можно сохранить или от нее отказаться. В нашем случае это означает, что либо мы продолжаем ценить талант, врожденное чувство русского слова и вир-

туозное владение этим словом, продолжаем ценить возвышенную направленность литературы, либо мы от всего этого отказываемся и признаем, что Автор умер, а литература должна развлекать. Либо мы признаем значение Красоты в нашей литературе, либо сквернословим, кто как умеет, и смакуем физиологические отправления. Многие писатели сегодня напоминают попавших под дурное влияние подростков, которые вырвались из-под родительской опеки (традиции) и пустились во все тяжкие. Но чтобы кем-то стать, нужно, прежде всего, оставаться самим собой.

«Национальное искусство — в запахах родной земли, в родном языке, где слова имеют как бы двойной художественный смысл — и сегодняшний, и впитанный с детских лет. В тех словах, которые на вкус, на взгляд и на запах — родные. Они-то и рождают подлинное искусство», — читаем в статье «Оружием слова». Казалось бы, вполне естественно, что произведения, созданные на русском языке, адресованы, прежде всего, русскому читателю. Но в том-то и странность, что написанные о России такие произведения не имеют с ней ничего общего. Причина в том, что значительная часть современной литературы создается за пределами национальной эстетики, современный писатель, в отличие от Тургенева, не национален, он не обладает чувством языка, чувством родной природы, чувством национального характера и национальной истории. Такой автор ориентирован совсем на другую эстетику, он не любит и не знает то, о чем пишет. С другой стороны — «почвенники» с любовью к застывшим формам, с бесконечными перепевами одного и того же, с подражательством и эпигонством. Ну, не надо понимать «почвенничество» буквально как описание почв. Любая хорошая литература на русском языке — это и есть почвенничество. Патриотизм писателя — не заявления и не причитания, а бережное отношение к родному языку и «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам».

Талант подарит хорошую литературу, его отсутствие произведет суррогат. Нельзя отталкиваться от темы, заданность — это прекрасная основа для агитации, но не для искусства. Иначе получится как у Булгакова в «Записках покойника», где герою предлагают «разразиться революционным рассказом». Ничего хорошего из этого выйти не может. Например, с точки зрения патриотизма, педагогики и воспитания, произведения о героях настоящего и прошлого, конечно, нужны. Но если это опять будет написано кое-как, если актуальность прикроет «серые и убогие в художественном отношении вещи», пострадает уже не только литература, но и патриотическое воспитание.

В литературе происходит обратный процесс: хороший, настоящий писатель не отталкивается от тем и коллизий, он творит непосредственно, пишет о том, что его задевает и вдохновляет. И если его вдохновляют какие-то события, то и выйдет талантливое произведение, которое, прежде всего, не будет скучным и серым.

Но оторваться от своего времени у писателя все равно не получится, происходящее вокруг так или иначе войдет в его творчество. Вот уже после, исследуя совокупное творчество эпохи, можно будет судить о том, что волновало писателей, какие темы и коллизии их занимали и нашли свое отражение в их произведениях. А главное — что это были за люди и что за силы торжествовали над ними.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита ШЕВЦОВ

АСТАПОВО — ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Елена НАУМОВА

Холодным промозглым вечером 31 октября 1910 года по старому стилю на станции Астапово Рязанско-Уральской железной дороги остановился поезд № 12, следовавший по маршруту Смоленск — Козлов. На перрон сошли четверо пассажиров. Две молодые девушки и мужчина сопровождали старца, двигавшегося медленным, неуверенным шагом. Вместе со встречавшими, готовыми в любой момент взять пожилого мужчину под руки, они направились в сторону вытянувшегося вдоль перрона дома начальника станции. Старик без посторонней помощи миновал парадный вход и через прихожую вошел в самую просторную комнату — гостиную, где его уложили в приготовленную постель. А уже через несколько часов вся Россия, весь мир узнали о том, что в Астапово, в доме началь-

---

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Дом начальника станции Астапово

Здание вокзала на станции Лев Толстой

ника станции И. И. Озолина, находится вынужденный прервать свое бегство из Ясной Поляны тяжело больной Л. Н. Толстой.

Так уж случилось, что вслед за его вынужденной остановкой в Астапово, резко испортилась погода. Начался, как говорят сегодня, ледяной

дождь. Деревья мгновенно покрылись коркой льда. На Астапово и его окрестности опустился туман.

Мало кому известная станция стала последним приютом великого русского писателя. Отсюда спустя семь дней пришла горькая весть о его смерти.

И вот что удивительно. Прошло более ста пяти лет, как не стало Толстого, но далеко не все в нашей стране достаточно четко представляют себе, где же находилась станция Астапово. И если Ясная Поляна или московский дом Толстого в Хамовниках относятся к самым посещаемым музеям страны, то в Астапово посетителей гораздо меньше. Наверное, оттого, что люди просто не знают, как туда добраться, ведь прямого железнодорожного сообщения между Москвой и Астапово нет.

Нет и названия «Астапово». Станция существует, но под другим названием — «Лев Толстой». Название, как это ни покажется странным, достаточно распространенное. Точно так же называется, например, поселок в Калужской области.

Что же касается станции Астапово, то ее переименовали в 1925 году. Стоило ли это делать — вопрос спорный. Ведь великий писатель умер не на станции с названием «Лев Толстой». Кстати, она расположена в Липецкой области. Ближайшие города — Данков, Чаплыгин, до 1948 года называвшийся Раненбургом, и Лебедянь, известная многим благодаря одноименному рассказу И. С. Тургенева из «Записок охотника». До областного центра Липецка — 140 километров.

Поэтому до поселка Лев Толстой мы добирались из Чаплыгина, сойдя со следовавшего из Москвы поезда на сохранившей свое название железнодорожной станции Раненбург. Осмотрели город, главной достопримечательностью которого считается построенный еще во времена Петра I дворец, чем-то напоминающий деревянный терем. В нем провел несколько недель со своим семейством опальный Меншиков, следовавший в ссылку в Сибирь. Затем на такси отправились в расположенный примерно в 60 километрах поселок Лев Толстой. Дорога заняла около часа, и вот мы подъезжаем к домику, к которому когда-то было приковано внимание всей России.

Толстой покинул Ясную Поляну 30 октября 1910 года втайне от своей супруги Софьи Андреевны. Его уход, как полагают многие биографы писателя, напоминал бегство. Одни считают, что он ушел из-за невыносимой моральной обстановки, в которой оказался в Ясной Поляне по вине Софьи Андреевны. Им возражают другие исследователи, полагающие, что писатель бежал от приближавшейся, как ему казалось, смерти. Ведь ему в марте 1910 года исполнилось 82 года. С ними спорят те, кто уверен, что, покидая Ясную Поляну, Толстой, наоборот, стремился к смерти.

И все же назовем случившееся уходом. Толстой ушел вместе со своим доктором, словаком Душаном Маковицким, оставившим подробнейшее описание последних дней жизни писателя. Сначала они оказались в Оптиной пустыни, затем в Шамординском монастыре, где писатель встретился со своей сестрой — монахиней Марией Николаевной, прожившей в обители 21 год. Существуют разные предположения относительно того, почему граф не остался жить при Шамординском монастыре. Ведь в соседней деревне для него приготовили крестьянский дом. Какая-то необъяснимая сила заставляла его идти, ехать дальше. Куда? Да он и сам не понимал, что ждет его впереди. В его душе произошел взрыв, энергия которого влекла все дальше и дальше.

Он ищет убежище не только от посторонних, но и близких ему людей. Но его усилия тщетны. Уже в поезде за ним начинают следить журналисты. Корреспондент самой популярной российской газеты «Русское слово» А. Орлов, следуя за ним, подробно пишет в своих статьях о перемещениях писателя и его спутников. А их уже четверо. В Шамордино к отцу присоединилась дочь Александра с подругой. На одной из станций Толстой покупает «Русское слово» и к своему ужасу узнает все подробности своего ухода.

Путешествие в поездах оказалось губительным для здоровья писателя. В Козельске ему взяли билет в вагон второго класса, где было страшно накурено, поэтому Толстой то и дело выходил подышать на открытую площадку вагона. Там-то его и продуло. Причем простуда подкрадывалась незаметно. И хотя писатель, почувствовав озноб, кутался в вагоне в плед, тем не менее поначалу он чувствовал себя нормально. Но постепенно силы оставляли его. Правда, есть версии, что он мог заболеть и в Шамордино, где в жарко натопленном помещении то и дело открывали форточку, а мог и в Оптиной пустыни — короче, везде, где останавливался на пути своего ухода-бегства из Ясной Поляны.

Толстого хотели высадить еще в городе Данкове, но там больница находилась довольно далеко от станции, а в Астапово от перрона до амбулатории всего несколько десятков метров. Но уже в Астапово отказались и от амбулатории, решив, что домашняя обстановка, пусть и квартира незнакомого начальника станции, лучше подойдет больному, чем казенное помещение, не приспособленное для лечения тяжелобольных. Когда врач амбулатории Леон Осипович Стаповский поинтересовался, как называть больного, то услышал ответ от Толстого: «Пассажир поезда № 12».

Увы, но в наши дни, как уже отмечалось, на станции Лев Толстой не останавливается ни один пассажирский состав. Отменен поезд Москва — Елец, у которого здесь была короткая остановка. Скорый Москва — Липецк теперь идет по другому железнодорожному маршруту. Поэтому мы крайне удивились, когда, решив посетить пустующий мемориальный вокзал бывшего Астапово, чтобы сфотографировать стенды, посвященные пребыванию Л. Н. Толстого в Астапово, услышали властный голос скучающего охранника: «А кто разрешил вам снимать вокзал — место скопления людей?» «Откуда люди, — удивились мы, — ведь ни один пассажирский поезд здесь не останавливается». Но никакие аргументы не смогли переубедить неуступчивого стража порядка. «А что, и на улице, возле вокзала, тоже нельзя снимать?» «Нет, нельзя, только с разрешения начальника службы безопасности вокзала», — вновь услышали мы от охранника, который после этих слов, со стыдливым, как нам показалось, видом спрятался в своем закутке.

Мы вышли на перрон. Увидели стоявшие вдоль него товарные вагоны, прошли еще немного, приблизившись к часам старинной формы. Несмотря на дневное время, они показывали шесть часов пять минут, конечно же, раннего утра, воспроизводили то самое мгновение, когда человечество потеряло величайшего человека — Льва Толстого. Подошли поближе к часам и не увидели никакого механизма. Часы служили символом трагического события. Сфотографировали их, не спрашивая ни у кого разрешения.

Продолжая обход небольшой, но уникальной железнодорожной станции, подошли к зданию амбулатории, куда первоначально планировали

Станционные часы всегда показывают одно и то же время

Водонапорные башни на станции Лев Толстой

поместить Толстого. Сейчас здесь краеведческий музей, но часть здания отведена под аптеку. Зашли внутрь, чтобы согреться и купить лекарство от возможной простуды, потому что шел ледяной дождь, наверное, такой же, какой встретил сошедшего в Астапово Толстого.

Такой паровоз вез состав, которым Толстой приехал в Астапово

Все, что имеет отношение к Толстому, сохраняется в Астапово в прекрасном состоянии. Попадая сюда, ощущаешь присутствие великого писателя и в доме Озолина, и в амбулатории, и даже в соседствующей с ней церкви Александра Невского. К местному священнику Софья Андреевна обращалась дважды. Сначала, когда надежда на выздоровление писателя еще тлела, просила отслужить за здравие, а потом — за упокой по умершему. И оба раза получила отказ, ведь она просила за отлученного от церкви.

Храм Александра Невского великолепно сохранился. Прекрасно смотрится и современный выставочный зал, нисколько не нарушающий единой мемориальной композиции. Также привлекают внимание две уцелевшие водонапорные башни, одна овальная, а другая, более старая, — круглая. Ее мог видеть Толстой. Такие башни были непременным атрибутом любой железнодорожной станции, где набирали воду для паровозов. Сейчас обе башни законсервированы. На вечной стоянке оказался и старый паровоз, использовавшийся в начале XX века. Кто знает, может быть именно он тянул за собой вагоны, в одном из которых находился заболевший писатель. Ведь точно установлено, что паровоз этой серии доставил в Астапово поезд, на котором ехал Лев Толстой. А еще на станции до революции целую улицу застроили добротными двухэтажными домами для рабочих. В них и сейчас живут люди.

Узловая станция Астапово появилась в 1890 году. Первоначально планировалось построить ее в соседнем городе Данкове. Но местные купцы воспротивились возникшим планам, не без основания считая, что из-за появления на многочисленных железнодорожных путях дымящих паровозов в городе ухудшится состояние атмосферы. Так что проблемы экологии волновали наших предшественников еще в начале XX столетия. Поэтому станцию

В этой комнате Лев Толстой провел свои последние дни

построили практически на пустом месте, дав ей название находившейся в пяти километрах деревни Астаповки.

Начальник станции Озолин покинул Астапово в 1912 году, переехав в Саратов. До самого отъезда он бережно, в неизменном виде сохранял обстановку комнаты, в которой умер Толстой. Покидая Астапово, он передал комнату своему сменщику, а тот так же бережно сохранял ее до тех пор, пока его не сменил другой начальник станции. Комната Толстого как бы по наследству передавалась от одного временного хозяина квартиры другому. Она сохранялась и в годы Советской власти, хотя сам дом уже не использовался под жилые помещения. В нем размещались местный профсоюз железнодорожников, библиотека.

В годы Великой Отечественной войны обстановка комнаты уцелела, во многом благодаря стараниям внучки писателя С. А. Толстой-Есениной. Занимаясь эвакуацией экспозиции Ясной Поляны, она не забыла и об астаповском доме. Вся обстановка была эвакуирована на Урал, где хранилась в костюмерной одного из местных театров. Кстати, во время войны немецкая разведка проникала на территорию станции Лев Толстой, которую ранее оставили советские войска.

К счастью, в военные годы дом не пострадал. Нетронутой оказалась его внутренняя отделка, в том числе комнаты Л. Н. Толстого — те же потолок, пол, стены и даже обои. После войны в сохранившийся дом вернули эвакуированную обстановку комнаты Льва Толстого, очень скоро ставшей главным «экспонатом» открывшегося в 1946 году музея Л. Н. Толстого.

Возник он, конечно же, благодаря тому, что в далеком 1910 году начальник станции И. И. Озолин решил сохранить комнату писателя, лишив себя и свою семью гостиной. Семья Озолина на время перебралась в поме-

щение, занимаемое в том же доме сторожем. Толстой во время болезни беседовал с Озолиным, расспрашивал о детях, а их у начальника станции было пятеро. На следующий год после смерти Толстого, в 1911 году, родившегося в его семье мальчика назвали Левушкой. Интересно, что в 1983 году в музей в Астапово приезжала дочь начальника станции Е. И. Озолина-Богатырева. Как бы в благодарность за то, что сделал Озолин для сохранения памяти о пребывании Толстого в Астапово, одна из улиц поселка названа в честь начальника станции.

В доме на станции Астапово жил не только Озолин со своей семьей. В трех комнатах разместился с женой и детьми его помощник И. П. Ланьшин. С них-то и начинается осмотр музея. Экспозиция этих комнат рассказывает об истории толстовского рода, к числу ярчайших представителей которого принадлежал знаменитый дипломат петровских времен Петр Андреевич Толстой. Предание гласит, что сын Петра I, Царевич Алексей, убедившись в обмане Толстого, выманившего его из-за границы в Россию, проклял весь род Толстых по седьмое колено.

В первых комнатах музея также узнаешь много интересного о детских и юношеских годах Толстого, о начале его литературной деятельности и последующей жизни уже знаменитого писателя. Затаив дыхание, слушаешь рассказ заведующей музеем Раисы Николаевны Крыловой о жизни писателя в Хамовниках и Ясной Поляне, о его взаимоотношениях с женой и детьми, а их было тринадцать, восемь из которых дожили до взрослого возраста. Увидели мы эскиз Репина, изобразившего Толстого-пахаря, а также фотографию писателя, сделанную в деревне Бегичевке, где он прожил 201 день, помогая голодающим. Оказывал Толстой поддержку и духоборам, переселявшимся в Канаду. Интересно, что в 2010 году, когда отмечалось столетие смерти писателя, музей посетила группа людей весьма экзотического вида — шестеро канадских духоборов.

Присутствие поезда, уносившего Толстого в вечность, мы почувствовали, когда оказались в комнате с напоминающими вагонные окнами. В этой комнате хранится одежда Толстого: рубашка, кофта, носки и ермолка.

Знакомство с экспозицией первых комнат как бы готовит к посещению главной. Ее обстановка напоминает о том, какого гения потеряло человечество седьмого ноября 1910 года. Заглядываем в комнату, задевая невидимые ограничения, резкими звуками предупреждающие о том, что мы преступили границу разрешенного осмотра. Увидели ширму, столик с лампой и лекарствами возле кровати, на которой умер писатель. Кровать привез из Москвы старший сын писателя С. Л. Толстой. В своих воспоминаниях об отце он писал: «3 ноября я телеграфировал жене, чтобы она купила и выслала в Астапово хорошую кровать с матрацем для отца, что она немедленно же и сделала. Кровать скоро дошла, и отца переложили на нее».

Кровать, на которую первоначально положили больного, ныне находится у противоположной стены комнаты. Под ней лежат кислородные баллоны. На обоях у кровати виден профиль умершего писателя, прорисованный контуром. Он же скопирован на стене коридора, ведущего в комнату больного.

На кровати Толстого две подушки и плед, в который он кутался, когда спал в поезде.

Кроме прихожей, к больному можно было попасть, открыв дверь из соседней, смежной комнаты. Сейчас эта дверь открыта и кровать Толсто-

го, столик с лампой и лекарствами, кресло можно увидеть еще и с другой стороны.

Сразу же после смерти писателя над дверью комнаты появилась табличка, сообщавшая о том, что здесь умер Толстой. Может быть, она и положила начало будущему музею.

Волнующее описание последних дней жизни Толстого оставил его старший сын Сергей. Обращаясь к нему, умирающий произнес последние в своей жизни слова: «Сережа, я люблю истину… Очень… люблю истину». И все же самые подробные записи о пребывании писателя в Астапово оставила его дочь Татьяна Львовна Сухотина-Толстая. Наверное, это объясняется тем, что она, пожалуй, чаще других общалась в те роковые дни с умирающим отцом. Толстой, случайно узнав, что дочь находится в Астапово, спросил, почему она не заходит. «Задыхаясь от волнения, — писала Татьяна Львовна, — я побежала к домику начальника станции». В ее присутствии писатель сказал: «Только одно советую вам помнить: есть много людей на свете, кроме Льва Толстого, а вы все смотрите на одного Льва». Рядом с Толстым находились его дочь Александра с подругой В. М. Феокритовой и доктор Д. П. Маковицкий, с которым Толстой покинул Ясную Поляну. Позже к ним присоединились В. Г. Чертков и А. П. Сергеенко.

Остальные члены семьи приехали в Астапово после того, как получили телеграмму от корреспондента «Русского слова» А. Орлова, который тайно следовал за Толстым. Он телеграфировал: «Лев Николаевич в Астапове у начальника станции. Температура 40°». Когда экстренный поезд прибыл второго декабря в Астапово, специальный вагон, в котором находились члены семьи Толстого и врачи (а всего возле умиравшего писателя находились семь докторов, проводивших регулярные консилиумы), отогнали на запасной путь. Этот вагон на несколько дней превратился в гостиницу для окружавших писателя людей.

Софью Андреевну, согласно решению близких и врачей, не допускали к больному мужу. Сохранилась фотография, где она заглядывает с улицы в окно комнаты, в которой умирал ее муж. Фотографию часто называли «Графиня под окном». В дневнике Софьи Андреевны от четвертого ноября 1910 года можно прочитать: «Льву Ник. все хуже, томлюсь вокруг домика, где лежит Л. Н». А седьмого ноября в дневнике появились такие строки: «В 6 часов утра Лев Никол. скончался. Меня допустили только к последним вздохам, не дали проститься с мужем, жестокие люди». Софью Андреевну допустили к мужу лишь в два часа ночи, за четыре часа до его кончины, когда Толстой находился уже в предсмертном забытьи.

Даже в Астапово Толстой пытался вести дневник. Последняя запись сделана 3 ноября. В дни болезни он оставил в нем такую печальную запись, имея в виду всех окружавших его людей: «Они разрывают меня на части».

Толстой умер рано утром, а уже через несколько часов началось прощание с писателем жителей Астапово и окрестных селений. Поезд с телом Толстого отошел от станции восьмого ноября в час 15 минут дня. Гроб везли в багажном вагоне. Только девятого ноября рано утром его доставили на станцию Засека. Оттуда до Ясной Поляны гроб несли на руках.

Александр МЕДВЕДЕВ

СЛЕДЫ СВЕТА НА ИЗНАНКЕ ВЗГЛЯДА

О книге Бориса Краснова «Легкий бред существования». СПб., 2015. 64 с.

Александр Васильевич Медведев — член Союза писателей России, член Союза художников России, член-корреспондент Российской академии народного искусства. Автор книг: «Похищение Европы» (2005); «Солнечный глаз» (2008), «Новое небо» (2012), «Ни коня, ни сабли» (2013), «Геометрия Фаворского» (2014), лауреат многих литературных премий. Работает старшим преподавателем Института искусств Факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Тонкая книга стихов Бориса Краснова — концентрированная подборка чувств и мыслей о многообразии теней под солнцем жизни. Словно в продолжение тютчевскому завету — «молчи, скрывайся и таи и чувства и мечты свои» — поэт изрекает:

Любая мысль во вред,
любая — мучит душу.
И оснований нет
их извлекать наружу.

Они внутри меня
и судят, и решают…
булатом слов звеня,
мой смысл опустошают.

Книга называется «Легкий бред существованья», и эхом в нем — название романа Кундеры «Невыносимая легкость бытия». Но что — эхо? Да, собственно, все — эхо. И даже поэзия: «Это ведь что-то мнимое — из слов выпорхнуло, в словах же и скрылось». Легко — до боли. До боли знакома жизнь в «городе серого ампира, проводнике крылатой тьмы». А все-таки каждый раз мы то нехотя плетемся, а то очертя голову бросаемся вслед вновь отважившемуся поэту «бродить вдоль улиц шумных» или — поперек времени. Вот и Борис Краснов — Вергилий, увлекающий читателя в путешествие по совершенно неевклидовым параллелям и перпендикулярам улиц города «в центре мира», а на самом деле зовущий в совместное блуждание по лабиринту жизни. Наскоро собравшись, скоро и понимаешь: в аптечке проводника много горьких трав, вызывающих «картинок хоровод», отворяющих «мир без оболочек, отразившийся в душе», но нет обезболивающего. Вероятно, он полагает, что читатель способен разделить его убеждение — «я существую, и значит,

есть еще во мне то, что способно болеть». Когда боль становится невыносимой, человек начинает бредить. Но и в бреду — куда же деться! — те же мысли:

Есть ли смысл в тоске заплечной,
если раз и навсегда
над тобой фонарь аптечный
в ночь вколочен, как звезда?

Человек в болезни бредит, но и здоровый, «каждый день, выпадая из вагонного чрева» в пути между тьмой и тьмой, снова и снова оказываясь в заколдованном месте «на перекрестке черных дней», бредет неведомо куда. Врачи говорят: нет здоровых людей, есть недообследованные. Возможно, в этой шутке парадоксальным образом кроется как цинизм, то есть холодный взгляд правде в глаза, так и теплота милосердия. Еще вчера поэт, этот, не нашедший дороги к правде святой, безумец, навевал человечеству золотой сон, сегодня же поэт, читая историю болезни человечества, пришел к выводу, что золотой сон оказался бредом, временно обманувшим хроническую бессонницу тоскующей души.

Мы с тобой наиграемся в фантики,
проходные покинем дворы.
Лошадиная доза романтики
не спасет от тоски и хандры.

Проходные дворы, дворы-колодцы… Который век петербургские поэты бредут в замкнутом пространстве города закольцованных дум, не желая замечать, что «время кончилось вчера»? И если так — что тогда думать? «Много думать — любви не видать».

Борис Краснов — поэт думающий, и это его осознанная позиция, надежная ли, обреченная ли, читателю вольно гадать. При этом поэт не пытается отнять хлеб у философа, решающего вечный вопрос отношения сознания к бытию. «Пока свои считаю вздохи, увы, меняются эпохи», — говорит он. И, стало быть, всякое отношение относительно, и об одном и том же, хочешь, говори: детство, отрочество, юность, а хочешь — аптека, улица, фонарь. Впрочем, как повезет. Безотносительна — тайна единственной жизни.

От порока до порока
вьется жизни канитель…
Потому что ложь — дорога,
потому что правда — цель.

Не дело поэта разгадывать тайны переплетений лжи и правды, его искусство — напоминать о тайнах, сказать о несказанном. Набраться смелости — сказать.

Попробуй высказать наружу
все то, что поднимает душу.
Не можешь? То-то, брат!
А сад, дождем объятый, — может!..
Как он себя теряет, множит,
ах, сколько в нем зеленой дрожи
и страсти невпопад!

Восхитительной тайной страсти вырываются наружу «Письма к Лесбии», фантастический финал симфонии книги «Легкий бред существованья». В них высокое мастерство Бориса Краснова подано в смешении обычаев, нравов, что называется, показано мастерство на все времена.

Мы с тобой дошли до того предела,
за которым нет ни врага, ни друга.
Мы совпали полностью — с телом тело.
Мы сошли с начертанного Богом круга.

Мы одни за кругом, никто не нужен
ни тебе, ни мне. Только круг объятий
до последней близости смертной сужен,
И любая внешняя мысль некстати.

Есть лишь чувство древнее — осязанье,
есть лишь место лобное — под луною.
Мы с тобою дышим одним дыханьем,
мы несомы к Вечности волной одною.

Тесно-сладкий миг напоен любовью,
маслом нежности, торжеством дрожи…
Подлетают ангелы к изголовью,
и, смутясь, возвращаются в круг Божий.

Но это уже дань автора собственно поэзии, явный знак, подношение бессмертной классике. В этом признании — сила поэта, который, — что удивительно! — неожиданно творчески воспринял завет Тютчева о молчании, и слова нужны ему не только сами по себе, но еще и как проводники невыразимого.

Еще не сломаны ключи,
еще не заперты колодцы.
Откроешь створки — и молчи,
пока поток чудесный льется.

Еще возможно заглянуть
и воскресить — и свет, и тени.
И к колыбели протянуть
дрожащей памяти ступени.

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН

«ЕСТЬ ПРЕДЕЛ… НО ЕСТЬ НЕЧТО ЕЩЕ ЗА ПРЕДЕЛОМ…»

Анатолий Юрьевич Аврутин — родился в Минске, окончил БГУ. Автор многих поэтических книг, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, двухтомника избранных произведений «Времена», книги избранного «Просветление». Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Член-корреспондент нескольких академий, лауреат многих литературных премий, в том числе международных. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 г. присвоено звезде в созвездии Рака. Почетный член Союза писателей Беларуси и Союза русскоязычных писателей Болгарии. **Живет в Минске.**

ВДАЛИ ОТ РОССИИ…

Вдали от России
непросто быть русским поэтом,
Непросто Россию
вдали от России беречь.
Быть крови нерусской…
И русским являться при этом,
Катая под горлом
великую русскую речь.

Вдали от России
и птицы летят по-другому —
Еще одиноче безрадостно
тающий клин…
Вдали от России
труднее дороженька к дому
Среди потемневших,
среди поседевших долин.

Вдали от России…
Да что там — вдали от России,
Когда ты душою порой
вдалеке от себя…
Дожди моросили…
Дожди, вы у нас не спросили,
Как жить вдалеке от России,
Россию любя?..

Вдали от России
круты и пологие спуски,
Глухи алтари,
сколь ни падай в смятении ниц.
Но крикни: «Россия»…
И эхо ответит по-русски,
Ведь русское эхо нерусских
не знает границ…

* * *

Взъерошенный ветер к осине приник…
Одна вековая усталость,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

На бой не взывают ни горн, ни труба,
Вдали не рыдает гармошка…
Лишь тополь печаль вытирает со лба
Да птицы воркуют сторожко.

Вражина коварен и так многолик!..
Но воинство насмерть сражалось,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

О, смерд, погибающий в час роковой —
Ему ни креста, ни могилы.
Зарублен, он вновь становился землей,
И голубь взлетал сизокрылый,

Когда он предсмертный выдавливал рык,
И падал… Все с пеплом мешалось,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

Заброшено поле… Не скачет гонец.
Давно покосились ворота.
Неужто все в прошлом?.. Неужто конец?..
Неужто не вышло полета —

Туда, где лебяжий предутренний крик,
Где спеет рассветная алость,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась?..

* * *

По русскому полю, по русскому полю
Бродила гадалка, вещая недолю.
Где русская вьюга, там русская вьюга,
Там боль и беда подпирают друг друга.
Там, слыша стенанья, тускнеют зарницы,
Пред ворогом там не умеют клониться.
Там ворон кружит, а дряхлеющий сокол
О небе вздыхает, о небе высоком…

О, русское поле! Гадала гадалка,
Что выйдет мужик, и, ни шатко ни валко,
Отложит косу и поднимет була́ву
За русское поле, за русскую славу.
И охнет… Но вздрогнут от этого вздоха
Лишь чахлые заросли чертополоха…
Лишь сокол дряхлеющий дернет крыла́ми
Да ветер шепнет: «Не Москва ли за нами?..»

О, смутное время! Прогнали гадалку…
И в Храме нет места ее полушалку.
Кружит воронье, а напыщенный кочет

О чем-то в лесу одиноко хохочет.
Аль силы не стало? Аль где эта сила,
Что некогда ворога лихо косила,
Что ввысь возносила небесные Храмы?..
Куда ни взгляни — только шрамы да ямы.

Лишь пес одичавший взирает матёро,
И нету для русского духа простора.
В траву одиноко роняют березы
Сквозь русское зарево русские слезы…

* * *

Эта робкая сирость нищающих тихих берез…
Снова осень пришла… Все опять удивительно просто —
Если ветер с погоста печальные звуки донес,
Значит, кто-то ушел в ноздреватое чрево погоста.

И собака дичится… И женщину лучше не трожь —
Та похвалит соседку, потом обругает ее же…
И пошла по деревьям какая-то странная дрожь,
И такая же дрожь не дает успокоиться коже.

Только женские плачи все чаще слышны ввечеру…
Увлажнилось окно… И я знаю, не будет иначе —
Если в стылую осень я вдруг упаду и умру,
Мне достанутся тоже скорбящие женские плачи.

Постоишь у колодца… Почувствуешь — вот глубина!
А потом напрямки зашагаешь походкой тяжелой.
Но успеешь услышать, как булькнет у самого дна
Та ночная звезда, что недавно светила над школой.

Вслед холодная искра в зенит вознесется, слепя
Обитателей теплых и похотью пахнущих спален…
И звезду пожалеешь… И не пожалеешь себя…
Да о чем сожалеть, если сам ты и хмур, и печален?

* * *

По хлипкой тропинке брести осторожно…
Былое размылось… Выдумывать — лень…
Неправда, что на́ сердце так же тревожно,
А правда лишь то, что зачахла сирень.

Неправда все эти слова о разлуке,
О вечной судьбе, что одна на двоих.
Неправда, что помнят озябшие руки
Тревожащий трепет ладоней твоих…

Есть Черная речка, Нева и Непрядва…
И дождь, что за шиворот нехотя льет.
Есть Слово… И все остальное — неправда,
А правда, что птицам сегодня в отлет.

Неправда, что ждать остается немного —
Закрутит, сломает, ударит под дых…
А правда лишь то, что раскисла дорога
Да ветер свистит в колокольнях пустых.

* * *

…И голою грудью Отчизна коснулась меня,
А я растерялся, привычный к тоске и безлюдью…
Но пел жаворóнок, трава набухала, звеня,
И голую грудь я почувствовал голою грудью.

И прямо сквозь кожу вливались в голодную плоть
Рябиновый воздух и звёзды, упавшие в реку.
И сердце устало всю жизнь ожидать и колоть,
Когда человечье шепнет человек человеку?

Вилась паутина… Куда-то печаль отошла…
Но травы звенели о скорой и долгой разлуке.
И вещая птица в реке полоскала крыла,
А в крыльях все зрились зовущие женские руки.

И стало тревожно стоять среди шумного дня,
Схватясь за лицо, что, казалось мне, стало безлико.
Так пепел не знает, что он — продолженье огня,
Тиши невдомек, что она — продолжение крика.

Куда ты, Отчизна, куда ты? Я так изнемог!
Ты белою кожей от женщины неотличима.
Туманится небо… На теле саднящий ожог…
Уснувший огонь, обернувшийся струйкою дыма…

* * *

Клокотал, задыхался, сердился базар многоликий,
Где сначала обманут, а после осудят обман…
И, перстом поманив, мне зачем-то стакан ежевики
Пересыпала бабка в залатанный старый карман.

Я взглянул на нее… Как у прочих, простая косынка
И почти уходящий, слегка затуманенный взгляд.
— Не тащить же назад, — улыбнулась, — мне ягоды с рынка,
Хворь совсем одолела… Самой притащиться б назад…

Что-то нынче Господь осерчал, — все хвораю, хвораю,
И в районной больнице упрямо молчат доктора…

Потихоньку молюсь за прямую дороженьку к раю…
Ишь ты: «К раю… По краю…» … Одно понимаю — пора!

Погляди на людей — все бегут, все спешат, суетятся,
Все зачем-то хватают с прилавков заморскую снедь.
Все грешат и грешат… Ни судьбы, ни Христа не боятся…
И того не успеют, что надобно в жизни успеть…

Я пытался спросить — что же так обязательно надо
В этой жизни свершить?.. Но старуха, лицом поскучнев,
Побрела к остановке… За ворот струилась прохлада
Да лениво редели неспешные кроны дерев…

* * *

То ли это судьба… То ли так, по наитью,
Я забрел в этот маленький камерный зал…
Помню женщину в белом… И мальчика Митю,
И оркестрик, что Моцарта тихо играл.

Крепко спал билетер… Никаких декораций.
Прямо в сердце со сцены лилась ворожба.
Мне казалось — вот так Ювенал и Гораций
Тоже звукам внимали, а муза ждала.

Я спешил… И ушел посреди перерыва,
Тихо вышел, прикрыв осторожную дверь.
И во след мне сквозь окна плыла сиротливо
Эта музыка частых разлук и потерь.

Есть предел… Но есть нечто еще за пределом,
И являются, если с душой не в ладу,
Этот камерный зал… Эта женщина в белом…
Этот стриженый мальчик в десятом ряду.

* * *

Вспоминается сумрачным часом,
Когда к горлу подкатит и жмет,
Птичий посвист в просторе безгласом,
Шепот листьев, что птицам — в отлет.
Мамин стон… Детский крик пуповинный,
Эта жажда идти до конца,
Это кресло в холодной гостиной,
Эта желть воскового́ лица…
И дорога, ползущая косо
Через память, раздумья, года
Вдоль заросшего ржавью откоса,
Над которым поникла звезда…

* * *

Ласточка порхает по весне…
И опять являются ко мне:
Вещий голос, синяя тетрадь
И желанье Блока повторять.
Так уже давно — не первый год:
Белый цвет над яблоней взойдет,
Вскинет пики шалая трава,
Оживают мысли и слова.
Оживает в памяти сквозной
Домик с занавескою резной,
Где старуха смотрит из окна —
Неприступна, злобна и больна.
Там крыльцо… И старый палисад,
На веревке лифчики висят…
А в корыте плещется вода,
И сквозь пену щурятся года.
Время мчит… Но так же по весне
Что-то дятел шарит на сосне,
И долбит кору, долбит, долбит…
А душа, как в юности, болит.
Потому что снова вещий глас
Нашептал мне слово и потряс.
И осталось только записать
Пару строчек в синюю тетрадь…

ВЫШЛА КНИГА

Первушина Е. В.

Тургенев и Виардо. Я все еще люблю… — М.: Издательство Алгоритм, 2014.

Любовь не может быть вечной. Так обычно говорят скептики. Впрочем, жизнь не устает убеждать их в обратном. Испепеляющая история любви Ивана Тургенева и Полины Виардо — супруги директора Итальянской оперы в Париже Луи Виардо — длилась более сорока лет.

Эта маленькая некрасивая женщина сводила с ума всех мужчин своего времени. Но только русский писатель И. Тургенев решился на самую страшную из возможных пыток души. Он стал другом семьи, а она — его главным счастьем и великой болью. Книга, которую вы держите в руках, — доказательство существования подлинной любви длиною в жизнь, самая полная версия романа в письмах И. Тургенева и П. Виардо, когда-либо издававшаяся в России.

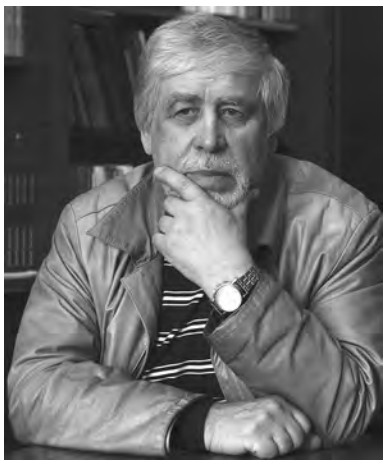
«Я подчинен воле этой женщины. Она заслонила от меня все остальное, так мне и надо…»

И. Тургенев

«Мы слишком хорошо понимали друг друга, чтобы заботиться о том, что о нас говорят, ибо обоюдное наше положение было признано законным теми, кто нас знал и ценил…»

П. Виардо

ПОЭЗИЯ

Владимир СКИФ

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Владимир Скиф (Владимир Петрович Смирнов) — родился в 1945 г. на станции Куйтун Иркутской области. Работал в школе учителем. Служил на Тихоокеанском флоте в морской авиации. После армии работал на авиазаводе. Учился на отделении журналистики ИГУ. Член Союза писателей России. **Живет в Иркутске.**

В БОЮ

Я каждый день живу в бою,
В атаке неприкрытой.
Я вижу Родину мою
Развенчанной, убитой.

И я с утра вступаю в бой
Со злом и фарисейством,
С чиновной сворою тупой,
С холуйством и плебейством.

Порою, загнанный, как зверь,
Смотрю в окно слепое
И задыхаюсь от потерь
Проигранного боя.

А рядом тысячи врагов
Идут за мной по следу,
Готовят лед глухих оков
И празднуют победу.

Не спят мои леса, поля,
Свод неба нависает.
Меня родимая земля
Находит и спасает.

Стою, к Байкалу прислонясь,
И посреди планеты
С ним чую родственную связь
Повстанца и поэта.

Я на победное крыльцо
Взлетаю легкокрыло
И в бой иду. Свое кольцо
Не зря ты подарила.

СНЕГОПАД

Был свет на улице потушен…
Вдруг с неба рухнул снегопад.
Ах, нет! С небес летели души
Убитых на войне солдат.

Я думал, что летят снежинки,
Минуя Лондон, Амстердам,
А это души, как пушинки,
Летели к русским городам.

Летели души и искрились,
Дымились рощи и поля.
Их было столько, что покрылась
Летучим саваном земля.

Я видел — это были жизни
Солдат, погибших на войне.
И дрожь прошла по всей Отчизне
И болью вскрикнула во мне.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Нет, он навеки не умолк!
Он — в каждом человеке…
Бессмертный полк,
бессмертный полк,
Он будет жить вовеки.

Разлился он по всей стране,
Сильней и тверже стали.
Все те, кто пали на войне,
Ожили и восстали.

Все те, кто пали на войне,
И те, кто возвратились,
В одном строю,
в родной стране
Навек соединились.

И не возьмет Европа в толк,
Откуда эти реки
Людей, портретов?
Это полк,
Оживший в новом веке.

В нем не угас
священный долг
И дух неукротимый.
Идет, идет
бессмертный полк
По всей Руси родимой.

* * *

Не упасть бы, не разбиться
Посреди разломов дня.
Расхитители, убийцы
Тайно смотрят на меня.

Им неведомо, наверно,
Что испытан я собой,
И надеждою безмерной,
И бессмертною судьбой.

Что ведет меня прямая
Сквозь разломы бытия.
…Я-то знаю, понимаю:
Для врагов — загадка я.

* * *

Мне жить в самом себе не просто,
Не просто мне в себя смотреть.
Во мне ворочается космос,
Как будто раненый медведь.

И я постичь себя пытаюсь,
Непостижимое узреть.
Борюсь с собой,
с собой братаюсь,
Стремлюсь любимую согреть.

Моя любовь, как дальний остров,
Глядит в меня издалека.
Там бьются волны, светят росы
И проплывают облака.

Там жизнь вершится без нажима,
Там вспышки глаз и угли губ
Нацелены неустрашимо
В мою космическую глубь.

И я, большой, неизмеримый,
По краю космоса лечу.
И слышу: — Я с тобой, любимый!
Лететь мне рядом по плечу.

Любимая! Не стань постылой,
А коль остынешь, помни впредь:
Погибну я среди пустыни,
Как будто раненый медведь.

* * *

Катится жизнь моя по переулкам
Доли моей, моей странной судьбы.
Катится время то тихо, то гулко,
Мимо проносятся тучи, гробы,

Женщины-омуты, темные годы,
Нежные связи, пустые дома,
Остовы леса, небесные своды…
Катится в омут Россия сама.

Я цепенею под свисты и гулы
Весен летящих, немеющих зим,
Боли народа. Свело мои скулы
Странным предвестьем
ночных Хиросим.

* * *

Как шатки мостки, как лесные поляны
Меня окружают, в свой полдень зовут.
В деревне рыдают и воют полканы,
Простите, полканы! Здесь мир и уют.

И ле́са живые, могучие складки
Меня принимают, мол, опытный, свой.
Мостки над рекою знакомы и шатки,
И кедры шумят над моей головой.

Я весь на виду у родимых пригорков,
У темного калтуса, нежных болот,
Осиною пахнет тепло и прогоркло,
И сбиться с пути мне тайга не дает.

Закат предо мною от жара сгорает,
Трепещет рябина и плачет желна.
Здесь родина светит и не умирает,
Любовью и трепетом жизни полна.

ДОСТОЕВСКИЙ НА КАТОРГЕ

…я там себя понял, голубчик… Христа понял… русского человека понял и почувствовал, что и я сам русский, что я один из русского народа. Все мои самые лучшие мысли приходили тогда в голову, теперь они только возвращаются, да и то не так ясно.

Федор Михайлович Достоевский
(из письма Владимиру Соловьеву)

Тобольска гул. Пропал из виду Невский.
Поземка выла посреди времен.
Из Петербурга прибыл Достоевский,
Вернее, был в застенки привезен.

Тобольск и Омск. Четыре долгих года
Он в тюрьмах вопрошает сам себя:
Что есть душа? Чем стала несвобода
В его судьбе? Как выживать, скорбя?

Он будет жить суровой снежной далью,
Евангелием теплым и родным,
Подаренным Фонвизиной Натальей…
Здесь Достоевский вызревал иным:

Не псом побитым вовсе, не страдальцем,
Невзгоды собирающим в клубок.
Он пребывал Господним постояльцем,
К нему на нарах прикасался Бог.

А каторжане — воры и убийцы,
Непостижимый, подневольный сброд:
Не толстосумы и не кровопийцы,
А кровный, русский, страждущий народ.

Да, каторга ломала самых дерзких,
Тюрьма — страшнее язвы моровой.
Но здесь, в тюрьме, родился Достоевский —
Великий гений мысли мировой.

* * *

Я — русского мира поборник,
Пришедший к нему на века.
Я — стражник, радетель и дворник
Живого его языка.

Я равным той силе не буду,
Что тайной гудит в языке,
Но рад я великому чуду,
Что светит в библейской строке.

ПОЭЗИЯ

Сергей СМИРНОВ

«ВСТАТЬ ЗА ВЕРУ, ХРАНИТЬ НАДЕЖДУ И В СЕРДЦАХ СБЕРЕГАТЬ ЛЮБОВЬ»

Сергей Вадимович Смирнов — родился в 1967 г. в Серпухове. Выпускник Литинститута, член Союза писателей России, член редколлегии альманаха «45-я параллель». Лауреат премии им. А. Прокофьева «Ладога», лауреат Кубка мира по русской поэзии (2012–2013), дипломант Первых международных литературных игр в Интернете «Поэтический Олимп». Автор шести книг стихов. Стихи публиковались в журналах «Смена», «Юность», «Аврора», в интернет-изданиях «45-я параллель», «Топос», «Сетевая словесность». **Живет в Кингисеппе.**

МЕЧ УСТ ОБОЮДООСТРЫЙ

Кто сослан на остров Патмос,
кто метит в ряды предтеч —
сполна окормляет паству
разящего слова меч.
Вам, братья мои и сестры,
дана, как награда, речь —
меч уст обоюдоострый,
разящего слова меч.

Пусть слово мое — полова,
пусть олово, даже так —
ловлю неустанно слово,
как рыбу в воде — рыбак.
Начну и заброшу снова,
по щиколотку в песке:
однажды златое слово
заплещется на крючке.

А после, ловец созвучий,
пойду, чтоб глаголом жечь,
припомнив на всякий случай:
не мир Он принес, но меч.
Преломим горбушку хлеба
и выпьем за сбычу мечт:
нам дан, как награда, небом
разящего слова меч.

ВОСКРЕШЕННЫЕ ПАВШИЕ

…и когда чернозем исторгнет
и меня, и коня, и свиту
в продолжение тех историй,
где полнеба свивалось в свиток,
мы поскачем в доспехах ржавых,
мы поскачем, гремя костями,
от Харбина и до Варшавы
за непрошенными гостями.
Мы еще не допели песен,
мы еще не довоевали,
нам покой нестерпимо пресен,
мы его обретем едва ли.
Наша память в веках — калека,
и непросто былым героям
достучаться до вас, доехать,
пораженным забвенья ржою.
Но домчимся — пускай незримо —
воскрешенной погибшей ротой
до Царьграда, Москвы и Рима,
приколотим щиты к воротам.

ЧИСЛА

Я не верил раньше магии чисел
и влиянию печатного слова,
в чистом поле и в пронзительной выси
разлеталась шелуха и полова.

И пластинки в тридцать три оборота
бормотали запредельное что-то,
бормотуху в двадцать два оборота
потребляли по дворам обормоты.

И метелями сменялись капели,
и качалась по-над бездной держава,
и кроты усердно рыли тоннели
под негромкий тенорок Окуджавы.

И держава распадалась на части,
и стояли на краю обороны
при бездействии бессмысленной власти
тридцать три богатыря из ОМОНа.

И, пока сменялись тысячелетья
и другие наступали погоды,
я искал вопрос на ваши ответы,
мне сровнялось тридцать лет и три года.

На пути на третьем трижды споткнулся,
от отчаянья почти обезумел,
и тогда мне алфавит улыбнулся
в тридцать три своих пленительных зуба.

ВЫНОСЯ СВЯТЫХ

Вчера у окна постучался странник,
нездешних законов судебный пристав:
«Святых выносите!»
Как это странно:
мы их выносили вчера и присно.

Мы их выносили под самым сердцем,
как с поля боец — полковое знамя,
единодержавцы, единоверцы.
Без наших святых что бы стало с нами?

Во тьме, где гуляет иное племя,
где вместо соборности — индивиды,
во тьме, под огнями святого Эльма
забились бы в пляске святого Витта!

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Шел Микула Селянинович с переметною сумой,
Бог позвал его, призвал его, Бог сказал: «Пошли домой!

Ты возьми в дорогу дальнюю все, что надобно тебе,
что легло отрадой нб сердце, с чем сроднился по судьбе».

Вышла тяжесть неподъемная — не сочтешь, не скажешь вслух:
вся Россия необъятная, русский мир и русский дух,

камни древние священные иноземных площадей,
думы светлые заветные всех народов и людей.

А Микула Селянинович тащит по миру суму.
За спиной лежит вселенная, что ни сердцу, ни уму.

ДОСТОЕВСКИЙ

Достоевский выходит на Невский проспект
(отчего бы ему не пройтись по проспекту?),
и в глаза ему сеется сумрачный свет
(отчего бы не сеяться мутному свету?).
Достоевский привычно бичует порок
и привычно гоняет метлой мелких бесов,
видит их имена меж неоновых строк,
меж колонн и стволов в камуфляжных комбезах.
Этот город, знакомый кому-то до слез,
не оставил сегодня его равнодушным.
Он забыл ремесло, не хватает трех слов,
чтобы выплакать душу в ночную подушку.
А Нева, как вдова, руки вдев в рукава,
растрепала обновки Петровской эпохи,
и пожарная помпа качает права,
что для всех погорельцев кончается плохо.

Выходя из осады безбожных блокад,
крутолобый бодается с небом Исакий,
и трамваи звенят, уходя на закат.
Но и это, конечно, увидит не всякий.
Привиденья, фантомы живут до сих пор,
их диковинный вид на свету невозможен:
то Раскольников кажет кровавый топор,
то Рогожин кинжал вынимает из ножен.
Выезжать на горбах, танцевать на гробах
им привычно вполне, невзирая на предков.
Прекрати балаган, раскрути барабан,
револьвер революции — русской рулетки!
Достоевский выходит на Невский проспект
(отчего бы ему не пройтись по проспекту?),
и летят вслед ему с уважухой респект,
и сияют цвета запредельного спектра.

ГАГАРИН

По голым весенним рощам
березовый сок вскипает,
и гнезда грачей чернеют
в сплетенье тугих ветвей.
Гагарин целует небо
обветренными губами,
и небо, сойдя на землю,
целует его в ответ.

Он завтра на зов ответит.
Барахтаясь в перигее,
седых облаков сугробы
и звезд синеватый лед
он завтра горячим сердцем
растопит и отогреет,
и будет высок и сладок
апрельский его полет.

Он в небо еще вернется,
он выполнит обещанье,
и небо ему отплатит
за верность его сполна:
оно ведь целует страстно,
особенно на прощанье,
оно ведь целует страшно,
и смерть, как любовь, сильна.

ВЕРНЫЙ ПОСОХ

Шел слепец, окруженный звуками,
открыватель незримых троп,
верным посохом он выстукивал
по земле и по камню дробь.
И ступала стопа уверенно
там, где посох отметил путь,
там, где верой стезя отмерена,
там, где путь проясняет суть.

Над провалом без дна и мостика
посох встретился с пустотой…
но ответил привычным постуком,
не окликнул слепца: постой!
И шагнул тот, доверясь посоху,
открыватель незримых троп…
И по воздуху, аки посуху,
прошагал по мосту ветров!

НОЧНЫЕ ДУМЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА

Весь мир — яйцо, и звезды в нем — всего лишь
осколки первозданной скорлупы…
Застанет ночь однажды в чистом поле —
стоим, на небо глядя, морщим лбы:
где та рябая курочка-несушка,
где дед и бабка, мастера игры,
и где та мышь, проворная норушка,
чей взмах хвоста легко творил миры?
Их нет нигде. А мир стоит, как прежде,
и никуда не делся за века.
Он — золотая сказка о надежде
в сознании Ивана-дурака…
Ночные думы исчезают утром.
Плывет над миром солнечный желток
своим путем накатанным, премудрым,
все так же — через запад на восток.

БОЖЬИХ КОРОВОК ПАСТУХ

В полях, где закат не потух,
где небо упало в росу,
я божьих коровок пастух,
я божьих коровок пасу.

Послушай, послушай, дитя,
я божьих коровок пасу.
На небо они улетят
и нам каравай принесут.

Он будет и черен, и бел,
как наша с тобою судьба,
достанет и мне, и тебе —
на небе обильны хлеба.

Когда же на этом посту
устану я службу нести —
ты станешь коровок пастух,
ты станешь коровок пасти.

ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Мы держались на честном слове (а на чем нам еще держаться?):
мы когда-то его давали — и остались ему верны.
Посмотри, как тревожно тени темной сетью на мир ложатся,
посмотри, как плывут туманы с той, неведомой стороны.
Безответные тонут звезды в этой ночи чернее ваксы.
Мы остались, согласно слову, на границе, на рубеже,
на часах, на посту, в дозоре, на проклятой собачьей вахте,
мы когда-то давали слово и его не вернем уже.

Ну, а там, за границей света, копошились такие звери,
на две трети — созданья мрака и созданья мечты — на треть.
Мы в такие шагали дали, мы в такие входили двери,
что ни в сказке сказать словами, а увидеть — и умереть.
Мы такие дымы вдыхали, что нет слаще и нет приятней,
на отеческом пепелище, в изголовье родных гробов.
Мы когда-то давали слово и его не вернем обратно:
встать за веру, хранить надежду и в сердцах сберегать любовь.

ПРОЗА

Олег СЕЛЕДЦОВ

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Олег Валерьевич Селедцов — родился в 1968 г. в г. Бодайбо Иркутской области. Член Союза писателей России, государственный стипендиат Министерства культуры России по итогам 2004 г., участник форумов молодых писателей России (2001 и 2004 гг.), член Союза журналистов России, автор 8-ми поэтических сборников и книги прозы. Награжден орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени и медалью Сергия Радонежского I степени Русской Православной Церковью. **Живет в Майкопе, Республика Адыгея.**

Уверуй, что все было не зря:
наши песни, наши сказки, наши
неимоверные тяжести победы,
наше страдание — не отдавай
всего этого за понюх табаку.
Мы умели жить.
Помни это. Будь человеком!

Василий Макарович Шукшин

1. ГОРОД

Кто из нас не мечтал хоть раз прокатиться на «машине времени»? Побывать, скажем, в Петербурге времен Петра I, прогуляться с ним по Летнему саду. Или попасть на бал к блистательной Елизавете Петровне. Или стать свидетелем того, как Димитрий Донской возводил стены Московского Кремля из белого камня.

Ну, или попасть в будущее, посмотреть хоть одним глазком, каким будет наш город Майкоп лет эдак через двести.

И, пожалуй, нет такого человека, который не хотел бы на денек всего лишь очутиться в своем самом прекрасном и самом волшебном детстве. Мое, например, детство пришлось на, как это теперь принято говорить, самые «застойные» семидесятые годы. Брежнев, БАМ, «Союз-Аполлон», ледокол «Арктика» на Северном полюсе, колхозы-миллионеры. А еще Московская олимпиада, «Артек», фильмы: «Пираты XX века» и «Экипаж», «А зори здесь тихие» и «Семнадцать мгновений весны». ВИА «Земляне» и «Ялла». Борис Гребенщиков и Андрей Макаревич…

И хоть путешествие во времени сегодня технически по-прежнему невозможно, я предлагаю вам все-таки совершить экскурсию в прошлое. По волнам нашей памяти (кстати, так называлась популярнейшая пластинка из тех же самых семидесятых), в мое самое лучшее в мире детство.

Давайте вспомним, каким был Майкоп в те безвозвратно ушедшие, увы, времена.

До семьдесят седьмого года мы жили на улице Советской, в доме, на месте которого сейчас располагается национальный музей Республики Адыгея. Наша квартирка ютилась в полуподвальном помещении, и из окна нам были видны ноги прохожих до пояса.

Дом был поистине многонациональным. Здесь жили адыгейцы, русские, греки, украинка… Жили дружно. Летом, например, во дворик все выносили раскладушки и спали под открытым небом. Очень хорошо помню, какое горе было у всех на нашей улице, когда погибли космонавты Волков, Добровольский и Пацаев. Люди плакали так, словно хоронили родных сыновей. А какие концерты устраивали дети нашего двора для жителей. Тут и песни, и танцы, и фокусы.

В семьдесят седьмом нам дали квартиру в «Черемушках», на Депутатской. Сдавались сразу два многоквартирника № 20 и № 18. Когда мы переезжали, в доме не было воды, и мы брали воду из люка, расположенного прямо посреди улицы, еще не закатанной в асфальт. Место было дикое. Самая окраина города. Через дорогу, по нечетной стороне Депутатской, не было ни одного жилого дома. Там были лишь станция переливания крови, школа № 2 и летний кинотеатр «Победа». И огромный, бесконечный, до самого хутора Гавердовского пустырь. Не было еще ни дома с магазином «1000 мелочей», ни рынка, ни памятника «Самолет» (честное слово, не было). На пустыре обильно росла пшеница, и стояла буровая вышка. Однажды пшеница загорелась, и мы с моим другом Женькой (теперь он замечательный художник), сорвав с себя рубашки, стали ее тушить до приезда пожарных, мечтая получить за свой подвиг медаль, а может, и звание Героя Советского Союза. Но приехавшие пожарные вместо медалей едва не навешали нам оплеух по шее, обвинив нас самих в поджоге. Да еще и дома нам попало за обгоревшие рубахи. Но пшеницу-то мы спасли! Кто-то потом кушал хлебушек и знать не знал, что не будь двух безымянных героев, настоящих пионеров, так и не получивших за свой выдающийся подвиг заслуженные ордена, не вкушать бы ему сейчас эту вкуснейшую свежей выпечки булочку за 6 копеек. Между прочим, действительно, очень вкусную.

Чуть позже через наш пустырь в сторону «Шанхая» (такой микрорайон на юго-западе города), там, где сейчас шумит автомобильным потоком улица Чкалова, проложили узкую асфальтовую тропинку. Очень любили эту тропинку колорадские жуки. Они в июле-августе массово выползали на нее греться, искать свою вторую половинку и делиться колорадскими сплетнями. А мы, мальчишки, очень любили этих жуков давить. Однажды я за три дня задавил целую тысячу. Такое вот жестокое обращение с животными — очевидно следствие бесчеловечной коммунистической пропаганды. А с другой стороны, ну, кто пробовал подсчитать, сколько килограммов, да чего уж там, тонн картофеля спас я, Женька и другие ребята с нашего двора, борясь с незваными гостями из Колорадо (как-то всегда недолюбливали мы американцев), не требуя для себя орденов и даже маленькой, самой маленькой медальки.

Зимой пустырь заносило снегом. Можно было играть в советских полярников или целинников, которые сквозь пургу и торосы движутся к полюсу, ну, или к выполнению задания очередной пятилетки. И вот бредет

из последних пионерских сил, проваливаясь в сугробы и падая от порывов жестокого ветра, юный строитель светлого будущего, и нет конца и края снежной пустыни. Только буровая вышка, занесенная снегом, спасительным маяком указывает ему правильный путь. Здорово!

Очень любили мы кататься на лифтах, коих в «Черемушках» тогда было всего шесть штук, по числу имевшихся девятиэтажек. Но о былых развлечениях и играх в следующем очерке нашего путешествия «Родом из детства».

2. ИГРЫ МОЕГО ДЕТСТВА

Когда моему сыну был всего лишь годик, его любимым словом было: «играть»! Игра — необходимая и важнейшая часть жизни любого маленького человека. Такая же необходимая, как сон или еда. Играя, ребенок не просто забавляется и развлекается. Игра — это своеобразное освоение окружающего мира, первые самостоятельные шаги в жизнь. Да что там дети, игра может сопровождать человека и в зрелом возрасте. Помните арию знаменитого оперного тенора: «Что наша жизнь? — Игра»? Игре посвящали бессмертные произведения Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский… Известный литературно-киношный авантюрист Остап Бендер возводил игру едва ли не в божественный ранг: «Замрите, ангелы, смотрите. Я играю»…

И сегодня игра — неизменное социально-бытовое явление. Невозможно представить нашу действительность без компьютерных игр, игровых автоматов, казино или почти невинной партейки в «дурачка» в плацкарте.

Но мне милее и дороже полузабытые, шумные, яркие и веселые игры нашего детства. Игры семидесятых.

Во что мы играли тогда, собираясь в маленькие и не очень компании в беседках, подъездах и на лавочках еще неоккупированного автомобильными полчищами Майкопа? Игр было множество. Подвижные и спокойные. К последним, например, относились: «Испорченный телефон», «Фильмы», «Садовник», «Съедобное — несъедобное» и почти фривольная «Кис-кис-мяу». Все они, кстати, за внешней невинностью прятали в себе, если хотите, некие сексуальные начала. А как же! В «Телефоне» нужно было шептать загаданное слово на ушко партнеру (партнерше) — почти поцелуй. В «Садовнике» на вопрос: «Что с тобой?» нужно было ответить:

— Влюблен.

— В кого?

— В Фиалку.

А фиалкой или незабудкой могла быть самая красивая девочка Леночка Абкарова, в которую были реально влюблены все без исключения мальчишки не только нашего двора, но и всех близлежащих дворов улиц Депутатской, Чкалова и Юннатов. Вот вам и настоящее признание в любви, скрытое от посторонних глаз игровой оболочкой. А уж игра в «Кис-кис-мяу» без всяких переводов с английского таила в себе реальные поцелуи в ручку, щечку и… Но чаще всего мы играли в игры подвижные. «Казаки-разбойники», «Двенадцать палочек», «Штандер», «Лапта», «Чехарда», «Чиж», «Прятки», «Апанас», «Папа Римский»… Как, вы не знаете игру «Папа Римский»?

Все участники долго и нудно ходят гуськом по кругу, выслушивая странный монолог ведущего о жизни некоего Римского папы (о том, что

это понтифик и глава государства, мы, разумеется, не имели ни малейшего представления), и вдруг в один распрекрасный момент ведущий почти скороговоркой бросает фразу: «Папа Римский умер!». Все врассыпную мчатся к нарисованным на асфальте домикам-кружкам, чтобы занять место, опоздавший становится ведущим. Бедный глава Ватикана. Сколько же раз и как изощренно мы лишали его жизни, придумывая свои монологи ведущего. Если бы записать все те монологи, какая бы изумительная книга получилась бы. Истинный бестселлер. Куда там Дену Брауну! Но, к сожалению, все они давно забыты, как забываются сегодня многие и многие игры нашего детства.

Бессовестно забыто сегодня нами и заветное, детское, важное. Штаб.

Все мальчишки моего поколения знают, что это такое. У всех у нас обязательно должен был быть штаб — место важное, секретное и почти сакральное. Такой штаб был один, хотя местоположение его менялось по обстоятельствам. Это могла быть стройка, или пустой сарай, или уединенная беседка, или закуток между гаражами, или чердак. Здесь, устав от шумных дворовых игр, собирались друзья-мальчишки. Хотя иногда пускали и девчонок. Не всех, конечно, а только тех, кто наравне с нами играл в войнушку, Чапаева, Александра Невского, кто мог по достоинству оценить новеньких солдатиков, вымененных у простачка из параллельного класса, и кто знал, что пацаны из соседнего дома — вечные и злые враги, влюбляться в них нельзя ни при каких условиях.

Выдать местоположение своего штаба врагу — считалось высшим преступлением, плата за которое — вечный позор и изгнание из дворовой команды.

Когда играли в «Казаков-разбойников», что выпытывали «казаки» у попавшегося раззявы «разбойника»?

— Где твой штаб?

О, лучше было пройти сквозь пытки, чем выдать.

Казаки-разбойники… Тихо в наших дворах. Уже не услышишь, хоть век прислушивайся, таких знакомых и родных с детства слов:

— Три, четыре, пять, шесть, семь — я иду искать совсем. Пора — не пора, выхожу со двора…

Это, кстати, было важно. Выходить со двора часто запрещалось железным родительским «Нельзя!» А в игре можно. И нужно!

А еще с необыкновенным азартом, с самозабвением играли мы в наилюбимейшую «войнушку». У каждого мальчишки из семидесятых был целый арсенал пистолетиков, автоматов, сабель, рапир, ножей и кинжалов. Пластиковые, деревянные, жестяные. Стреляющие пробками, пистонами, шариками, нашлепками… или вообще ничем не стреляющие, болванки. Мы целились из них в невидимого врага и кричали: «Пах-пах, ты убит!» Игра в «войнушку» делила всех мальчишек на «наших» и «немцев». Немцами быть было позорно, и на эту роль обычно принимались пацаны из соседних дворов. Но чаще всего враг был воображаемым.

За нашим домом был огромный пустырь. Нет, не пустырь, а бескрайнее, политое кровью красных бойцов поле «той единственной гражданской», по которому несли невидимые кони лихих кавалеристов. Мы врубались в густые заросли бурьяна и крушили, крушили белогвардейских баронов и генералов своими острыми деревянными сабельками. Вот уже и руки наши

болят от усталости, вот уже вязнут от зеленой (не в смысле махновско-петлюровской) крови бурьянных врагов наши затупившиеся от жаркой битвы сабли, но не время отдыхать, ой, не время. Далеко еще до полной победы мировой революции. Силен еще коварный враг. Рано отдыхать мне, и закадычному моему другу Женьке, и бойцу Кольке Власову, и девчонкам нашим, неизменным санитарочкам, которые и саблю держать умеют, и перевязку раненому бойцу сделают… А тут еще враг бросил на нас свежие силы. Эх, мало нас, но нужно держаться. Обязательно нужно. Обязательно… Но что это? Из окон домов начинает раздаваться дежурное:

— Женя! Домой!

— Коля, сейчас же домой!

— Наташа, ты опять с этими хулиганами? Немедленно домой!

— Валера, домой, я кому сказала. Смотри, пожалуюсь папе.

— Олежка! Домой!! Да что же это такое!?

Действительно, что же это такое? Лето. Каникулы. До сентября ни школы, ни уроков, ни дневников. Есть, конечно, задания на лето, но, я вас умоляю, какой дурак вспоминает о них ранее тридцатого августа?

И все-таки надо идти по домам. Завтра будет новый день, новые сражения, новые победы и новые игры. Игры нашего детства.

3. ВКУС ДЕТСТВА

Как известно, о вкусах не спорят. И это правильно. Кто-то из нас любит телячью отбивную, кто-то шашлык-машлык из «свежий барашка», а кто-то и вовсе на мясо не глядит, вегетарианец, понимаешь. Но есть у нас, мальчишек и девчонок семидесятых, нечто общее, примиряющее наши такие разные вкусы и предпочтения — это вкус лакомств того времени, вкус, который до сих пор, без всяких там «машин времени», вызывает блаженную улыбку и мурашки на кожице. Ведь это вкус нашего Детства, лучшего детства в мире!

Прежде всего… А что, собственно, прежде всего? Мандаринки в Новогодних подарках? Манная каша в детском саду? Печенье на полдник в пионерском лагере? Булочки! Ну, конечно же! Разве можно забыть слоеные, тепленькие еще, с повидлом внутри, за 6 копеек? Или маленькие, сдобные без начинки, за 3 копейки? Мы покупали их на сдачу, когда родителям после долгих уговоров и обещаний неминуемого наказания все-таки удавалось отправить нас в магазин за хлебом, молоком, сметаной и сахаром-песком. Мы покупали их вместе с билетами в лучшее в мире НАШЕ кино. Мы покупали эти булочки даже на деньги, выигранные в честном поединке, в определенных дворовых играх, о которых не должны были знать ни наши родители, ни тем более школьные учителя и пионерские вожатые (назову эти игры шепотом, чтобы не услышали современные дети: «Орлянка», «Монголка», «Трясучка» и даже… ох, пропадай моя головушка, «Чух»).

Вместо булочек можно было купить пирожки. Самыми дешевыми, но при этом вкусными, считались пирожки с ливером. Были они необычной цилиндрообразной формы с пупырышками по бокам. Продавали их в бакалейных отделах майкопских магазинов, например, в БАМе. Кстати, по поводу этого магазина существовала шуточная легенда. Якобы одну хорошенькую комсомолку-блондинку (были в нашем детстве и такие) отправ-

ляли по линии лагеря «Спутник» в Болгарию. Но перед отправкой она должна была пройти обязательное собеседование. И вот важный чиновник из обкома спрашивает ее

— А что такое БАМ?

— Большой Адыгейский Магазин, — не задумываясь, выпаливает блондинка-комсомолка.

Не знаю, поехала она в Болгарию или нет, но название за магазином закрепилось. Так вот, здесь, же в бакалейном отделе, можно было выпить стаканчик сока. Сок продавщица наливала из объемных стеклянных конусов. Ассортимент был стандартный: томатный, сливовый, яблочный, виноградный, ну, и, конечно, березовый (ух, вкуснятина).

«Люди квас несут в бидонах, а у нас бидонов нет», — писала замечательная детская поэтесса Наталья Бромлей. Квас — главный напиток нашего детства. Помните неизменные очереди к заветной бочке на улице Краснооктябрьской, напротив магазина «Алмаз»? Выстояв такую очередь, мы гордо покупали маленькие стаканчики за 3 копейки или большую кружку за 6. Квас был леденючий! Пить его, не рискуя среди лета заболеть ангиной, можно было только малюсенькими глоточками, за разговором. Правда, находились среди нас и такие ребята, кто выпивал квасной лед залпом, с шиком, но это не очень-то приветствовалось, ведь потом этот несчастный с обожженным минусовым жаром горлом был обречен с завистью поглядывать на нас, растягивающих свое квасное удовольствие минут эдак на пять и даже больше. В «Черемушках» квасная бочка стояла у магазина «Овощи» на Димитрова. Здесь уж мы покупали квас именно в бидоны. На окрошку или так, для всей семьи. Говорят, что тот квас из детства, в отличие от современных бутилированных, был отчаянно разбавлен водой. Не знаю, только вкус того кваса держится у меня на губах и по сей день. А нынешний… так, забава.

Кстати, недавно спросил у своих коллег по работе:

— Ребятушки, может, конечно, я сильно ошибаюсь, но не знаю ничего вкуснее «пепси-колы» из нашего детства. Той самой, Новороссийского завода.

И все, ВСЕ со мной согласились. Хорошо помню, как впервые попробовал этот напиток летом семьдесят пятого. У меня, кажется, сердце остановилось, я перестал дышать от удовольствия. Это было волшебно, сказочно! Вкус был поистине не земной, а какой-то межгалактический! А теперь, купив в магазине пластиковую бутылку, пьешь и не получаешь ни удовольствия, ни утоления жажды. Э-хе-хе. Из напитков в магазинах царствовали «Ситро», «Крем-сода», «Лимонад» и даже «Байкал» — наш ответ Чемберлену.

В популярной песне конца семидесятых пелось: «А солдат попьет кваску, купит эскимо…» Мальчишки семидесятых все как один мечтали служить в армии, лучше всего, конечно, в десантных войсках, поэтому, выпив бочкового квасу, мы, чтобы не портить ништяковую (любимое выражение из детства) песню, дружненько бежали за мороженым. Мороженое — особый гимн нашего детства. В Майкопе его продавали на Краснооктябрьской у кинотеатра «Гигант» (в двух местах сразу), рядом с гостиницей «Майкоп» и еще в двух, кажется, точках, в специальных киосках. Летом здесь всегда царили очередюки длиной почти как в мавзолей Ленина. Если в очередях не было знакомых, мы терпеливо выстаивали до конца, и вот, наконец-то, пря-

мо сейчас… заветное окошко. Покупали в основном молочное за 10 копеек, или сливочное за 11–12. Если с деньгами было туго, покупали фруктовое за 9 копеек. Ну, а шиком считался пломбир за 19 и за 20. Был даже пломбир с наполнителем за 22 копейки, но нам, мальчишкам, такое лакомство было не по карману. Иногда родители покупали нам кондитерское чудо — Ленинградское пирожное из мороженого за 28 копеек. Помните такое? Незабываемый вкус. Поедая холодное лакомство, мы обычно спорили:

— Я могу съесть десять штук сразу.

— А я сто!

— А я двести.

Споры эти кончались обычно ничем, ведь проверить гастрономические способности того или иного хвастуна было просто не за что. Увы.

Как вы думаете, что больше всего любили практически все дети Советского Союза? Конечно же, кукурузные палочки! В коробках. По 25 копеек. Летом, играя в свои бесконечные игры, мы частенько забывали пообедать. Да нам и не нужен был обед. Достаточно было слопать по коробке «палочек», запивая их бутылочным молоком, и все — ты сыт!

А вот пирожные нашего детства в Майкопе ассортиментом не блистали. Это были эклеры (заварные), картошка и корзиночка, все по 22 копейки. Зато какие были чебуреки, а беляши? Правда, мама не разрешала мне покупать уличные беляши, которые я обожал, почему-то она думала, что в них обязательно кто-то плюнул. Так, кстати, считали и мамы моих друзей. Мамы друзей моего детства.

Бананов и манго мы почти не видели. Зато у нас были конфеты «драже» всевозможного вида, помадки «Школьные», «Взлетки», «Мятки» и прочие «сосатки». И были петушки на палочке. И, конечно же, семечки. Семечки мы лузгали килограммами. В беседках, подъездах, на школьных переменках, в кино, разумеется. Не отсыпать приятелю и просто знакомому пацану горстку семечек считалось страшным мальчишеским преступлением, если, конечно, у тебя в кармане не остались «последние шкребки» — неприкосновенная маленькая горка. В кино, особенно в летний кинотеатр, ходить без семечек считалось напрасной тратой времени и денег… Но про кино нашего детства мы поговорим позже. А сейчас, простите, все эти воспоминания нагнали аппетит. Пойду обедать. Жена купила булочки. Вкусные, конечно, но… не те, оставшиеся в далеких семидесятых вместе со вкусом нашего лучшего в мире детства.

4. КИНО НАШЕГО ДЕТСТВА

Были в нашем детстве волшебные слова, от которых расплывались в широкой улыбке губы, сверкали радостным светом глазенки, потирались друг о друга ладошки в сладком предвкушении. А ведь это всего каких-то два слова: «Пойдем в кино». Кино — светлый гимн нашего времени. Кино любили все, от мала до велика. В выходные дни зрительные залы майкопских кинотеатров были забиты до отказа на все сеансы. Особенно, если привозили что-нибудь французское. Чтобы там обязательно был Жан Маре, Ален Делон, Луи де Фюнес… Помню, году так в семьдесят третьем в «Октябре» показывали «Фантомаса». И очередь за билетами стояла почти до памятника Ленину, пересекая улицу Советскую и замысловатым лабиринтом за-

полняя все пространство перед кинотеатром. Достать билеты на заветный сеанс было непросто. Да и с карманными деньгами у нас тогда было, мягко говоря, тяжковато. Выручала мальчишеская солидарность и находчивость. В очереди наверняка находился некий знакомый пацан. Ну, как знакомый? Ну, видел его как-то разок на таком же сеансе в кино, недельки три тому. К нему-то и бежали мы с радостным криком:

— Привет, Серега! А мы тебя заискались. Вот ты где, оказывается. Ну как, занял нам очередь?

Паренька звали вовсе не Серега, а вовсе даже и Дима или Русик. Но какая, собственно, разница. Очередь немного волновалась. Но мы убеждали всех, что этот самый Серега специально занимал место именно для нас. И очередь временно успокаивалась, пока в другом ее конце не раздавалось подобное:

— Колька, дружище, вот ты где! Как тут наша очередь?

С деньгами, как я уже сказал, у нас была напряженка. Билеты доставались далеко не всем. Но разве это останавливало рвущихся любой ценой на сеанс мальчишек? Существовало несколько способов пройти в зрительный зал бесплатно. Самый распространенный, когда шесть человек покупали три билета. Трое проходили, но через пять минут один из них (с билетами в кармане) выходил обратно, якобы в туалет. Билетерша не успевала его запомнить, разве запомнишь всех в такой суете? Таким образом, еще двое наших приятелей получали билеты, а через пять минут, путем все той же операции проходил и последний из нас. Зал бывал переполнен, но ведь сидеть можно и в проходах, и на полу перед первым рядом. Первый ряд — самое сказочное место в кинотеатре, вершина ребячьего блаженства. За места в первом ряду даже иногда вспыхивали настоящие мальчишеские сражения, заканчивавшиеся мгновенно, как только гас свет в зрительном зале и на волшебном экране появлялись первые кадры фильма.

Если фильм был особенно интересным, мы оставались еще на один сеанс, а то и еще на один. Так «Горбуна» мы смотрели несколько дней подряд по три сеанса в день. «Месть и закон» по два сеанса — двухсерийный все-таки. Чтобы остаться на очередной сеанс, нужно было на финальных титрах спрятаться за портьеру и стоять там, не шелохнувшись, пока уборщица выметает горы шелухи от семечек, и ни разу ни чихнув, последнее было особенно трудно, ведь портьеры были оч-ч-чень пыльные.

Бесплатно можно было попасть и на последний сеанс, если, конечно, родители отпускали. Дело в том, что в июле из-за немыслимой духоты поздно вечером двери на улицу в зрительном зале не закрывались, можно было тихонечко, не привлекая внимания, пробраться в зал и смотреть себе кино. Но на последних сеансах фильмы были какие-то тягомотные, все больше про любовь и все такое. Какому мальчишке такое понравится? Поэтому на последние сеансы мы ходили редко.

Совсем другое дело летние кинотеатры. В «Черемушках» это был кинотеатр «Победа». Ходили туда всем двором. Неважно, какой шел фильм: «Лекарство против страха», «Зита и Гита» или «Розыгрыш». Важна была сама атмосфера. Родители отпускали нас в «Победу» почти охотно, задав лишь один вопрос:

— А из старших кто с вами будет?

— Дядя Толя Власов и тетя Тамара Лиманская.

— Ну, тогда идите.

И вот мы в кинозале, вернее, в летнем кинозале. Вместо кресел длинные скамейки, вместо потолка звездное небо. На стенах кучкуются мальчишки-безбилетники, курят, паразиты, бравируют. Мы сидим вальяжно, грызем заранее купленные семечки. Хорошо! Одна напасть — комары, будь они неладны. Фильм этот видели уже раз двадцать, знаем наизусть все эпизоды и реплики главных героев, но это неважно, главное, что рядом сидит ОНА. Самая-самая, красивая-красивая. Леночка Абкарова. Ух, даже дух захватывает. Можно отсыпать ей семечек и даже, словно ненароком, коснуться плечом ее хорошенького плечика. А вот так, почти, как у взрослых.

Кстати, о взрослости, знаете, где в Майкопе можно было почти без проблем попасть на сеанс с самой ненавистной для любого мальчишки моего детства надписью: «Дети до 16 лет...»? Был такой заветный кинотеатр. «Комсомолец». Здесь, особенно в будние дни, всегда бывали пустые залы. И чтобы хоть как-то пополнить кассу, тетеньки-билетеры шли на преступление.

— Тебе сколько лет? — спрашивали они для порядка.

— Шестнадцать! — не моргнув глазом, отвечал пацаненок, которому едва-едва исполнилось тринадцать.

Тетенька хмурилась, но пропускала. Свой человек.

После киносеанса наступала еще одна обязательная фаза похода в кино — обсуждение фильма. Даже возвращаясь из летнего кинотеатра, мы успевали минут на десять, пока родители не загнали по домам, приземлиться в родную беседку и вспомнить самые яркие моменты увиденного.

Однако я увлекся. Ребячьи разговоры, как и песни нашего двора — это особая тема. И об этом наш следующий рассказ.

5. ПЕСНИ НАШЕГО ДВОРА

«Легко на сердце от песни веселой», — уверял в задорной песне Леонид Утесов. И это на самом деле так. Песня была неизменным спутником, а то и знаменем моего детства. В середине семидесятых все девчонки и даже мальчишки (не все, но многие) вели собственные «Песенники». Это такая толстая тетрадка, куда, по возможности красивым почерком, от руки записывались слова популярных эстрадных и дворовых песен. Такой «Песенник» я храню до сих пор. Каких только «зекинских» (что значит: классных, суперских) песен здесь не записано. Тогда мы еще не знали слов «шлягер» или «хит», тогда это были просто очень популярные и любимые песни. Здесь и «Журавлик», «Все могут короли», «То ли еще будет» Аллы Пугачевой. И «Листья желтые», «Впереди — крутой поворот», «Мой маленький дворик», которые даже в дворовых беседках пелись с легким прибалтийским акцентом, что придавало песне особый шик. И песни из мультяшек: «Чунга-Чанга», «От улыбки», «Завтра грабим короля»...

Собираясь в беседках или на лавочках в подъездах, мы пели о детстве, причем как о чем-то уже ушедшем безвозвратно, мы ведь уже почти взрослые: «Куда уходит детство?», «Мое детство — красный конь», «Кораблик детства уплывает в детство, белые большие трубы скошены назад. Дайте наглядеться, на прощанье наглядеться, дайте мне наслушаться, как они гудят»; или вот эта: «Ах, как хотелось быть нам взрослыми, с вихрами не ходить и с косами. И вот уже зовут по отчеству, а в детство заглянуть так

хочется...» Узнали? Или совсем уж беспросветная: «Ничто на земле не проходит бесследно. И юность ушедшая все же бессмертна. Как молоды мы были...» Э-хе-хе. Как же молоды и счастливы мы были тогда.

Были в нашем репертуаре и пиратско-разбойничьи песни. Помните вот такую, например: «И в воздухе сверкнули два ножа. Пираты затаили все дыханье. Все знали атамана, как вождя, ой-ли, и мастера по делу фехтованья». Или вот эту: «Зайдя в тот ресторан, увидев англичан, французы стали все разозлены. И кортики достав, забыв морской устав, они дрались, как дети сатаны». И даже такую: «У ней такая маленькая грудь, а губы, губы алые, как маки. Уходит капитан в далекий путь, оставив девушку из Нагасаки».

Пели мы и военные песни. Очевидно, будучи детьми участников войны, на генном уровне хранили в себе память о ней. Среди любимых была, например, о Вите Черевичкине из города Ростова, который не дал фашистам издеваться над голубями и был убит. Обычно наши девчонки в этом месте начинали пускать на волю слезинки. Ничего не поделаешь, уж очень жалостливая песня. А еще были «Десятый наш десантный батальон», «У деревни Крюково погибает взвод», «Прощай, Маруся дорогая, и ты "КВ" — братишка мой. Тебя я больше не увижу, лежу с пробитой головой».

Были в нашем дворовом репертуаре песни не о войне, но о солдатах, об армии. Нам ведь всем предстояло служить в армии, о том, что можно как-то «откосить», мы тогда и думать не думали. Песни эти были по большей части бравые: «Не плачь, девчонка», «Аты-баты шли солдаты с песней на парад», «Идет солдат по городу». Были и народные, трагические. Ну, помните, например, как паренька призвали в армию, он стал летчиком, а друзья написали ему письмо, что она другому отдана. И тогда летчик решается на страшное: «Ну что ж, не любит, так и не надо, зато ее я так люблю. Ну что мне стоит подняться в небо и сделать мертвую петлю». Жуть. Мало того, что сам погиб, так еще и государственный самолет угробил. Но мы пели, нам песня нравилась.

Много песен было и о любви — куда без нее! Но тут не хватит места, чтобы перечислить хотя бы самые яркие.

Но пели мы не всегда. Чаще, собираясь в дворовые команды, наигравшись в наши игры, мы беседовали. Рассказывали друг другу истории, порой очень страшные. Не эти детсадовские про черную руку и красную простыню, а те, что, как уверял один знакомый парень (одна знакомая тетенька или старинный друг отца — так даже правдоподобней), случились недавно в соседнем городе или на другом конце Майкопа. Как один инженер не вернулся домой, а на соседней улице нашли его ботинки и записку, написанную по-японски...

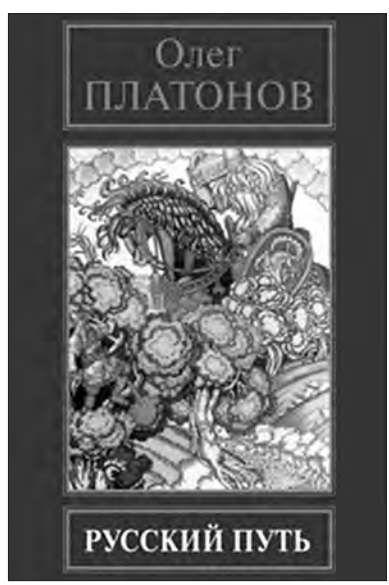
Любили мы обсуждать увиденное недавно кино, облекая знакомые эпизоды в яркие и неожиданные подробности. Так, однажды, посмотрев фильм «Туманность Андромеды», поздним вечером я, пересказывая сюжет, как бы между прочим, заметил, что эти страшные, безжалостные, невидимые глазу медузы-убийцы живут и перемещаются в темноте. Вот, может, и сейчас они бесшумно подбираются к нам, чтобы всосать в себя какую-нибудь несчастную девочку. Обычно мы засиживались в беседке допоздна, но в этот вечер всем почему-то срочно захотелось домой. За пять минут беседка опустела. Насмеявшись вволю над трусостью моих товарищей, я тоже отправился к

своему подъезду. Был темный вечер. Луна и звезды скрылись в облаках. Неприятный холодок побежал по моей спине. Чего это вдруг? Что это там у меня за спиной? Космическая медуза? Стремглав кинулся я по ступенькам, в пару мгновений взлетев на свой пятый этаж. Вот ведь нагнал страху, аж сам испугался.

Но чаще всего разговоры наши были добрыми и веселыми. Как добрым и веселым, радостно-счастливым было наше самое лучшее в мире детство. Детство мальчишек и девчонок семидесятых. Тихо сегодня в наших дворах. Планшетники, смартфоны и прочие гаджеты властвуют на просторах виртуального сознания нынешних детей. Да и мы сами давно уже стали пленниками «Одноклассников», «Вконтакте» и прочих соцсетей. Но даже самым супернавороченным изобретениям века сего не удастся истребить важнейшего сокровища — нашей памяти. Пока мы помним — мы живем. Не забывайте детства. Нашего детства!

ВЫШЛА КНИГА

Платонов О. А.
Русский путь. — М.: «Родная страна», 2015. — 416 с.

Настоящая книга — подведение итогов развития великой России и русского народа почти за четыре тысячи лет. Это путь великих трудностей и великих побед. У русского народа особый путь. Его всемирная задача состоит в том, чтобы освободить человечество от того одностороннего и ложного развития, которые получила история под влиянием Запада.

Русский народ сыграл главную общечеловеческую роль в борьбе со всеми проявлениями геноцида и агрессии. Именно русские совершили ряд грандиозных побед, изменивших положение в мире в пользу добра, приняв решающее участие в уничтожении преступных государственных объединений — Хазарского каганата, Тевтонского ордена, Золотой орды, Османской деспотии, империи Наполеона, III рейха Гитлера. И до сих пор русский народ является сдерживающим фактором для всех современных мировых агрессоров и прежде всего США.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ

ИГРАЙ, ГАРМОНЬ!

Анатолий Николаевич Грешневиков — депутат Государственной Думы, заместитель председателя комитета ГД по природным ресурсам, природопользованию и экологии. Народный депутат РСФСР. В 1993 г. — активный защитник Верховного Совета. Писатель. Журналист. Член СП России. Автор 28 книг. Лауреат премии Союза журналистов СССР и др. Награжден Патриархом Московским и всея Руси Алексием II орденом св. благоверного князя Даниила Московского III степени, орденом преподобного Сергия Радонежского за восстановление памятников истории и культуры, русских православных святынь и др. Почетный работник Росгидромета. **Живет в п. Борисоглебский, Ярославской обл.**

Ни один музыкальный инструмент не побудил к творческой жизни стольких людей, сколько сделала это гармошка.

Ее волшебная музыкальная сила брала в плен даже ленивых и непутевых парней, открывая пред ними широкие возможности для самореализации. А скольких людей согрела она своей добротой, скольким помогла выстоять, преодолеть невзгоды…

О безграничной любви народа к ней, о том, что это был самый распространенный инструмент в деревенской среде, свидетельствует телевизионная передача «Играй, гармонь!». Стоило Геннадию Заволокину проехать по стране, собрать гармонистов и показать их выступления по телевидению, как эта передача стала самой любимой, популярной и востребованной.

Переоценить подвиг Заволокина сегодня невозможно. Давненько подвижникам русской народной культуры не удавалось разбудить в народе такую могучую творческую энергию. Ему удалось. И сделал он это легко, молниеносно и даже без особых затруднений и материальных затрат. Народ давно ждал своего Заволокина… Народ поднялся, поверил, взял в руки гармошку, заиграл, запел и пустился в пляс. И было сие действо не показное, сиюминутное, не ради телевизионной передачи и отдачи дани уважения мастеру. Конечно, нет. Русский человек увидел и почувствовал в Заволокине искренность, подлинный интерес к глубинной народной музыке.

Заволокин, как и вся его армия гармонистов, истосковался по настоящей культуре. Он знал цену костюмированному фольклору, отвращающему молодое поколение от подлинно народных музыкальных истоков, он чувствовал приближение национальной трагедии, связанной с

засильем на телевидении и в массовом сознании людей пошлой и бездушной эстрады.

Борьба Заволокина за право существования на телевидении передачи «Играй, гармонь» — это борьба за нравственное и духовное здоровье общества, за возвращение нации к ее культурным истокам и традициям, за право русского человека исполнять те песни и ту музыку, кои любили их предки.

Небольшая по времени передача вместила в себя тысячи и тысячи концертных выступлений гармонистов со всех концов страны, о которых никто и никогда ничего доброго не слышал. Она заставила скромного, трудолюбивого человека из глубинной России отбросить навязанные ему ложные представления о старомодности и второсортности гармошки. Каждый, взявший в руки гармонь, — побеждал в первую очередь себя, ибо в нем просыпался творческий интерес к жизни.

Хозяин этой передачи понял, если в душе народа звучит музыка, то он живет правильно и у него есть будущее, следует лишь поддерживать и пропагандировать таланты, дать гармонистам возможность развернуться, выплеснуть свою энергию, почувствовать нужность стране.

Благодаря Заволокину весь мир узнал, что Россия — страна талантливых, увлеченных людей.

И когда главный гармонист страны трагически погиб, страна осиротела, государство осталось без человека, который пробуждал в людях любовь к искусству, давал каждому творческому человеку возможность раскрыть свой талант, не задвигать гармошку в дальний угол шкафа, а идти с ней на улицу. К сожалению, законы природы таковы, что если постоянно в костер не подбрасывать дровишек, то огонь потухает. Без Заволокина движение народных умельцев игры на гармошке заметно теряет свою силу и очарование.

И все же гармонисты продолжают жить, играть, бороться за исполнение песен в их подлинном, традиционном, необработанном виде. Увлечение народным инструментом неподвластно времени. Гармошка продолжает волновать людей, привлекать к себе внимание. Люди тянутся к ней, потому что играть на ней научиться гораздо легче, чем на пианино, и потому что она ближе по духу, чем скрипка.

Моя родная борисоглебская земля богата гармонистами. Их не больше и не меньше, чем в других регионах. Просто в каждом селе можно встретить человека, кто умеет хоть немножко играть на гармошке.

Двадцать лет назад я проводил в местном доме культуры смотр-конкурс лучших гармонистов. Проехал по деревням и селам. Познакомился с интересными, увлеченными людьми. Одним гармошка помогла выдержать испытания войной, другим подарила семейное счастье… Встретились и такие самодельные музыканты, для которых песня и частушка были главными помощниками в жизни. О многих из них я написал очерки, издал книжки.

Тяжелые военные дороги прошел вместе с гармошкой Виктор Николаевич Цибаев. За подвиги государство наградило его медалью «За отвагу». А народ высоко оценил его музыкальный талант. В каком бы клубе не играл ветеран войны, всюду зал был битком набит поклонниками. Борис Андреевич Тамулянис — тоже фронтовик, награжден двумя орденами Великой Отечественной войны второй степени, орденом Красной Звезды. В его руках любой музыкальный инструмент запоет и заиграет. Но берет в

руки гармошку он только тогда, когда того просит душа. Ветерану войны Николаю Ивановичу Трусову гармошка помогла открыть в себе еще и талант исполнителя народных песен. Голос у него чистый, мощный. За него он и получил от земляков прозвище — борисоглебский Лемешев.

От деревенских гармонистов мне не раз доводилось слышать, что гармошка возбуждает у них интерес к жизни. Современный человек превратил свое свободное время в скучное сидение у телевизора. Только гармонист и может сегодня оторвать его от «черного ящика», вывести на улицу, понудить петь песни. Ни один музыкальный инструмент не обладает такой зазывной силушкой… Это хорошо знают и пастух из деревни Баскачи Николай Умничков, и кочегар из села Красново Борис Алферов. А еще лучше это понимают деревенские жители, потому любят и берегут своих гармонистов.

Леснику из деревни Стрелка Павлу Марзаеву собрать земляков на посиделки ничего не стоит. Как только его гармошка заиграет на краю деревни, так все односельчане уже там. А его проникновенное исполнение знаменитой песни «Майский вальс» задевало самые тонкие струны человеческой души.

Преданность народной музыке гармониста Виталия Королева из поселка Борисоглебский оценил сам Геннадий Заволокин. Он приезжал специально к нему в гости, поговорить о жизни, послушать его виртуозную игру, записать звучание более трехсот экспонатов. Среди них много и раритетов, таких как физгармония Гавиоли середины XIX века.

Недавно в Туле в одном из старинных зданий открылся мемориальный музей изобретателя первой хроматической гармони Николая Ивановича Белобородова. Именно в этом доме им была создана «хромка», которая явилась прообразом баяна. Существует в Туле еще один музей гармошки. Его создал Василий Ефимович Головко. Приехавший к нему в гости Геннадий Заволокин признал, что такой коллекции он больше нигде не встречал. В тесной квартире на стеллажах с трудом разместилось двести экспонатов, собранных со всего света, — аккордеоны, гармони, баяны, немецкая губная и русская губная клавишная гармоники. Все экспонаты в рабочем состоянии. Ни один не повторяется. Многие инструменты отремонтированы хозяином, собраны по крупицам, обучены заново петь.

Вообще, туляки сильны и самими игроками на гармони. Добрую славу заслужил их земляк Евгений Александрович Городской, руководитель фольклорного оркестра «Гармошечка-говорушечка». Он умеет играть на любом народном инструменте: дудке, гармошке, свистульке, трещотке, балалайке, колокольчике. Когда в его руки попадает гармошка, она заливается на разные голоса. И каждый слушатель чувствует, что для Городского в эти минуты ничего не существует, кроме мыслей и чувств, заложенных в музыке. Его увлечение народными инструментами передалось многим молодым людям. Они стремятся так же самозабвенно любить и пропагандировать народную культуру. Многих высот они, конечно же, достигнут, но собрать такую уникальную коллекцию народных инструментов, какую собрал за свою долгую жизнь Евгений Александрович, им уж вряд ли удастся.

Туляки талантливы, спору нет. Но жители орловской области, хранители традиций игры на местной ливенской гармонике, ничуть им не уступают. У крестьянина села Парахино Константина Федоровича Кудрявых есть чему поучиться любителям народной музыки. От последних мастеров

Ливны он унаследовал многогранный и редкий талант изготовления ливенки. Некоторые секреты изготовления этого инструмента считались утраченными, но ему удалось, благодаря упорству и частым поездкам по деревням, восстановить их, передать молодым музыкантам.

Маленькая, легкая ливенская гармоника отличается от других подобных инструментов особым нежным звуком и певучестью. По обе руки кнопочки: восемнадцать справа, четырнадцать — слева. Однако по громкости голоса она едва уступает место баяну. Константин Федорович делает ливенки сам. Научился с трудом. На изготовление каждой у него уходит полтора года. Зато радость обретения не сравнима ни с чем.

Сравниться с ливенкой может прославленная саратовская гармошка с колокольчиками. Тамошние мастера одарили ее малиновыми перезвонами, нежными переливами тонов, выразительностью звуков.

Свой чистый, превосходный голос у рязанской гармони. Много личного, душевного вложил в ее успех мастер Петр Егорович Стерлигов, живший в деревне под Рязанью. Сегодня на родине Есенина с ней активно выступает известный фольклорный ансамбль «Старушки-веселушки». Он обосновался в поселке Борки. И хоть в нем одни старушки, но играют они на гармошках и поют старинные песни с таким задором, какой и молодым не под силу.

В городе Иркутске мне посчастливилось познакомиться с творчеством старого гармониста Анатолия Андреевича Каюкова, которого Заволокин назвал «олицетворением седого Байкала». С первых секунд его выхода на большую сцену театра я понял, что это незаурядный, талантливейший человек. Был он невысокого роста. Шел неуклюже. Бережно держал маленькую гармошку в таких огромных кистях рук, что никак не верилось, что его большие пальцы попадут на миниатюрные кнопки. Потом он заиграл — легко, слаженно. Встрепенулась моя душа и присмирела. Такого живого, безудержного наигрыша я давненько не слышал. А гармонь старика еще с большей удалью грянула такие выкрутасы, что и сидеть сложа руки невозможно было. Посмотрел я тогда на своих соседей, прекрасных сибирских писателей Валентина Распутина и Валерия Хайрюзова, на известных киноактеров Николая Бурляева и Николая Олялина, и чувствую, им тоже хочется пуститься в пляс под звонкие переборы. Прошло еще пару минут, и я забыл, что рядом со мной сидят великие сыны России, я видел в эти чудные мгновения лишь одного великого — гармониста Каюкова.

Его гармонь звенела серебром, пылала жаром и русской удалью. В моей душе звучала музыка, она проникла во все клетки тела. И тогда я решил, что обязательно напишу об этом уникальном музыканте-самородке добрую книгу. Расскажу людям о том, как он сам сочиняет слова к своим песням, как лихо исполняет «Иркутяночку», какое место в его жизни занимает гармошка. Однако прилететь вновь в Иркутск в ближайшее время и выведать все секреты музыканта мне не удалось… Пока я собирался в дорогу, Анатолий Андреевич Каюков ушел из жизни.

Появился на журналистском горизонте еще один интересный человек — гармонист из новосибирского села Дмитриевка Александр Николаевич Букалов. Известность ему принесла не столько душещипательная игра на музыкальных инструментах, сколько его конструкторская деятельность. Вначале он изобрел трактор, а потом смастерил и настоящий самолет. Писать о таком самородке мне не пришлось, так как о нем написал сам Геннадий Заволокин.

От кустарей-самоучек научились делать гармошки вятичи. Как только обрел инструмент свой особенный, «фамильный» голос, так у него появились покровители. Эти лихие, знаменитые игроки и принесли вятской гармонике славу — Сунцов, Пяткин, Столбов, Вараксин, братья Колеватовы. На их музыку отзывалась душа. В их руках звонкоголосая певунья вытворяла чудеса. Демонстрирует свои способности она и сегодня. Наигрыш гармониста Владимира Булычева легкий, задористый. Ноги так и рвутся в пляс. В его игре чувствуется живинка, огонек.

Прогремел по всей вятской земле и наигрыш Владимира Егошина. А благодаря телевизионной передаче Заволокина о нем узнала вся страна. Егошин играет в своей манере — крепко, с хлестким ритмом. Родился он в деревне Филиппово, в многодетной семье. А живет в деревне Шаваржаки. Служил в армии, работал водителем… После окончания Кировской сельхозакадемии стал служить земле. Любовь к гармошке у него с детства. В семь лет он взял ее в руки, и тут же научился играть. Еще раньше попробовал писать стихи. Носителем мудрости, таланта и огромного количества свадебных, рекрутских, обрядовых, величальных песен была бабушка Анна Филипповна. В юные годы и сам Владимир поехал дружкой по свадьбам. Играл на гармошке людям, веселил их, пел частушки. Жизнь пошла веселая, интересная, душевная, потому что рядом всегда был любимый инструмент.

Встреча с Заволокиным подарила Егошину знакомство и дружбу с такими же, как он, подвижниками народной музыки, а также большое количество поездок по стране. По индивидуальности игры, по знанию и исполнению частушек ему нет равных. Коллеги полюбили его за правдивость, строгость, понятливость и самое главное — за смелое содержание частушек. Они обезоруживали самую изысканную аудиторию в самых разных уголках нашей страны.

Среди искусствоведов бытует поверье, что каждый гармонист ревниво относится к успехам своих коллег. Это напраслина. Серебряные звуки гармошки Егора Гаврилова, жителя новгородской деревни Варгусова, покорили сердца многих земляков. Но и любители переборов и залихватских наигрышей признают его верховенство. Для всех новгородцев Гаврилов — признанный гармонист области.

Не от легкой жизни покинул в юности родную деревню гармонист. Ушел на заработки в Ленинград. Трудился и на железной дороге, и сталеваром на Кировском заводе. Все профессии были тяжелые. По ночам снилась малая родина, лес, речка и лучший гармонист деревни Михаил Хомутов, погибший на войне. Выход на пенсию спас сталевара от тоски и ненужности… Он сразу вернулся в деревню. Отстроил дом, украсил его нарядной, пышной деревянной резьбой. Сама собой пришла в руки и гармошка. Он заиграл, и жизнь пошла по-иному — весело, интересно, с пользой для людей.

С детства нравится голос гармошки жителю деревни Колосково, что в Нижегородской области, Николаю Григорьевичу Лебедеву. Как взял в руки залихватский инструмент, так и не выпускал его. И в деревне стало веселее, и девчата почаще смотрели ему вослед. Без него не обходилось ни одно событие в округе. Гармонист был в почете. Его инструмент голосисто разговаривал и на сельских сходах, и на собраниях, и в клубе, и на свадьбе.

С годами Лебедев стал философом. Он играл для крестьян так, чтобы они поняли, какой это нужный, живой и полезный инструмент — русская

гармонь. И сердца слушателей отзывались. Их охватывал озноб от того, что куда-то исчезли их песни, что без них им труднее жить, что кто-то из чиновников от культуры назвал гармошку ненастоящим инструментом, что у нее будто нет полутонов… Вместе со своим гармонистом они поняли, что их сердечная, умная песня просто-напросто попрана, и чтобы ее возродить, надо ее петь в каждое удобное время.

Фронтовик Алексей Васильевич Головлев из города Балашиха Московской области так же, как и Лебедев, считает, что лучшей пропагандой народной музыки является неустанная игра на гармошке. Жизнь подтвердила его правоту. Где бы он ни играл — всюду его ждали снова с музыкой и песней. Он прошел много фронтов, лежал с ранениями в разных госпиталях… Но гармошка помогла ему, водителю полуторки, выжить, разбить врага и познакомиться с великой певицей Клавдией Шульженко. И была та гармошка непростой, а подарком легендарного маршала Жукова. Недавно фронтовик отдал двухрядную хромку в музей — пусть молодежь знает, как этот инструмент вместе с оружием помогал людям одержать победу над фашистами.

Сегодня гармонистов-виртуозов в некоторых регионах можно сосчитать по пальцам, но среди казаков им нет числа. Для доброго казака и песня, и музыка так же дорога, как сабля.

Много каверзных историй на донской земле произошло с казаками-гармонистами. Особенно прославилось ими село Нижнее Казачье. Жил здесь музыкант-самородок Иван Васильевич Чернухин. Играл он на всех инструментах. И любил его народ безумно. За приглашение его на свадьбу бились хозяева самым серьезным образом. Чернухин так здорово играл на гармошке, что слезы сыпались из глаз. Ни один музыкант в округе не дотягивал до его мастерства. Техника его игры была неповторима. Больше всех недовольной популярностью Ивана оказалась жена. Возвращается тот со свадьбы, а она двери дома перед ним закрывает. Однажды такой каприз обернулся для народного любимца трагедией. Пришел он вечером домой, а жена опять тот же фортель выкинула. Постоял у запертой двери Чернухин, вывалил подарки из мешка и пошел веселить деревню песнями. А утром народ нашел его замерзшим в снегу с гармошкой под боком.

Любое самобытное исполнение народных мелодий подтверждает наличие у гармониста сильного характера. Вся жизнь Александра Тихоновича Давыдова, другого жителя села Нижнее Казачье, ушла на то, чтобы открыть в детях талант, помочь им научиться играть на гармошке. От отца-кузнеца он унаследовал любовь к музыке. Тот не только умел играть, но и сам мастерил рояльные гармошки. Более сотни штук их сделал. Каждый его инструмент отличался особым чистым звучанием. Сядет отец на табуретку, закроет глаза, и начинает вызывать гармонь на откровенность… И та тотчас отзывается на позыв хозяина, рассказывает ему про вальс, про кадриль. Теперь учит общению с музыкальными инструментами детей Александр Тихонович. Даже тогда, когда чиновники закрыли его детский ансамбль, он все равно продолжал давать им уроки музыки. Он верил, что если ребенок подружится с гармошкой, то ему всю жизнь будет сопутствовать удача. Кроме того, ему удастся сохранить народные традиции, и он даст слушателям надежду, опору, радость.

Любовь к гармошке коренным образом изменила всю жизнь мальчика из города Сорска, что в республике Хакасия, Дениса Козлова. В его семье не

было профессиональных музыкантов. Но отец играл на гармошке, а мать хорошо пела. Под глубоким впечатлением веселых и грустных наигрышей Денис в шесть лет принял решение поступать учиться в музыкальное училище. Через год он уже осваивал баян. А так как имелись и талантливый педагог, и огромное желание играть, то вскоре для ученика открылась дорога к успеху… В двенадцать лет он уехал из родного города в Новосибирск. Его пригласили туда учиться у известного педагога Ильи Николаевича Романова. Жил он в чужом городе без родителей. Скучал. Переживал. Боролся за жизнь. Волновались за него и родители. И вот в восемнадцать лет он уже побеждает в конкурсах юных дарований, успешно выступает в Испании и Германии.

Открытие в детстве очаровательных звуков гармошки привело его к успеху, призовым местам в зарубежных конкурсах, дипломам. Недавно он удостоен был президентской премии. А знаменитый французский музыкант Морне прислал приглашение учиться в его частной школе.

Так в жизни часто и бывает. Вначале у молодого человека просыпается желание освоить музыкальный инструмент, затем начинается работа над собой, потом музыкальная одаренность перерастает в талант, а уж талант всем дает пусть разные, но реальные возможности счастливой жизни. Важно найти учителя, не пропустить мимо того педагога, который окрылит, поддержит развитие таланта.

Еще очень важно услышать в детстве гармошку. Неважно кто на ней играет — отец или сосед, или случайно встретившийся музыкант. Главное — пусть гармошка заголосит, спустится на перебор, заплачет, подберется к душе. И тогда добро отзывается добром, талант рождает талант.

Скольким людям подарила гармонь счастье в наше нелегкое, недоброе к русской песне время?! Тысячам. И еще раз тысячам — сталеварам, морякам, водителям, крестьянам, писателям, шахтерам. Для них жизнь без гармошки не жизнь. В разных уголках страны слышны наигрыши, частушки и песни: Александра Устьянцева — в Челябинске, Геннадия Лопатина — в Кемерово, Анны Плотниковой — в Ижевске, Виктора Федосова — в Брянске, Александра Юрьева — в Барнауле, Валерия Охапкина — в Северодвинске, Сергея Сметанина — в Архангельске, Василия Иглакова — в Томской области, Ивана Коржуева — в Новгороде, Алексея Ефимова — в Волгоградской области, Ивана Плешивцева — в Челябинске, Валерия Клейко — в Красноярском крае.

Ходит весело по городу Саранску баянист Кудяков и сочиняет для прохожих их психологические портреты. Милиционерам играет про опасную службу, для пьяниц подбирает хмельную тему, а чиновникам дарит гимн. Никто в городе не обижается на «баянную живопись» молодого музыканта. Тихие, сумрачные улицы ожили. На лицах прохожих все чаще сияют улыбки. И самому автору нравится с первого мгновения «рисовать» баяном портреты земляков.

В Самарской области народ окрестил баяниста Виктора Шевцова человеком-оркестром. Такую характеристику слесарь-сантехник из села Красное получил за то, что изготовил электронный баян. На нем он играет все — от классики до джаза. Земляки в восторге и от музыкальных способностей Шевцова, и от самого инструмента — гибрида баяна и синтезатора. Стоит изобретателю заиграть песню о лесе, как зал тут же заполняется голосами птиц, дуновением ветра.

Особый успех выпал на долю жительницы курского поселка Ново-Андросово Людмилы Ивановны Токоловой. Каждый год она устанавливает около своего дома елку и приглашает игрой на гармошке земляков попеть и поплясать. На стихийном празднике разрешается веселиться от души, но запрещено пить спиртное. Когда любительница народных песен заметила, что людям нравится отдыхать под гармошку, она организовала бригаду поющих бабушек. В районе наступила новая жизнь. Коллектив сельских тружениц после прополки свеклы стремится выехать с концертом в деревни и села, развеселить там людей, чтобы им не такой уж трудной казалась жизнь.

Повсюду боготворит русский человек гармошку. И бережет ее как зеницу ока. В ней живет его душа.

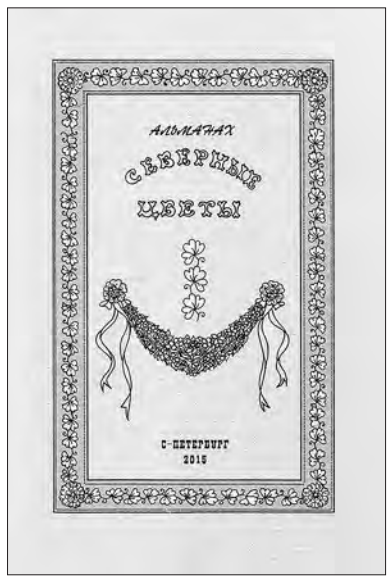
Недавно в Твери народ поставил памятник Теркину-гармонисту. Грандиозное событие прошло без инициативы и помощи чиновников… В подмосковном Орехово-Зуеве заложено основание памятника фронтовой гармони. А в Смоленске уже стоит памятник Теркину, там родина его автора, поэта Александра Твардовского.

ВЫШЛА КНИГА

Северные цветы: Альманах. Выпуск третий. (Приурочен к Году Литературы). Редколлегия: М. Грановский, Я. Драгич, Б. Корнев, А. Петухов, С. Поликарпов, И. Сергеева. Редактор Ирэна Сергеева. — СПб.: ООО «Артек», 2015. — 192 с.

Альманах А. Дельвига «Северные цветы» возобновлен в 1999 году к юбилею А. Пушкина. Опыт оказался удачным. В 2012 г. издан выпуск второй.

В новом выпуске авторы — в основном, члены Союза писателей России, живущие в Петербурге, а также — в Вышнем Волочке, в Старой Ладоге и других замечательных русских городах и весях. Художественная и документальная проза, поэзия, литературоведение, искусствоведение — все жанры проникнуты идеей исторической памяти и возрождения традиций.

Стихи представлены поэтами Петербурга от Т. Агаповой до самого молодого Д. Балина, в том числе — лауреатами литературных премий: В. Голубевым, Б. Орловым, М. Грановским, И. Сергеевой, гостями — Е. Кувшинниковой (Ульяновск), Е. Свидченко (Германия). Проза — рассказы А. Коваленко, Б. Корнева, В. Дурчевой, очерки Т. Семеновой-Глазуновой, И. Сергеевой о храме Св. Николая на Охте и другие материалы.

Особый интерес представляют беседы с художниками Ильей Пивником, Алексеем Кварацхелия, с певцом Андреем Даниловым.

Издано на средства авторов, в том числе, и на средства членов редколлегии. Всю редакционную и подготовительную работу безвозмездно вела и ведет редактор-составитель.

ПРОЗА

Елена ТУЛУШЕВА

ЗВУКИ МУЗЫКИ

Из цикла «Подъезд»

Елена Сергеевна Тулушева — родилась в Москве. Окончила Институт психоанализа и Институт психотерапии и клинической психологии. Работала во Франции и Соединенных Штатах. Старший медицинский психолог в московском реабилитационном центре для подростков. Училась на Высших литературных курсах, участница XIV Международного совещания молодых писателей в Нижнем Новгороде и XIII Международного форума молодых писателей в Липках. Как прозаик дебютировала в 2014 г. в журнале «Наш современник». **Живет в Москве.**

Елена Тулушева пишет строгую, жесткую и притом тонкую, истинно художественную прозу. Ее рассказы оставляют ощущение документальности. Не думаю, что они действительно абсолютно документальны, но настоящий реализм и должен быть достоверным. Реализм призван к тому, чтобы люди поверили: вот так и было на самом деле. В этом его сила, в этом сила и редкий нынче дар Елены Тулушевой.

Она не играет словами, смыслами, интеллектом; не играет в литературу. Она ее создает. Превращает в кристаллики месиво ежедневной жизни, запечатлевает людей с их нехитрыми, но все же особенными, неповторимыми в деталях судьбами…

Роман Сенчин

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА

Мария Васильевна неспешно оделась: натянула спортивные брюки, ветхую блузу, достала калоши, повязала косынку. Дом начинал затихать. Миша бы очень ругался, увидь он ее сейчас в «таких лохмотьях». Но она все рассчитала. Два года бессонницы дали ей достаточно времени, чтобы изучить ритм жизни соседей.

Понедельник. Программа «Время» давно закончилась, собачники возвращались с прогулок — значит, уже начало одиннадцатого. Виктор с третьего этажа вернется не раньше часа. Его смена в автобусном парке до полуночи. Он единственный, кто может пройти мимо нее. Из «неспящих» есть еще молодежь. Они часто подолгу стоят у подъезда, шумно расходясь уже за полночь. Но, во-первых, они откуда-то сверху и

всегда ездят на лифте. А во-вторых, сегодня понедельник. Мария Васильевна давно заметила, что по понедельникам жильцы стараются поскорее прийти домой и больше не выходят. Устают. Подъезд засыпает раньше. Она потому и выбрала понедельник — первый понедельник каждого месяца. Вот, например, в пятницу она бы не рискнула. Подъезд бурлит, гудит, суетится. Всю ночь слышен топот. А зимой эти с верхних этажей вообще так и сидят на лестнице, курят, выпивают и все болтают, болтают. Слышно даже через закрытую дверь.

Когда-то, еще в первый год после переезда, она посоветовалась было с Мишей, не поговорить ли с ребятами, чтобы вели себя потише. Сын разгорячился:

— Это тебе не Гомель! Не надо здесь никого воспитывать! Ты понимаешь, что здесь так не делают?! — Потом заметил ее растерянность и, чуть мягче, добавил, — мам, я тебя прошу. Пожалуйста. У меня и так столько проблем. Не усложняй. Сидят они, лично тебе ведь спать не мешают?

— Да мне-то, Мишенька, не мешают. Я и днем могу прилечь, а остальным каково? У нас и с детьми семьи есть, а на первом этаже пара врачей. Им, бывает, с утра на дежурство. Я же только попросить хотела, чтобы потише…

— Мам, пожалуйста, заканчивай эти свои привычки. Вот ведь, зашел на чай, а в итоге, как попугай, одно и то же тебе объясняю! По какому разу, а ты не слышишь!

— Мишенька, ты извини-извини! — всполошилась она. — Я не буду. Я тебя поняла. Ты поешь, отдохни, а я молча посижу. Извини меня.

Так и не поняв реакцию сына, она все же не решилась поговорить с шумной компанией, хотя и была уверена, что нашла бы нужные слова. Все-таки тридцать пять лет проработала в школе. Почетный гражданин города. Сколько было сложных ребят, непростых семей, но диалог всегда получался.

Она была строгим учителем. За принципиальность и активность директор продвигал ее по партийной линии. «А разве можно было быть не принципиальной, — привычно заговорила она сама с собой. — История — это не литература: двух мнений здесь быть не может. А история компартии в старших классах — тем более. Разве можно тут искать компромиссы? Так не патриотов вырастишь, а предателей. Их ведь, молодых, так легко запутать, так легко увести по ложному пути. Тогда нам, конечно, было проще. Учебники на всю страну одинаковые, программа утвержденная, идея единая. Была система, была логика. А вот как им преподают события 90-х? Ведь и не поймешь, раньше одна страна была… А сейчас, Миша говорит, каждый учитель может выбрать, какую точку зрения преподносить на уроках. Вот и хамят ребята педагогам, потому что чувствуют, что нет у старших единства, нет честных ответов, оттого и уважения у детей к старшим нет».

Она зашла в кухню, по привычке взяла сухую тряпку и протерла раковину. Подставила под кран пластиковую баночку из-под сметаны. Миша чинил кран в прошлом месяце, но тот снова подтекал, и за ночь раковина покрывалась бисером брызг. Вымытая посуда высохла. Она переложила приборы в шкаф, повесила влажное полотенце на батарею и огляделась в поисках чего-нибудь недоделанного. Все чисто. Руки по привычке потя-

нулись к радио. После треска раздались знакомые речи «Политического обозрения». «Тьфу, пропади вы пропадом. Одно и то же мусолят. Лучше бы Радзинского включили. А то вас, лодырей, каждый вечер слушать, а его только по субботам! Ведь какой умничка, как рассказывает… С голосом только не повезло», — она вздохнула, сопереживая писклявому телеведущему.

Мария Васильевна подошла к окну. Со второго этажа проглядывался небольшой участок широкого проспекта. Ей нравилось вечерами смотреть на разноцветные огни автомобилей и яркие витрины. Ночами было красиво, хоть и шумно. А вот днем она старалась в окна не глядеть, особенно засушливым летом. Выцветший на ярком солнце пейзаж навевал уныние: серое шоссе, пыльные тротуары, изможденные жарой люди. Из окон не видно было ни одного дерева. А с прошлого года убрали и газоны. Миша был доволен: «Наконец парковки у вас нормальные сделали, а то, как ни приедешь, один стресс, где бы во дворе прибиться!» Ей было тоскливо наблюдать, как последние зеленые лоскутки — единственные маяки лета, исчезают под серой гладью асфальта. Но если это облегчит сыну приезды в гости, то, что ж, она потерпит. Она потерпит.

В Гомеле вокруг ее окон извивалась виноградная лоза. Летом тени от листьев кружились по кухонному столу, выписывая узоры, как в детском калейдоскопе. Ее маленький огородик, плотно засаженный овощами и малиной, пестрел всеми оттенками зеленого. Летом приезжали внучки, и весь день проходил в готовке. Но когда она возилась у плиты, переворачивая к полднику ароматные пышки, или строчила девочкам кружевные выходные платьица, она, и не глядя в окно, знала, какая картинка снаружи. Каждый куст, каждую вишню соседского огорода, лужайку с ребятней, обрамленную аккуратными сараями, яблоню у общей калитки. Она прожила здесь сорок лет. Они сами с мужем строили этот дом, как и другие пятнадцать семей. Строили долго, добротно, для себя, для детей, для внуков. Два этажа, два подъезда, погреба, огороды, сараи, закрывающие двор от посторонних глаз. Сорок лет ничего не менялось. Только деревья росли все выше, да вьюн расползся от крыши подъезда, укрывая темной зеленью весь фасад дома.

Когда она вышла из квартиры, в подъезде было темно и холодно. Отопление включали только в конце октября. У них в Гомеле в доме была газовая колонка. Тепло и горячая вода каждый день. После переезда сюда, ей казалось странным снова мыться из тазика летом, как в далеком довоенном детстве.

Из-за соседской двери доносились звуки сирены и стрельбы: сосед засел за сериал. Значит, уже одиннадцать. Она тихонько прикрыла дверь, не решаясь захлопнуть. В прошлый раз из-за перегоревшей лампочки она долго не могла попасть ключом в скважину. И чем дольше пыталась, тем сильнее переживала, что кто-то из соседей ее увидит, а потом Мише скажут, и он снова будет ругаться, что она занимается не своим делом и позорит его своим видом. «А в каком, прикажешь, виде выходить? — рассуждала она, натягивая плотные резиновые перчатки. — И потом, ведь я всегда в чистом. А что не новое — так ведь и не на танцплощадку». Она беззвучно переставила к лифту ведро с водой, развернула цветастый, вручную обметанный лоскут ткани, бывший когда-то ее домашним плать-

ем, и беззвучно погрузила его в воду. Отжав тряпку, насколько хватило сил, она поднялась на один лестничный пролет и принялась плавно, одну за другой, мыть ступени. Спустившись к площадке своего этажа, она прополоскала тряпку, с облегчением заметив, что грязи накопилось не так много. В прошлом месяце всю неделю до ее «дежурства» город затапливали ливни, и воду пришлось дважды менять. А это время и силы: на улицу вылить, подняться…

Сейчас было сухо. Дожди ушли, а снег пока ни разу не укрывал столицу. Да и пару недель назад к ним все-таки заглянула уборщица — тучная женщина в грязной сине-оранжевой форменной куртке с обветренным лицом. Убирать должны были раз в месяц, но уборщица приходила, только когда Рая с первого этажа звонила с жалобами в ЖЭК. Мария Васильевна тоже хотела звонить в ЖЭК, но Миша, услышав это, заворчал: «Ну почему тебе всегда больше всех надо, мам?! Какая тебе разница, что там. Ты же не в подъезде живешь, а в своей квартире. Придет время — уберут. Только не вздумай сама мыть — я тебя знаю! Или тем более соседям предлагать — решат, что ты не в себе».

Она и заикнуться не успела о своей идее, а Миша уже запретил! А ведь он и сам наверняка помнил, какой у них в доме был заведен порядок. Каждую неделю одна из квартир мыла оба этажа, график висел у входа. В подъезде всегда было чисто, никому и в голову не приходило плюнуть на лестнице или разрисовать стены. То были *свои*… Раньше ей казалось: *свои* — потому что ровесники, к труду в войну приучены, идеей одной шли, воспитанием общим жили. А их дети уже по инерции включались в правила дома. Но переехав сюда, Мария Васильевна с удивлением обнаружила, что дело не в возрасте. Две старушки с первого этажа ни разу за пять лет не ответили на ее «добрый день!». Притом та самая громкая молодежь здоровалась, даже когда она просила их не курить в подъезде. Ее сверстницы здесь жили поодиночке, ни с кем не общаясь, редко выбираясь из квартиры. Куда уж с ними было завести разговор о дежурстве. А к тем, что помоложе, она и сама с таким предложением не подошла бы: угрюмые по большей части, всегда торопятся, уставшие, раздраженные. Как и ее Миша в последнее время. Совсем другим ведь был.

Пока она вспоминала сына, его шутки, приключения и первые разочарования, она и не заметила, как уже дважды вымыла всю лестничную клетку. Легкий запах соды почти выветрился. Она выпрямилась, кряхтя от боли в спине и ногах. Чисто…

Мария Васильевна сидела на кровати, массируя колени дрожащими руками. Все было вымыто, выстирано, развешано. За стеной давно замолчал телевизор. Наверху сегодня никто не скандалил. Подъезд глубоко спал.

У входа послышались шаги, затем звуки кнопок домофона. Шаги устало зашаркали по ступеням, замерли перед вторым этажом…

Она улыбнулась, представив, как Виктор удивленно смотрит на сияющую чистоту и осторожно, стараясь не наследить, пробирается по краю лестницы домой.

Виктор привычным жестом выгреб из почтового ящика все бумаги и начал разбирать письма. «Опять одни счета! Света белого от вас не видно!» — он раздраженно сплюнул в коробку для листовок и поплелся домой.

ЗВУКИ МУЗЫКИ

— *Вставай, тварь такая!*

Господи, что случилось?

— *Я тебя, мразь, сейчас пришибу!*

На часах 8:05. Откуда доносится рев — не понятно.

— *Школа, твою…, через двадцать минут!*

Школа? Да вроде уже за плечами институт. Кошмарные воспоминания из детства? Вроде такого не было.

— *Ты у меня поспишь! Подняться она не может!*

Послышались сдавленные вопли. Открыв глаза и сообразив, наконец, откуда доносятся крики, Лиза облегченно выдохнула. Недоумевая, она прошлепала на кухню:

— Мам, это что?

— Ты о чем? А, это? — подняла она глаза к потолку. — Это *артист* свою дочь будит в школу. Доброе утро!

— Да уж, доброе… И давно это у них так?

— Года три. Ты просто раньше в будни не приезжала. Как жена его сбежала, так и началось.

Вопли продолжались еще минут пятнадцать. Конфликт, по-видимому, разрешился: в окно Лиза увидела вылетающую из подъезда растрепанную девчонку лет тринадцати с расстегнутым рюкзаком, на ходу натягивающую не по погоде легкую куртку. Со второго этажа ее лица было не разглядеть.

Когда Лиза была маленькая, сверху часто раздавались ритмичные постукивания. Мама говорила, что сосед «бьет чечетку». А теперь, похоже, бьет он свою дочь. Хотя через пару лет она вернет ему все сполна. Раньше Лиза и не видела девочку. На улицу своего ребенка соседи не выводили, но, судя по грохочущим перекатам, разрешали покататься дома на роликах. Однажды Лиза заметила в заоконном пейзаже метаморфозу: крепкий старый каштан побелел. Но не воздушные «свечки» соцветий украсили его: сверху на ветки плавно приземлялись серпантинки туалетной бумаги. Развлекалась соседская дочка. И ведь тогда на нее никто не накричал…

Еще Лиза часто ночами слышала вальсы и симфонии. Все тот же сосед включал классику не очень громко часа в три ночи, полагая, что все уже спят и не проснутся. Музыкальный мужик… Она отхлебнула горячего чая, размышляя, как странно меняются люди. Может, артисты, особенно второстепенные, склонны к деспотизму? Сами живут под диктовку режиссеров, продюсеров и всяческих выжиг, вот и требуется компенсация. Не улучшает характер и бытовая неустроенность — гастроли по райцентрам, нетопленые ДК, гостиничные номера на пять коек, больше смахивающие на обшарпанные комнаты общаги…

Хотя этот еще ничего — сосед сбоку включал музыку днем, да погромче. Даже с годами Лиза так и не научилась понимать, что это: рок, металл или какая-то другая самодеятельность. Отвратительный гортанный рев был сдобрен хаотически размазанными воплями электрогитар и рассыпающимися барабанными дробями. Вживую этого странного типа она видела не чаще, чем соседскую дочку сверху, но его музыку слышала даже через беруши. Безуспешно попыхтев над «домашкой» под ядерный аккомпанемент, Лиза с детской вспыльчивостью усаживалась за пианино и изо всей мочи

вбивала в клавиши бетховенского «Сурка». Сосед должен был испытать на себе всю тяжесть музыкальной мести!

— А рокера нашего что-то не слышно? — она поглощала завтрак, разглядывая унылое утреннее небо.

— Похоронили его летом. Утонул пьяным, царствие небесное. — Мама перекрестилась. — Еще сырников подогреть?

— Судя по его музыкальным вкусам, подземное царствие ему было ближе. Да, еще бы парочку навернула.

— Лиза, ну что за богохульство!

— Да ладно, может, он вообще неверующий был. Да и какая ему теперь разница — вряд ли обидится.

— Лиза!

— Да, мамуль? Слушаю тебя. Очень вкусные сырники, пасибки.

— На здоровье. Ты все-таки в родительском доме. Можно как-то без черного юмора?

— А без юмора в нашем доме никуда, ты же понимаешь. Ладно, пойду шкаф, что ль, разберу, пока время есть.

— Батюшки, что творится! С чего бы это?

— Кхм, я ведь и передумать могу… — она ехидно улыбнулась и пошла, напевая, в комнату.

Дом просыпался. Натужно гудели водопроводные трубы, нетерпеливо скользили стулья, щелкали дверные замки, неуклюже топали лестничные пролеты. Сонный лифт лениво карабкался вверх, чтобы, замерев на мгновенье, выдохнуть вниз.

Ей захотелось посмотреть на этот поток жизни, выплывающий из подъезда. Она забралась на подоконник, сложила по-турецки ноги и оглядела «сцену». Дворник ритмично почесывал дорожку корявой метлой. Торопливые офисники загружали обрюзгшие телеса в машины, ругаясь на узкие проезды. Раздраженная мамочка, собрав остатки выдержки, уговаривала плетущегося рядом недоспавшего малыша.

Двор терпеливо ждал, пока его жильцы отыграют привычные роли и разбегутся, оставив его наслаждаться антрактом до полудня. Жизнь будет кипеть где-то там, на проспекте, а здесь… тишина… до второго действия, в котором вернутся школьники, закопошатся по углам площадки, заполнят смехом подъездные пролеты. Домохозяюшки выплывут с собачонками размером с ладонь. После обеда выползут и мирные пьянчуги — посидеть у площадки. В это время они, еще трезвые, выходят пообщаться. Двор снова оживет. И будет услужливо предоставлять свои подмостки до самой ночи.

Кстати, о пьяницах. В последние годы их почти не видать. Один только и остался местный псих с шестого этажа, сам с собой ругается, уже с утра закупившись алкоголем.

А когда Лиза была маленькая, в пресловутые девяностые, никому не было дела до пьющих. Она вспомнила веселого кукловода из соседнего подъезда. Он иногда приходил к ним в детский сад со своими смешными номерами. А по ночам, хорошенько выпив, декламировал целые поэмы, прохаживаясь вдоль двора. Читал с выражением, громко. Никто его не гонял, не кричал с раздражением из окон. Принимая игру, жильцы припоминали строчки и старались проговорить их раньше хмельного чтеца.

Однажды они пошли с мамой в детский сад, а у соседнего подъезда стоял гроб. Лиза первый раз вживую увидела гроб. В нем лежал кукольник. Сморщенная бабулька сидела рядом на табуретке, поправляя венок. Кукольник был такой нарядный и чистый, лицо его было без щетины, заметно моложе, и улыбалось. Лизе показалось, что он был очень добрым в тот момент. Даже захотелось подойти поближе, но мама резко ускорила шаг, перекрестившись. Потом мама несколько раз переспрашивала Лизу, не плохо ли ей, не испугалась ли она. А чего было бояться — он вон какой лежал радостный. Еще мама как-то сбивчиво и не очень понятно рассказала, что так обычно делают в деревнях: выставляют гроб, чтобы соседи могли проститься. Лиза не поняла, почему только в деревнях, но спрашивать не стала: уж очень мама торопилась и как будто сердилась.

Лиза сидела на подоконнике, перебирая детские воспоминания. Откуда-то издалека послышалась неуверенная мелодия. Спотыкаясь, она никак не могла разлиться вволю. Лиза замерла, прислушиваясь, пытаясь определить, что это. Слабые звуки долетали едва-едва. Видимо, детские ручонки выводили снова и снова воздушную польку. Это была флейта. Волшебная городская дудочка.

НА ПОСЛЕДНЕМ

Ковер бы выкинуть давно… Сколько раз бабушке говорил… Да теперь уж ладно, пусть сама решает. Они наверняка будут рады его новости. Бабушка столько лет спала в кухне, а теперь наконец сможет спокойно вздохнуть. Только отчего ж так тоскливо?

Ему хотелось пройтись по комнате, как в американских фильмах, когда герой прощается с домом, медленно шагая по пустым коридорам, прикасаясь к знакомым стенам… Но весь проход между его разложенным диваном, громоздким письменным столом и шифоньером преодолевался за три неуклюжих шага.

Диван… Когда-то очень дорогой, чешский, пахнувший новизной, доставшийся дедушке каким-то неимоверными усилиями. Теперь, с вытертой красной вельветовой обивкой и выползающим из всех щелей поролоном, он представлял собой унылое зрелище. Никита твердо решил, что уговорит Настю купить кровать. Неважно, что квартира будет съемная. О кровати он мечтал всегда: всю жизнь спал с ощущением, будто это временное место. Этот ритуал, каждый вечер раскладывать и утром снова складывать диван — он напоминал поездку в поезде: скатать матрас, сдать белье… Наверное, как и у всех малышей, у него была когда-то маленькая кроватка. Но сколько он себя помнил, этот диван был неизменным и таким недвижимым, он как будто врос в комнату, со временем даже отказавшись складываться.

Он уговорит Настю, хоть они уже и поссорились из-за кровати. У нее же куча идей, как заполнить пространство, создать «уют». А ему нужно так мало. Ей придется уступить. Теперь он будет решать. Так должно быть. Он мужчина.

Никита заметил, что стучит пальцами по запыленной коробке. Компьютер… За четыре месяца он так и не нашел время, чтобы подключить отчиму ноутбук. А ведь тот пару раз спрашивал, а потом, видимо, застеснялся.

Стало стыдно и совсем тоскливо. Он вспомнил, как они ездили в магазин. Мама, конечно, тоже поехала, такие покупки всегда выбирали вместе, готовясь и обсуждая уже за неделю, а то и две. Никита ощущал на себе сочувствующие взгляды продавцов и злился, когда молодой высокомерный парень демонстративно игнорировал чудаковатую пару и обращался с предложениями только к Никите. А мать с отчимом, как дети, подходили к каждой модели, трогали, читали вслух описание и рекламные брошюры. Им было важно выбрать самим. И Никита молча ждал, не отвечая продавцу.

Когда-то он стеснялся ходить с мамой в магазин: смущала ее болтливость, наивные вопросы, привычка разговаривать с незнакомцами. Продавщицы обычно бывали вежливыми, но ему это казалось лживым. Мать не понимала детского смущения, но на помощь часто приходила бабушка: она находила маме дела по дому, а в магазин с внуком ходила сама.

А потом появился отчим. Точнее, сначала он был просто Славик. Смешной, застенчивый, немного заикающийся. Познакомились с мамой в социальном центре на занятиях. У них оказались одинаковые диагнозы, и они радовались этому так искренне, как будто не сниженный интеллект, а особый мир связывал их.

Никита помнил, как Славик приходил в гости и все говорил, говорил, больше мамы, но при этом постоянно краснея. Никите было лет тринадцать, жизнь кипела, и он не заметил, как Славик стал частым гостем, болтал какую-то ерунду про свадьбу. В «детскую» Славик не входил, иногда подолгу смущенно топчась на пороге. А Никита забавлялся, зная, что тот ждет, что его окликнут, а нет, так и будет стоять, хоть полдня.

Однажды вечером Никита вошел в подъезд и услышал шорохи под лестницей. Привычное дело: там часто болтались ребята или курили семейные мужики. Он уже начал подниматься к лифту, но что-то знакомое уловил в шепоте. Он резко повернулся и заметил мамино пальто.

— Ты чего тут?! — крикнул он.

— Привет, Никит! — мать по-доброму улыбнулась, шагнув к лестнице. Только сейчас он увидел в ее руках розу в дешевом целлофане. — А мы тут со Славой болтаем, — за маминой спиной перетаптывался Славик. Лица не было видно, но Никита и так мог представить его обычное выражение неловкости.

— Совсем сдурели?! — Никита и сам вздрогнул от своего крика. Возмущение, гнев, стыд — все слилось воедино. — Кухни вам не хватает?! На весь дом позориться решили! — перед глазами замелькали картинки, как соседи, поднимаясь к лифту, вежливо отводили глаза. Как мать по своей привычке наверняка с каждым заговаривала. Воображение мгновенно надумало о всеобщем смехе, сплетнях и перешептываниях. Стыд навалился на него, такой огромный и невыносимый, что он впервые заорал на мать, не думая, что кто-то может войти в подъезд. А они стояли растерянные, смущенные, непонимающие. Потом он ухватил мать под руку и потащил к лифту, рявкнув Славику, чтобы валил, пока жив. Тот так и замер внизу, пугливо прижимая мамину сумку.

Никита не помнил, что он орал маме, не помнил, что пытался прокричать бабушке. Он нарочито громко хлопал дверьми в квартире, что-то рвал, выкидывал в окно, потом со злобой тщетно пытался прилепить само-

дельный крючок, чтобы запереться в комнате, хотя к нему и так никто не заходил. Он проснулся за полночь. Заглянул в спальню — бабушка спала. В комнате пахло валерьянкой. Из ванной слышалось журчание. Он открыл дверь. Там была мама. Она сидела на краю ванной и плакала… Его мама, простоватая («Уж лучше бы молчала», — случалось, сердился Никита), но улыбчивая и светлая, никогда не плакала. Или просто он никогда не видел… Что бы ни происходило, она не унывала: улыбалась восторженно или задумчиво, сочувственно или с сожалением, но улыбалась.

Он растерялся, не зная, что делать. А мама сжимала в пальцах сломавшуюся подвядшую розу и плакала.

Даже сейчас, вспоминая ту сцену, ему было все так же горько. И вроде все потом наладилось, со временем он привык к Славику; никто не вспоминал ту вспышку ярости… Но отвратительное щемящее ощущение в горле иногда накатывало. Вот и сейчас он некстати вспомнил этот случай, хотя и так было паршиво. Он знал, как родителям хотелось свой ноутбук, как им важно было «не отставать» от прогресса… Теперь обязательно надо успеть подключить. Только где же выкроить время. Переезд, работа, Настя… Но без него точно не справятся.

— Никит! — в дверь постучали.

— Да, бабуль, чего?

— Никитушка, обед готов. Ты поешь, или подождем маму? Они уже вот-вот должны прийти, — бабушка приоткрыла дверь. — А ты чего такой? У тебя все в порядке? Бледный какой-то — не заболел? — она дотянулась до его лба. — Вроде, прохладный. Работаешь ты много, совсем зеленый стал.

— Да не, все нормально, ба. Я подожду, вместе поедим. — Ему хотелось оттянуть момент разговора, еще какое-то время не слышать их вопросов, не видеть их лиц… — Мусор есть? Выйду, подышу.

Никита вышел на лестничную площадку. Удивительно чисто. Только паутинки у потолка еще с лета. Последний, девятый этаж, чужие сюда не забирались. Он оглядывал знакомые стены, перила с выцарапанным им самим лет в десять «Цой жив». Он тогда и не знал, кто это. Просто видел везде надписи и повторил.

Сколько времени он проводил здесь, откладывая момент возвращения домой, когда нес из школы очередную двойку или весть о пропаже сменки, когда прятал в портфель трофейный, честно выигранный арбалет, который бабушка заставила потом отдать обратно. Он стоял и по детской привычке ковырял ботинком скол плитки у ступеньки. Возле соседней 143-й квартиры узор из уродливых коричневых квадратиков сбивался. Не хватило, видать, цветной плитки, и все залепили белой. В детстве он был уверен, что там, под этим белым куском, находится лаз. Настоящий, секретный. Только нужно встать на нужное место, чтобы он открылся. Он улыбнулся, вспоминая, как пытался «нажать» правой ногой на свой коврик, а левой на соседский — это и была тайная схема. Потом старуха-соседка жаловалась бабушке: «Никита-то ваш об мой коврик ноги вытирает, чтобы ваш не пачкать». А он стоял, вдавливая подбородок в грудь, готовый взять на себя любую вину, но не выдать догадку о потайном лазе. Да и отпираться было глупо — на цветастом коврике развалились фигурные кусочки мартовской грязи с его ботинок.

Лифт поднимался, приближая знакомые голоса. Через пару мгновений двери открылись:

— Никита, привет! А ты чего так рано? — мама поцеловала его в щеку.

— П-п-привет, Ни-и-кит, — отчим протянул красную от холода руку.

— Привет! Да поговорить хотел. Мы с Настей собираемся жить вместе. — Он выпалил это так быстро, что сам не понял, как проговорился. Но в тот же момент стало удивительно легко, как в детстве, когда приходил с плохими новостями, а дома сидели гости, и никто уже ругаться не мог.

— Вот это новость! — мама засияла. — Здорово, Настенька хорошая такая!

— Поз-здр-здравляю! — Славик снова протянул руку.

— Да, спасибо, пока не с чем особо, — Никита был смущен их реакцией и досадовал на себя, что так долго тянул с новостью.

— А бабушке говорил? — мама звонила в дверь, неотрывно глядя на Никиту и улыбаясь.

— Не успел еще, вас ждал.

Бабушка открыла, они зашли в коридор.

— Мам, Никита-то наш женится! — выпалила мама.

— Этого я, между прочим, не говорил. — Никита улыбнулся маминой прямоте.

— Да ладно уж, понятное дело! — мама подмигнула ему. — Настя к нам переезжает, будем все вместе!

Повисло молчание. Бабушка удивленно взглянула на Никиту, который растерялся от маминых слов. Славик стоял у двери, не решаясь пройти дальше, пока все столпились на проходе.

— Это правда, Никитушка? — бабушка прижала руки и расплылась в улыбке. — Ты мой дорогой! А я смотрю: чего такой с утра? Что ж не сказал, думал, родная бабушка не поймет? Да мы все так любим Настю! Давно пора. А то живет с подружкой на съемной квартире, и ей житья нет, и ты, бедный, выдохся туда вечерами ездить. А тут и дом, и все свои, и на всем готовом.

Никита стоял, не зная, как лучше продолжить разговор.

— Да это еще не решено. Может, мы обедать пойдем? — ему было неловко стоять под общими взглядами и улыбками, осознавая, что придется их разочаровать.

— Конечно, идем! — мама сняла пальто и пошла мыть руки. Славик продвинулся вперед и начал старательно пыхтеть над шнурками.

— Это еще не точно, бабуль. Свое жилье все-таки хочется… Может, мы одни…

— Конечно, свое лучше. Эта-то квартира твоя. И комната у вас своя будет. Мы маму со Славиком в «детскую» переселим, а вас в спальню. Кровать купим или диван раскладной? Хотя места там много, чего вам на диване мучиться.

— Да я не знаю, ба, — Никита совсем растерялся, уже не понимая, где его мысли, где Настины, где бабушкины… — Может, снимать лучше…

— Да чем же это лучше?! Сам сказал: свое жилье хочется. Настя что ли хочет?

— Вроде того, — ему снова стало стыдно за вранье, но сказать по-другому не получилось. С другой стороны, это и правда была Настина идея.

Как и сейчас с бабушкой, так и месяц назад в разговоре с Настей он и не заметил, как предложил ей жить вместе. Она что-то говорила про цветовые сочетания в доме, он как-то невнятно пошутил… и тут она вдруг расплакалась, что ему на нее плевать, и он и не любит ее вовсе, раз за два года не предложил жить вместе… Ни с чего как давай рыдать. Он и предложил. Потом они сразу помирились, и он удивлялся, почему раньше сам не додумался, ведь это так просто и логично — жить со своей девушкой вместе… — Мы пока еще не решили, бабуль. Снимать квартиру сейчас легко, можно найти недорого и к работе поближе.

— Ох, натаскались мы с дедом по казармам и съемным квартирам! И уж бывало и комната хорошая, и соседи замечательные, и жили дружно… но ничего не сравнится со своим жильем. Здесь каждый угол твой. Тепло хранит, воспоминания, и все здесь так, как хочется именно тебе. А в съемной квартире каждый шаг обдумай, даже стены пахнут чем-то чужим, лишний раз гвоздь не прибьешь — разрешение спрашивать нужно. А ведь это, Никитушка, очень важно, когда можешь сам решать. А что Настя хочет, так ей так и так вдали от своих жить. Но она просто пока не понимает: на тебя и приготовить, и постирать, и погладить, а она сама работает и учится вечерами. Когда все успевать будет? Вот и начнется у вас ругань. А тут еще и квартира съемная.

— Ну, это мы еще не решили. Мы пока обсуждаем…

— А чего обсуждать, если здесь твой дом. Все-таки мужчина должен решать, а ей придется и уступать иногда. Так она и строится — семья-то. — Бабушка принесла маме полотенце. — Ну, пойдемте обедать! Теперь столько всего надо обдумать! Славик, что ты все мнешься у двери, разделся, так иди за стол.

Славик неуклюже протиснулся за женщинами на кухню. Никита рассеянно захлопнул входную дверь и осмотрелся. Из его комнаты выглядывал край дивана с уютно свисающим пледом. Он остановился на пороге, пытаясь понять, что теперь делать.

ДЕБЮТ

Анна ЕГОРОВА
Елена ЛАПКО

ИСПРАВЛЕННОЕ — КРАСНЫМ

В год 250-летия со дня рождения Н. М. Карамзина редакция журнала «Родная Ладога» и Факультет международной журналистики МГИМО объявили конкурс на лучший материал о выдающемся историке, писателе, журналисте. Мы предлагаем вниманию наших читателей статьи молодых авторов-студентов, ставших победителями этого конкурса.

Москва, 2016 год

Кто такой Николай Михайлович Карамзин? Сколько бы нам, студентам, о нем ни рассказывали, и сколько бы работ мы ни писали, все равно первое, что приходит в голову при упоминании имени Карамзина, это «История государства Российского» и «Бедная Лиза». С одной стороны, когда ты толком не знаешь ничего о человеке, о котором предстоит написать репортаж, это беда, потому что непонятно, с чего вообще нужно начать. Но с другой стороны, это великолепная возможность начать с чего угодно! Открываю Интернет и вбиваю в строке поиска запрос «Н.М. Карамзин». Нет, вы не подумайте, я не буду цитировать Википедию и выдавать мысли современников за

Анна Владимировна Егорова — родилась 16 января 1996 г. в городе Чудово Новгородской области. В 2000 г. переехала в Москву, экстерном окончила среднюю школу № 26, поступила в МГИМО. Сейчас учится на втором курсе факультета Международной журналистики по направлению «Реклама и связи с общественностью». В 2016 г. приняла участие в качестве корреспондента в проекте «Медиаполигон: 24 — Ереван», организованном журналом «Русский репортер».

свои. Мне всего-то нужно узнать один какой-нибудь интересный факт из жизни, который станет главным отправным пунктом. Итак, первая ссылка, читаю: «Николай Михайлович Карамзин родился 1 (12) декабря 1766 года в Симбирске…».

«Уважаемые пассажиры, наш поезд прибывает на станцию Ульяновск-Центральный. Спасибо, что…», недослушав объявление, я вылетаю из вагона и направляюсь к выходу. Что меня ждет здесь? С чего начать? Куда идти и с кем поговорить? Это только малая часть вопросов, которые не дают мне покоя с момента приезда в город Симбирск, ныне Ульяновск. Эмоции от 14-часовой поездки в плацкарте постепенно утихают, разум проясняется, и ответ на вопрос «Куда идти?» теперь очевиден. Где в незнакомом городе можно найти всю информацию о его истории и его жителях?

— Извините, пожалуйста, не подскажите, как пройти в библиотеку? — спрашиваю я у продавщицы лотерейных билетов на привокзальной площади.

— Ой, деточка, это совсем недалеко. Сейчас выходишь с площади и идешь прямо-прямо, пока не упрешься в церковь. Там и найдешь библиотеку.

— Спасибо!

Следуя указаниям, я направляюсь к библиотеке. Или к церкви? В общем, куда-нибудь я дойду точно. Издалека переливаются на солнце золотые купола, я подхожу и не обнаруживаю здесь ничего, кроме церкви и пары-тройки прилегающих деревянных построек. А где, собственно, сама библиотека?

— Извините, а мне сказали, что где-то здесь есть библиотека. Понимаете, я пишу репортаж о Карамзине, и…

— Послушайте, мне некогда, и о вашем Карамзине я знать не знаю, — буркнула мне в ответ служительница церкви. Не такого начала я ожидала, прямо скажем.

Коль уж меня все-таки направили сюда, надо хотя бы узнать, что это за место, что за церковь, может быть, позже что-нибудь интересное выяснится. Итак, я стою на пороге храма Благовещения Пресвятой Богородицы. На табличке при входе написано, что «это памятник архитектуры XX века, который был перенесен на сегодняшнее свое место из усадьбы Карамзиных Майнского района Симбирской губернии». Стоп! А вот и Карамзин! Значит, не зря продавщица лотерейных билетов отправила меня сюда. Но, к сожалению, никакой дополнительной информации о герое репортажа, кроме этой таблички, здесь мне найти не удалось, но добрые люди дали мне точный адрес областной библиотеки, куда я и планировала попасть в Ульяновске. Еще дома, в Москве, накануне отъезда я прочитала, что при областной библиотеке есть общественная библиотека имени Н. М. Карамзина, где хранится большое количество рукописей историографа.

Так как времени до отправления вечернего поезда Ульяновск — Москва у меня еще достаточно много, я решила не лишать себя удовольствия прогуляться по городу. Ульяновск буквально дышит Карамзиным. На фасадах зданий красуются огромные баннеры и многочисленные плакаты с его портретами. Всюду расклеены афиши постановки «Бедная Лиза» и анонсы литературных вечеров, посвященных творчеству Карамзина — ученого и писателя.

Сквозь всю эту красоту я наконец-то добираюсь до Ульяновской областной библиотеки. Внутри тишина и пустота. Ну кому вздумается идти в библиотеку в Прощеное воскресенье, когда на главной площади города

развернулись масленичные гуляния? Пока куратор библиотеки выписывает мне одноразовый читательский билет, я внимательно изучаю справочную информацию на стендах и обнаруживаю, что сегодня общественная библиотека и музей редкой книги Н. М. Карамзина закрыты для посещения. Почему бы и нет? Воскресенье. И потом, нельзя, чтобы все было слишком просто, чтобы все нужные двери были открыты. Я получаю пропуск и читательский билет и поднимаюсь в краеведческий отдел.

— Добрый день, вы не могли бы мне помочь? Мне сказали, что здесь я могу найти информацию о Николае Михайловиче Карамзине для моего репортажа, и я хотела бы…

— Да, конечно, мы как раз Вас ждем! Девушка, присаживайтесь, сейчас мы вам все покажем и поможем. Нам только что позвонила куратор снизу и все о вас рассказала.

С этими словами молодая сотрудница отдела убегает куда-то в подсобное помещение и буквально через пару минут возвращается с длинными деревянными ящичками, заполненными какими-то карточками. Я внимательно изучаю принесенную мне картотеку и понимаю, что лучшего места для поиска информации о жизни и творчестве Николая Михайловича Карамзина и быть не может. Здесь есть все: биография, информация о родственниках, воспоминания современников, записи из дневников и переписка с друзьями. Но из всего этого многообразия я выбрала один конкретный раздел «Н. М. Карамзин, Симбирск и Симбирская губерния». Моей самой большой находкой среди всех изданий, что мне предоставили, стала книга «Симбирский юбилей Николая Михайловича Карамзина». Почему именно эта книга? Во-первых, один ее внешний вид чего стоит: старая, с выгоревшими страницами, часть из которых чем-то залита, а другая часть — с огромным количеством пометок на полях. Будь у меня чуть больше времени, я бы с удовольствием занялась расшифровкой всех подписей, надписей и других таинственных знаков.

Во-вторых, эта книга была издана в 1867 году в честь 100-летнего юбилея Н. М. Карамзина и представляет собой сборник отдельных статей, написанных разными авторами. На этот сборник ссылаются многие современники Карамзина: тут можно найти материал как о Карамзине-историке, так и о Карамзине-писателе, и даже о маленьком мальчике Николе — воспитаннике частного пансиона. Одна из первых статей «Детство и первые впечатления в симбирской деревне». Автор статьи подчеркивает, что вся приволжская страна, начиная с Казани, может считать Карамзина своим земляком. Дело в том, что село Карамзино Симбирской губернии было гнездом дворянского рода Карамзиных, но «*литературный представитель этого рода родился не в Карамзине, а в селе Михайловском, нынешней Самарской губернии, Бузулуцкого уезда. В эпоху рождения историографа деревня, где он родился, по тогдашнему административному делению принадлежала к Самарскому уезду, симбирской провинции, Казанской губернии и Астраханской епархии*». Интересно, правда? Хочу заметить, пока я готовилась к моему путешествию, я прочитала очень много материала по теме, но этой информации мне не дал ни один современник Карамзина.

Еще одним ценным источником информации для меня стал архив выпусков газеты «Ульяновская правда» за период с января по март 2010-й. Если бы не система карточек, которая ускоряет и упрощает поиск нужной информации, я бы, наверное, до вечера просидела, склонившись над неве-

роятных размеров подшивкой газет. Итак, в выпуске от 19 февраля 2010 года есть статья, посвященная предстоящему юбилею Николая Михайловича Карамзина, который должен стать для жителей Ульяновска не просто однодневным событием: 2016 год объявлен годом Карамзина. Согласно статье в 2010 году начались масштабные приготовления к предстоящим мероприятиям: открытие музея редкой книги на базе Ульяновской общественной библиотеки, организация выставки, посвященной истории памятника Карамзину, проведение литературных вечеров и чтений в школах и многое другое. Пока я шла к библиотеке, я смогла убедиться в том, что многое из запланированного уже выполнено, и мероприятия «предстоящие» превратились в «успешно прошедшие». В выпуске «Ульяновской правды» от ноября 2015 года говорится о выставке, посвященной истории памятника Николаю Михайловичу Карамзину, развернутой на базе Симбирской гимназии № 1.

Туда я и направляюсь.

Экспозиция оформлена на первом этаже гимназии, во дворе которой установлен и сам памятник Карамзину. «Во дворе» — это, конечно, смело и громко сказано; я имею в виду Карамзинский сквер в двух шагах от здания гимназии. Выставка представляет собой десятки информационных стендов, которые можно разделить на две большие группы. Первые несколько стендов рассказывают нам о жизни Николая Михайловича, о его вкладе в развитие русского языка и истории, о его связи с Симбирским краем. Далее идут стенды, на которых в хронологическом порядке размещена информация об истории установления памятника, начиная с указа Его Величества Государя Императора и заканчивая нашим временем. Тут собраны оригиналы первых эскизов автора памятника Самуила Ивановича Гальберга. Здесь также можно найти и детальный разбор каждого барельефа с объяснением смысла, который вкладывался при его создании. Меня особенно поразила смета сооружения памятника. Общая стоимость всех работ исчислялась суммой в 105 800 рублей. Однако обществу памятник обошелся дешевле, так как 550 пудов меди казна дала бесплатно, что позволило снизить стоимость до 91 800 рублей. Даже если перевести эту сумму по сегодняшнему курсу, полученный результат не сможет показать, насколько сильно симбиряне гордятся своим земляком.

Егорова Анна

Святилище русской истории

Для многих весна — то самое время, когда пора выбираться из суетливой и вечно куда-то спешащей Москвы туда, где жизнь

Елена Юрьевна Лапко — родилась в 1996 г. в Минске, республика Беларусь. Студентка второго курса отделения связей с общественностью факультета международной журналистики МГИМО. В 2014 г. окончила школу с золотой медалью. Интересуется журналистикой и изучает 3 иностранных языка: французский, испанский английский. Много путешествует, играет на гитаре и увлекается велоспортом.

течет размеренно, а люди останавливаются, чтобы полюбоваться красками, которые дарят первые лучи весеннего солнца. Вот и мы решили провести первые выходные марта месяца подальше от города и отправились не куда-нибудь, а в знаменитую Усадьбу Вяземских — Остафьево, которую сегодня именуют «Русским Парнасом». Очаровательное историческое место, где в течение двенадцати лет писал одну из самых значимых книг русской культуры — «Историю государства Российского» — наш замечательный историограф, писатель, издатель и журналист Николай Михайлович Карамзин.

А началось наше путешествие, разумеется, с вокзала. Зайцем в незнакомое место не поедешь (а экономные студенты это любят), поэтому нам пришлось купить билеты. Пирожки и чай в термосе тоже взять не забыли — едем на весь день все-таки. Усевшись рано утром в электричку «Курская — Щербинка», начали с Мариной разговор о Карамзине. — «Представляешь, оказывается он жил в Остафьево целых двенадцать лет! Сам Александр I назначил его на должность историографа. Не зря говорят, что это было настоящее "пострижение в историки" — столько лет кропотливой работы. Восемь томов написал за это время, а Интернета-то у него не было! — не без восхищения заявляет Марина. — «Интернета, может, и не было, зато у него было право неограниченно пользоваться книгами и рукописями государственных архивов, которые ему привозили. Он даже получал материалы из зарубежных хранилищ. А ведь это дорогого стоит!» — гордо замечаю я.

Дорога не заняла много времени, и уже через сорок минут, покинув родную Москву, мы были в Щербинке. Небольшой подмосковный городок, ничем не примечательный, и в котором мы вряд ли когда-нибудь очутились, если бы не драгоценная для нашей истории усадьба. Сели в автобус № 1045, и еще через 10 минут кондуктор, по нашей просьбе, прокричала из другого конца автобуса, что нам пора выходить.

«Ну, наконец-то, добрались!» — говорю я и улыбаюсь, видя, как Марина уже мчится к входу.

За огромными оцинкованными воротами отчетливо вырисовывается усадебный дом белоснежного цвета. Выполненный в стиле русского классицизма, он стоит на берегу старинного озера-запруды. Восхитительные колоннады и парадная терраса с балюстрадой создают торжественную атмосферу. «Волшебно! — невольно вырывается у меня. — Ведь это настоящий дворец! Неудивительно, что Карамзин отказывался в летнее время от столицы и работал здесь». Первые визиты Николая Михайловича в Остафьево состоялись на рубеже XVIII—XIX веков. Его, известного в то время литератора и издателя популярных журналов, связывали с хозяином усадьбы, князем Андреем Ивановичем Вяземским, знатным вельможей при екатерининском дворе, общие интересы, а позже уже родственные узы. В 1804 году Карамзин, оправившись от смерти первой супруги, женился на старшей внебрачной дочери князя Екатерине Андреевне Колывановой. С ней писатель был по-настоящему счастлив, потому как она стала для него не только преданной спутницей, матерью его дочери от первого брака и общих восьмерых детей, но и помощницей в работе. Не зря говорят, что в семье мужчина — голова, а женщина — шея. Именно так и было у Карамзиных — супруга всегда поддерживала Николая Михайловича.

Проходим через рельефные ворота и по правую сторону удивленно замечаем большую стаю уток, которые плавают и свободно разгуливают возле оттаявшего круга воды. Похоже, что ее подогревают здесь специально, чтобы приютить крякающих гостей. Озеро еще покрыто льдом и снегом, что очень сочетается с белоснежным дворцом. Сделав несколько фотографий местного пейзажа и, конечно же, уток, отправляемся разглядывать усадебный дом. «Смотри, — окликает меня Марина, — ведь это те самые два карамзинских дуба, которые высадили в память о нем. Им сейчас, должно быть, около 170 лет!». И действительно, дубы невероятных размеров. «Я читала, что по символике двадцатого века дубы, растущие у входа в дом, обозначают гостеприимство, — замечаю в свою очередь я. — В Остафьево в честь Карамзина названа еще и березовая роща, по которой писатель любил гулять каждое утро, перед тем как сесть за работу».

Огибаем дворец, встречая по пути детишек с родителями, которые прогуливаются и любуются местными видами, поднимаемся и спускаемся по лестнице, и вот — мы уже у той самой аллеи, которая, по легенде, и стала решающим фактором при выборе усадьбы, так как очень понравилась князю Андрею Ивановичу Вяземскому. Мысленно обещаем себе вернуться сюда летом, потому что листва лип еще не успела ожить после зимних холодов, а нам так хочется послушать летний теплый шелест, прогуливаясь по аллее, как в свое время гулял по ней Карамзин. Откладываем прогулку, для того чтобы взглянуть на памятник, установленный в 1911 году в память о Николае Михайловиче. На его пьедестале помещена отлитая в бронзе композиция из семи законченных в Остафьево томов, свитка (символизирующего восьмой неоконченный том), пера и чернильницы. «А почему указаны даты 1811–1911?» — спрашивает меня Марина. «Насколько я помню, установка памятника была приурочена к столетию написания записки “О Древней и новой России в ее гражданском и политическом отношениях”, которую заказал у Карамзина сам Александр I», — вспомнив, что ее Карамзин тоже написал в Усадьбе, отвечаю я.

Распугивая голубок, гуляющих возле памятника, осматриваем противоположную грань постамента, где приведены карамзинские строки из письма к дворянину Н. И. Кривцову от июля 1819 года. Я зачитываю вслух слова, которые служат лучшим подтверждением того, что годы, проведенные здесь, оставили в душе великого историка глубокий след: «Остафьево достопамятно для моего сердца: мы там наслаждались всею приятностию жизни, не мало и грустили; там текли средние, едва ли не лучшие лета моего века, посвященные семейству, трудам и чувствам общего доброжелательства в тишине страстей мятежных…».

Указываю Марине на окна карамзинского кабинета, и мы вместе представляем, как историк долгими часами просиживал там над своими рукописями, иногда украдкой поглядывая в окно. В семье Вяземских сохранилось воспоминание о желании Николая Михайловича, когда он заживет своим домом, поставить напротив окон своего кабинета памятник писателю Вальтеру Скотту в знак благодарности за удовольствие, полученное от прочтения его романов. У князя Петра Павловича Вяземского возникла идея установки памятника самому историку напротив окна его кабинета. И вот последний владелец усадьбы граф С. Д. Шереметьев торжественно открыл этот памятник.

Пройдя липовую аллею, по которой любил прогуливаться не менее дорогой нашей литературе писатель — А. С. Пушкин, мы наткнулись и на его памятник. Известно, что Александр Сергеевич был желанным гостем в доме Вяземских и не раз наведывался в Остафьево. По одному из преданий именно Пушкин дал название липовой аллее «Русский Парнас», как позже стали называть и всю усадьбу. Для писателя эта Усадьба была «святилищем русской истории», местом, где жил и работал Карамзин, признанный лидер и кумир того литературного круга, к которому принадлежал Пушкин. «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. История государства Российского есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Карамзин есть первый наш историк и последний летописец», — вот как оценивал работу великого историографа гениальный писатель.

Вдоволь нагулявшись и ощутив загадочную и творческую атмосферу «Русского Парнаса», которая так вдохновляла Карамзина, мы отправились на встречу с работницей музея, которая обещала провести нам небольшую экскурсию по дворцу и рассказать о периоде в жизни Николая Михайловича, проведенном в Остафьево.

К нашему приятному удивлению, Анастасия Вадимовна, любезно согласившаяся быть нашим экскурсоводом, оказалась очень молодой. Нам удалось быстро найти общий язык, и уже скоро мы не переставали задавать любопытные вопросы, на каждый из которых она находила ответ.

Дойдя до зала, посвященного Карамзину, мы окунаемся в жизнь и творчество писателя. Витрины выставки заполнены портретами историка и близких ему людей. Представлены даже первые тома «Истории…» и рукописи Николая Михайловича: почерк совсем неразборчивый, как и у многих гениальных людей. С любопытством разглядываем «Московский журнал» и «Детское чтение» — подтверждение тому, что Карамзин проявил себя и на журналистском поприще, с которым мы только начинаем знакомиться.

Дав нам оглядеться, наш экскурсовод начинает свой интересный рассказ:

— Внебрачная дочь князя Екатерина Колыванова стала достойной партией для тогда уже известного, но бедного писателя Николая Карамзина. Вышли в свет тогда его «Бедная Лиза» и «Наталья, боярская дочь». Их брак был более чем удачен. Они вместе прожили 22 года, у них было восемь детей, и первые 12 лет своей совместной жизни они провели в Остафьевском доме. Когда дом был закончен в 1804 году, в распоряжение молодых были отданы комнаты на втором этаже в западном крыле.

— А когда Карамзин получил титул историографа? — интересуюсь у нее я.

— В 1803 году он получил этот титул от Александра I и здесь начал свой главный жизненный труд «Историю государства Российского». Первые восемь томов из двенадцати он закончил в Усадьбе. Говорили, что Карамзин был настолько поглощен историей, что ни о чем не мог ни думать, ни говорить, кроме предмета своих занятий. Он осознавал, что ему предстоит много лет кропотливой работы.

— А вы не могли бы нам рассказать о том, как проходил день Николая Михайловича? — спрашивает Марина.

— Домашние называли Карамзина «Остафьевским затворником». По их воспоминаниям, он вставал очень рано, отправлялся на пешую или кон-

ную прогулку. Любимым его местом была березовая роща, которую впоследствии стали называть Карамзинской. Затем он возвращался, завтракал, выкуривал трубку турецкого табаку и уже до трех-четырех часов дня не выходил из своего кабинета. Все его утро было отдано истории. Этот порядок соблюдался очень строго, потому что писатель берег свое здоровье и наблюдал за ним, как за орудием, необходимым для беспрепятственного и свободного труда. Нельзя не отметить, что главной помощницей писателя была его супруга, Екатерина Андреевна. Почерк его был настолько неразборчив, что его понимала только она. И именно по ее рукописям отпечатывались первые тома «Истории…».

— А когда Карамзины покинули Усадьбу и почему?

— В 1816 году, для того чтобы отпечатать труды Николая Михайловича, Карамзины покидают этот дом и отправляются в Петербург.

Взглянув на старинные тома с потемневшими страницами, я задаю нашей проводнице очередной вопрос:

— А как общество отреагировало на публикацию первых томов «Истории государства Российского»?

— Александр Сергеевич Пушкин, который «Историю…» очень ценил, писал, что все, даже светские дамы, бросились читать историю своего Отечества, дотоле им неизвестную. Она наделала много шуму и произвела сильное впечатление: весь первый тираж в три тысячи экземпляров был раскуплен менее чем за месяц. Многие утверждали, что «Карамзин открыл для нас Россию, как когда-то Колумб открыл Америку», — цитирует нам Анастасия Вадимовна.

По словам нашей проводницы, карамзинскую комнату, которую прозвали «святилищем русской истории», поскольку там располагался кабинет выдающегося историка России, должны будут открыть в сентябре к 250-летию со дня рождения Николая Михайловича. За неимением возможности осмотреть его кабинет, Анастасия Вадимовна любезно согласилась его описать, показав предметы и мебель из кабинета, представленные на выставке.

— После отъезда семьи Карамзиных в комнате долгое время хранились рукописи и книги с его пометками, разложенные на письменном столе. Стены украшали принадлежавшие ему полотна: «Слава Александра I» и «Слава Кутузова». Позднее сюда из Петербурга привезли кровать Карамзина, на которой он скончался в 1862 году, а также его полосатый жилет, сшитый для поездки в Италию, которой не суждено было состояться.

Словно сквозь дымку времен, нам удалось увидеть камины, кованые люстры, зеркала и картины, которыми сейчас любуются в лучших музеях Москвы и Петербурга. В такой гостиной любили засиживаться Николай Михайлович Карамзин с Андреем Павловичем Вяземским, где вечерами историк зачитывал отрывки из своих трудов. Сохранились даже предметы того периода — диван и бюро, к которым так и тянуло прикоснуться.

— А какие мероприятия запланированы в Усадьбе к 250-летию со дня рождения Карамзина? — спрашиваю я, чувствуя, что наша прогулка по музею подходит к концу.

— Во-первых, будет проходить праздник Карамзина и различные чтения с семинарами для научных работников. В первое воскресенье сентября будет открыта карамзинская комната. И вот сейчас уже пишутся новые экскурсии, посвященные более глубокому изучению его вклада в русскую

историю и литературу и жизни в Остафьево. Будет очень интересно, приезжайте!

Поблагодарив нашу проводницу за подробный и насыщенный фактами рассказ о том, кто, по словам В. О. Ключевского, «помог русским людям лучше понимать свое прошлое и заставил их любить его», мы вскоре вышли за ограду усадьбы, пытаясь осмыслить полученные знания и ощущения.

Удовлетворенные проделанной работой, мы снова уселись в электричку, которая через 40 минут доставит нас обратно в Москву. Услышав знакомое: «Осторожно, двери закрываются!», вынули из сумок печенье и термосы с чаем и, не обращая внимания на любопытного попутчика, снова принялись с Мариной беседовать о Карамзине.

Елена Лапко

Вышла книга

Кривоносов М. М., Манягин В. Г.

История гражданского общества России от Рюрика до наших дней. М.: Книжный мир, 2015, 448 с.

Книга, выпущенная недавно издательством «Книжный мир», вероятно, первый в нашей стране опыт осмысления взаимоотношений народа и власти в России на всем более чем тысячелетнем протяжении летописной русской истории от призвания князя Рюрика и до нынешних дней.

И для авторов этот труд – первый большой опыт теоретической работы такого плана, хотя в сфере общественной деятельности они имеют немалую практику: Михаил Кривоносов – основатель и председатель Общественной палаты г. Александрова, известный далеко за пределами Владимирской области общественный деятель и публицист; Вячеслав Манягин в 2000-е годы был одним из лидеров Московского отделения международного ОД «За право жить без ИНН», основной задачей которого было противостояние западной глобализации на территории бывшего СССР. Результатом совместной работы М. Кривоносова и В. Манягина стал подробный экскурс в историю гражданского общества России на разных этапах ее социально-политического развития: вечевой строй, эпоха Земских соборов, проблемы, порожденные половинчатостью и запаздыванием так называемых Великих реформ второй половины XIX в. и, наконец, отвергнутая компартией возможность построения реального народовластия в СССР.

Авторами высказаны ряд оригинальных концепций, в том числе и об ошибочности принятой ныне периодизации русской истории, когда древний период продолжается вплоть до XVIII века. Напротив, уверены авторы, Россия, как и другие европейские страны, вошла уже в XVI в. в эпоху Нового времени, и ее развитие пошло по капиталистическому пути, прерванному на взлете реакционной политикой династии Романовых. Наверняка заинтересует читателя и утверждение о том, что в Советском Союзе был построен не социализм, а государственный капитализм.

Авторы с сожалением констатируют паралич современной общественной мысли, ее неспособность дать адекватные определения таких понятий как «гражданское общество», и предлагают свои формулировки.

И, конечно, заслуживают внимания высказанные в книге предложения о практических путях построения в России гражданского общества как системы легитимного взаимодействия общества и власти.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:

Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 242 42 46 rodnaya.ladoga@gmail.com

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	zoreana@mail.ru
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетиляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Республика Саха (г. Якутск)	Москвитин Сергей Владимирович	+7-924-872-79-66	sergej-moskvitin@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская)*

Московское представительство:
тел./факс: +7 (499) 242 42 46

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
http://rodnayaladoga.ru
http://роднаяладога.рф

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 01.07.2016 г. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1606217.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.